

Николай Стариков

★

**РАЗГАДКА
«РУССКОЙ»
РЕВОЛЮЦИИ**

 ПИТЕР®

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2012

Стариков Николай Викторович

1917. Разгадка «русской» революции

Заведующая редакцией
Руководитель проекта
Ведущий редактор
Художник
Корректоры
Верстка

М. Трофимова
М. Трофимова
Е. Власова
С. Маликова
С. Беляева, Н. Викторова
Л. Егорова

ББК 63.3(2)6
УДК 94(47)

Стариков Н.

С77 1917. Разгадка «русской» революции. — СПб.: Питер, 2012. — 416 с.: ил.

ISBN 978-5-459-01032-9

Гибель Российской империи в 1917 году не была случайностью, как не случайно распался и Советский Союз. В обоих случаях мощная внешняя сила инициировала распад России, используя подлецов и дураков, которые за деньги или красивые обещания в итоге разрушили свою собственную страну.

История этой величайшей катастрофы до сих пор во многом загадочна, и вопросов здесь куда больше, чем ответов. Германия, на которую до сих пор возлагают вину, была не более чем орудием, а потом точно так же стала жертвой уже своей революции. Февраль 1917-го — это начало русской катастрофы XX века, последствия которой были преодолены слишком дорогой ценой. Но когда мы забыли, как геополитические враги России разрушили нашу страну, — ситуация распада и хаоса повторилась вновь. И в том и в другом случае эта сила прикрывалась фальшивыми одеждами «союзнчества» и «общечеловеческих ценностей». Вот и сегодня их «идейные» потомки, обильно финансируемые из-за рубежа, вновь готовы спровоцировать в России революцию.

Из книги вы узнаете: почему Николай II и его брат так легко отреклись от трона? кто и как организовал проезд Ленина в «пломбированном» вагоне в Россию? зачем английский разведчик Освальд Рейнер сделал «контрольный выстрел» в лоб Григорию Распутину? почему германский Генштаб даже не подозревал, что у него есть шпион по фамилии Ульянов? зачем Временное правительство оплатило проезд на родину революционерам, которые ехали его свергать? почему Александр Керенский вместо борьбы с большевиками играл с ними в поддавки и старался передать власть Ленину?

Керенский = Горбачев = Ельцин = ...? Довольно!

Никогда больше в России не должна случиться революция!

ISBN 978-5-459-01032-9

© ООО Издательство «Питер», 2012

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ООО «Мир книг», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, 73, лит. А29.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Подписано в печать 02.08.11. Формат 60х90/16. Усл. п. л. 26,000. Тираж 5000. Заказ

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ЗАО «ИПК Парето-Принт». Тверь, www.pareto-print.ru.

Оглавление

От автора	4
Глава 1. Темный момент в истории русской революции	5
Глава 2. Ложь и обман как движущие силы Февральской революции	42
Глава 3. Как Временное правительство Россию за восемь месяцев развалило	76
Глава 4. Почему германское командование не знало, что у него есть шпион по фамилии Ульянов	117
Глава 5. Почему «пломбированный» вагон с Лениным так медленно спешил, или Зачем французы обвешивали свои танки бочками с бензином	155
Глава 6. Кто и зачем убил Григория Распутина?	196
Глава 7. Как Александр Керенский с Владимиром Лениным в поддавки играл	239
Глава 8. Зачем Александр Федорович Керенский предал и обманул генерала Корнилова	276
Глава 9. Почему Ленин так торопился взять власть	327
Приложение 1. Кто организовал Первую мировую?	357
Приложение 2. Хронология разжигания Первой мировой войны	406
Библиография	413

От автора

Февраль и Октябрь 1917 года.

Это части одного целого.

Это пули, выпущенные из одного оружия.

Это ступени одной лестницы, ведущие к крушению России.

До сих пор нет ответов на множество вопросов.

До сих пор неясно, как случилось то, что не должно было случиться.

И по сегодняшний день Россия не пришла в себя окончательно от потрясений тех дней.

Ведь и распад СССР в 1991 году является прямым следствием 1917 года.

Мы не узнали правды о тех днях.

Мы не осознали, как и почему рухнуло наше государство — Российская империя.

Мы не усвоили уроков Февраля и Октября.

И катастрофа вновь повторилась, пусть не так кроваво, пусть в щадящем варианте.

А сегодня опять раздаются призывы к решению российских проблем путем революции.

Трагедии забыты, уроки не выучены, жертвы замалчиваются.

Революция — это не радостные демонстранты и не рухнувший «режим».

Революция — это миллионы жертв, это голод и болезни. Это гражданская война, это фронты, куда отправились чуть позже «освобожденные» граждане России.

Никогда больше революция не должна случиться на нашей земле.

А для этого мы должны понимать, как она произошла раньше.

Кто же автор нашей революции?

Разве может у революции быть автор?

Это и есть главная загадка русской революции...

Глава 1

Темный момент в истории русской революции

Октябрь неотделим от Февраля в календаре русской революции совершенно так же, как неотделим в календаре природы. Это два звена одной непрерывной цепи, озноб и язва одной и той же чумы.

А. Керсновский

Плохо иметь англосакса врагом, но еще хуже иметь его другом.

Генерал А. Е. Вандам

Уже без малого девяносто лет прошло с момента Февраля и Октября, но до сих пор нет внятного объяснения, как и почему полная сил Российская империя рухнула в небытие. Начнешь изучать историю русской революции — и всюду натыкаешься на сплошные темные пятна. Объяснений событиям тех лет историки придумали много. И о чудо — меняется социальный и политический строй, а вместе с ним меняются и объяснения. Они все такие же солидные и убедительные, но уже диаметрально противоположные. Это как если бы при смене судьбы каждый раз менялся бы подсудимый и вся система доказательств. Эти объяснения — они как круги по воде, скользят где-то наверху, а в глубине — тина, мрак и тишина...

Самый яркий пример — проезд Ленина в plombированном вагоне. Германский шпион Ульянов, говорят нам одни историки, вернулся на родину с немецкими деньгами. Пролетарский вождь, говорят другие, приехал делать революцию. Однако никто не может объяснить, почему Ленин въехал в Россию *свободно*, почему ему не пришлось проникать в страну по подложным документам. Ведь он же прямо на вокзале призвал к свержению существующего строя, и ему ничего за это не было.

Изучать историю наших революций надо с помощью самого простого инструмента — здравого смысла. Если бы в одночасье умер здоровый, могучий и очень богатый человек, следствие во всех странах велось бы одинаково. Компетентные органы рассматривали бы все версии происшествия, искали мотивы, следы и доказательства. Ни один вариант не сбрасывался бы со счетов под тем предлогом, «что этого просто не может быть». Сыщики в своей работе не имеют права руководствоваться эмоциями, они должны рассматривать *факты*. Если речь идет о гибели целой державы, факты — это и документы, это и поступки людей.

Если заняться изучением революционного периода нашей истории, то главное чувство, которое охватывает, — это изумление. Такое невероятное количество странных поступков государств, политиков, правительств и партий, сконцентрированные на столь малом отрезке времени, вызывают противоречивые чувства. Однако давайте не будем считать политиков и государственных мужей дураками и простаками. Они не глупее нас с вами. И если их действия кажутся нам странными, значит, мы просто не понимаем их истинных мотивов и целей. Если удивительным образом совпадают по времени ряд серьезных политических событий, не будем считать это просто игрой случая. Будем искать тех, кому это выгодно...

Давайте проведем следствие. Будем рассматривать только факты, а эмоции и стереотипы отложим на дальнюю полку. Тогда и покажется из тени истинный виновник небывалой в русской истории катастрофы...

В удобных недрах «теории заговоров» активно топится правда о причинах, организаторах и спонсорах русской революции. И действительно — как же можно просчитать всю махину рево-

люции наперед? Весь калейдоскоп случайностей, человеческих характеров и природных явлений? Какой мозг, какая организация может это сделать?

Именно так говорят те, кто либо хочет скрыть правду, либо просто не понимает, как делается мировая политика, и потому верит, что революции всегда случаются самопроизвольно, как пожар на складе. Что ни растрата, ни ревизия не бывает причиной воспламенения, что не существует в природе ни поджогов со стороны конкурентов, ни «красных петухов» от завистников, что только короткое замыкание или непогашенный без злого умысла окурок приводят к возгоранию...

Так можно ли просчитать и спланировать революцию?

Конечно нет! Никто и никогда не планировал революцию как четкую последовательность математически выверенных поступков различных людей или группировок. Но это не значит, что планов устроить внутренний взрыв в России и тем самым «убрать» геополитического конкурента не существовало.

Вам вопрос: разве планируете вы свою жизнь «от корочки до корочки»? В 18 поступаю в институт такой-то на такой-то улице, по математике у меня будет пятерка, по физике четверка. В 23 заканчиваю вуз, два года буду простым менеджером, потом замдиректора, через пять лет — я директор. В 26 женюсь на блондинке по имени Ирина, заведу двоих детей, двух дочек. В таком-то году Карину, в таком-то Ольгу. В 29 лет куплю себе загородный дом...

Так жизнь никто не планирует — это бред. Жизнь полна множества факторов, которые предвидеть просто невозможно. Никому не под силу такое планирование. Но разве это значит, что вы **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ПЛАНИРУЕТЕ В СВОЕЙ ЖИЗНИ?** Что вы совсем никак не конструируете свою жизнь? Такое утверждение — глупость не меньшая. А ведь именно это и говорят «разоблачители». Раз революцию, как стихию, невозможно предсказать и организовать, значит, вообще никто и ничего для взрыва государств-конкурентов и не делает.

А ведь вы планируете свою жизнь, только не до самых мелочей, а поверху, крупными мазками. Надо получить высшее образование, надо жениться, пора завести детей. Вы сами уста-

навливаете направление своей жизни и влияете на ее ход. Где-то получается, где-то нет. В итоге ваша жизнь — это процентов на пятьдесят влияние обстоятельств, а на остальные пятьдесят — ваше собственное творение.

Так и организаторы русской революции никогда не планировали ее от начала до конца. Но всегда старались задать событиям нужное направление. Смотрели на складывающиеся обстоятельства, корректировали, меняли, вносили поправки, прокалывались, имели успех и терпели поражения. Революция — это как жизнь. А в жизни всегда есть планирование целей, которое всегда подстраивается и изменяется в зависимости от синусоид, которые выписывает сама жизнь.

В нашей жизни мы используем в своих целях разных людей. Плохо это или хорошо, неважно. Но ведь используем — это факт. Так и спецслужбы работают на разложение противника, на его ослабление годами и десятилетиями. И в этой работе используют массу людей, которые по разным причинам, в силу разных обстоятельств сотрудничают и помогают. Иногда эти помощники даже не понимают, что они делают, никто не объясняет им сути того, что их просят сделать.

Идет борьба между государствами — этого никто не оспаривает. Получилось ослабить противника — хорошо, не получилось — работаем дальше. Полное уничтожение его является недостижимой мечтой и случается крайне редко. Это невероятное везение, это стечение обстоятельств, но и долгая кропотливая работа. Ежедневная и ежечасная.

Русская революция и есть все это вместе. Это именно ТАКОЙ царь во главе страны, это именно ТАКОЕ окружение царя, это горстка безмерно талантливых циников и подонков из революционных партий, это везение одних и фатальное невезение других. Это преступная тупость и подлое предательство, невольная вера и ораторский талант. Наша революция — это все вместе. Это десятки тысяч факторов, которые сложились несчастливым для России.

Это — если... если... если...

Но за всем этим нельзя не видеть подготовки и титанического труда разведчиков чужой державы...

...Наша революция состояла из двух этапов, которые ошибочно принято считать отдельными полновесными революциями. Можно с этим соглашаться или нет — начинать все равно придется с Февраля.¹ Нам всегда говорили и говорят сейчас, что события Февральской революции просты и понятны: голодные люди вышли на улицы, требуя хлеба, а потом перешли к политическим лозунгам. Так, мол, и пало в России самодержавие. Но простота этой схемы очень обманчива. Например, Павел Николаевич Милюков, один из руководителей февральского переворота, лидер партии конституционных демократов (кадетов), явно с такой простотой не согласен. Ему, непосредственному участнику событий, написавшему свои мемуары по горячим следам, механизм происхождения Февраля отнюдь не ясен.

«Здесь мы касаемся самого *темного момента* в истории русской революции», — пишет Милюков, начиная свой рассказ о событиях, положивших начало Февральской революции.² Показательно и название главы его книги, откуда взяты эти строки: «Тайные источники рабочего движения».³ Вопрос, как и почему она началась, и есть «самый темный момент» в истории Февральской революции. Это очень странно: начинаешь читать мемуары главных действующих лиц и постоянно натываешься на «белые пятна». До этого была в голове полная ясность: хлеб — демонстрации — революция, но вот открываешь мемуары одного из основных «февралистов» — и начинаются загадка за загадкой.

«Некоторым предвестием переворота было глухое брожение в рабочих массах, *источник которого остается неясен*, хотя этим источником наверняка не были вожди социалистических партий, представленных в Государственной Думе».⁴

Начало перевороту положили рабочие демонстрации, но кто их организовал и почему они начались, Милюкову абсолютно

¹ По новому стилю революция произошла уже в марте, как и Октябрьская, — она случилась в ноябре.

² Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 33.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 34.

непонятно. Ясно только то, что сами кадеты их не инициировали, не делали этого и все их парламентские союзники по думскому Прогрессивному блоку. Не выводили людей на улицы и эсеры. В этом легко убедиться, полистав мемуары известного нам лидера этой партии Виктора Чернова. После главы о ходе мировой войны и попытках революционеров разных стран найти взаимопонимание, он сразу пишет о своем возвращении в Россию уже после Февральской революции¹. Соверши столь важное деяние эсеры, они бы трубили об этом на каждом углу: это мы начали процесс, приведший к свержению проклятого царизма!

Не организовывали рабочих демонстраций и большевики, позже приписавшие устами советских историков заслуги организации манифестаций себе. Но они сделают это значительно позднее, когда многих участников событий не останется в живых, а остальные будут писать книги в эмиграции. Поэтому вопрос, кто вывел людей на улицу в феврале 1917 года, будет уже интересен только узкому кругу специалистов, и с красными историками никто не будет спорить. Для истинных организаторов гибели России это было удобно и выгодно — Ленин и его партия делали для них стопроцентное алиби. Хотя опровергнуть ложь совсем несложно, достаточно спросить, кто из большевистских вождей организовал рабочие демонстрации, приведшие к свержению царизма. Тут и станет абсолютно ясно, что все они сидели по заграницам, ссылкам и тюрьмам, а Владимир Ильич Ленин узнал о «подготовленной его партией» революции из свежих швейцарских газет. И удивлению его не было предела.

Но для нас момент начала Февраля — момент ключевой. Нам важно знать точно, с чего началась гибель Российской империи, а потому наберемся терпения и углубимся в материал. Здесь нас ждут новые открытия. Если быть совсем точным, то логическая цепочка событий должна быть такова: хлеб — демонстрации рабочих — их столкновения с полицией — восстание солдат городского гарнизона — революция. Загадки тут на каждом шагу:

¹ Чернов В. М. Перед бурей. Минск: Харвест, 2004. С. 308–309.

- ◆ почему рабочие вышли митинговать — неизвестно;
- ◆ неизвестно, и кто эти демонстрации организовал.

«Ни большевики, ни меньшевики, ни Рабочая группа, ни эсеры, как по отдельности, так и общими усилиями, не смогли вывести на улицу петроградских рабочих», — пишет в своих мемуарах глава партии социалистов-революционеров Виктор Чернов.¹

Выходит, сами собой рабочие прекратили работу, от скуки нарисовали плакаты и лозунги и, сами не зная почему, двинулись свергать самодержавие. При дальнейшем углублении в хронологию Февральской революции ясности не прибавляется. Никто не может вразумительно ответить на второй ключевой вопрос: кто вывел на улицу солдат?

«Как раз накануне него (выступления солдат. — Н. С.) было собрание представителей левых партий, и большинству казалось, что движение идет на убыль и что правительство победило, — пишет Милюков, цитируя своего коллегу по Думе В. Б. Станкевича, и добавляет от себя: — Но, во всяком случае, *закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами*».²

Вот это уже интересно. Произошла революция, а никто не может толком сказать, как случились ее основные события, приведшие к смене власти в России. Вроде никто не готовил ни рабочих, ни солдат, а они, как по команде, вышли на улицы в нужный момент и тем решили исход дела в пользу переворота. «Руководящая рука, несомненно, была, только она исходила, очевидно, не от организованных левых партий», — делится впечатлениями Милюков.³ В словах руководителя кадетов чувствуются неуверенность и смущение. Революция свершилась, но ни правые (то есть кадеты и октябристы), ни левые (то есть эсеры и социал-демократы) ее не организовывали. Есть от чего смутиться: ждали

¹ Чернов В. М. Великая русская революция. М.: Центрполиграф, 2007. С. 100.

² Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 36.

³ Там же. С. 37.

«свободы» десятилетиями, а когда она пришла — никто не знает, кому говорить за это спасибо.

Не спасают старые проверенные штампы: если что произошло — это сделали немцы! Удобно, а главное — доказывать ничего не надо. Главное доказательство просто как мир: а кому же еще это было выгодно? С кем мы воевали? С Германией. Значит, все плохое делали именно они. Однако такая простая логика не срабатывает, если внимательно приглядеться к фактам. Ведь наши родные русские рабочие бастовали в феврале семнадцатого не первый раз в жизни. Опыт у них был. К примеру, в русскую революцию 1905–1907 годов. Однако никто в историографии никогда не писал о том, что первая революция 1905 года со всеми ее стачками — дело рук кайзеровской разведки. Потому что обвинения германцев в разжигании русского «освободительного движения» в этот исторический период нелепы и смешны. Ведь в 1905 году мотива для подрывных действий у Берлина нет. Такой мотив есть у Японии, поэтому активность революционеров в Русско-японскую войну историки любят приписывать деньгам микадо. А вот с началом Первой мировой войны мотив для подрывных операций у японцев исчезает (они выступают на стороне Антанты), а у немцев появляется — Россия теперь для них противник.

Но вот беда: почерк во всех сомнительных событиях русских революций похожий! Одна рука водила, с одного сценария снималась калька.¹

И если мы знаем, что первую нашу смуту немцы точно не подготавливали, почему же и Февраль, да и Октябрь мы к ним в актив записываем?

«На Востоке наступили огромные перемены. В марте поддерживаемая Антантой революция свергла царя... Какие были причины у Антанты идти рука об руку с революцией, мне непонятно... Но несомненно, что Антанта надеялась извлечь из

¹ Подрывная борьба против российского государства велась ее геополитическими противниками всегда. Подробности этой «столетней» войны см.: *Стариков Н.* Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2011.

революции выгоду для ведения войны...» — это слова фактического руководителя германской армии — генерала Эриха Людендорфа.¹

Зачем нужна революция? Так ведь именно путем революционного взрыва будут уничтожены и Российская и Германская империи...

Февраль организовала не Германия. Почему можно смело так утверждать? Потому, что до сих пор НИ ОДИН ИСТОРИК никогда не обвинял в этом немцев. Немецкие агенты использовали смуту в своих целях — это правда. Если идет толпа пьяных солдат, то почему бы не направить их на погром контрразведки? Или не заставить убивать, как в Кронштадте, не просто офицеров, а «по списку»?! Но это умелое использование сложившихся обстоятельств, которые «складывал» кто-то другой...

В организации Октября германский Генштаб обвиняют все, в подготовке Февраля — никто. И получается очень любопытная картина. Первая, февральская, часть революционного разрушения России в 1917 году как бы «бесхозная». Сама собой получилась. Зато вторая, октябрьская, приписывается немцам. Но Февраль и Октябрь — это звенья одной цепи, это ступени одной лестницы. Это две части одного плана. Если на первых страницах этой книги этот тезис, вам, уважаемый читатель, кажется спорным, то к концу сомнений у вас не останется.

Раз автор один и тот же, а Февраль точно не немецкий, то кто же автор нашей революции?

...Февраль семнадцатого — это странные и таинственные события. Нет авторов, нет причин, но есть катастрофические для страны последствия. Их пока не знает почти никто, они еще не заметны. Кто из радостных демонстрантов в феврале семнадцатого, упоенных происшедшими переменами, мог себе представить, что через полгода мощная русская армия станет толпой мародеров и дезертиров, солдаты начнут убивать своих офицеров, а через восемь месяцев власть в стране захватит кучка фанатиков? В страшном сне не могли увидеть они Гражданскую

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Минск: Харвест, 2005. С. 411.

войну, тиф, голод, разрушенную до основания родную страну и миллионы погибших.

Но «необъяснимые» события начались в истории Российской империи отнюдь не феврале 1917-го и не закончились еще по сегодняшний день. Словно ядовитая змея, тянутся они с момента первой русской революции через все тело Первой мировой войны. Ими пропитаны насквозь Февраль и Октябрь. Потом странности и удивительные совпадения понемногу сошли на нет, чтобы, начиная с 1985 года, вновь обильно украсить собой тихую скучную жизнь Советского Союза. И Советского Союза очень быстро не стало...

Так кто же все это организовал, кому обязана Россия неисчислимыми страданиями своих сыновей и дочерей? Для ответа на этот вопрос надо отмотать неумолимо текущее время назад. К началу Русско-японской войны. И нам сразу станет ясно, что будущие хаос и анархия были в России четко организованы. Тем, кто всерьез верит в самопроизвольное начало первой и всех остальных русских революций, следует обратить внимание на один малоизвестный факт. 27 января 1904 года в Санкт-Петербургскую государственную сберегательную кассу обратился вкладчик Филипп Воронов, получивший послание, лейтмотивом которого был истеричный призыв: «Спасайте ваши деньги». Подобные письма (как рукописные, так и отпечатанные на гектографе) внезапно появились в самых разных частях Российской империи и в короткий срок наводнили страну. Авторы листовки пугали: «Министрам нужны деньги на войну с Японией. Они берут наши деньги в сберегательных кассах и дают нам ренту».

Подготовка этой экономической диверсии началась загодя. Стоит обратить внимание, что листовки эти появились в русских городах **точно в первый день (!)** Русско-японской войны. Значит, тот, кто готовится подорвать финансовую стабильность России, должен был точно знать дату «внезапного» нападения японского флота на нашу эскадру в Порт-Артуре. А ведь письма надо было еще отпечатать, разослать по стране, спланировать их распространение и раздать разносчикам. Одним словом, работа большая и серьезная...

Листовки печатали не зря — во многих местах ситуация быстро стала критической, начался отток денег из сберегательных касс. Особенно сильная паника охватила Варшавскую, Прибалтийскую, Минскую, Виленскую и Гродненскую губернии. Но спокойная и взвешенная политика правительства достаточно быстро погасила ситуацию: вклады выдавались всем желающим, информация же о том, что сберегательные кассы и впредь намерены неукоснительно соблюдать свои обязательства перед вкладчиками, была помещена во всех крупных российских газетах. Сообщения такого рода были вывешены в самих сберегательных кассах, а также в общественных местах. Паника улеглась. Сейчас эту историю о панике вкладчиков в 1904 году рассказывают в современном Сбербанке, акцентируя внимание на сложностях и трудностях, которые эта солидная организация переживала за свою 160-летнюю историю. Вопрос, кто и почему организовал эти трудности, уже не поднимается и не исследуется. И никто не проводит параллелей между акциями, подобными этой, и дальнейшим раскручиванием маховика революции.

Кто же стоял за попыткой вызвать в России экономический коллапс? Первым порывом будет обвинение в адрес Японии. Безусловно, японские спецслужбы руку к ней приложили. Однако самостоятельно они просто не в состоянии были организовать панику такого масштаба хотя бы потому, что не имели в России столь разветвленной сети своей агентуры. Контакты японских спецслужб и русских революционеров ведь еще только начинались. К тому же неожиданная активность японцев в поиске контактов с подрывными элементами могла насторожить русскую контрразведку и предупредить царское правительство о скором начале войны. Ведь попади одна такая листовка куда следует, и весь ход Русско-японской войны мог повернуться по-другому.

Значит — японцам кто-то помогал. Спланировать и организовать все это могли лишь силы, имевшие разветвленную сеть своих людей по всей стране. И это были не революционеры, потому что ряды всех радикальных партий кишели провокаторами, и тогда дата японского нападения сразу стала бы известна царской охранке, а оттуда попала бы на стол руководства армии

и флота. Такой утечки допустить было нельзя. Следовательно, структура, разославшая записочки по русским городам, должна была иметь железную дисциплину и в то же время находиться внутри России.

Так кто же так четко и слаженно организовал попытку дестабилизации внутренней жизни нашей страны? Кто помогал японцам в поисках разносчиков подметных писем, начиная раскачивать русскую лодку пока еще мирными средствами?

А за бурным развитием боевых действий Первой мировой войны также осталось не оцененным историками одно очень интересное событие. На фоне разразившейся катастрофы оно казалось маленьким и незаметным, потому никто ему особого внимания не уделил. И зря. Словно в маленьком осколке большого зеркала отразилась в этом событии будущая Русская революция. Ее сценарий и движущая сила проявили себя ровно накануне мирового конфликта — в июле 1914 года. Буквально за неделю до начала неожиданного вспыхнувшего мирового конфликта в столице Российской империи... начались забастовки. Страну, измученную первой русской смутой, удивить стачками было сложно. Привыкли к подрывной деятельности революционеров полиция и охранка, но эти забастовки были действительно необычными. Настолько, что нашли отражение во многих мемуарах. Главной же особенностью этих волнений и забастовок была их таинственность и загадочность. Возникли они без видимой причины, неожиданно, «случайно». Так же внезапно потом и закончились.

Татьяна Боткина, дочь царского медика, расстрелянного со своими венценосными пациентами в Екатеринбурге, упоминает и об этих странных стачках: «Рабочие бастовали, ходили толпами по улицам, ломали трамваи и фонарные столбы, убивали городских. *Причины этих беспорядков никому не были ясны*; пойманных забастовщиков усердно допрашивали, почему они начали всю эту переделку.

— А мы сами не знаем, — были ответы, — нам надавали трешниц и говорят: бей трамваи и городских, ну мы и били».¹

¹ Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье. М.: Захаров, 2004. С. 27.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко в своем труде «Государственная дума и февральская 1917 года революция» тоже уделяет этим событиям много внимания: «Петроград в 1914 году, перед самой войной, был объят революционными эксцессами. Эти революционные эксцессы, возникшие среди рабочего населения Петрограда, часто влекли вмешательство вооруженной силы; происходили демонстрации, митинги, опрокидывались трамвайные вагоны, валились телеграфные и телефонные столбы, устраивались баррикады».¹ Родзянко даже указывает нам на время возникновения беспорядков — «во время посещения России представителем дружественной нам державы — Президентом Французской Республики Пуанкарэ».²

Для справки: президент Раймон Пуанкаре приехал в Россию 20 (7) июля 1914 года. Это ключевое время завязывания будущего мирового конфликта. До начала войны всего одиннадцать дней!

«Возлагать венок на гробницу Александра III французскому президенту пришлось под последние отголоски уличной борьбы», — пишет и товарищ Троцкий в своей «Истории русской революции».³ Посол Морис Палеолог, встречавший в русской столице своего президента, вспоминает: «Возвратясь в Петербург по железной дороге в три четверти первого, я узнаю, что сегодня, после полудня, без всякого повода, по знаку, идущему неизвестно откуда, забастовали главнейшие заводы и что в нескольких местах произошли столкновения с полицией».⁴

Проанализировать причины неожиданной вспышки рабочих демонстраций никто в правительстве не успел. Потом в стране произошли такие потрясения, по сравнению с которыми пара сломанных трамваев показалась золотым веком. Но в конце июля

¹ Родзянко М. В. «Государственная дума и февральская 1917 года революция»; <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=3939&page=6>

² Там же.

³ Троцкий Л. Д. История русской революции; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/1-3.html>

⁴ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения. 1991. С. 28.

1914 года у русского руководства эти беспорядки вызвали серьезное беспокойство. Однако из-за начавшейся войны в причинах и организаторах таинственных забастовок русские спецслужбы разобраться не успели. Затем у них появились более важные заботы, потом возникшая революция быстро и эффективно уничтожила сами спецслужбы. Поэтому причину забастовок так никогда и не выяснили. Точнее сказать — не доказали, потому что во всех указанных мемуарах виновные и организаторы называются авторами легко и без промедления.

«Не подлежит никакому сомнению, что и волнения среди фабрично-рабочего класса были результатом деятельности Германского Генерального Штаба», — пишет Родзянко.¹ Согласно с ним и Татьяна Боткина, написав о немецком происхождении «трешниц», что давали таинственные агитаторы несознательным рабочим.² Виновник ясен — это немцы. Снова мы видим это простое доказательство: а кто же еще? Кто может устраивать забастовки в России прямо накануне войны с ней? Конечно, тот, кто готовится на нее напасть, — немцы. И все в этом построении логично и верно, если забыть об одном факте: *Германия не готовилась к нападению на Россию!*

Ее единственный существовавший военный план (План Шлиффена) этого не предусматривал.³ И зачем ей тогда организовывать демонстрации и битье городских в Петербурге? Вот к войне

¹ Родзянко М. В. «Государственная дума и февральская 1917 года революция»; <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=3939&page=6>

² Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье. М.: Захаров, 2004. С. 28.

³ План Шлиффена предусматривал удар по Франции с одновременной обороной на Восточном фронте в случае войны против Франции и России. Последний вариант плана был выражен автором в памятной записке в декабре 1905 года, которая так и называется: «Krieg gegen Frankreich» («Война против Франции»). (Строков А. А. История военного искусства. СПб.: Омега-Полигон, 1994. С. 259.) (Подробности германского военного плана и механизм развязывания Первой мировой войны мы рассмотрим позже. После всех странностей нашей революции эта информация будет более наглядной в конце книги, а не в ее начале.)

с Францией Германия действительно готовилась, поэтому логичнее создать беспорядки в Париже, дестабилизировать промышленность и обстановку именно там. Может быть, опять японцы? Но нет — в Первой мировой войне Япония выступит на стороне Антанты и отнимет у Германии ее китайские владения — Циндао. Противоречий с Россией у нее уже нет. Япония спокойно строит свою империю в Азии. Зачем же ей дестабилизировать обстановку в Петербурге?

А вот у одной державы такой мотив есть. У той, что кропотливо готовит столкновение двух своих геополитических конкурентов: Германии и России. Со всем миром (то есть с Британской империей и ее союзниками) воевать Германия не решится. Поэтому Британия устами главы Форин-офиса сэра Грея создает, тщательно создает у немцев ощущение уникальности момента: только сейчас Англия будет нейтральна, поэтому можно быть жесткими и твердыми. Можно сразу решить сербскую проблему, а заодно и поставить на место Россию и Францию. Для создания этого ошибочного ощущения у германского и австрийского правительства «союзники» готовы на любые трюки. В том числе и на имитацию слабости России путем фабрикации стачечного движения...

Германию на Россию всеми силами натравливали англичане. Именно они и провоцировали таинственные забастовки и волнения. Все это не более чем часть масштабной кампании по дезинформации германского правительства, в которую чуть позже включится даже британский монарх. Цель — развязывание мировой войны.

«Забастовки возникали и организовывались без всяких видимых причин, — пишет Родзянко. — ...Однако за несколько дней до объявления войны, когда международное политическое положение стало угрожающим, когда маленькой братской нам Сербии могущественной соседкой Австрией был предъявлен известный всем и неприемлемый для нее ультиматум, как волшебством сметено было революционное волнение в столице».¹

¹ Родзянко М. В. «Государственная дума и февральская 1917 года революция»; <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=3939&page=6>

«Как только была объявлена война, вспыхнул грандиозный патриотический подъем. Забыты были разбитые трамваи и немецкие трехрублевки...» — вспоминает о первых днях начавшейся войны Татьяна Боткина.¹

Мы видим интересную картину: буйство забастовок *«как волшебством сметено»* сразу после начала боевых действий. Но ведь это невозможно. Если бы за подготовкой беспорядков стояли германские спецслужбы, то после начала реальной войны России и Германии их деятельность должна была только увеличиваться и нарастать. А тут она в несколько дней полностью свернута.

Писательница Барбара Такман за свою книгу «Первый блицкриг. Август 1914» получила Пулитцеровскую премию. Такие награды зря не дают. Открываем, читаем: «Престарелый посол граф Пурталес, который провел семь лет в России, пришел к выводу и постоянно заверял свое правительство в том, *что эта страна не вступит в войну из-за страха революции*».²

Граф Фридрих Пурталес — это посол Германии в России. Насмотревшись на разбитые трамваи, в июле 1914 года он пишет в Берлин, что эта страна, то есть Россия, в войну не вступит. Начитавшись таких писем, немцы и австрияки займут жесткую позицию, что в конечном итоге как раз к мировой войне и приведет. Но ведь не германская же разведка для своего собственного посла устраивает «показательные» забастовки и демонстрации? Значит, не немцы, не японцы. Но кто же тогда выпускает русских рабочих на улицы и раздает им «трешницы», чтобы показать слабость России?

Если нет в этом вопросе у нас пока полной ясности, рассмотрим еще один загадочный случай. О нем говорит нам в своих воспоминаниях глава русской партии социалистов-революционеров Виктор Михайлович Чернов. Были у эсеров теплые взаимоотношения с Партией польских социалистов (ППС). Дружба была

¹ Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье. М.: Захаров, 2004. С. 28.

² Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ, 2004; <http://militera.lib.ru/h/tuchman/06.html>

долгой и проверенной: вместе разрушали Русское государство во время первой революции, вместе убивали полицейских и солдат. Но вот наступает 1914 год, и ситуация меняется.

«...На нас пахнуло чем-то необычным и тревожным от выступления Иосифа Пилсудского в начале 1914 г.», — пишет глава эсеров.¹ Что же случилось, какая кошка пробежала между революционными партиями? Ничего не произошло, просто глава ППС и будущий глава независимого польского государства прочитал в Париже в зале Географического общества лекцию. И все дело в ее содержании...

«Пилсудский уверенно предсказывал в близком будущем австро-русскую войну из-за Балкан», — пишет Чернов и далее приводит слова польского социалиста, в *точности угадывающего сценарий начала Первой мировой войны*.² Уверенно и безошибочно Пилсудский рассказывает, какая держава за какую вступится, кто и почему вяжется в вооруженный конфликт. Но не это главное!

«...Пилсудский ставил ребром вопрос: как же пойдет и чьей победой кончится война? Ответ его гласил: Россия будет побита Австрией и Германией, а те в свою очередь будут побиты англо-французами (или англо-американо-французами)».³

Проницательность будущего польского диктатора невероятная! Николай II, Вильгельм II, Франц Иосиф еще даже не подозревают, что будет война. Эрцгерцог Франц-Фердинанд спокойно играет с детьми в своем дворце Бельведере, Гаврила Принцип учится в университете. Организация «Млада Босна» еще даже не думала убивать наследника австрийского престола, генеральные штабы будущих противников еще не имеют никаких планов будущей войны. А *Иосиф Пилсудский не просто досконально знает ее сценарий, но ему даже известно, чем она закончится!*

Понять логику Пилсудского сложно даже ненавидящему царское самодержавие эсеру Чернову: как же может быть разбита одна Россия, если на ее стороне и Англия, и Франция, и США,

¹ Чернов В. М. Перед бурей. Минск: Харвест, 2004. С. 293.

² Там же.

³ Там же.

которые, по словам самого оратора, войну выиграют?! В ХХI веке нам просто согласиться с поляком — потому что мы знаем дальнейшие события. Но в 1914 году его прогноз выглядит, по словам Чернова, «карточным домиком, мечтой политического комбинатора».¹ Пилсудский же, ничуть не смущаясь, не только предрекает будущую войну и в точности называет ее результаты, но и намекает на выигрышную тактику в ее ходе для борцов за независимую Польшу. Только намекает, потому что в аудитории сидят посторонние люди. Для конкретики он присылает к Чернову своего соратника по фамилии Иодко, будущего посла Речи Посполитой в Константинополе.

«Этот разговор в моей памяти останется как один из самых замечательных, которые мне приходилось вести», — указывает глава русских социалистов-революционеров.² Конечно, любому человеку не часто приходится беседовать с людьми, досконально знающими будущее. Однако чем больше говорит посланец Пилсудского, тем более возрастают удивление и непонимание Чернова. Иодко рассказал ему, что в случае войны поляки будут помогать немцам «очищать губернии царства Польского» от русской армии.

«Я буду с вами совершенно откровенен... Мы уже теперь усиленно готовимся на случай всеевропейской войны... Мы предпочитаем германской армии — австрийскую. У нас в Галиции уже идет военная подготовка польских военных кадров... Австрию мы предпочли Германии потому, что она слабее и ей можно будет ставить условия», — приоткрывает свои карты посланец Пилсудского.³

По ходу разговора грустнеет Виктор Михайлович Чернов. Имевший «опыт» первой русской революции, он понимает, что затевается что-то громадное и масштабное, а он — глава партии эсеров — ничего об этом не знает. Рулевые и направляющие потоки мировой закулисной политики на этот раз обходят его стороной. Потому что одно дело читать «сумасшедшие» лекции,

¹ Чернов В. М. Перед бурей. Минск: Харвест, 2004. С. 294.

² Там же. С. 295.

³ Там же. С. 296.

совсем другое — им следовать и готовить военные кадры для австрийской армии. На карту ведь ставится независимость родины — ошибись Пилсудский со своим прогнозом, который похож на бред сумасшедшего, и последствия для будущего Польши могут быть непредсказуемыми. Значит, Пилсудскому известно нечто, для него, Виктора Чернова, пока неизвестное.

А Иодко рассказывает дальше: оказывается, в плане польских социалистов учтено все. В нужный момент они предают немцев и меняют свою ориентацию на англо-французскую:

«...И для Парижа, и для Лондона это не является тайной. Первая фаза войны — мы с немцами против русских. Вторая и заключительная фаза войны — мы с англо-французами против немцев».¹

После этих слов воцарилось молчание. Чернов окончательно поражен. Остается удивляться и нам. Хотя, зная цели англичан и французов в будущей войне, удивляться не приходится. Они кропотливо готовят Первую мировую войну. По ее результатам Россия и Германия должны быть уничтожены, поэтому все, кто ненавидит эти два государства, — помощники. Но комбинация планируется «союзниками» настолько сложная и виртуозная, что у поляков может возникнуть непонимание на крутых политических виражах. Для этого и делятся с Пилсудским информацией, чтобы поляки готовились и вели себя правильно. Утечки можно не бояться — расскажи тот же Иодко все это русскому жандарму, его слова всерьез никто не воспримет. Как не восприняли бы в январе 1991 года информацию об августовском путче в СССР, будущем распаде Союза и начале первой чеченской войны. Это просто кажется невероятным. Пока не происходит в действительности...

По всей хронике Первой мировой войны и выросшей из нее русской революции разбросаны такие невероятные и фантастические истории. Ими пестрят известные мемуары и абсолютно открытые источники, нужно просто обратить на них внимание. Вот, например, будущий герой Финляндии, а тогда еще русский кавалерийский генерал Карл Густав Маннергейм провел в боях мировой войны три года. В феврале 1917-го он приехал в род-

¹ Чернов В. М. Перед бурей. Минск: Харвест, 2004. С. 296.

ную Суоми на побывку. Начались радостные встречи, приемы и свидания. И в мемуарах Маннергейма мы читаем: «На обеде у моего давнишнего приятеля по кадетскому корпусу я встретил несколько бывших офицеров и старых друзей. Во время обеда никто даже не обмолвился о том, что за последние два года около двух тысяч добровольцев выехало в Германию, чтобы получить там военное образование. Между тем именно эти люди должны были вступить в армию, которая, в случае давно ожидаемой революции в России, могла освободить Финляндию».¹

Стоп. На дворе 1917-й; если за последние два года уезжали финны в Германию, то начался этот процесс в 1915 году. Но в то время в России революцией и не пахло, откуда же горячим финским парням известно, что она непременно будет? Да мало того, она для них еще и «давно ожидаемая», поэтому они загодя готовят антирусскую армию, что сделает их страну независимой. Совпадение, случайность, предчувствие?

Нет, точное знание, как и в случае с Пилсудским. Англичане готовят уничтожение России и Германии путем натравливания их друг на друга. Для осуществления плана им нужны помощники, Россия ведь очень большая, одними поляками не обойдешься. Только Польше в будущем раздроблении нашей страны отводится первостепенная роль, а Финляндия в силу ее величины может подключиться к процессу и в 1915 году. От нее требуется гораздо меньше, поэтому и информация туда попадает позже, в точном соответствии со сценарием...

Вот так, используя логику и факты, можем мы вычислить тех, кто организовал крушение Российской империи...

Но в истории одной логикой не обойдешься. Потому перейдем к фактам. Общепризнанная версия возникновения Февраля проста и незатейлива. Россия вступила в войну, понесла в ней огромные потери, экономика страны надорвалась, и, как следствие всего этого, недовольный народ устранил прогнившее самодержавие. Так ли это на самом деле? При более детальном ознакомлении с фактами и логическом их осмыслении такое простое построение рассыпается, как карточный домик.

¹ Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 70.

Начнем с очевидных вещей, которые оспорить невозможно. Победившая попытка изменения существующего строя называется революцией, потерпевшая поражение — бунтом, мятежом и антигосударственным заговором. Для любого проявления недовольства действующей властью нужен *повод*, который либо перерастает в победоносную революцию, либо бесславно подавляется. В Первой мировой войне участвовало 38 стран, в том числе и крупнейшие европейские монархии. К 1917 году, за три года борьбы, все участники мировой схватки понесли огромные человеческие и экономические потери. Число этих потерь было, безусловно, разным, но и размеры стран — участниц войны и их экономической и мобилизационный потенциал были также различными.

Причинами недовольства, то есть поводом к смещению власти во время войны, могут быть военные поражения или невероятное ухудшение уровня жизни населения. В конце мировой войны революции произошли в Германии и Австро-Венгрии. Это изменение государственного строя было во многом обусловлено именно военным поражением данных держав и ужасающим состоянием их экономики. *В 1917 году революция произошла только в России.* Если следовать логике, то получается, что либо на целых полтора года ранее своих противников Россия потерпела военное поражение, либо страдания и лишения ее граждан превзошли все мыслимые пределы. Так нам и внушала советская историография, а теперь то же самое говорят уже историки либерального разлива. *Но в том-то и дело, что ни военно-стратегических, ни экономических причин для бунта у русского населения в феврале 1917 года не было!*

Потенциал развития нашей страны в начале XX века был столь мощным, что ситуация в стране, на фронтах и в армии не ухудшалась, наоборот, она даже, улучшалась. Фронт был стабилен, внутри страны было спокойно. Разумеется, Россия образца третьего года войны была не так хлебосольна, как в предвоенное время. Но не будем забывать о том, что во все времена война приносила с собой голод, лишения и мобилизацию. Колоссальная, небывалая доселе схватка повлекла за собой соответствующие сложности во всех сферах жизни. Уровень

жизни, безусловно, снизился, продовольственная ситуация ухудшилась по сравнению с мирным временем. Но так было везде, и у противников, и у «союзников» наших тоже. Практически повсеместно переходили к нормированию потребления, вводили продовольственные карточки. В Германии правительство, почувствовав нехватку продовольствия из-за английской морской блокады, достаточно быстро перешло к прямому изъятию и распределению продуктов. В Австро-Венгрии еще в начале 1915 года была введена карточная система на хлеб, а потом и на другие товары народного потребления. Недоедали в Британии, чьи корабли с заморским продовольствием один за другим пускали на дно германские подлодки, — «различные ведомства конфисковывали весь подвоз продовольствия для воинских частей и для рабочих по снабжению; картофель и мука стали недоступными для неимущих слоев населения».¹ Английский премьер Дэвид Ллойд-Джордж писал: «К осени 1916 года продовольственный вопрос становился все более серьезным и угрожающим».² Серьезные проблемы с продуктами были и во Франции, половину территории которой оккупировали немцы, а многие промышленные предприятия просто оказались в зоне боевых действий. Троцкий, возвращавшийся в 1917 году в Россию через Швецию, пишет, что в этой нейтральной скандинавской стране ему «запомнились только карточки на хлеб».³

Словом, голодали русские люди не больше, чем в других воюющих странах и куда меньше, чем в «свободной» России через небольшой промежуток времени после второй и третьей революций. И уж совершенно несравнимы лишения жителей Петрограда в 1917 году со страшным голодом, постигшим население этого же города во время блокады Ленинграда. А ведь это не просто один город, это даже во многом *одни и те же люди*. Но в 1942 году, умирая от голода, никто почему-то не идет на улицу с требованием хлеба.

¹ Чернин О. В дни мировой войны. М.; Пг.: Гиз, 1923. С. 159.

² Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. 2. С. 597.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь; http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/My_Life/My_Life-00-02-01.html

Почему? Потому, что по-другому воспринимает противника? Потому, что идеологически обработан? Да. Но главное — каждый знает, что власть шутить не будет и такие демонстрации, безусловно играющие на руку противнику, будут беспощадно подавлены. И — нет подстрекателей и вожаков. Тех, кто может завести толпу, и, манипулируя ее действиями, направить в нужную сторону. Ведь в Петрограде 1917 года иностранным разведчикам работать значительно вольготнее, чем в Ленинграде 1942 года...

Экономика Российской империи кряхтела, трещала, но — выдерживала даже огромные расходы на войну. Если в 1914 году военные расходы России составляли 1655 млн рублей, то в 1915 году эта цифра равнялась 8818 млн рублей, а в 1916 году — 14 573 млн рублей.¹ Поставки военного снаряжения из-за рубежа во многом покрывались английскими и американскими кредитами. Мобилизация вычерпала из России до 15 миллионов взрослых мужчин. Когда называют эту цифру в отрыве от остальных — она поражает. Если же сравнить с положением других воюющих стран, ситуация будет выглядеть совсем иначе. Призванные русские мужики составляли примерно 9% населения России, тогда как в Германии и Франции отправили в армию около 20%. Даже в Англии, всегда воюющей чужими руками, — почти 13% населения.²

В России было не хуже, а лучше, чем в других воюющих странах! Это в Германии призвали 17-летних, раздавались голоса о необходимости тотальной мобилизации всего мужского населения от 15 до 60 лет.³ Верховное военное командование требовало, чтобы эта повинность, «хотя бы с ограничениями, была распространена и на женщин». В январе 1916 года императорским указом в Австрии военнообязанными были объявлены мужчины 50–55-летнего возраста, а в Турции — до 50 лет.⁴ Как

¹ *Мультиатули П. В.* «Господь да благословит решение мое...». СПб.: Сатисъ, 2002. С. 234.

² *Яковлев Н.* 1 августа 1914. М.: Алгоритм, 2002. С. 291.

³ *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 628.

⁴ Там же.

видим, тяжести войны коснулись России ничуть не больше других воюющих стран.

Так почему же революция произошла именно у нас?

Этот вопрос мы должны задавать снова и снова. Может быть, дело в оккупации противником территории страны? Но тогда революция, безусловно, должна была начаться в Париже, а не в Петрограде, ведь половина французской земли была под немецкой пятой. Отличная ситуация для потрясений сложилась в Румынии: полностью разгромлена армия, большая часть страны и столица также оккупированы Германией. Мы же потеряли только не очень важную Польшу и некоторые Прибалтийские земли. Никакого значения для продовольственного снабжения страны они не имели. Вся собственно русская территория была в целостности и сохранности. Работала промышленность, а население не испытывало ужасов войны, которая велась за линией стабилизировавшегося фронта. Основная цветущая часть России будет разрушена значительно позже, в Гражданскую войну, которая именно для этого и будет развязана при прямом подстрекательстве и посильной помощи Антанты.

Таким образом, никаких классических предпосылок, из которых в военную пору может вырасти бунт, а за ним и революция, мы не находим. Кроме одной — желания руководства Великобритании уничтожить опасных геополитических соперников и умения английской разведки провоцировать смуту, беспорядки и смены режимов в неугодных государствах.

Чтобы сделать следующий шаг для правильного понимания февральских событий, надо говорить не о причинах революции вообще, а о причинах ее наступления:

- ◆ именно в 1917 году;
- ◆ именно в феврале этого года.

Таких причин несколько, их совпадение привело к тому, что именно этот месяц и этот год стали началом русской трагедии...

Русская промышленность делала все возможное для скорейшего перевооружения своей армии. Опыт войны со всей очевидностью показал, что рассчитывать нам приходилось только

на себя. Поставки военной техники от «союзников» были строго дозированными и преследовали двоякую цель: не допустить разгрома России и выхода ее из войны и одновременно избежать решающих побед на Восточном фронте. Ослабевшая, но сопротивляющаяся Россия была необходима для планов, срок выполнения которых наступал...

В то же время русское правительство с уверенностью смотрело в будущее — на следующий год было запланировано изменение военного положения страны. Подходил к концу страшный бич русской армии — снарядный голод. Невозможно подсчитать, сколькими жизнями заплатили мы за хроническое молчание русской артиллерии. В начале войны русская полевая артиллерия располагала запасом в 1000 снарядов на орудие, к 1917 году запас на орудие составлял 4000 снарядов.¹ Это означает, что теперь любое крупное наступление можно было планировать, учитывая массированную артиллерийскую обработку обороны противника. Ясно, что прорыв и победа в такой ситуации были куда более вероятными. Ведь если русские солдаты умудрялись воевать и без снарядов и без патронов, с ними они были бы просто непобедимы.

С одними винтовками наперевес наши солдаты выкосили весь цвет австро-венгерской армии на полях Галиции и в ущельях Карпат. Досталось и немцам — статистика гласит, что полки германской армии, дравшиеся на Восточном фронте, несли вдвое большие потери, чем сражавшиеся на Западном. Турки, разгромившие англичан и французов, потерпели от русской армии страшное поражение, и русские воины стояли на подступах к Ираку. И эта героическая армия вступала в новый 1917 год сильная как никогда.

На весну–лето очередное наступление готовили и Россия, и ее «союзники». Напротив, германская армия готовилась к стратегической обороне. «Наше положение было чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным. О наступлении думать не приходилось, мы должны были держать резервы наготове

¹ Барсуков Е. И. Русская артиллерия в мировую войну. М.: Воениздат, 1938. Т. 1. С. 70.

для обороны. Нельзя было надеяться также на то, что какое-либо из государств Антанты выйдет из строя. *Наше поражение казалось неизбежным...*» — пишет в своих воспоминаниях Эрих Людендорф.¹

Оттого так пессимистически настроены немецкие военные, что на стол их ложатся не только доклады германских министров, но и бумаги их австро-венгерских коллег. А от них веет просто покойническим «оптимизмом».

«Совершенно ясно, что наша военная сила иссякает. Я не буду останавливаться на этом положении, потому что это значило бы лишь злоупотреблять временем вашего величества. Я хочу только указать на сокращение сырья, необходимого для производства военного снабжения, на то, что запас живой силы совершенно исчерпан, и главное — на тупое отчаяние, овладевшее всеми слоями населения в силу недостатка питания и отнимающее всякую возможность дальнейшего продолжения войны. Если я и надеюсь, что нам удастся продержаться в течение еще немногих ближайших месяцев и провести успешную оборону, то для меня все же вполне ясно, что дальнейшая зимняя кампания для нас совершенно невысказана, то есть, другими словами, что поздним летом или осенью мы во что бы то ни стало должны заключить мир».²

Так мрачно описывает сложившуюся ситуацию в докладе своему монарху австрийский министр иностранных дел граф фон Чернин. В условиях сильно возросшей боевой мощи русской армии уставшая немецкая не смогла бы долго противостоять натиску с запада и востока. Вместе с немцами на дно безоговорочно следовали и Австро-Венгрия, Болгария и Турция, чьи войска держались исключительно благодаря германской помощи. Единственная надежда немцев не выиграть войну, а хоть как-то выстоять — это действия их подводных лодок! «Без подводной войны разгром Четверного союза в 1917 году казался неизбежным»,³ — указывает

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Минск: Харвест, 2005. С. 379.

² Чернин О. В дни мировой войны. М.; Пг.: Гиз, 1923. С. 161.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Минск: Харвест, 2005. С. 384.

Людендорф. На сухопутную армию, стало быть, надежды уже не было.

Военная катастрофа Германии, а с ней и всех ее сателлитов неминуемо наступала в 1917 году. «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями, — сказал в 1934 году канцлер Венгрии граф Иштван Бетлен. — Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги. Но Россия в результате революции потеряла войну и с нею целый ряд областей...»¹

Победа была очень близка, а значит, Россия становилась победившим государством. Однако наша общая победа, все признаки которой были уже налицо, «союзникам» была не нужна в принципе, ведь тогда придется делиться трофеями. Придется отдать России Босфор и Дарданеллы, открыть ей выход из закупоренного Черного моря в Средиземное. И Россия выйдет из горнила страшной войны не разрушенной, а усилившейся. И не отдать ей проливы в условиях победы невозможно. 1 декабря 1916 года Николай II обратился к армии и флоту с приказом, которым подтвердил намерение бороться за восстановление наших этнографических границ и обладание Константинополем. Таким образом, были обнародованы достигнутые договоренности. Просто не выполнить их после победоносного окончания войны было уже нельзя. Но вот если России в списке держав-победителей не будет — тогда ничего отдавать не придется!

Не нужно нашим партнерам по Антанте окончание мировой бойни в наступающем году — еще рано. Нужный «союзникам» вариант — это не победа, а уничтожение России и Германии как крупных держав, с полной ликвидацией их экономического потенциала. Для этого желательно возникновение в этих странах хаоса и Гражданской войны как фактора окончательного ослабления. В начале 1917 года народы России и Германии еще не

¹ *Мультатули П. В.* «Господь да благословит решение мое...». М.: Форум, 2007. С. 242.

готовы убивать своих соплеменников, надо еще более усугубить их страдания, чтобы сценарий сработал. Благодаря стараниям «союзников» война не закончится в этом году, продлившись еще полтора года. Миллионы солдат еще сложат свои головы для выполнения планов наших «союзников», которым нужна не просто победа над врагом, а его тотальное сокрушение и смена политического строя. Первой должна была вспыхнуть Россия — сбросить царский режим и послужить детонатором для остальной монархической Европы. Именно поэтому война протянется еще больше года, и Германия падет в ноябре 1918-го, а не летом 1917-го. Как можно «удлинить» войну, если одна из сторон конфликта готова проиграть? Только ослабив другую. Февральская революция, несмотря на свою видимую прогрессивность, быстро приведет к крушению русской армии, а это в свою очередь придаст второе дыхание Германии, Австрии, Турции и Болгарии. Война будет продолжаться. Вот почему «буржуазно-демократическая» революция в России должна была произойти именно в 1917 году.

Есть и другие весьма убедительные факты, объясняющие нам, почему она стала «февральской», а не «августовской» и не «июльской». ***На февраль как на крайний срок переворота указывала дата готовящейся русским Генштабом Босфорской десантной операции: март — апрель 1917 года.*** Революция после этого мартовского наступления становилась невозможной, февраль был ее последним, крайним сроком. Ведь если русские войска займут Константинополь, то он станет русским простым «явочным» порядком. Такое развитие событий надо было предотвратить. Поэтому крайним сроком для революции мог быть только февраль.

Подведем итог: *как это ни странно звучит, но именно улучшение, а не ухудшение военной ситуации привело к февральскому перевороту!* Делать революцию надо было именно сейчас. Уже забрезжил свет в конце тоннеля — для русских патриотов. Для организаторов мировой бойни и авторов сценария нашего разгрома это был последний звонок. Надо было спешить с развалом России — после войны такого шанса уже не будет. Еще немного — и не будет войны, а значит, и повода для самой

революции. Сомневаетесь — вспомните, что было дальше. Как по заказу, падение монархии положило конец планам захвата Константинополя и проливов. Временное правительство много об этом говорило, но ничего не смогло предпринять из-за полной политизации армии и флота и нежелания солдат и матросов воевать.

Все вышеуказанное составляло внешние причины, по которым переворот в России должен был произойти до весны семнадцатого года. Но была еще одна, сугубо внутренняя причина, заставлявшая торопиться со свержением русского императора. Историки, рассказывающие нам об этих событиях, совершенно забывают один важный факт: **в ноябре 1917 года истек срок полномочий Государственной думы четвертого созыва**. В конце июня 1916 года на стол Николая II легла докладная записка, результат совещания у премьер-министра Штюрмера. «Создание в будущей Государственной Думе работоспособного и патриотически настроенного большинства приобретает особую важность при вызванном войной серьезном положении»¹ — совершенно правильно формулировали стратегию правительства в будущих выборах участники совещания. Прошлые выборы дали России множество антигосударственно настроенных депутатов, которые использовали думскую трибуну для постоянных нападок на государство и его руководство. Во время войны в Думе говорили такое, что не могли позволить себе даже в «парламентских» Англии и Франции. Дошло до того, что военный министр Сухомлинов был отдан под суд по обвинению в государственной измене, а его дело было инициировано думскими кругами. Сэр Эдуард Грей по этому поводу заметил русскому посланнику: «У вас, должно быть, очень смелое правительство, если во время войны оно отдает под суд военного министра».

И вот все эти крикуны могли запросто остаться без трибуны, славы и перспектив. Потому что руководство страны имело намерение провести выборы, как военную операцию: быстро, успешно и полностью дезориентировав «думского противника».

¹ Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 320.

По плану, должны были распространяться слухи об абсолютно решенном продлении полномочий, с одновременным массовым выпуском политических памфлетов, изобличающих не только оппозиционных лидеров, но даже и целые партии. Готовились на предвыборную кампанию правительством и огромные деньги: около 5 млн рублей, из которых 2 млн должны были быть отпущены из казны, а оставшуюся сумму выделяли банки. За счет этого планировался выпуск брошюр «Правда о кадетях», «Желтый блок», рассказывавших правду об антирусской деятельности думских либеральных фракций.¹ Случись так, что правительство осуществит все эти меры на фоне успешного десанта на Босфоре, и на карьере большинства отечественных «демократов» можно будет ставить крест. Честолюбцы и прожектеры станут простыми гражданами, и путь во власть для них закроется, скорее всего навсегда. Сорвать нежелательный для депутатов ход событий мог только государственный переворот. Февральская революция смела царское правительство: теперь как раз деятели Думы, рассевшиеся после переворота по креслам министров Временного правительства, контролировали выборы, их подготовку и ход. Оттого и молчат историки об окончании депутатских полномочий, что это знание придает последующему перевороту очень меркантильный вид. Борцы за свободу предстают заурядными карьеристами, готовыми ради своего возвышения рискнуть благополучием государства.

Более того — даже до осени семнадцатого власть не собиралась больше терпеть осиное думское гнездо. Готовится указ о роспуске парламента — новые выборы будут после победы. 22 (9) февраля 1917 года Н. А. Маклаков, бывший министр внутренних дел, получает распоряжение императора написать проект этого манифеста. Маклаков уже почти два года находится в отставке, отправленный туда после кампании по его травле в прессе и думских кругах. Причина нелюбви к нему депутатов — это его нелюбовь к ним. Будучи министром, он неоднократно сигнализировал монарху о, мягко говоря, странном и вредном

¹ Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 323–324.

для страны поведении руководителей парламента. И вот теперь именно ему поручает Николай II написать проект.

«...Надо, не теряя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти, для того чтобы встретить все временные осложнения, на которые Дума и союзы, несомненно, толкнут ту часть населения в связи с роспуском Государственной Думы...»¹, — указывает Маклаков.

Власть готовилась к решительной борьбе с внешним врагом в 1917 году. Для этого закономерно планировалось сначала утихомирить врага внутреннего. О том, что главный враг Российской империи — это ее «верные союзники», никто из власть предержащих не думал и не верил...

Правда о русской смуте семнадцатого года завалена за прошедшие десятилетия таким количеством домыслов и фальсификаций, что докопаться до нее очень сложно. Но надо, потому что сценарий развала России, опробованный в 1917 году, был с небольшими изменениями повторен в 1991 году с Советским Союзом. И если наши геополитические противники и организаторы двойного уничтожения нашей страны и далее будут нашими «союзниками», целостность и само существование нынешней России всегда будут находиться под угрозой. Знание прошлых сценариев уничтожения может предотвратить будущую гибель...

Тысячи, возможно, десятки тысяч сценариев государственных катаклизмов и переворотов было создано за человеческую историю. Успешные «проекты» воплощены в жизнь в количестве нескольких десятков. Революций такой разрушительной силы, с таким количеством жертв и таким тотальным уничтожением мощи страны, как случившиеся в России, не было более ни одной. В этой связи важно понять несколько моментов:

- ♦ Крах Российской империи не был предопределен.
- ♦ Революция не была неизбежной.
- ♦ Операция английской разведки по устранению русского конкурента не была безусловно рассчитанным гениальным планом.

¹ Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 192.

Огромное количество незаметных глазу фактов, деталей и случайностей должны были, словно в мозаике, удачно совпасть друг с другом, наложиться одно на другое, чтобы получилась наша РЕВОЛЮЦИЯ. В таком масштабном «проекте» множество фактов сложились удачно для губителей России и неудачно для ее народа и правительства. Однако не надо поддаваться унынию. После каждого феерического успеха англосаксов следует не менее феерический провал. Уничтоженная, казалось бы, в 1917–1924 годах, Россия вновь обрела свою мощь. Когда мы с болью в сердце вспоминаем роковой для нашей страны семнадцатый год, давайте не будем забывать, что в сорок пятом наши танки будут в Берлине!

Главный виновник трагических событий в России — это Великобритания и США, в меньшей степени — Франция. То есть те страны, на стороне которых русская армия воевала с общим врагом. Нельзя упрекать врага за попытку выиграть войну путем создания внутренней смуты. Это враг, и предъявлять ему претензии глупо и смешно. А вот псевдодрузьям, одной рукой обнимающим тебя, а другой вонзающим в спину нож, — прощения нет.

Следом за ними основная тяжесть вины падает на русского императора. Именно его государственные «talанты» позволили осуществиться замыслу врагов России. Именно он расставил на ключевых постах людей, которые его предали. Именно он вызвал у своего ближайшего окружения стойкую аллергию к собственной персоне. Именно он позволил втянуть страну в мировую войну и пожертвовал сотнями тысяч жизней наших солдат за мифические «союзные» идеалы. Именно он своим внезапным для армии и страны отречением сделал рабочие волнения и мятеж Петербургского гарнизона свершившейся Февральской революцией. Но за эти ошибки Николай II заплатил страшную цену: жизнь своих невинных детей. И потому — бог ему судья...

Другие виновники крушения страны должны быть также названы. Точнее, виновник. Это не человек, это не организация, это социальный слой. *Это — элита русского общества.* Революцию и все последовавшие за ней события старательно направляли и взращивали «союзные» спецслужбы. Они — основные винов-

ники происшедшего, но мы должны отчетливо понимать, что именно предательское поведение русской элиты помогло злое- щим планам «союзников» воплотиться в жизнь. В наше время, когда от лиц, занимающих самые высокие посты в государстве, раздаются призывы к единению, к сплочению элиты, надо ясно осознавать, что именно отсутствие такой консолидации погубило Российскую империю. Поговорка гласит, что благими намерения- ми вымощена дорога в ад. Именно пожелания процветания стра- ны и улучшения русской действительности привели к миллионам жертв и уничтожению страны.

Политика Николая II вела монархию к гибели. Так полагали другие члены правящей династии. Царь ведет страну к катастро- фе — считали лидеры большинства думских партий. Бездарное руководство войной привело к неоправданным потерям и по- ражениям — делились своими опасениями высшие военные руководители страны. Все они видели в сложившейся ситуации единственный выход: отстранение Николая Романова от власти. Никто из них не предполагал, что именно их действия по спасе- нию страны и станут спусковым механизмом ее уничтожения. Не начини все эти круги «спасать» Российскую империю, вполне возможно, что она существовала бы еще и сегодня!

Заговор против монархии зрел в России давно. В войне же- лающие перемен видели благоприятное обстоятельство, усколь- завшее от них со страшной быстротой. Удачный исход войны укрепил бы ненавистное самодержавие, а потому надлежало прийти к власти сейчас и довести эту войну «в единении с со- юзниками до победного конца». Такова была позиция основных думских партий: кадетов и октябристов, образовавших так на- зываемый «Прогрессивный блок». Во главе заговора стояли их лидеры П. Н. Милюков и А. И. Гучков, а также председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Приняли посильное уча- стие и высокопоставленные военные: генералы В. И. Алексеев, В. И. Гурко, Н. В. Рузский.

Вот в 1915 году ставший позднее самым знаменитым членом Временного правительства эсер Керенский решает поправить свое подорванное думскими баталиями здоровье. Едет будущий «отец русской демократии» отдыхать в пансионат в Финляндию.

Дадим слово ему самому: «Вскоре после моего возвращения состоялась тайная встреча лидеров “Прогрессивного блока”, на которой было решено сместить с помощью дворцового переворота правящего монарха и заменить его 12-летним наследником престола Алексеем, назначив при нем регента в лице Великого князя Михаила Александровича».¹ Свою роль в перевороте сыграли и военные, а точнее, высший генералитет, недовольный личностью царя и его поведением во время мировой войны. Жаждали отречения Николая и многие из семьи Романовых, надеясь на лучшее положение при новом монархе. Были среди членов правящей династии и поклонники республиканского способа правления, не чувствовавшие аномалии своих идей для лиц царской крови. Словно львы-вегетарианцы, мечтали они о том времени, когда никто не будет никого «есть», забывая о собственной неминуемой голодной смерти в этом случае.

Борцы за свободу в белых перчатках тайно, во время страшной войны, готовятся удалить главу государства от власти. Естественно, бескровно. Это как если бы Московский горком партии решил в декабре 1941-го «без насилия» отправить Сталина в отставку. О том, что идет война и что надорванный непомерно тяжелыми усилиями организм страны может и не выдержать борьбы за власть, никто не думал. Не приходила заговорщикам в голову мысль, что вождеденную власть они могут и не удержать. Большинство тех Романовых, кто наивно радовался февральскому перевороту, будут позже убиты большевиками, а остальные еле унесут ноги из взбесившейся страны.

Желание перемен в эшелонах власти, ощущаемое русской элитой, и стало основным материалом «союзного» плана разрушения страны. «Мягкие» монархисты, такие как Родзянко, Миллюков и Гучков, надеялись на установление конституционной монархии во главе с царевичем Алексеем или братом Николая II великим князем Михаилом Александровичем. Левые элементы, рупором которых стал Керенский, желали установления республики. Военные хотели твердой власти и прекращения преда-

¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt09.htm>

тельства со стороны «немецкой» партии царского окружения. Отсутствие реальных доказательств этого никого не смущало: царица — немка, следовательно, в наших поражениях виновата она. Она же вместе с Распутиным якобы возглавляла попытки заключения сепаратного мира с Германией. Подобными слухами полнились великосветские салоны, душные казармы и думские коридоры.

Для приведения замыслов заговорщиков в жизнь первоначально планировалось арестовать царя и царицу и принудить его написать отречение. Такой вариант был определен основным у думско-военных заговорщиков. Поскольку планы «союзников» были более обширными, их спецслужбами было решено подкорректировать план — придать ему естественность. Дать повод и придать перевороту вид народного недовольства, а не вид заговора.

Информация о заговоре против Николая тогда действительно была известна очень многим. Однозначно знали о ней и в Лондоне, и в Париже. Генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич знал многих заговорщиков лично: «Мысль о том, что, пожертвовав царем, можно спасти династию, вызвала к жизни немало заговорщических кружков и групп, помышлявших о дворцовом перевороте... О заговоре, наконец, были осведомлены Палеолог и Джордж Бьюкенен, послы Франции и Великобритании».¹

В мае 1916 года Европу посетила русская парламентская делегация во главе с Милюковым. «Союзные» правительства питали к этой «парламентско-общественной» группе горячую симпатию. Русская разведка докладывала, что во время неформальных встреч парламентариев у них частенько заходили разговоры на такие темы, за которые в военное время принято расстреливать. Николай II получает все больше подобной информации, узнает он и о поддержке правящими кругами Англии и Франции думских оппозиционеров. Фрейлина императрицы Анна Вырубова пишет: «Государь заявил мне, что он знает из верного источника, что английский посол сэр Бьюкенен принимает деятельное участие

¹ *Мультатули П. В.* «Господь да благословит решение мое...». М.: Форум, 2007. С. 248.

в интригах против Их Величеств и что у него в посольстве чуть ли не заседания с великими князьями по этому поводу». ¹

Свидетельств таких невероятно много. Вот генерал-майор свиты, дворцовый комендант Воейков, вспоминает о впечатлении, которое произвела на него встреча с английским и французским послами во время новогоднего приема 1917 года в Царском Селе:

«На этом приеме послы — Бьюкенен и Палеолог — были неразлучны. На их вопрос о вероятном сроке окончания войны я ответил, что, на мой взгляд, состояние армии настолько поднялось и улучшилось, что если ничего непредвиденного не произойдет, то с началом военных операций можно ожидать скорого и благополучного исхода кампании. Они мне ничего на это не ответили, но обменялись взглядами, которые на меня произвели неприятное впечатление». ²

«Союзники» не просто знали о готовящемся заговоре против руководителя России, а организовывали и координировали его. Для того чтобы направлять события в нужное русло, вновь используется законспирированная агентура западных разведок. Как по мановению волшебной палочки, начинаются забастовки, митинги и шествия, которые *никто не организовывал*, а уже затем ослепленная элита возглавляет разрушительные силы. Большинство тех, чьими стараниями была уничтожена Россия, действительно искренне хотели блага своей родине и использовались «союзниками» втемную. Как матрешки, вложенные одна в другую, так и заговорщики знали каждый свою, строго дозированную правду об истинных замыслах. Ведь истинные кукловоды всегда остаются в тени, отправляя под свет прожекторов своих подопечных. Такая скрытая агентура находилась до поры до времени на вторых и третьих ролях, а после переворота совершила рывок к власти, чтобы в самый короткий срок разрушить основы государства и ввергнуть Россию в хаос. Для сокрушения России надо поставить у руля страны марионеточное

¹ *Мультатули П. В.* «Господь да благословит решение мое...». М.: Форум, 2007. С. 234.

² Там же. С. 238.

правительство, которое бы послушно выполняло чужую волю. Позднее, уже будучи членами Временного правительства, они, эти подопечные, будут совершать странные и необъяснимые на первый взгляд поступки, буквально «копать себе могилу», приближая большевистскую революцию. Невозможно здраво объяснить дальнейшие шаги «февралистов», не предположив, что выполняли они приказы своих хозяев и отрабатывали деньги, вложенные в их «безупречные биографии».

Но к «странным» и «удивительным» действиям Временного правительства мы еще вернемся чуть позже. А сейчас вспомним ход событий Февральской революции...

Глава 2

Ложь и обман как движущие силы Февральской революции

История проклянет пролетариев, но она проклянет
и нас, вызвавших бурю.

П. Н. Милюков

Англо-французский капитал помогал Гучковым
и Милюковым сместить Николая II, чтобы они помогли
ему «победить» Германию.

В. И. Ленин. «Письма из далека»

Февраль 1917 года — это точка, в которой сошлись интересы англичан и интересы внутренних заговорщиков. (В исторической литературе все даты Февральской революции обычно даются по старому стилю, будем этому правилу следовать и мы. Хотя по новому стилю она уже Мартовская.)

Надо было немедленно действовать, затяжка могла привести к потере контроля над ситуацией. И руководство западных спецслужб дало своим агентам зеленый свет. Благо прямо накануне переворота у них появился легальный способ находиться на месте будущих событий и корректировать свои планы. В Петрограде проводится очередная Межсоюзническая конференция. Офици-

альная ее цель — координация действий союзников в организации будущего наступления. Неофициальная — последние приготовления к перевороту. Совпадение, конечно, чисто *случайное*: до этой конференции все встречи по координации действий происходили *только во Франции*. А вот накануне устранения русской монархии, финансируемого и подталкиваемого союзными разведками, совет Антанты впервые проходит именно в русской столице. Пока генералы и дипломаты говорят о войне — заговорщики проверяют готовность к перевороту, дают последние инструкции и деньги. Делегаты прибывают в русскую столицу 3 (16) февраля 1917 года, уедут 6 (20)-го. Через две с половиной недели, 23 февраля (8 марта) 1917 года в Петрограде начнутся беспорядки...

Тщательно подготавливая свержение русского царя, «союзники» не скупятся на выражение дружеских чувств к нему, его просто душат в объятиях. Их лицемерие не имело пределов: к 1916 году император Николай II отмечен высшими наградами Франции, Англии, Бельгии и Сербии. Был русский царь и фельд-маршалом Великобритании, хотя этого звания не имел даже английский король...

Эта книга посвящена не революционным процессам в России, поэтому мы пройдемся по февральским и октябрьским хроникам вскользь. Нас революционеры и их действия интересуют в первую очередь своей связью с нашими «союзниками» по Антанте. Скажу сразу: прямых доказательств финансирования англичанами и французами Февральской революции и заговора против русского царя нет. Есть огромное количество намеков, ссылок в различных книгах, наблюдений и логических выводов. Но именно логика событий поступков и действий неопровержимо подтверждает, что это они организовали и оплатили уничтожение русского государства. К этому выводу начинаешь приходить, и анализируя поведение Антанты. Об этом кричат и последовательность организации мировой бойни, и ее результаты, где России было уготовано место среди побежденных, хотя она три года воевала на стороне победителей. Доказательством причастности «союзников» к разрушению русской монархии являются сроки наступления революции, столь удачные, сколь и внезапные для всех...

«Закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами», — пишет в своих мемуарах Милюков. И вот уже — *никем не организованные рабочие сами непонятно почему вышли на улицы русской столицы*. Не ожидали такого развития событий думские заговорщики, готовившие дворцовый переворот, оказались не готовы помогавшие им генералы. Не подозревали о революции эсеры и большевики, сидевшие за столами уютных швейцарских кофеен и пивных. Не надеялся на нее в Цюрихе Владимир Ленин, не верил строкам нью-йоркских газет Лев Троцкий, Иосиф Сталин не подозревал, что доживает последние дни своей ссылки. Спокойно садился в свой поезд, отправляясь в Ставку в Могилев, русский император, с легким сердцем провожала его в Ставку супруга.

Все должно было выглядеть так, словно события развивались сами собой и волны народного гнева потребовали смещения ненавистной монархии. Для этого нужны были беспорядки, и беспорядки масштабные, способные сойти за народную революцию. Недовольная часть русской элиты была готова к действиям, но и ей не хватало повода. Керенский в своих мемуарах прекрасно определил их настроение: «Сцена для последнего акта спектакля была давно готова, однако, как водится, никто не ожидал, что время действия уже наступило».

И повод для недовольства людей был выбран безошибочный — хлеб. Продовольствия в России было в достатке — излишек хлеба, за вычетом собственного потребления и союзных поставок, в 1916 году составил 197 млн пудов.¹ Но именно в феврале начались перебои в поставках. Очередная смута снова начиналась по сценарию 1905 года: демонстрации, войска, жертвы. С той только разницей, что в столице в 1917 году стояли не отборные гвардейские полки, а их запасные части. К тому же только что закончился призыв новобранцев, родившихся в 1898 году. Казармы были полны молодыми людьми 18 и 19 лет, которых из-за больших потерь призвали на службу ранее положенного срока. В случае столкновений с «народными» демонстрациями можно

¹ Китанина Т. М. Война, хлеб, революция (продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917). Л.: Наука, 1985.

было смело предсказывать, что эти войска не будут эффективно бороться с бунтом.

Первый звонок русской трагедии прозвучал 18 февраля: как и накануне «кровавого воскресенья», на Путиловском заводе вспыхнула забастовка. Предприятие это по-прежнему было не простое, а оборонное и выпускало продукцию, от наличия которой в окопах зависела жизнь или смерть русских солдат. В демократической Франции завод, работающий на оборону и забастовавший в военное время, был бы оцеплен колониальными войсками, а все зачинщики были бы быстро арестованы, судимы и расстреляны. В «темнице народов», как нам представляют царскую Россию, не сдвинулся с места ни один городовой.

Много странностей было в поведении властей в том феврале, с этого попустительства забастовщикам все и началось. Зерно бунта в зародыше не подавили. И тут сама природа, казалось, выступила против России. В феврале в Центральной России ударили сильные морозы до минус 43°. Это привело к выходу из строя свыше 1200 паровозов, что, в свою очередь, и затруднило подвоз продовольствия. В столице начались перебои с продуктами, поэтому 19 февраля власти объявили о введении в городе хлебных карточек. Помимо всего этого в Петрограде упорно распространялись абсолютно беспочвенные слухи о предстоящем голоде. Естественно, горожане стали закупать больше хлеба, что усилило нехватку продуктов еще сильнее. Хлеба не стало, но только черного, белый, чуть подороже, лежал свободно. У магазинов выстроились огромные очереди, в которых громко ругали правительство. Оставалось «правильно» объяснить недовольному населению причины возникших трудностей. Это был тот самый, присущий только монархиям, недостаток: в лавки не завезли булку, а во всем виновато самодержавие.

После окончания консультаций с «союзными» делегациями, прибывшими на конференцию, Николай II спокойно отбыл в свою Ставку в Могилев. 22 февраля 1917 года он покинул свою столицу. Царя часто упрекают в том, что он покинул Петроград в самый ответственный момент. Но основания для отъезда были у русского монарха веские: он командует вооруженными силами страны и должен быть в Ставке. Причин для особого беспокой-

ства не было. Несмотря на то что день открытия заседаний Государственной думы, 14 февраля, планировался как начало рабочих демонстраций, благодаря четким действиям охранного отделения беспорядки были предотвращены, произведены аресты. Последнее в истории русской охранки¹...

Запланированные выступления не состоялись. Бастовало лишь до 20 тысяч рабочих. На двух заводах рабочие вышли было с пением революционных песен и криками: «Долой войну», но были рассеяны полицией. На Невском проспекте студенты и курсистки собирались толпами, но тоже были разогнаны. Казалось, столица успокоена, и Николай II может спокойно отправляться руководить боевыми действиями. Но, уезжая и ощущая тревожную ситуацию в своей столице, царь отдает приказ отправить в Царское Село с фронта надежные части. На всякий случай. Разве мог он предполагать предательство высшего военного руководства?!

«В половине февраля, — писал министр внутренних дел Протопопов, — царь с неудовольствием сообщил мне, что приказал генералу В. И. Гурко прислать в Петроград уланский полк и казаков, но Гурко не выслал указанных частей, а командировал другие, в том числе моряков гвардейского экипажа (моряки считались революционно настроенными)».² Исследователь февральских событий Иван Солоневич пишет: «Это, конечно, можно объяснить и глупостью; это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, даже человеческая глупость. Это была измена. Заранее обдуманная и заранее спланированная».³

¹ Последними были не эти конкретные арестованные «борцы за свободу», а волна полицейской активности была последней пред ликвидацией органов правопорядка как таковых. На самом деле аресты революционеров продолжались вплоть до 27 февраля, когда анархия полностью захлестнула город (Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 525, 533).

² Мультатули П. В. «Господь да благословит решение мое...». М.: Форум, 2007. С. 285.

³ Солоневич И. А. Великая фальшивка Февраля; http://www.hrono.ru/libris/lib_s/solonev08.html

Помимо невыполненных военных приготовлений, царь перед отъездом принял премьера князя Голицына и оставил в его распоряжении свой подписанный указ о роспуске Думы. В случае необходимости надо было проставить дату и уведомить депутатов, что они могут отправляться по домам. После этого поезд монарха отправился в Могилев, в Ставку.

На следующий день после отъезда монарха в городе, как по команде, *неожиданно* начались серьезные беспорядки. «23 февраля было международным женским днем. Его предполагалось в социал-демократических кругах отметить в общем порядке: собраниями, речами, листовками, — напишет позднее Троцкий в своей “Истории русской революции”. — Накануне никому в голову не приходило, что женский день может стать первым днем революции. Ни одна из организаций не призывала в этот день к стачкам».¹

Никто к забастовкам не призывает, но они начинаются. *Стихийно, сами собой, просто так*. Однако тот факт, что обострение ситуации началось *сразу после* отбытия Николая, уже заставляет задуматься о «стихийности» народного гнева. Императрица, оставшаяся в Царском Селе, посылает мужу на следующий день письмо: «Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разбили Филиппова, и против них вызывали казаков. Все это я узнала *неофициально* (курсив мой. — Н. С.)».²

Вот это чрезвычайно важно. Информационная блокада царской семьи — обязательное условие успешности переворота. Она вступает в завершающую фазу — в городе уже революция, а царица узнает об этом не от тех, кто должен ее информировать по долгу службы. Николаю II его приближенные тоже ничего не докладывают, а из сообщения жены он может понять, что приключились сущие пустяки. Царь не знает, что сейчас в Петрограде решается судьба династии, вопрос жизни и смерти его страны

¹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1; <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotd007.htm>

² Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 507.

и его семьи. А ведь он мог понять, что ждет его, просто почитав стенограмму думских заседаний.

Позже деятели Временного правительства вину за расстрелянную семью Романовых будут перекладывать на большевиков. В этих обвинениях правды ровно столько же, сколько и лукавства. Тот же Керенский именно в день, когда планировались предотвращенные демонстрации и беспорядки, 14 февраля 1917 года, в своей речи в парламенте заявил: «Исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало... Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в оружие издевательства над народом? С нарушителями закона есть только один путь борьбы — физического их устранения».¹

Председательствующий Родзянко прервал выступление Керенского вопросом, что он имеет в виду. Ответ последовал незамедлительно: «Я имею в виду то, что совершил Брут во времена Древнего Рима».² Это прямое подстрекательство к мятежу. Такого в адрес монархии в России еще никто не позволял себе говорить. Но ведь не самоубийца же он: за такие высказывания — призыв к государственному перевороту и убийству царя — полагается смертная казнь и в мирное время. О военном и говорить нечего. Но не надо беспокоиться за Александра Федоровича — ничего ему не будет. Он из тех немногих, кто знал о «союзных» планах значительно больше других. Керенский осмелел настолько потому, что знает: Николаю II на троне сидеть остались считанные деньки. Не получилось сегодня раскатать лодку — ее раскатают ровно через неделю. Постоянными оговорками «по Фрейду» избилуют все мемуары будущего главы Российской республики. Действия, которые он на этом посту совершит, будут еще более красноречивыми...

Но не всегда читал царь парламентские хроники, он был главнокомандующим русской армией, и для таких мелочей времени у монарха уже не оставалось. Из столицы же рапортовали

¹ <http://hronos.km.ru/biograf/kerensky.html>

² Там же.

о практически полном спокойствии. Вот и супруга снова пишет ему в письме 25 февраля о событиях в Петрограде как о незначительных мелочах: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать».¹

Скажите честно, получив такое письмо от жены, вы бы бросили все и немедленно отправились бы в столицу? Многие историки, упрекающие царя в бездействии, удосужились бы сначала почитать эту переписку. Однако Николай осознает необходимость наведения порядка, только в его списке дел на день вопрос этот отнюдь не самый важный. На первом месте, как всегда, положение на фронтах. Уже вечером 25 февраля он посылает командующему Петроградским гарнизоном генералу Хабалову телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».²

Отправив строгую телеграмму в Петроград, столь часто цитируемую историками, в своем дневнике он запишет: «26 февраля. Воскресенье. В 10 часов пошел к обедне. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобруйскому шоссе к часовне, где погулял... Вечером поиграл в домино».³

О беспорядках ни слова. План заговорщиков идет как по маслу — точка кипения уже близка, а царь спокойно гуляет и поигрывает в домино, явно не осознавая размера грозящей опасности. Он отдает приказ, не понимая, что выполнить его уже почти невозможно.

¹ *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 523.

² Телеграмму, дающую четкое указание прекратить беспорядки, император отправил, получив ПЕРВОЕ донесение от министра внутренних дел Протопопова о том, что в реальности происходит. Он отреагировал немедленно.

³ Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 22.

Разворачиваясь по заранее заготовленному сценарию, беспорядки росли как снежный ком. 23 февраля на улицы Петрограда вышло уже 88 тысяч бастующих рабочих и работниц с криками: «Долой войну!» и «Хлеба!» В основном это были представительницы прекрасного пола. Причина проста — по новому стилю этот день соответствовал 8 марта — международному женскому дню. Тысячи факторов, случайных и подготовленных, складывались в эти дни против Российской империи. Военное руководство столицы могло, имело шанс спасти страну. Однако вместо решительных действий, которые, как мы теперь знаем, спасли бы миллионы жизней, командующий генерал Хабалов запретил применять оружие. А между тем «голодные» бастующие останавливали работу почему-то исключительно военных предприятий!

«На крики “долой войну”, на разгром почти исключительно лишь заводов, работавших на войну, не обратили внимания. 19 агитаторов, задержанных на заводе, не были преданы военно-полевому суду. Немедленный расстрел их по суду произвел бы охлаждающее действие лучше всяких военных частей».¹

Подстрекаемый агитаторами, народ собирается в толпы — солдаты и казаки бездействуют. Полиция борется с беспорядками изо всех сил, но ей тоже запрещено применять оружие. Почувствовав свою безнаказанность, 24 февраля движение расширилось, снова не встречая противодействия. В этот день бастовало уже 197 тысяч рабочих. Появились красные флаги. Наступал решительный момент — если сейчас не восстановить порядок, потом может быть уже поздно.

На улицах Петрограда простой хлебный бунт? *Нет, простых бунтов такого размаха не бывает!* Нам, наблюдающим всевозможные бархатные, розовые и оранжевые революции на территории бывшего СССР, легче поверить, что и в 1917 году за кулисами беспорядков стояли западные спецслужбы. Забастовщики ведь должны что-то кушать, а значит, кто-то должен их простой оплатить. Кому все это выгодно — тот и платит. Вот

¹ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 504.

эта справедливая мысль и является границей, за которой истории и политики делают из правильного посыла неправильные выводы. Анализировать надо не Первую мировую войну, не предвоенный период. Необходимо уйти значительно глубже в толщу истории и вспомнить, кто постоянно мутил воду в мировой политике и претендовал на мировое господство. Надо хорошенько вспомнить, кто неоднократно на протяжении XIX века пытался ослабить и уничтожить Россию сначала шпагой Наполеона, а затем кривыми турецкими ятаганами.

Ответ на вопрос, «кто был историческим и геополитическим врагом Российской империи», и есть ответ на вопрос о таинственном авторе нашей революции.

25 февраля, по правительственным сведениям, бастовало уже 240 тысяч человек. В этот день пролилась первая кровь: на Знаменской площади был убит полицейский, пытавшийся вырвать флаг у демонстранта. Затем новая неприятность — казаки впервые отказались разгонять мятежную толпу.¹ Кое-где, пока еще робко, как проба сил, уже были выброшены лозунги «Долой самодержавие!». Зато начинаются погромы, грабежи магазинов и избиение полицейских. Гарнизон столицы большой: это почти 200 тысяч, но не солдат, нет — *новобранцев*. Зато полицейских на весь миллионный город всего 3300.² Избиваемая полиция начинает применять оружие для самозащиты, но войска продолжают быть пассивными наблюдателями.

¹ Интересный момент нашей революции. Казаки были заодно с восставшим народом, говорят нам либеральные историки, и поэтому не разгоняли толпу. Возможно, некоторые действительно сочувствовали петроградским обывателям и рабочим. Среди казков был и как минимум один мерзавец-преступник, зарубивший полицейского ротмистра Крылова. Но основной причиной бездействия было... отсутствие у казаков нагаек! Рубить же саблями мирных жителей казаки были не готовы, а главного, самого эффективного «оружия», прекрасно показавшего себя в 1905–1907 годах, у расквартированных в столице станичников не оказалось. Генерал Хабалов отдал распоряжение купить нагайки и даже выделил для этого деньги, но этого сделать уже не успели.

² Керсновский А. История русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 4. С. 356.

Распоряжения военного министра генерала Беляева вселяли в толпу уверенность в собственной безнаказанности: «Целить так, чтобы не попадать», «Стрелять так, чтобы пули ложились впереди демонстрантов, никого не задевая...»¹ Такие приказы во время революции может отдавать министр по защите окружающей среды, но никак не главный военный в России. Объяснение такого странного поведения в решительный час не менее удивительно: «какое ужасное впечатление произведут на наших союзников трупы на петроградской мостовой!» А как поступили бы в подобном случае в демократической Англии? Ответ можно дать не приблизительный, а совершенно точный — стреляли бы залпами, до полной ликвидации бунта. Не хватило бы ружейного огня, англичане бы смело применили артиллерию.

Именно так они и поступили почти год назад в Дублине. Напомню, что Ирландия в свое время была присоединена к Британии отнюдь не добровольно, и война давала ирландцам шанс на освобождение. Мятеж произошел в пасхальный понедельник 24 апреля 1916 года. Около полутора тысяч волонтеров были поддержаны двумястами членами профсоюзной милиции и Ирландской гражданской армии. Они захватили несколько зданий в центре Дублина и выпустили «Прокламацию о создании Ирландской Республики». Английские власти не стали проявлять преступную медлительность и не дали выступлению охватить всю страну. За считанные часы к Дублину было стянуто мощное подкрепление, и если соотношение сил в понедельник было примерно 3:1, то уже к среде — 10:1, естественно, не в пользу повстанцев. Двадцать тысяч британских солдат взяли город в кольцо. Однако плохо вооруженные восставшие оказали неожиданно сильное сопротивление. Тогда, ни минуты не колеблясь, 28 апреля англичане подтянули к городу артиллерию и корабли. Главной мишенью британское командование избрало почтамт, где укрылись основные силы повстанцев. В результате обстрела был разрушен весь прилегающий к нему квартал Сэквилл Стрит и убиты тысячи мирных жителей. «Со-

¹ Керсновский А. История русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 4. С. 356.

юзников» это ничуть не тревожило. Им было абсолютно плевать на общественное мнение и произведенное впечатление — они методично давили мятеж. И своего добились — в воскресенье 30 апреля сложили оружие последние из повстанцев. Вот так решались подобные вопросы в демократических странах: как сказал бы Бисмарк — «железом и кровью».

У нашего самодержавия генералы были «демократами» не в пример британским — и в результате погубили всю страну. Подстрекательство и деньги, раздаваемые «союзной» агентурой, придают бунту второе дыхание. В день, когда Николай II повелел беспорядки прекратить, они, наоборот, вышли на новый уровень: в городе стреляли, появились многочисленные убитые и раненые. Поведение толпы было так же провокационно, как и в 1905 году. «По-хорошему» не расходились, затем из толпы или из-за угла кто-то стрелял в солдат, и те отвечали залпом. Оружие в течение 26 февраля применялось неоднократно. Толпы начали разбегаться.

В ночь на 27 февраля в Думе был обнародован заранее заготовленный царский указ о ее роспуске. Именно тогда всем и показалось, что беспорядки окончены. Но военные заговорщики, используя ситуацию, делали все возможное для того, чтобы помешать подавлению бунта. Великий князь Александр Михайлович по телефону беседует со своим братом, находящимся в Петрограде. Он знает о приказе Николая II отправить в столицу гвардейские части с фронта, поэтому и изумляется великий князь ответу брата на вопрос о состоянии дел:

«— Дела в Петрограде обстоят все хуже и хуже, — нервно сказал он. — Столкновения на улицах продолжаются, и можно с минуту на минуту ожидать, что войска перейдут на сторону мятежников.

— Но что же делают части гвардейской кавалерии? Неужели же и на них нельзя боле положиться?

— *Каким-то странным и таинственным образом* приказ об их отправке в Петербург был отменен. Гвардейская кавалерия и не думала покидать фронт».¹

¹ Романов А. М. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 174.

Странности и таинственность. Никуда от них не деться в разговоре о нашей революции.

Утром 27 февраля случилось худшее, что могло случиться: военный бунт. Тимофей Кирпичников, унтер-офицер учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, убил своего начальника капитана Лашкевича. Русский солдат во время войны убил выстрелом в спину безоружного русского офицера.¹ Это был первый выстрел в длинной цепи русской междоусобицы. Это была первая смерть, открывшая счет океанам братской крови, пролитой в Гражданскую и Великую Отечественную. Временное правительство позже чествовало Кирпичникова как «первого солдата, поднявшего оружие против царского строя». Но настоящая награда нашла «героя» позже...

Невероятно переплетутся судьбы участников февральских событий. Все перемешается, вся страна встанет на дыбы. Сразу после Февраля генерал Л. Г. Корнилов, будущая икона Белого движения, наградит Кирпичникова Георгиевским крестом и произведет его в офицеры (подпрапорщики). Через год, уже во время Гражданской войны, к другому герою Белого движения, полковнику Кутепову, с просьбой обратится офицер по фамилии Кирпичников. Заметив, что его фамилия не произвела должного впечатления, он достанет из кармана газетную вырезку, рассказывавшую о его «подвиге», и выложит ее на стол. Кутепов, в том самом Феврале пытавшийся усмирить бушующий Петроград, с интересом взглянет на виновника мятежа: «А, так это вы убили своего безоружного начальника!» И прикажет его расстрелять...

После убийства первых офицеров началось самое страшное. Был разгромлен арсенал, истреблена полиция, сожжен окружной суд и выпущены арестанты из тюрем. Толпы восставших смяли оставшиеся верными войска. Власти в Петрограде больше не было. Не ожидавшие такого развития событий думские заговорщики пытаются понять, как направить «стихийный» мятеж в нужное им русло.

¹ Накануне Кирпичников был образцовым солдатом и даже сдал полиции задержанного студента с бомбой.

Николай II, отдав распоряжение о подавлении беспорядков, далее получал утешительную информацию. Главу государства не информируют о событиях чрезвычайной важности. Те военнo-думские круги, что планировали добиться низложения монарха, арестовав его, корректируют свои старые планы. Цель все та же: добиться отречения, скрывая информацию сначала и преувеличивая размеры бунта потом.

Тем более неожиданной для Николая II прозвучала телеграмма председателя Государственной думы Родзянко: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах идет беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя...»¹

Беспорядки уже достигли нужного накала. Теперь пришла пора шантажировать ими царя. Арестовать монарха в Ставке невозможно, необходимо, чтобы он оттуда уехал. Так ему события и подаются. Монарх должен приехать в столицу, чтобы на месте разобраться в случившемся и просто сформировать новое, ответственное перед Думой правительство. До его отбытия из Ставки речи об отречении нет. Это понятно, ведь в распоряжении Николая II многомиллионная армия, а на стороне бушующего мятежа — пьяные новобранцы и погромщики. Одна-две верные дивизии наведут в столице порядок за считанные часы. Яркий пример, что так могло быть, — успешное сопротивление мятежникам в самом Петрограде отряда полковника Кутепова. Под его командой всего 500 солдат, но и с этой горсткой верных присяге людей он успешно сопротивляется. Однако, не будучи поддержанным, терпит поражение.

Благодаря дезинформации Николай II не до конца понимает масштабов случившегося. В свой дневник царь записал: «27 февраля. Понедельник. В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство — быть так далеко и получать

¹ <http://www.hrono.ru/dokum/rodza1917.html>

отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи перебрался в поезд».¹

Он решает ехать, полный беспокойства за свою семью, находящуюся в Царском Селе, то есть всего в нескольких десятках километров от военного мятежа. Бунтовщики легко могут напасть на дорогих его сердцу детей и безгранично любимую супругу. Перед отъездом он решает направить для подавления бунта генерала Иванова. 28 февраля Николай запишет в дневник: «...Лег спать в 3, так как долго говорили с Н. И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев...»²

Советские историки всегда старались обрисовать Февраль как некую неполноценную революцию, противопоставляя ее «полноценному» Октябрю. Сложность задачи состояла в том, что одновременно надо было показать, с каким трудом была сброшена царская власть, и приписать именно большевикам все заслуги в деле свержения самодержавия. Эпизод с посылкой генерала Иванова вообще не упоминался, потому что к его остановке ленинцы никакого отношения не имели.

Сейчас у историков задача диаметрально противоположная. Это Октябрь был предательством и ошибкой, а вот Февраль мог дать России процветание и свободу. Доказать эти суждения документально невозможно, представить Февральскую революцию заговором неудобно. Оттого и рождаются в среде писателей и публицистов странные «кентавры» суждений на несбывшиеся надежды с «ма-аленькими» историческими неточностями. Так вот и с генералом Ивановым, носившим редкое сейчас отчество Иудович.

Яркий пример искажения истории в угоду конъюнктуре — книга В. А. Стронгина «Керенский». Открываем ее и читаем:

¹ Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 23.

² Там же.

«Стало известно, что царь и Ставка двинули на Петроград войска с фронта, возглавляемые генералом Ивановым, наделенным диктаторскими полномочиями».¹

Неслучайно в таких книгах вы не найдете ни одной цифры. Расчет на незнание и эмоции. Подумайте, сколько же войск направил Николай на подавление революции, если население Петрограда около двух миллионов человек, а взбунтовавшийся гарнизон почти 200 тысяч? Десять, двадцать, пятьдесят тысяч?

Не будем гадать, просто скажем правду. Правду, которую не хотят говорить защитники заговорщиков, подтолкнувших Россию к краю обрыва, а потом и вовсе спихнувшие ее под откос. **Генерал Иванов шел усмирять Петроград с отрядом георгиевских кавалеров в 800 человек!**² Но даже эти солдаты могли еще спасти ситуацию. Пока сам царь не остановил их движение на столицу. Сделал он это, полностью дезинформированный, запутанный и преданный своим ближайшим окружением, своими родственниками, своим парламентом. Сделал, исходя из своего понимания блага России и для того, чтобы избежать кровопролития, тем самым упустив последний шанс сохранить страну и избежать дальнейших потрясений.

Февраль победил потому, что власть не стала его подавлять, а вовсе не потому, что так велико было стремление народных масс к свободе. Февраль — это не революция в классическом смысле, когда, несмотря на сопротивление власти, восставшие ее сметают. Это заговор, причем заговор неудачников, которые не организуют события, а плетутся у них в хвосте. И только предательство всех тех, кто должен бунт подавлять, приводит к его победе.

Судьба страны балансирует на весах истории. 27 февраля ситуация еще абсолютно неясна, царь отречься и не собира-

¹ Стронгин В. А. Керенский. М.: АСТ, 2004. С. 115.

² Генерал Иванов имел один батальон георгиевских кавалеров, состоявший из трех рот. Ранее они охраняли Ставку (Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 579).

ется. Вооруженными мятежниками громятся государственные учреждения и фактически захвачена столица. И все. Есть старая законная власть, и есть беснующиеся толпы, которые рано или поздно будут разогнаны. Для того чтобы мятеж перерос в революцию, должен возникнуть новый властный орган. Вот тут оппозиционеры в Думе словно получают какой-то сигнал.

Растерянные депутаты «неожиданно» решаются организовать новые властные органы.

И не один даже, а сразу два(!) новых центра власти («противоборство» которых и составит потом всю дальнейшую драму русской революции).

Это делается до отречения царя. За два дня до этого!

Совершенно случайно это происходит в один день, в одном и том же здании — в Таврическом дворце!

Подумайте, откуда такое единодушие? Бунт ведь могут и подавить. Создание в такой ситуации нового правительства — явная государственная измена. Но хитрость в том и состоит, что под флагом борьбы с анархией Временный комитет Думы организуется не для ее ликвидации, а для демонтажа существующей власти. Думские деятели создают Временный комитет Думы — фактически новое революционное правительство. Его председатель — Родзянко. В составе все главные заговорщики: Милюков, Гучков, Львов, Керенский. Левые партии тоже торопятся и в тот же день создают Петроградский Совет рабочих депутатов, и выбирают его временный исполнительный комитет. Председателем исполкома выбрали лидера меньшевистской фракции Государственной думы Чхеидзе, а его заместителями — членов Думы: меньшевика Скобелева, Стеклова (Нахамкеса) и... «независимого депутата» Керенского. Таким образом, Александр Федорович Керенский стал связующим мостом между Советом рабочих и солдатских депутатов и Временным комитетом Думы, который взял на себя верховную власть. Он решителен и смел. В эти дни он и составит свою бешеную популярность и головокружительную карьеру. Такая «всенародная» любовь представителей двух образующихся центров власти именно к этой персоне вполне оправданна. К созданию обоих Керенский приложил руку лично. Просто потому, что Керенский знает, что будет дальше, а остальные к живитель-

ному источнику знаний, бющему из резидентуры «союзных» спецслужб, не припадают.

Только нерасторопность столичных властей позволила депутатам снова собраться в Таврическом дворце. Никто не принял никаких мер, чтобы не допустить распущенных парламентариев в здание Думы. Хватило бы трех десятков солдат и пары решительных офицеров, чтобы прикладами за десять минут в точности выполнить царский указ. Но караула нет, и депутаты свободно проходят в здание. Собравшись там, они принимают решение: указу о роспуске подчиниться, считать Думу не функционирующей. Вот здесь и появляется энергичный Керенский. С его подачи возникает мысль выполнить указ лишь наполовину. Считать Думу распущенной, но депутатам не разъезжаться и немедленно собраться... просто на частное совещание. Не боялся Керенский призывать к цареубийству, теперь не боится он и нарушить царский указ. Именно Александр Федорович звонит в колокольчик для сбора депутатов в Большой зал заседаний. Это погребальный звон русской монархии. Керенский наперед знает будущие события и ведет своих коллег по заранее намеченному плану — срочно создать новый властный орган. Пришло время сформировать новую власть, за это ничего, кроме славы и почестей, уже не будет.

В это же время, только чуть позже, начинает свою работу Петроградский Совет. В том же здании, в соседнем помещении. Это совсем не случайно, что второй орган власти располагается там же, где и первый. Об этом нам рассказывает сам Керенский: «Еще одним важным преимуществом Совета было психологическое воздействие размещения его в Таврическом дворце. В глазах политически неискушенных обывателей из-за непосредственной близости Совета к новому правительству этот институт представлялся им в какой-то мере равнозначным правительству и по-сему обладавшим властью в пределах всей страны».¹

Хитро поступили отцы-основатели Петроградского Совета. Но кто же они? Много «чудес» мы наблюдали в истории русской революции, еще больше ждет нас впереди. Имена можно при

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt14.htm>

желании найти прямо в мемуарах самого Александра Федоровича Керенского:

«У меня в памяти живо стоит воспоминание о нашей встрече с М. В. Родзянко в одном из коридоров Таврического дворца приблизительно в 3 часа пополудни того же дня (27 февраля. — Н. С.). Он сообщил, что член Думы от меньшевиков Скобелев обратился к нему с просьбой предоставить помещение для создания Совета рабочих депутатов, дабы содействовать поддержанию порядка на предприятиях.

— Как вы считаете, — спросил Родзянко, — это не опасно?

— Что ж в этом опасного? — ответил я. — Кто-то же должен, в конце концов, заняться рабочими.

— Наверное, вы правы, — заметил Родзянко. — Бог знает, что творится в городе, никто не работает, а мы, между прочим, находимся в состоянии войны».¹

Вот круг и замкнулся. Скромничает Керенский — именно он и инициировал создание Совета, он же и помог ему расположиться под крылом правительства, чтобы спроецировать на себя его авторитет. *Так один человек смог заложить основы будущего двоевластия.*

Органы новой власти уже сформированы, но чтобы они смогли полноценно запустить процесс развала России, нынешней царской власти надо исчезнуть. Поэтому седовласый генерал Алексеев вместе с другими военными участниками заговора, ставившего целью перемены на троне, готовился оказать давление на царя, чтобы добиться его отречения. Военные возлагали большие надежды на регентство (при малолетнем царевиче Алексее) великого князя Михаила Александровича, брата царя. Монарх передвигается по своей стране с минимальной охраной. Мы помним, что на подавление мятежа он отрядил целых 800 штыков, а его личный конвой еще меньше. Арестовать, изолировать Николая будет несложно.

Дальнейшие события надо изучать пристально. Именно в хронологии и таится ответ на вопрос, кто все это замыслил. Итак,

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt14.htm>

Николай на поезде направляется в столицу. Чтобы он ехал, не беспокоясь о своей безопасности, ему ничего не сообщается о появлении сразу двух новых центров власти. Наоборот, Родзянко в тот же день — 27 февраля — шлет царю новую телеграмму, из которой можно понять, что именно решения монарха могут ситуацию изменить:

«Занятия Государственной думы указом Вашего Величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства внутренних дел и Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите отмену Вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Председатель Государственной думы. Родзянко».¹

В действительности именно крушение династии приведет к разрушению России. Поэтому так важно добыть отречение царя. Председатель Государственной думы Родзянко отбивал телеграмму не только царю. 1 марта он отправил сообщения генералам-заговорщикам Алексееву в Ставку и Рузскому в Псков о принятии власти Временным правительством под председательством князя Львова и просил отозвать войска, посланные царем в Петроград. Рузский немедленно доложил об этом Николаю, и вечером 1 марта последовало его роковое повеление генералу Иванову ничего не предпринимать. Для фактического ареста и задержания монарха Временное правительство уже отдало приказ железнодорожникам:

¹ *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 576.

царский поезд не пропускать и блокировать. Николай запишет об этом с удивлением: «1 марта. Среда. Ночью повернули с М. Вишеры назад, так как Любань и Тосно оказались занятыми восставшими... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор. Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс, должно быть, тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»¹

«...Временный комитет принялся за свою главнейшую задачу — ликвидацию старой власти. Ни у кого не было сомнения, что Николай II более царствовать не может», — вспоминает Милюков.² Цель номер один для всех заговорщиков, «знавших» и не знавших будущее, вечером 1 марта была одна и та же — отречение. Но единодушные в среде думцев лишь видимое. Дальше предстояла первая «развилка», где первая часть заговорщиков неожиданно поняла, что события развиваются совсем не так, как они себе представляли. Ощущение, что явные договоренности, имевшиеся накануне Февраля, вдруг странным образом начали нарушаться, не покидает, когда листаешь мемуары и воспомина-ния участников тех событий.

Первым почувствовал себя неловко именно глава кадетов Милюков. Утром 2 марта, выступая перед толпой о составе Временного правительства, он объявил о том, что великий князь Михаил Александрович будет регентом и что решено установить в России конституционную монархию. Почему он так говорит — понятно. Таковы, собственно говоря, и были цели дворцового переворота, замышлявшегося в Думе и в армии. Но разрушительным силам требуется не перемена лица на троне, а скатывание страны к хаосу и анархии.

Керенский, который знал куда больше партнеров по Думе, пишет в своих мемуарах о выступлении Милюкова совершенно открыто: «С присущим ему упорством он принялся отстаивать свое мнение, согласно которому обсуждение должно свестись

¹ Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 23.

² Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 40.

не к тому, кому суждено быть новым царем, а к тому, что царь на Руси необходим. Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь хотела видеть на троне новую фигуру. В тесном сотрудничестве с новым царем, продолжал Милюков, Думе следует утихомирить бушующую бурю. В этот решающий момент своей истории Россия не может обойтись без монарха. Он настаивал на принятии без дальнейших проволочек необходимых мер для признания нового царя».¹

Милюков протестует, он говорит о том, что России нужен царь, а без него страна погибнет. Силам, чьи желания будет осуществлять Керенский, на службу которым он отдаст свой незаурядный ораторский талант, нужно совсем другое. Поэтому Александр Федорович выводы делает моментально: «Заявление Милюкова вызвало бурю негодования всех солдат и рабочих, собравшихся в Таврическом дворце. Однако в ночь с 1 на 2 марта почти единодушно было принято решение, что будущее государственное устройство страны будет определено Учредительным собранием. *Тем самым монархия была навечно упразднена и сдана в архив истории*».²

Отличить наивных заговорщиков от тех, кто потом будет сознательно губить собственную Родину, очень легко. Надо просто понять их логику. Вот и попробуем это сделать. Какие варианты выхода из кризиса были у России в Феврале?

Первый — Николай II остается на троне. Это не устраивало никого. Второй — отречение в пользу наследника Алексея Николаевича, при регентстве брата бывшего монарха Михаила Александровича. Только эти два варианта были абсолютно законны. Именно поэтому их и постарались избежать. Третий вариант, к которому и склонят в итоге Николая, — отречение в пользу брата Михаила. Четвертый вариант — установление в России республики, за что так горячо ратовал Керенский. Эти два варианта вложены друг в друга, как матрешки, и являются незаконными.

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt13.htm>

² Там же.

Пойди события по пути вариантов один или два, может, и стояла бы Российская империя до сих пор. После развития событий по другим вариантам шансов на спасение уже не было. Давайте разбираться. Законом о престолонаследии вообще не предусматривался вариант отречения помазанника Божьего. Однако в случае такого поворота дел, согласно порядку престолонаследия, царем становился сын Николая, цесаревич Алексей. В силу своего малолетства править самостоятельно он не мог и должен был получить опекуна-регента. Таковым умеренные заговорщики и мыслили великого князя Михаила Александровича. Для России это был наилучший выход. Благодаря отречению страсти успокаивались, мятеж заканчивался, и страна могла продолжать войну до победного конца. Конечно, были бы изменения, связанные с некоторым урезанием прав монарха и переменами в высших эшелонах, но в целом государственный строй изменился бы минимально.

Минимально по сравнению с теми потрясениями, что предусматривались вариантами три и четыре. «Союзники» не могли допустить перехода престола к малолетнему Алексею. *Ведь главной помехой на пути уничтожения страны становится именно возраст наследника.* Чтобы быть уверенными в успехе, надо движение страны к распаду и гибели не просто направлять и прогнозировать, а возглавлять. Для этого разрушители России должны взять в свои руки всю полноту власти: Династия должна полностью уступить ее новым властным центрам — Временному правительству и Петроградскому Совету. В случае передачи власти малолетнему цесаревичу этого не произойдет. Власть остается в руках Династии. Степень сговорчивости Михаила Романова и остальной части семьи безгранична. Опекуны цесаревича могут согласиться на думское правительство, но они никогда не согласятся сломать весь государственный механизм страны. При наведении порядка в стране снова надавить на власть уже не получится. Повода для бунта уже не будет: на троне мальчик, который ни в чем не повинен. Убрать же его от власти законным путем невозможно.

Его отца заставляют уговорами и угрозами передать власть. Михаил Романов тоже может отречься от престола. Они взрос-

лые люди и вольны сами решать, хотят ли они царствовать. Малолетний наследник не может отречься — его отречение недействительно в силу юридической недееспособности малолетнего ребенка. И еще один важный момент: опекун наследника может поменять правительство, отправить его в отставку в случае, если увидит, к чему ведут Россию керенские и милюковы. Такие полномочия у опекуна есть. Как вы будете в таком случае разрушать страну и принимать безумные декреты (о которых мы поговорим в следующей главе)? Никак.

Зато Временное правительство *никому* не подотчетно, его *никто* не может отправить в отставку. *Потому что его никто не выбирал и не назначал!* Оно себя назначило само.¹ А его преступную деятельность никак, кроме как путем переворота, не сорвать, а это уже и есть хаос и анархия, нужные «союзникам». Получается заколдованный круг: стоит во главе страны такое правительство — и губит ее, хочешь свергнуть злодеев — и получаешь тот же результат.

На пути «союзного» плана пусть малолетний, но монарх и его властные полномочия, переданные на время опекуну. Это можно обойти, если принять конституцию, при которой власть русского монарха сократится до чисто представительских функций. И опять-таки, забрав власть, направить государственный корабль России прямо на скалы. Но сделать это также не позволяет... возраст Алексея Николаевича.

Взрослый государь Михаил может присягнуть новой измененной конституции. Малолетний цесаревич Алексей — нет.

¹ Исторический парадокс — «демократическое» Временное правительство никто не выбирал. Более того, как только оно образовалось, действительно всенародно выбранная Дума более не собиралась ни разу! Почему? Потому, что все ее вожаки уселись в кресла министров. И теперь им всякий маскарад был более не нужен потому что они получили то, к чему стремились, — власть. На остальное, на Россию господам кадетам, октябристам, эсерам и, по меткому определению Ленина, «всякой прочей мелкой сволочи» было наплевать. Если Думу разогнал царь — то он душитель свободы и тиран, если ее фактически разгоняют сами думцы — нам предлагается считать их демократами и радетьелями свободы...

Значит, и конституцию при нем не изменить. Возраст наследника полностью блокировал все изменения государственного строя. При объявлении цесаревича новым государем процесс уничтожения России останавливался в самом начале. Удалось бы миновать Гражданскую войну, болезни и разруху. Поэтому единственным выходом для врагов России оставалась передача власти не цесаревичу Алексею, а великому князю Михаилу Александровичу. Его можно заставить отречься или ввести новую конституцию. Следовательно, необходимо заставить царя отречься именно в пользу своего брата. Это нарушение закона. Но разве в ситуации, когда на улицах революция, до буковок закона?

«Если здесь есть юридическая неправильность... Если Государь не может отречься в пользу брата... Пусть будет неправильность!.. Может быть, этим выиграется время... Некоторое время будет править Михаил, а потом, когда все утомится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Алексею Николаевичу...», — рассуждает В. В. Шульгин,¹ известный монархист, принимавший отречение у Николая II. Так думали умеренные заговорщики, сторонники сохранения царской власти. Этого желали военные. Казалось, их цель близка: Николай II, не устраивавший их персонально, от власти отстранен. При регенте Михаиле все будет по-другому.

Именно на этом и «поймала» их «союзная» агентура. Поэтому, когда лидер кадетов делает заявление о введении регентства, те, кто знал больше Милюкова, сделают вид, что согласны с ним. На самом деле все идет по плану, в котором монархии в России места нет. Керенский ведь проговорился в своих мемуарах, что «монархия была навечно упразднена и сдана в архив истории».

Обратите внимание на даты: это очень важно! Николай II отрекся в середине дня 2 марта. А Керенский решил судьбу института монархии утром 2 марта, то есть до формального отречения венценосца! Допустим, что отречение императора было очевидным фактом еще до формального подписания самой бумаги Николаем, но почему тогда сторонник регентства Милюков, который был на том же самом собрании, понял события

¹ Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М.: Современник, 1989. С. 235.

наоборот? Керенскому ясно, что царя нет и более уже никогда не будет, а его коллеге это невдомек. Такое может быть только в одном случае — Керенский знает куда больше Милюкова. Поэтому именно он поведет нашу страну уверенной рукой в ее страшное будущее. Обратите внимание, что будущий главный «демократ» России безапелляционно хоронит монархию *еще и до того, как Михаил Романов отрекся от престола!* Брат царя сделает это на следующий день, 3 марта, а 2-го великий князь Михаил Александрович еще даже не знает, что царь отречется в его пользу. О свалившемся на его плечи бремени власти Михаил узнает из телеграммы в середине дня 2 марта. Он только еще начнет обдумывать ситуацию, а Керенский уже знает, каково будет его решение.

Как мы знаем, вся Февральская революция сведется к образованию Временного правительства, которое соберет Учредительное собрание, и только этот орган должен будет решить, монархической или республиканской быть нашей стране. Но Керенский все уже знает наперед, он уже все решил за русский народ, и спрашивать мнения рядовых жителей России не нужно. Все дальнейшие игры в демократию всего лишь красивый спектакль, призванный прикрыть неприглядную деятельность по развалу России, которую развернули Временное правительство и А. Ф. Керенский с *самого первого дня* своего нахождения у власти.¹

Теперь мы понимаем, чего добивались деструктивные силы и какой вариант развития событий их устраивал. Именно его реализацией они и начинают заниматься. Первый этап — отречение в пользу Михаила.

Роковым днем для русской монархии стало 2 марта 1917 года. В дневнике Николая II в этот день появилась очередная запись:

«...Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство без Думы будет бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая

¹ У власти Керенский находился недолго, однако сумел прожить долгую жизнь. Он скончался в Лондоне 11 июня 1970 года в возрасте 89 лет.

партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговаривал и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»¹

Эти последние строки монарха очень любят цитировать. И правда — зная, как развивались события, сложно с Николаем Романовым не согласиться. Именно так он будет называться после своего отречения. Фактически этого и потребовал командующий Северным фронтом генерал Рузский, который блокировал движение царского поезда к столице. Давления одного командующего фронтом было мало — Николай колеблется. Тогда генерал Алексеев разослал всем главнокомандующим телеграмму, в которой изложил требования Думы об отречении царя и просил их высказаться по этому поводу. Но чтобы настроить командующих фронтами, у которых царь просит совета, на нужный лад, генерал Алексеев обманывает и их. В начале посланной телеграммы он дописывает несколько слов от себя. «Упорство же Государя способно лишь вызвать кровопролитие» — вот те слова, после которых почти все высшие военные чины России поддержали требование отречения Николая II. Естественно, они не представляли, что именно отречение и приведет очень быстро страну к катастрофе!

Ответы командующих положили на стол царя. Поразительно, из какого количества лжи и обмана выросла Февральская революция. Когда тонкие листочки телеграмм упали на стол монарха, его снова обманули, показав только те ответы, где речь шла об отречении. Телеграмму командира Гвардейского конного корпуса Хана Нахичеванского, сообщавшего о готовности гвардейской конницы умереть за своего государя, ему не показали. Не увидел Николай и ответа командира конного корпуса

¹ Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 23–24.

графа Келлера, лучшего кавалериста империи. Да и остальные военные не настаивали, а рекомендовали отречься во имя спокойствия страны. Они просили государя отказаться от трона в пользу сына — об уничтожении или свержении монархии никто и не помышлял.

Воспользовавшись «стихийными» беспорядками, военные заговорщики просто воплощают свой старый план. Они не подозревают, что «случайные» и «загадочные» выступления рабочих и солдат для того и организованы, чтобы направить события совсем в другое русло. Военное окружение используется для создания у Николая иллюзии, что вся страна хочет его отречения. Вожди армии — люди, которым он безгранично доверял, находили, что оно пойдет на благо страны. Заговорщики угрожают гибелью царской семьи в случае его упорства и апеллируют к патриотическим чувствам царя. Мол, только его уход может предотвратить смуту. Вестей от жены царь не получает и не может знать, что реальная опасность его близким не угрожает. Раз так — он не видит смысла упорствовать. Обманутый самодержец соглашается передать власть.

Обратите внимание, как ловко, поэтапно власть будет передана от Николая Временному правительству. Сначала он отрекается в пользу Михаила, и только потом тот в свою очередь передает власть «временщикам». Сделано это потому, что даже под угрозой смерти Николай II не отдал бы свои полномочия никому, кроме представителя царской династии. А отречение в пользу Михаила, *уже нарушающее закон*, дает возможность нарушить его и Михаилу, передав права не следующему по старшинству Романову, а Временному правительству.

Чтобы запустить механизм русской смуты, Николай сначала должен отречься в пользу брата, а не сына. Он же, естественно, подписал отречение в пользу сына — цесаревича Алексея Николаевича. Регентом становился Великий князь Михаил Александрович, верховным главнокомандующим — Великий князь Николай Николаевич, председателем ответственного министерства — князь Львов, командующим войсками Петроградского военного округа — генерал Корнилов. Царь сделал все так, как хотели умеренные заговорщики. Желавшим разрушения России

и части втемную используемых думцев этого было мало. Чтобы не допустить публикации царского манифеста, после которого отыграть назад будет почти невозможно, они направляют к царю делегацию для обсуждения условий отречения. Настоящая их цель — убедить его отречься в пользу брата Михаила.

В ожидании делегатов Николай Романов повелел задержать манифест об отречении в пользу цесаревича. Они прибыли в Псков поздно вечером 2 марта, и Николай после краткого колебания отрекся от престола за себя и за наследника в пользу своего брата. Почему он нарушил закон о престолонаследии — достоверно узнать невозможно. Историки говорят, что причина — состояние здоровья больного гемофилией цесаревича Алексея. Однако поверить этому сложно: каково бы ни было состояние здоровья наследника, никто его не может «отодвинуть» от престола. Даже собственный отец. Вероятнее всего, заговорщики — генералы, державшие царя под арестом, — объяснили ему, что при передаче власти сыну и он, и все остальные члены его семьи будут убиты бунтовщиками в Царском Селе. То, что сын, дочери и жена находятся в опасности, царь знает. А вот где находится его брат — царю достоверно неизвестно. Если отдать власть ему — он, вероятно, сумеет спасти страну и навести порядок. И семья самого Николая II не пострадает...

Итак, первый этап плана заговорщиков был блестяще выполнен. Власть переходила к Михаилу Романову, но и это была лишь ступенька, а не цель. Теперь приходилось уже водить за нос тех, кто помогал на первом этапе, но мог помешать на последующих. Председатель Думы Родзянко и Керенский толкают депутатов и министров новообразованного Временного правительства на ликвидацию монархии вообще и создание республики. Военные этого вовсе не желают, поэтому приходится их обманывать. Генерал Рузский присутствовал при отречении и собирается разослать манифест о воцарении Михаила Александровича по всей стране. На рассвете 3 марта Родзянко вызвал генерала Рузского по телеграфу и потребовал документ народу и войскам не объявлять. Удивленному генералу председатель Думы сообщил, что при известии о возможном сохранении монархии вечером 2 марта в Петрограде вдруг вспыхнул сильнейший солдатский бунт.

Взбунтовавшиеся войска якобы требуют низложения династии, грозя в противном случае смести всех. Эту же ложь Родзянко передал вслед за тем и Алексееву, прося и Ставку задержать манифест. Генералы удивлены, слегка смущены, но распоряжение выполняют, хотя в некоторые места манифест уже был передан. Приходится телеграфировать туда и просить задержать его обнародование. Такая чехарда привела в итоге к страшной путанице. Такой, что командующий Черноморским флотом адмирал Колчак прямо-таки взмолился в своей телеграмме, прося объяснить, кто же является высшей властью в стране.

Никакого нового бунта в Петрограде, конечно, не произошло. Просто заговорщикам нужно было выиграть время для «обработки» Михаила. Седовласый глава русского парламента бессовестно врал, словно карточный шулер. Такого генералы представить себе не могли. Наступал последний этап захвата власти.

«А. Ф. Керенский еще накануне вечером в Совете рабочих депутатов объявил себя республиканцем», — вспоминает глава кадетов Милюков.¹ Снова именно Керенский буквально за волосы тащит Россию вперед, форсируя события и, как локомотив, двигаясь к конечной цели — уничтожению монархии. Он опережает даже решения собственной партии: 2 марта на конференции петроградских эсеров принимается резолюция только о «подготовке Учредительного собрания пропагандой республиканского образа правления». Но 3 марта с утра именно Керенский убеждает депутатов в необходимости добиться отречения Михаила.² Аргументация проста — якобы другого варианта народ не примет. Под народом понимаются толпы погромщиков и разнузданных солдат. Остальная Россия безмолвствует, ничего не говорит и многомиллионная армия. Однако красноречие Керенского ведет депутатов в сторону их собственных скрытых стремлений. *В случае ликвидации монархии члены Временного правительства автоматически становятся высшей властью в России.* Конечно, большинство из них не желало будущей ката-

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 45.

² Там же. С. 48.

строфы, но Керенский явно был не один, кто сознательно толкал Россию к обрыву. Однако, безусловно, он — главное действующее лицо, основной персонаж этих важнейших дней. На стороне сохранения конституционной монархии один Милюков.

Казалось бы, движущая сила переворота — честолюбие беспринципных политиков. Нет. Так спокойно и хладнокровно идти на полное изменение государственного строя России во время мировой войны можно, только имея гарантии поддержки их «союзниками». Переворот одного члена Антанты — это не просто его внутреннее дело, от этого зависит судьба всей войны, а следовательно, и остальных участников блока. Керенский знает, что гарантии поддержки англичан и французов у него есть. В случае поражения ему обеспечат безопасность и вывезут из России. Так и случится — только не в Феврале, а уже после Октября. Был Керенский верным «союзником» англичан, вот его и вывезли на британском миноносце от большевистской расправы — скажут историки. Но Николай Романов был еще более верным соратником Лондона, однако его никуда не вывезли, хотя возможность такая имелась всегда. Интересные получаются параллели...

Керенский позвонил великому князю Михаилу Александровичу и договорился о незамедлительной встрече с членами Временного правительства и Временного комитета Думы. После страстных споров вся делегация направилась на квартиру княгини Путятиной на Миллионной улице, дом 12, где находился Романов. Руководители всех партий Думы, за исключением Милюкова, настаивали на отречении. То есть, вернее, на передаче власти Временному правительству до Учредительного собрания.¹ Главное действующее лицо спектакля — Керенский: в мемуарах он называет вещи своими именами, а великому князю Михаилу он говорил совсем другое: «Великий князь Михаил Александрович объявил, что примет трон только по просьбе Учредительного собрания, которое обязалось созвать Временное правительство. Вопрос был решен: монархия и династия стали атрибутом прошлого. С этого момента Россия, по сути дела, стала республикой,

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 49–50.

а вся верховная власть — исполнительная и законодательная — впредь до созыва Учредительного собрания переходила в руки Временного правительства».¹

Шантаж, демагогия и угрозы — вот тот инструмент, что позволил обмануть и Михаила, сказав ему, что форму правления для страны должен выбрать сам народ. Мягкотелый Михаил Романов радостно согласился воспользоваться этой лазейкой для ухода от ответственности и опасности расправы. Тем временем его отрекшийся брат тоже внимательно следил за развитием событий, но еще был далек от мысли, что его попросту обманули. Обманули дважды: первый раз — убедив отречься в пользу брата, и второй раз — добившись отречения Михаила. 3 марта появляется очередная запись в дневнике Николая: «...Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше».²

Через несколько дней Николай Романов встретит свою мать, императрицу Марию Федоровну, и дядю, великого князя Александра Михайловича. Тяжелая сцена описана последним: «...Мария Федоровна сидела и плакала навзрыд, он же неподвижно стоял, глядя себе под ноги и, конечно, курил. Мы обнялись. Я не знал, что ему оказать. Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твердо верил в правильность принятого им решения, хотя и упрекал своего брата Михаила Александровича за то, что он своим отречением оставил Россию без Императора.

— Миша не должен был этого делать, — наставительно закончил он. — Удивляюсь, кто дал ему такой странный совет».³

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt13.htm>

² Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 24.

³ Вел. Кн. Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 154.

Бывшему царю еще непонятно, что цепь роковых событий отнюдь не случайна и брата его обманули те же заговорщики, что обвели вокруг пальца его самого. А вот Керенский знает, что все уже решено и события развиваются по «союзному» сценарию. Снова он проговаривается в своих мемуарах. Демонстрирует «дар предвидения»: по договоренности с Думой Михаил может в будущем принять власть монарха, если его попросит Учредительное собрание. Вопрос только отложен, под таким соусом и уговаривали Михаила отречься, — у Александра Федоровича Керенского «монархия и династия» уже «стали атрибутом прошлого». Снова он знает более всех присутствующих, опять понимает события в их истинном смысле. Это еще один «ясновидящий», вроде пана Пилсудского и финских социал-демократов...

Отречение Михаила Романова окончательно расчистило путь к катастрофе. За «бескровным» и «демократическим» Февралем в дымке истории уже начинал появляться мощный силуэт кровавого и трагического Октября. В истории нашей страны неотвратимо наступал период, о котором никто из февральских деятелей не мечтал.

Многим из них он сулил смерть, многим — изгнание. «Герои» Октября получали свою награду в подвалах НКВД, когда Сталин приводил в исполнение смертные приговоры «врагам народа». Многие «герои» Февраля получили по заслугам еще раньше. Почти все думские деятели отправились в изгнание и вместо власти получили ее полное отсутствие, а вместо свободной демократической России, ради которой все якобы затевалось, — красный Советский Союз. Всю оставшуюся жизнь они писали мемуары, а на самом деле — огромные оправдательные записки перед потомками. Мучила ли их совесть — неизвестно...

Мучила ли совесть генерала Гурко, после Февральской революции арестованного Временным правительством и заключенного в Петропавловскую крепость теми, ради кого он изменил своему государю? Что чувствовал генерал Алексеев, назначенный после революции на пост главнокомандующего, который до него занимал так веривший ему Николай? Раскаивался ли он в предательстве царя, буквально сразу отправленный в отставку Временным правительством? О чем думал в свою последнюю

минуту, умирая в тифозном бреде в Екатеринославле в самом начале Гражданской войны? Что почувствовал командующий Балтийским флотом адмирал Непенин, своей телеграммой также поддержавший отречение государя и ровно через два дня после этого убитый в Кронштадте «неизвестным в штатском»? Вспоминал ли высланный большевиками в Пермь Михаил Романов о своем малодушном уходе от верховной власти? Какие последние мысли были в его венценосной голове, когда, несмотря на заверения Ленина, что к нему нет никаких претензий, он был похищен и расстрелян сотрудниками ЧК? Думал ли генерал Рузский о своей измене присяге, когда под шутки пьяных красноармейцев в буквальном смысле слова рыл себе могилу? Раскаялся ли, стоя на ее краю, когда чекисты рубили ему голову шашкой, заставляя вытягивать шею и нанося по четыре-пять ударов? Мы этого не знаем. Одно известно точно — в истории России наступал один из самых страшных ее этапов.

Но он наступал не сам — его тщательно готовили те, кто пришел к власти. Временное правительство...

Глава 3

Как Временное правительство Россию за восемь месяцев развалило

О человеке судят не по тому, что он о себе говорит
или думает, а по тому, что он делает.

В. И. Ленин

Я смело утверждаю, что никто не принес столько
вреда России, как А. Ф. Керенский.

М. В. Родзянко

Этот день знал каждый советский школьник. Двадцать пятое октября 1917 года резко и быстро вошло в мировую историю. С этой даты начинался новый отсчет времени. И учебники истории делили жизнь на два неравных по времени отрезка: до Октября и после. Вопросов у читателей этих книг не возникало — все было объяснено просто, понятно и довольно толково. Сейчас объяснение диаметрально противоположное. Но ни одно ни другое не отвечает на главный вопрос:

Что же сделало своему народу Временное правительство за восемь месяцев своего правления, если в двухмил-

лионной столице практически никто не пришел его защищать?

Коммунистические историки изображали в эти октябрьские дни борьбу и многочисленные жертвы, новые исследователи все свое внимание уделяют германскому происхождению большевистских денег. Но вопрос-то не в этом. Сейчас уже достоверно известно, что Зимний дворец был захвачен практически без сопротивления. Никакого штурма не было. Об этом говорит и число погибших во время «операции»: шестеро юнкеров. Женщины, патриотически настроенные инвалиды и мальчишки — это все, что смогла русская демократия выставить на свою защиту темным октябрьским вечером семнадцатого года. Последние защитники Временного правительства — это ударная рота женского батальона, сорок георгиевских кавалеров под командованием одноногого штабс-ротмистра на протезе и юнкера, юнкера, юнкера...

В тот час, когда история, по мнению советских ученых, начала новый отсчет. В самый решительный момент. В точке, где решилась судьба России на будущие семь десятилетий, в час, от которого без малого зависела будущая судьба всего мира!

Да как же это возможно?! Ведь прошло всего *восемь* месяцев с момента Февральской революции, свергнувшей «ненавистный царский режим»! Революции «бескровной и общенациональной», по мнению тех, кто ее делал. И число погибших в Феврале — всего 1433 человека! В основном это полицейские, жандармы и офицеры, сохранившие верность присяге и не покинувшие свой пост до конца. Они защищали «антинародный царский режим» и погибли. Так почему же первое русское демократическое правительство, которое ждали многие поколения передовых отечественных мыслителей, приходу которого, по словам его организаторов, радовалась вся страна, вообще никто не защищал? Как же получилось, что во время взятия власти большевиками Керенского и его коллег обороняли так самозабвенно, что погибло всего *шесть* мальчишек-юнкеров? Ведь это просто невероятно!

Почему министры Временного правительства подчинились большевистскому насилию тихо и без шума? Хотели избежать кровопролития? Так нет же, своим «милосердием» они открыли

счет миллионам жертв, рекам крови и неисчислимым бедствиям России. Дело, конечно же, не в этом: так безропотно пошли министры-капиталисты в Петропавловскую крепость под конвоем, что не было у них никаких сил для сопротивления. Никто за них умереть не хотел.

А вопросов становится все больше. Германия выделила Ленину деньги, говорят нам современные историки, поэтому он совершил переворот. Но позвольте — финансовые ресурсы подрывным элементам в истории человечества давали сотни, если не тысячи раз, а бунтов и мятежей мы насчитаем в десятки раз меньше. Успешные революции вообще можно пересчитать по пальцам. Как получилось, что германские «шпионы» — большевики столь вольготно чувствовали себя в столице России, что преспокойно подготовили и осуществили государственный переворот? Куда же смотрело Временное правительство, орган легитимной власти? Почему в решающий момент в Зимнем дворце не оказалось ее главы Александра Федоровича Керенского? Что же случилось с его безграничной популярностью, раз он бросил своих министров в решающий момент в полутемном зале, убежал из Зимнего дворца в машине американского консула?

Где были наши верные «союзники», столь горячо приветствовавшие падение монархии, как же не указали своим демократическим протезам на большевистскую опасность? Почему не уберегли своего союзника Россию от опасности захвата власти германскими агентами? Неужели не ясно им было, что германские миллионы Ленину придется отрабатывать? И что вариант тут у Ильича только один — любой ценой вывести Россию из войны с Германией, разве это непонятно? Ведь именно на это, собственно говоря, денежки ему немцы и давали. Английская, французская, американская и другие «союзные» разведки этого не понимали, не знали и не видели? Не ждали такого развития событий, не верили, что их соратник Россия может заключить сепаратный мир с противником и, лишившись своей боеспособности, погрузиться в хаос и анархию?

Вопросов много, а ответ один. Всё они знали. Именно этого и ждали. К такому повороту событий и готовились. Точнее — готовили... сами события.

«Союзники» России по Антанте и являются основными организаторами, спонсорами и вдохновителями русской революции. И первого ее этапа — Февраля, и второго — Октября.

На первый взгляд такое заявление кажется бездоказательным, но только на первый. Ведь если понять, что две наши революции суть единое целое, то и автор у этого единого целого также один. Привыкли мы: либо «революционные массы», либо злая воля германского Генштаба объявляются причиной третьей русской революции. Но за восемь месяцев, лежащих между Февралем и Октябрем, произошло столько всего интересного, что поневоле приходится призадуматься: а так ли все просто и ясно, как мы привыкли думать? Уже никто не будет спорить, что корни Октября находятся в Феврале, что одна революция логично вырастала из другой. Взявшие власть в феврале «демократы» не удержали ее, и к вершинам русской истории вышли другие силы, практически не участвовавшие в свержении монархии.

Следом за первым, «февральским», начинался второй этап гибели России. Пришедшие к власти «союзные» марионетки за восемь месяцев должны были уничтожить русское государство. Точнее — разложить его изнутри настолько, чтобы отбить у народа всякое желание сопротивляться, вызвать апатию и безразличие. Давайте прямо скажем — с этой нелегкой задачей Временное правительство успешно справилось. Но это единственная задача, этими людьми решенная со знаком «плюс». Все остальные действия и начинания их потерпели фиаско. Но именно отсутствие успехов и есть самый главный успех Временного правительства. Не для России, конечно, а для тех, кто замыслил ее уничтожение и для этого вытолкнул на вершины русской власти горстку авантюристов, шпионов и бездарей.

Поэтому «союзники» России радостно приветствовали Февральскую революцию. Первыми, 9 (22) марта 1917 года, Временное правительство официально признали Соединенные Штаты Америки. Через день, 11 (24) марта, — Франция, Англия и Италия. Вскоре к ним присоединились Бельгия, Сербия, Япония, Румыния и Португалия. Повод для радости действительно был большой: в Лондоне и Париже могли вздохнуть спокойно. Никто

не мог даже надеяться, что буквально за считанные дни операция «союзных» спецслужб по изменению государственного строя России закончится таким грандиозным успехом. Было сделано все задуманное, решена не программа-минимум, а ее наиболее полный вариант...

Новое «независимое» правительство приняло на себя все обязательства царской власти, как финансовые, так и политические. Были признаны все долги и декларирована решимость вести войну до победного конца. И если старое царское правительство хоть иногда могло отказать «союзникам», то новые властители России зависели от них полностью. И даже не задумывались о том, как поступили англичане и французы по отношению к свергнутому русскому монарху. Сначала они заставили его пролить моря крови своих солдат во имя утопических «союзнических» идеалов, а потом выбросили Николая Романова на помойку истории. После отречения — ни слова поддержки, ни одной фразы в его защиту. Туда же, в небытие, через короткий промежуток времени отправится и Временное правительство. Удивляться не надо — отработанный материал, шлаки никто с собой в политическое будущее не берет.

Но пока представители Антанты отмечали в своих дневниках и докладах восходящую звезду русского политического олимпа — Александра Федоровича Керенского. Обожают Керенского и в России — и недаром. Смелый, пламенный трибун, «хороший организатор», он действительно сильно выделялся на фоне других членов Временного правительства. Поэтому и невероятно быстро оттеснил всех тех, с кем вместе вступал в Февраль. Временное правительство вскоре стало ассоциироваться именно с личностью Керенского. И именно ему обязано оно катастрофическим падением своего рейтинга в глазах граждан России. Именно Керенский с горечью напишет в своей книге: «На деле же, однако, три четверти офицеров Петроградского военного округа... саботировало все усилия правительства справиться с восстанием, которое быстро набирало силу».¹

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt24.htm>

Это сказано об Октябре, и описанные офицеры отнюдь не большевики. Просто прошло полгода бурной деятельности февральских реформаторов, и граждане России оценивают Керенского уже совсем по-другому. Генерал Алексеев именно ему припишет позорные лавры разрушителя Отечества. Генерал Петр Николаевич Краснов просто не выносит Керенского на дух: «Я его никогда не видал, очень мало читал его речи, но всё мне было в нем противно до гадливого отвращения...»¹ Генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич также относится к Александру Федоровичу по-особенному: «Режим Керенского с его безудержной говорильней показался мне каким-то *ненастоящим*», — пишет он.²

Ощущение это знакомо каждому, кто когда-либо встречал на своем жизненном пути человека, который, говоря одно, делает совершенно другое. Режим Керенского на словах вводит невиданные ранее свободы и права, проводит реформы и преобразования, а под аккомпанемент красивых фраз уверенной рукой ведет Россию к гибели. Возглавляя правительство, пользуясь тем, что власть в его руках, он умело блокирует и забалтывает все попытки спасти ситуацию. За что же Керенского любить?

«Он разрушил армию, надругался над военной наукою, и за то я презирал и ненавидел его», — поясняет переполняющие его чувства П. Н. Краснов.³ Ошибается Петр Николаевич, ох как ошибается. Не армию разрушил Керенский и его подельники из Временного правительства, а страну. Причем абсолютно сознательно и целенаправленно.

Человека судят по делам его — последуем этому мудрому правилу и начнем разбираться в делах новой российской власти. Начали мы эту главу октябрьским вечером, а продолжим ранним мартовским утром, когда на шинелях солдат петроградского гарнизона стали пропадать погоны и появляться красные

¹ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 417.

² Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958. С. 3.

³ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 417.

А. Ф. Керенский.

Его вклад в разрушение России поистине огромен и до сих пор по достоинству не оценен

банты, символизирующие победу «великой и бескровной» русской революции — Февраля. Именно с этого месяца русского революционного календаря и началось разложение страны, армии и душ русских людей, открывшее дорогу большевикам. Без этого их приход был невозможен.

Февраль не был бархатной революцией, и основные жертвы его погибли от бесчинств обезумевших людей в военной форме. Помимо погибших в петроградских уличных столкновениях, большое количество жертв было в Кронштадте. Разъяренная толпа матросов буквально на клочки разорвала командующего адмирала Вирена, убила многих офицеров. «...Людей обкладывали сеном, и облив керосином, сжигали, клали в гробы вместе с расстрелянным живого...»¹ — повествует об ужасах «великой и бескровной» Татьяна Боткина. Десятки офицеров убиты, сотни заключены в тюрьму. Растерзаны полицейские и жандармы. Убиты случайные прохожие, горожане. Всего, по официальным данным, напому, 1433 человека. Согласитесь, для «бескровной» революции немало. И вот на крови этих людей к власти пришло новое правительство, назвавшее себя Временным. Чем же эти достойные люди занимались с Февраля до Октября, когда их почти в полном составе отправили в Петропавловку?

Давайте представим себя на месте Гучкова, Миллюкова, Керенского и компании. Для этого забудем о горах лжи и обмана, которыми они расчищали себе путь к власти. Не будем вспоминать об используемых втемную собственных соратниках, о простодушно

¹ Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье. М.: Захаров, 2004. С. 62.

поверивших им военных. Оставим без внимания и дважды введенного в заблуждение Николая II, и так легко отдавшего им корону Михаила Романова. Не будем замечать подозрительных совпадений во времени различных событий. Не станем подозревать никого в организации беспорядков и искусственного дефицита хлеба в столице. Представим себе на минуту, что ненавистный царский режим действительно смело стихийное народное недовольство. Пусть так. Согласимся, что Временное правительство — это лишь идеалисты, стремящиеся спасти страну от хаоса в сложный момент истории. Отлично. Давайте всех их считать горячими патриотами России, не возражаю ни секунды. Но вот все эти достойные люди получили в свои руки то, к чему они, конечно, никогда не стремились. Власть. Именно в этом слове и заключен весь смысл нашего перевоплощения. Став Керенским, Гучковым или Милюковым, на что вы власть употребите?

Поразмышляем. Страна ведет тяжелейшую войну. Она на грани истощения и усталости, но в 1917 году, наконец, наступает время, когда чаша весов готова склониться в нашу сторону. В этот важнейший момент вдруг «случайно» происходит революция, и вся политическая верхушка Думы оказывается у руля. Первое, что они должны сделать, — это успокоить страсти внутри страны. Объяснить всем, что произошло, и призвать спокойно продолжать выполнять свой долг. Особенно важно обратиться к своим офицерам и солдатам. Выдать в печать что-то вроде сталинского «братья и сестры», чтобы поняли, чтобы прониклись они осознанием того, что теперь сражаются не только за свою родину, но и за свою свободу.

Приведя всех в спокойствие и умиротворенность, можно и подумать, как выигрывать войну. Хотя в принципе и думать особенно не надо. Все военные на месте, вся верхушка армии на своих местах. Пусть и думают. Это они вместе с англичанами и французами разработали планы кампании на весну — лето 1917 года. Надо все это воплотить в жизнь и набраться терпения — немцы уже на пределе своих возможностей. Если кто из командующих доверия не вызывает, можно его поменять. Все это делается простым приказом, обычным армейским порядком, приказом военного министра Гучкова. Это Николай II все делал

неправильно. Это у него руки были связаны обещаниями, династическими интересами и аристократическими предрассудками. У простых думских патриотов всего этого нет, а есть лишь любовь к родине и свежие подходы к решению старых проблем. Так решайте же их — засучите рукава своих фраков, и вперед. Потуже затяните пояса, наведите порядок там, где мягкотелый царь этого сделать не мог. Победа, а вместе с ней получение обещанных «союзниками» Дарданелл уже рядом. Рухнуть в двух шагах от долгожданного мира, после стольких жертв — непростительная роскошь. Беспощадно давить все пораженческие и пацифистские настроения, после случившейся революции помощь врагу — это двойное предательство: и страны, и новообретенной свободы. Одним словом, дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина. Так или примерно так должна была выглядеть программа Временного правительства. Гипотетически. В действительности все было наоборот, поэтому и назвал генерал Бонч-Бруевич режим Керенского «ненастоящим»...

Почти сразу новая власть забрала Зимний дворец под свои учреждения. Там разместилось само Временное правительство, причем премьер-министр занял под жилое помещение историческую комнату Александра III. Эти скромные и достойные люди пользовались музейными предметами как утварью, а караул из тысячи солдат был размещен в парадных залах дворца. Но это мелочи, хотя уже и они не прибавляли властям авторитета в среде горожан. Давайте смотреть на действия, а не на место расположения! И верно, какая разница, где будет новое правительство размещаться. В конце концов, все его министры люди небедные, к комфорту привычные, вот пусть и служат Отчизне, как привыкли — с серебряными вилками и золотыми блюдами. Главное — чтобы дело знали.

Будем же честными до конца — служение на благо Родины «временные» министры начали задолго до переезда в Зимний дворец. В первый же день существования Временного правительства, вечером 2 марта было подписано, а днем позже опубликовано его заявление. Это его программа, все будущие шаги там отражены. Прочитаем ее внимательно (в скобках комментарии. — Н. С.).

«Декларация Временного правительства о его составе и задачах».¹

«В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

(Все убийцы, бунтовщики, подстрекатели, мятежники и дезертиры, революционеры-террористы, крестьяне-поджигатели получают немедленную амнистию и завтра же пополнят собой ряды русской армии и оборонных предприятий.)

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

(Во время войны разрешаются стачки на оборонных заводах, забастовки на железной дороге и собрания на хлебопекарнях. Теперь уж точно перебоев с хлебом не будет. Дискуссии на политические темы, безусловно, удвоят, а то и утроят мощь нашей армии и количество выпускаемого вооружения.)

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

(На деле означает отмену черты оседлости и ограничений для евреев.)

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

(Именно подготовка всеобщего, равного, тайного и прямого голосования является основной проблемой и главной задачей России, ведущей мировую войну, в ходе которой миллионы убиты и искалечены. На этом и нужно сосредоточиться правительству.)

¹ Сразу обращаю внимание на дату: 3 марта 1917 года. На документе стоит третье число, то есть день отречения Михаила Романова, но в печать он был отдан *вечером второго*, когда только «ясновидящий» Керенский знал, что монархии в России уже никогда не будет. Выходит, что и беседа с братом царя была пустой формальностью. Кто-то заранее решил, что Михаил Александрович должен обязательно отречься. Во что бы то ни стало...

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

(Всем известно, что преступность во время войны идет на убыль. Первая мировая практически свела ее к нулю. Все убийцы, насильники и грабители в едином патриотическом порыве прекратили преступную деятельность. Поэтому именно сейчас наступил момент для замены полиции народной милицией.)

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. (См. пункт 4.)

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

(Эти достойные уважения солдаты, отказавшие в повиновении своим командирам, убивавшие офицеров, громившие магазины и лавки, очень не хотят попасть на фронт. Правительство им это гарантирует.)

8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении воинской службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

(Давно ведь известно, что главное для солдат — это не хорошее питание и теплое белье, не современное оружие и грамотное руководство, а «пользование общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам». Тут уж не поспоришь. Отсидел в окопе — и айда на митинг!)¹

Вот так Временное правительство успокоило своих граждан. Самые умные отреагировали сразу. Генерал Алексеев, ознакомившись с этим программным документом, также немедленно высказал Родзянко свои опасения насчет будущего России. Бывший председатель Государственной думы в ответ ему заявил: «...а я вот и все мы здесь настроены бодро и решительно».² Оптимист он был в то время. Потом, уже в эмиграции, он заговорит по-другому.

Одновременно с Временным правительством в столице возник еще один очаг власти — Петроградский Совет. Основу его

¹ Декларация из книги: Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 42.

² Солженицын А. И. Красное колесо. Март семнадцатого. Военное издательство. Москва, 1993; http://koleso.by.ru/3/3_03/3_404.htm

составили меньшевики и эсеры. Таким образом, после свержения монархии в России образовалось двоевластие, что давало внешним силам отличную возможность для шантажа русских политиков, подкупа и маневра. Можно было проводить нужную политику через Советы, а можно и через «временных» министров. К октябрю инициативу перехватят большевики, а на первом этапе основная активность будет исходить от Временного правительства. А оно, не теряя буквально ни дня, сразу приступило к выполнению своей основной задачи — разложению страны и подготовке ее дальнейшей деградации. Центральная фигура зловещего процесса — Александр Федорович Керенский. Он единственный, кто является членом Петроградского Совета и одновременно «министром-капиталистом» Временного правительства. А вы говорите двоевластие — одно дело делаем, товарищи!

Вся дальнейшая история революции — борьба между двумя разными властями. Если конфликт между ними вредит России, то Керенский просто обязан быть первым в поиске взаимопонимания и помощи в установлении гражданского мира в стране. Тем более что по профессии он адвокат. Ему ли не уметь объяснять, сближать позиции. Двигаться вперед, к гражданскому миру и к победе в страшной войне. Мы с вами уже знаем, что такой поиск консенсуса закончился Октябрем и «посадкой» Временного правительства в полном составе. Все «министры-капиталисты» отправились в казематы. За исключением Керенского. Умеет Александр Федорович выпутываться из тяжелых ситуаций. Снимать с себя ответственность, перекладывать ее на других, а то и просто врать.

«Кто-то один или какая-то группа, подлинность которых до сих пор остается загадкой, со злым умыслом разослала этот приказ, предназначенный только для Петроградского гарнизона, по всем фронтам. И хотя эта акция и наделала много бед, отнюдь не она, вопреки абсурдным утверждениям многочисленных представителей русских и иностранных военных кругов, явилась причиной “развала русской армии”. Несправедливо и их заявление, будто приказ был разработан и опубликован если не непосредственно самим Временным правительством, то, по крайней мере, с его молчаливого согласия. Суть дела в том, что приказ был обнародован за два дня до создания Временного правительства.

Более того, первым шагом этого правительства было разъяснение солдатам на фронте, что приказ этот относится не к ним, а лишь к Петроградскому гарнизону. Несомненно, распространение этого приказа на фронте сыграло свою отрицательную роль и ускорило создание солдатских комитетов...»¹

О чем это Керенский говорит? Почему так активно оправдывается? Все очень просто: речь идет о знаменитом Приказе № 1, развалившем русскую армию буквально за считанные недели. Это факт. Потому и уходит Керенский в сторону, напуская на себя забывчивость: «кто-то один или какая-то группа», что издание этого приказа есть тягчайшее обвинение. Виновного историки ищут до сих пор, хотя впору этим заняться прокуратуре.

Результаты Приказа № 1 были ужасны. Будущий президент Финляндии, а тогда русский генерал Карл Густав Маннергейм так отозвался о последствиях его действия: «Сразу же по прибытии на фронт я понял, что за несколько недель моего отсутствия произошли значительные изменения. Революция распространилась, как лесной пожар. Первый известный приказ Советов, который касался поначалу только столичного гарнизона, начал действовать и здесь, поэтому дисциплина резко упала. Усилились анархические настроения, особенно после того, как Временное правительство объявило о свободе слова, печати и собраний, а также о праве на забастовки, которые отныне можно было проводить даже в воинских частях. Военный трибунал и смертная казнь были отменены. Это привело к тому, что извечный воинский порядок, при котором солдаты должны подчиняться приказам, практически не соблюдался, а командиры, стремившиеся сохранить свои части, вынуждены были всерьез опасаться за собственные жизни. По новым правилам солдат мог в любой момент взять отпуск, или, попросту говоря, сбежать. К концу февраля дезертиров было уже более миллиона человек. А военное руководство ничего не предпринимало для борьбы с революционной стихией».²

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt13.htm>

² Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 76.

Быстро начали разлагаться и самые надежные казачьи части. Генерал Петр Николаевич Краснов командовал дивизией. Теперь все изменилось: «До революции и известного Приказа № 1 каждый из нас знал, что ему надо делать как в мирное время, так и на войне... Лущить семечки было некогда. После революции все пошло по-иному. Комитеты стали вмешиваться в распоряжения начальников, приказы стали делиться на боевые и небоевые. Первые сначала исполнялись, вторые исполнялись по характерному, вошедшему в моду тогда выражению — постольку поскольку. Безусый, окончивший четырехмесячные курсы прапорщик или просто солдат рассуждал, нужно или нет то или другое учение, и достаточно было, чтобы он на митинге заявил, что оно ведет к старому режиму, чтобы часть на занятие не вышла и началось бы то, что тогда очень просто называлось эксцессами. Эксцессы были разные — от грубого ответа до убийства начальника, и все сходили совершенно безнаказанно».¹

«Я был убежден, что созданная на началах, объявленных приказом, армия не только воевать, но и сколько-нибудь организованно существовать не сможет», — соглашается на страницах мемуаров с Маннергеймом и Красновым генерал Бонч-Бруевич.² После Октябрьской революции он будет служить у большевиков, Краснов возглавит антибольшевистское казачье движение, а Маннергейм отделит Финляндию от России. Но в своих оценках последствий Приказа № 1 генералы единодушны, вне зависимости от своих будущих убеждений и будущей судьбы.

Зловещие метастазы разрушения дисциплины быстро распространились по всей русской армии. Через несколько дней содержание приказа знали во всех частях. Потом правительство пыталось объяснить, что распространяется он только на Петроградский гарнизон, а не на всю армию. Тщетно — обратно в бутылку джина было уже не загнать!

Теперь, зная, к чему он привел, пора ознакомиться и с самим текстом (в скобках комментарии. — Н. С.).

¹ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 366–367.

² Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958. С. 144.

«Приказ № 1. 1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского Округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения и рабочим Петрограда для сведения. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

(Эти комитеты и подменяют собой командование армией.)

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

(Временное правительство, «не причастное» к этому документу, находится в соседнем помещении с Петроградским Советом. Керенский вообще ходит из комнаты в комнату.)

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

(Два пункта с одним подтекстом: правительство не распоряжается собственной армией. Командование, согласно п. 1, — тоже.)

5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

(Вы себе это только представьте: оружие офицерам не выдавать! Это во время войны!)

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину,

вовне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

(В политической жизни солдат ущемлять нельзя, в частной жизни тоже. У солдата теперь одни права, а обязанностей почти нет. Так бардак и начинается: сначала не надо отдавать честь и стоять смирно, потом не надо и воевать. Не хочется, и все.)

7. Равным образом отменяется титулование офицеров «ваше превосходительство, благородие» и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

8. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов».¹

Снова обратим внимание на дату опубликования Приказа № 1 — 1 марта 1917 года. Николай II отрекся от власти только в середине дня 2 марта. Снова «предвидение»? Нет — спешка. Еще толком неизвестно, чем все закончится, поэтому надо запустить тихую бумажную бомбу в русскую армию, пока позволяют обстоятельства. Значит, те, кто издавали этот приказ, — совершали предательство высшей пробы. Они сознательно старались разложить и уничтожить армию Российской империи, а стало быть, и саму страну. Наверное, они были германскими шпионами? Увы, среди членов Петросовета в его первые дни не было ни одного большевика! Ни одного! Только эсеры и меньшевики. А никого, кроме сторонников Ленина, в сотрудничестве с немцами никто никогда не обвинял.

¹ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. С. 610.

Получается удивительная вещь — сторонники союзников и борьбы до победы¹ в страшной спешке стараются разрушить армию, то есть единственный инструмент для этой самой победы над Германией вместе с Англией и Францией!

Почему они поступают вопреки всякой логике — эту загадку историки разгадывать не хотят...

И еще несколько совершенно очевидных истин. Если газета с текстом приказа появляется с утра 1 марта, то в типографию ее надо сдать 28 февраля. А во всех учебниках вы прочитаете, что 27 февраля Совет только образовался и благодаря протекции Керенского «прописался» в здании Госдумы. Провел первое заседание — выбрал Исполнительный комитет. Начали заседать во второй половине дня, пока то да се — уже вечер. Значит, тексты Приказа № 1 и всей газеты писали ночью или в первой половине дня 28 февраля. За это же время надо было найти типографию и решить все организационные вопросы, связанные с печатью тиража. Безусловно, при очень большом желании и отчаянной беготне все это сделать можно. Но стоит открыть современную газету «Известия», и мы увидим, что ее первый выпуск появился не 1 марта, а 28 февраля (13 марта) 1917 года. Значит, на всё про всё у авторов газеты было не полтора дня, а несколько вечерних часов. Книга рекордов Гиннеса упустила интереснейший факт — когда еще в человеческой истории так быстро были решены все проблемы по выпуску издания в городе, охваченном беспорядками.

Однако типография и тексты — это еще не всё. Где в таком цейтноте найти деньги на выпуск газеты «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов»? Ведь с 1905 года такой печатный орган не выпускался, да и тогда выходил всего несколько раз и был запрещен и закрыт властями. Кто же даст средства на его возобновление за один день, так скоро и легко? Кто с готовностью профинансирует печать газеты незаконного органа власти, когда еще не произошло отречение Николая II? Кому хотелось отвечать по статье «государственная измена» вместе с кучкой эсеров и меньшевиков?

¹ То есть все левые партии, кроме большевиков, которые в одиночестве выдвигали лозунг необходимости поражения России в этой войне.

Срочность и быстрота решения всех проблем с печатью газеты с текстом Приказа № 1 поражает. А ведь газета «Известия» вышла не только один раз, она стала выходить регулярно: Приказ № 1 вышел во втором номере. Кто же охотно оплатил первую, вторую и все последующие публикации? Немцы? Их агентура? Но в организации Февраля Германию не обвиняла даже Антанта.

Можно долго рассуждать на тему, как бы тогда пошла история России. Очевидно одно — так быстро напечатать текст приказа можно было, только имея его заранее. Заранее готовы должны были быть деньги и типография под парами. Значит, к «случайному» восстанию солдат, с которого демонстрации в Петрограде стали революцией, заранее готовились. И как только представился момент — забросили бумажную бомбу в русскую армию!

Так кто же все-таки написал эту гадость, кто несет ответственность за гибель русской армии, а с ней и России? Мнения разнятся. Кто-то винит Петроградский Совет, кто-то Временное правительство. Главное оправдание для «временщиков»: 1 марта 1917 года, когда вышел Приказ, еще самого правительства не было. Но мы помним, что оба центра новой русской власти созданы в один день, 27 февраля. Просто поначалу было другое название: Временный комитет Государственной думы, а не правительство. Но суть-то от этого не меняется.

Свет на эту весьма темную историю проливают воспоминания В. Н. Львова, члена Временного правительства. 2 марта автор текста Приказа, член Петроградского Совета адвокат Соколов явился в комнату, где заседал Временный комитет Государственной думы. В руке он сжимал текст, который уже был опубликован в утреннем выпуске «Известий Петроградского Совета». Бомба под русскую армию уже заложена, газету распространяют. Соколов — знаменитый адвокат, сделавший себе имя во время первой русской революции, защищая разрушителей России. Вместе с ними он теперь и заседает в Совете. Кроме того, именно Соколову Россия должна быть благодарна за Керенского. Он положил начало его политической карьере, пригласив Александра Федоровича защитником в 1906 году на громкий процесс прибалтийских террористов, после успешного окончания которого Керенский и начал восхождение к вершинам власти.

«...Быстрыми шагами к нашему столу подходит Н. Д. Соколов и просит нас познакомиться с содержанием принесенной им бумаги... — пишет обер-прокурор Синода В. Н. Львов. — Это был знаменитый приказ номер первый... После его прочтения Гучков немедленно заявил, что приказ... немыслим, и вышел из комнаты. Милюков стал убеждать Соколова в совершенной невозможности опубликования этого приказа... Наконец, и Милюков в изнеможении встал и отошел от стола... я вскочил со стула и со свойственной мне горячностью закричал Соколову, что эта бумага, принесенная им, есть преступление перед родиной... Керенский подбежал ко мне и закричал: “Владимир Николаевич, молчите, молчите!”, затем схватил Соколова за руку, увел его быстро в другую комнату и запер за собой дверь...»¹

Виновных в гибели русской армии можно назвать прямо по именам. Это члены Петроградского Совета, написавшие текст приказа, Ю. М. Стеклов (Нахамкес) и Н. Д. Соколов. Это А. Ф. Керенский, приложивший поистине титанические усилия для развала России. Он ведь входил в состав Совета, написавшего и издавшего приказ, он был министром правительства, которое имело возможность задушить в зародыше катализатор разложения собственной армии. Керенский все это мог предотвратить *дважды*. Но он этого не сделал, а, наоборот, помог приказу появиться на свет, хотя предвидеть его последствия было совсем несложно. Ни одна армия по таким правилам жить не может. Даже самые горячие «сторонники» Приказа № 1, большевики, использовали его только как инструмент захвата власти и разложения старой армии. Едва придя к власти, они начали создавать новую Красную армию, с новой дисциплиной. Точнее говоря, с хорошо забытой старой: за неповиновение — расстрел. Армия — это подчинение, четкая иерархия, где приказы выполняются беспрекословно. Нет дисциплины — не будет и вооруженной силы, а будет огромный дискуссионный клуб. Это очевидно. Непонятным кажется другое. Не Ленин и Троцкий напечатали и распространили Приказ № 1, не большевики его инициировали. Это сделали другие. Так что же, Временное правительство не понимало, что с такой армией

¹ Кожин В. В. Черносотенцы и революция. М., 2004. С. 133.

войну выиграть невозможно? Неужели патриоты-идеалисты понимали в военном деле еще меньше нашего?

Нельзя снимать вину со всех остальных членов Временного правительства. Как они должны были отреагировать на появление Приказа № 1? Они ведь сплошь патриоты и друзья Антанты. И вдруг кто-то в соседней комнате пытается путем газетной публикации угробить государство? Как вы потом будете смотреть в глаза послам Англии и Франции? Как вы объясните им, почему не арестовали всех мерзавцев и немедленно не предали их суду? *Они же сидят за стенкой, и никакой, совершенно никакой Красной гвардии еще нет в помине!* Самозванный Петроградский Совет никто не охраняет. Решить проблему невероятно просто: позвать десяток офицеров и дать им прочитать текст Приказа № 1. А потом указать на соседнюю дверь и приказать арестовать его авторов. Что дальше? Далее, очевидно, всех подписавших этот смертный приговор русской армии лучше всего шлепнуть прямо на месте. Возможно — это незаконно, возможно — даже жестоко. Но на одной чаше весов два десятка явных предателей, на другой — судьба страны, а может быть, даже и мира!

А потом Временное правительство должно издать обращение к народу, где прямо написать, что кучка отщепенцев попыталась разрушить армию и узурпировать власть. И была по закону военного времени расстреляна. И так будет с каждым, кто осмелится в новой свободной России опрокинуть фронт и обесценить миллионы солдатских жизней, уже принесенных на алтарь победы. Такая же участь ждет дезертиров, германских шпионов и тех, кто попытается оказать неповиновение своим командирам. Новая власть не допустит того, чтобы Россия войну проиграла. Далее подпись, печать. Вот такой документ должны выпускать патриоты, радеющие за свою Родину.

Как вы понимаете, ничего подобного господа «временщики» не написали. Газету «Известия» не закрыли. Никто и не подумал арестовать Совет. Почему? *Да потому, что это — свои!* И господа, и товарищи делали одно святое дело — гробили Российскую империю! Когда речь шла о «чужих», они были абсолютно единодушны. Никакие «демократические» сомнения им не мешали. Например, сразу после Февраля «Союз русского народа» и другие

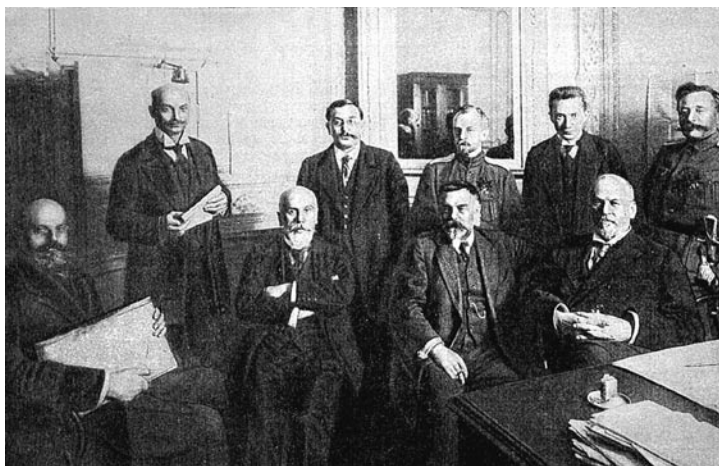
черносотенные организации были запрещены. 5 марта не правительство даже, а исполком Петросовета закрыл черносотенную газету «Русское знамя». И «временщики» не назвали это незаконным. Но ведь это недемократично? Почему анархистам можно иметь организации и газеты, а черносотенцам — нет? Потому, что там «свои», а здесь «чужие»...

Для дальнейшего развала страны необходимо было в первую очередь разложить армию — сознательная и дисциплинированная, она могла моментально подавить любые очаги антигосударственных действий.

Но одним Приказом № 1 дело не ограничилось. Слишком крепка была русская армия, чтобы ее можно было уничтожить за один присест. Поэтому следом за первым появляется Приказ № 2, который разъяснял, что его предшественник не устанавливал выборность офицеров, а лишь разрешал комитетам возражать против назначения начальников. После его публикации уже никто в армии не мог толком разобраться, как же осуществляется руководство русской вооруженной силой. Немцы били нашу армию почти три года, но хаоса и дезорганизации достичь так и не смогли. За три дня это осуществили несколько социал-демократов и эсеров вкупе с Временным правительством. Но даже этого им показалось мало, поэтому 6 марта военный министр Гучков устроил на своей квартире заседание с делегацией совдепа. Закончилось оно соглашением, которое аннулировало и Приказ № 1, и Приказ № 2! В результате каждый в нашей армии мог решить сам, какой приказ ему ближе, и строить службу в соответствии с его духом.

Логика действий Временного правительства можно понять, только если вы представите себе, что его единственной целью было разрушение всех основ государственности и создание невообразимого хаоса. Отбросив словесную шелуху о наивных демократах, случайно разваливших страну, получаешь сухой остаток: четкие, планомерные действия по развалу России. Для того чтобы уничтожить любую державу, надо разрушить те обручи, что скрепляют ее воедино. Они всегда одинаковы:

- ◆ армия;
- ◆ полиция и другие силовые структуры;
- ◆ государственный аппарат управления страной.

Временное правительство быстро и эффективно разрушило Россию. Для чего и было создано

Именно по этим ключевым точкам бьет Временное правительство немедленно после прихода к власти.

По армии было нанесено несколько ударов, первым из которых стал зловещий Приказ № 1. Решение о наступлении теперь принимается на митинге, а строгого офицера можно просто послать... извините, отстранить. Раз свобода слова — милости просим в воинские части, товарищи агитаторы. Расскажите солдатам, чем платформа левых эсеров отличается от программы правых, нарисуйте им все прелести анархизма. Правда, интересно? А если командир что-то о дисциплине вякнет — мы его мигом отстраним, царского сатрапа!

Попробуйте покомандуйте толпой орущих и обнаглевших солдат, каждый из которых симпатизирует какой-нибудь партии. Пока еще офицеров убивали редко, но отношение к ним стало настороженным, а с приходом к власти большевиков истребление командного состава стало повсеместным.

Следующий удар наносится по государственному механизму: начинается уничтожение управленческой вертикали власти. Не успел Николай отречься, как уже *через два дня* (!) посыпались изменения. Начали, как положено, с себя: Совет министров

переименовывался во Временное правительство. Упразднили Министерство императорского дворца и уделов, и из него бы- стренько скроили Министерство земледелия, Министерство торговли и промышленности и Министерство внутренних дел (МВД). Но если вы думаете, что последнее занималось только ворами и убийцами, то глубоко ошибаетесь, ибо пеклось новое МВД еще и о дворцах! В марте неутомимые перестройщики со- здают Юридическое совещание. На него возлагалась обязанность давать «предварительные юридические заключения» на меро- приятия правительства. Вместо Главного управления по делам печати в апреле создаются Всероссийская книжная палата и Бюро по составлению обзоров печати. При МВД во второй половине марта для руководства деятельностью комиссаров Временного правительства образуется Отдел по делам местного управления. 25 марта 1917 года учреждается Особое совещание по местной реформе, готовившее законодательные акты о комиссарах, мили- ции, земствах и др. Вот откуда идут все эти комиссары, Особые совещания и другие «большевистские» радости!

Чтобы вам стал совсем понятен уровень хаоса, воцарившего- ся в России, добавлю, что 5 марта Временное правительство одним росчерком пера упразднило всю русскую администрацию, то есть уволило всех губернаторов и вице-губернаторов. Глава правительства князь Львов просто отправил циркуляр на имя самих губернаторов: «Временное правительство признало необ- ходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей по этим должностям. Управление губерний возлагается на председателей земских управ в качестве губернских комиссаров Временного правительства... На предсе- дателей уездных земских управ возлагаются обязанности уездных комиссаров...»¹

И всё это упразднили в один момент. Внезапно. Без разъясне- ний и подготовки. Когда же из провинции в Петроград приезжали представители старой и новой администрации и пытались полу- чить хоть какие-то инструкции и подробности, то они неизменно

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 320. Л. 44.

получали от главы правительства князя Г. Е. Львова категорический отказ: «Это вопрос старой психологии. Временное правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. В местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением».¹

Вы представляете себе, сколько необходимо сил, чтобы построить новую государственную машину? Перестройка в СССР началась в 1985-м, а государство до сих пор в себя прийти не может. А тут все эти колоссальные преобразования происходят за считанные дни, да еще руководители страны фактически устраняются от дел: сами выбирайте, а мы никого назначать не будем. Результат ясен — хаос неизбежен. И все это во время войны, с армией, где командиров отстраняют, а их приказы обсуждают на митингах. Вы еще удивляетесь, почему Россия так быстро превратилась в огромное поле хаоса и анархии?

Тут холодный пот стал прошибать тех, кто еще неделю назад стоял в первых рядах новой «демократической» власти. Оптимист Родзянко, уговоривший Михаила Романова 3 марта отречься, уже через два дня снова занимается уговорами. На этот раз председателя Временного правительства князя Львова. Родзянко доказывает всю пагубность распоряжения об отмене администрации на местах, но его никто уже не слушает. Он ведь не вошел в состав правительства, а Временный комитет Государственной думы фактически ликвидирован: большинство депутатов либо прекратили посещать Таврический дворец, либо вовсе бежали из столицы. Теперь Михаил Владимирович Родзянко уже никому не нужен. Мавр сделал свое дело и может спокойно наблюдать, как Временное правительство совершает заранее запланированные «случайные» ошибки. Причем его глава демонстрировал невероятный оптимизм. «Мы можем почитать себя счастливейшими людьми; поколение наше попало в наисчастливейший период русской истории», — говорит князь Львов 27 апреля 1917 года на торжественном юбилейном заседании четырех Дум.² Слова

¹ Милуков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 57–58.

² Там же. С. 58.

его кажутся жутким идиотизмом, когда вспоминаешь, что через полгода случится Октябрь. Нет, глава правительства не был полным дураком. Просто его «счастье» совсем другого рода. Счастливейшими людьми будут в ближайшие годы все те, кому нужно увидеть Россию разрушенной и уничтоженной...

Все реформы, затеянные Временным правительством, могли привести только к одному результату — катастрофе. Все утверждения, что они хотели «как лучше, а получилось как всегда», не выдерживают даже самой легкой критики. Они знали, что делали. Проблемы в стране начались сразу во всех областях. Везде, куда успели сунуться новоиспеченные революционеры. Гневно осуждавшие неэффективность царского управления, сделавшие нехватку хлеба предлогом для смены власти, «временщики» уже в первый месяц своего правления, в марте, ввели карточную систему. В июне по карточкам выдавался хлеб, а также крупа и сахар. С 1 июля карточная система распространилась на мясо, масло, яйца и другие продукты.

Самое обидное, что все трудности были искусственно созданными и абсолютно ненужными, никакого практического смысла в этом не было. Ведь правительство **ВРЕМЕННОЕ!** Вот решит Учредительное собрание вновь монархию вводить, так что — снова перестраивать всю властную вертикаль? Такого не выдержит ни одно государство. К примеру, Советский Союз не выдержал. Хотя перестройка в СССР началась в мирное время, и немцы на подступах к Риге не стояли, а миллионы мужчин не томились в окопах.

Быть может, старый аппарат власти мог саботировать решения новых властей, и потому необходимо было его заменить? Нет, не было смысла в перестройке механизма власти и по этим причинам. Временному правительству внутри страны никто не угрожал, оно было *абсолютно законной властью*. Царь отрекся, его брат Михаил ждал решения Учредительного собрания, что фактически означало то же самое. Вместе с ним ждали Учредительного собрания и монархисты, понимавшие, что любые попытки изменения политической ситуации во время мировой войны приведут к ее проигрышу. Да, собственно говоря, почти все высшие военные своего государя предали. Восстанавливать старый режим было некому, и никто этого делать не собирался.

«Союзники» переворот тоже поддержали. Зачем же в такой ситуации менять весь государственный аппарат?

Ответ может быть только один: чтобы создать хаос.

«Полиция подлежит переформированию в милицию», — написало Временное правительство в циркуляре на имя смещаемых губернаторов.¹ Но зачем? Чем милиция отличается от полиции? Вот человек конца века двадцатого, может, с трудом на этот вопрос и ответил бы, а представьте себе недоумение русских губернаторов, воспитанных в веке девятнадцатом. Сколько надо времени, чтобы создать хотя бы одну новую «народную» милицию? Вы знаете? Я — нет, но думаю, что долго. Очень долго. А взрослые дяди из Временного правительства этого не понимали? Так почему же новая власть буквально за считанные дни пытается перекроить всю государственную машину, складывавшуюся столетиями? Куда они так спешат?

Свой первый приказ в качестве министра юстиции Керенский разослал по телеграфу 2 марта 1917 года. По своей вредности он мог бы соперничать с Приказом № 1: прокурорам предписывалось освободить всех политических заключенных и передать им поздравления от имени нового правительства. В который раз обратим внимание на дату и вновь увидим следы странной и страшной спешки. Свое первое распоряжение Керенский подписал прямо в день отречения императора Николая II. Дата отречения русского монарха не просто имеет день и месяц, а еще и точные час и минуту: 2 марта 1917 года, 15 часов 5 минут.²

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 320. Л. 44.

² По воспоминаниям Шульгина, который вместе с Гучковым приехал принимать отречение императора, Николай подписал бумагу только в 22:00, хотя все было решено заранее. «Для порядка» время на документе поставили дневное. И вообще вся история с отречением весьма напоминает фальсификацию. В архивах нет никакого текста отречения. То, что носит название «текст отречения», — это машинописный листок с надписью «Начальнику штаба» и текстом. Так отречения не делаются и не пишутся — ТАК спешить уж было просто неприлично. Косвенным подтверждением того, что «чудеса» в политике возможны любые, является реальная ситуация с отречением германского кайзе-

Временное правительство также было создано вечером 2 марта. Давайте просто посчитаем.

Информация о долгожданном отречении была, конечно, немедленно телеграфирована в Петроград и сообщена думским заговорщикам. Но даже при самом благополучном раскладе:

- ◆ если списки правительства готовы заранее;
- ◆ если все согласовано;
- ◆ если информация поступает без промедления,

то Временное правительство могло быть создано в промежутке между 16:00 и 17:00 часами. Раньше никак. После этого должны были последовать взаимные поздравления и объятия. Положим на радость еще минут тридцать. Значит, в 17:00–17:30 Александр Федорович Керенский побежал к телеграфу *срочно* отправлять свой первый указ об амнистии. А до утра ему было не подождать?

Нет, до утра подождать было нельзя. Утром следующего дня Керенский отправлялся добывать отречение Михаила Романова в пользу Временного правительства. И хотя великий князь был безвольным субъектом, стопроцентно гарантировать, что это случится, было невозможно. Поэтому вредоносные постановления надо принимать как можно быстрее, потом это может и не получиться. Как и с Приказом № 1, опубликованным накануне...

Все те, кто взрывал бомбы в гуще толпы в 1905-м, кто убивал полицейских и военных, кто срывал военные поставки, митингуя и бастуя, все они теперь выходили на свободу. С билетами, купленными за государственный счет. Многие герои будущей русской смуты спешили покинуть места заключения именно в эти дни. Например, скромный анархист Нестор Иванович Махно. «С убеждением, что свобода, вольный труд, равенство и солидарность восторжествуют над рабством под игом государства

ра Вильгельма. Его кузен, премьер-министр принц Макс Баденский, заявил об отречении немецкого императора публично, за ТРИ НЕДЕЛИ до того, как Вильгельм сделал это на самом деле. Весьма вероятно, что и наш император от трона не отрекался, а после того, как об этом «отречении» объявили, он уже ничего не мог поделать...

и капитала, я вышел 2 марта 1917 года из ворот Бутырской тюрьмы», — пишет он в своих воспоминаниях.¹

Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, пресловутая «бабушка русской революции», один из организаторов и руководителей партии эсеров, не просто покидает место ссылки в Минусинске. Для возвращения в Москву ей предоставлен специальный отдельный вагон. Она ведь так исстрадалась, собирая в США деньги на первую русскую революцию в 1905 году. На них закупалось оружие, и никто никогда не узнает, сколько людей было в России из него убито. Но теперь другое время — у власти не просто наивные демократы, а сознательные разрушители страны, поэтому их посаженные соратники выходят на свободу с почетом. «Бабушка», например, после освобождения будет жить вместе с Керенским... в Зимнем дворце.²

Но не каждого освобожденного встречал Александр Федорович на вокзале с букетом пышных роз. Вдобавок к политической амнистии 6 марта в России была объявлена всеобщая амнистия. На свободе оказались тысячи воров и налетчиков, прозванных в народе «птенцами Керенского». Они точно так же получают право на бесплатный проезд к месту проживания «любим классом». Когда вы будете поражаться нечеловеческим зверствам русской Гражданской войны, вспомните, *кто* выпустил на свободу тех убийц и душегубцев, что пополняют собой ряды враждующих сторон. Уголовников выпускают прямо на следующий день после ликвидации полиции. Чисто *случайно*, разумеется...

Не покладая рук трудятся лидеры новой России. 3 марта 1917 года реорганизован институт мировых судей: местные суды стали формироваться из трех членов, судьи и двух заседателей. На следующий день были упразднены Верховный уголовный суд, особые присутствия Правительственного сената, судебные палаты и окружные суды. Мало им освобождения террористов, недостаточно возвращения всех политэмигрантов, не хватает амнистии уголовникам. Развал судебной системы также недо-

¹ <http://www.makhno.ru/lit/Makhno1/lit1.php>

² *Брешко-Брешковская Е.* Скрытые корни русской революции. М.: Центрполиграф, 2006. С. 322.

статочен. Вот 7 марта Керенский едет в Москву, где встречается с членами Московского Совета рабочих депутатов и представителями различных общественных организаций. Им Александр Федорович сообщил, что в «ближайшее время правительство опубликует декрет об отмене смертной казни за политические преступления, и все такого рода дела будут впредь подлежать рассмотрению в суде присяжных».¹ Сказано — сделано.

На десятый день своего существования (12 марта) правительство отменяет смертную казнь не только за политические, но и за уголовные и воинские преступления.

Отныне немецких шпионов и дезертиров, воров и насильников казнить нельзя — в стране бушует свобода. Свобода предавать, воровать и убивать. Теперь в Россию могут вернуться все эмигранты-пораженцы, все агенты неприятеля — ведь в самой свободной стране упразднена контрразведка. Кому она мешает? На этот вопрос можно ответить сразу: органы, основной работой которых является борьба со шпионами и предателями, мешают именно предателям и шпионам. Ситуация на фронтах очень тяжелая. Идет страшная война, враг наступает. Именно в такой ситуации Временное правительство амнистирует и возвращает всех политических ссыльных и уголовных каторжников, упраздняет полицию и корпус жандармов. Не правда ли — странные действия, очень папахивающие государственной изменой?

Уже позднее, на закате своих дней, Керенский писал, определяя основные достижения возглавляемого им Временного правительства в преобразовании России: «Была установлена независимость судов и судей. Были ликвидированы все “специальные” суды, и все “политические” дела или дела, связанные с государственной безопасностью, отныне стали подлежать рассмотрению в суде присяжных, как и все обычные уголовные дела».²

Ну что и говорить, молодец. Дела, «связанные с государственной безопасностью», рассматриваются как обычные уголовные дела. В порядке общей очереди, в суде присяжных. Не нравятся

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt14.htm>

² Там же.

тебе лица присяжных — можно им отвод дать, других попросить. Потом приговор обжаловать, а там, глядишь, и власть сменится. Явно поскромничал Александр Федорович — не о вкладе в преобразования писать надо, а о личном, огромном вкладе в Октябрьскую революцию.

Но если вы, уважаемые читатели, думаете, что при объявлении полной свободы в российских тюрьмах наступила пустота, то глубоко заблуждаетесь. На волю вышли большевистские агитаторы, призывавшие к поражению, а на смену им отправились «реакционеры», то есть те, кто сохранил верность присяге и возненавидел воцарившийся в стране бардак. Аресты начались сразу же, еще до отречения царя. По воспоминаниям Шульгина: «Целый ряд членов Думы заняты исключительно тем, чтобы освобождать арестованных... Дума обратилась в громадный участок... с той разницей, что раньше в участок таскали городовые, а теперь тащат городовых... Арестованных масса».¹

Пока расформированная полиция превратится в народную милицию, всем арестованным приходилось терпеливо ждать в тюрьме. А новая власть бдительно следила за тем, чтобы никого из старых «царских» служаков на службе не осталось. Вот и посидите, пока наберут новых сотрудников, пока назначат, пока следователь прочитает бумаги, пока разберется. Так что долгое сидение на следствии — совсем не современное изобретение. Например, арестованные во время Февраля и посаженные в казематы кронштадтские морские офицеры сидели со 2 марта по 7 июня. Только в этот день начала свои действия следственная комиссия, которой надлежало разобраться в их делах.

И снова вспомним, что правительство было **ВРЕМЕННОЕ!** Решит Учредительное собрание вновь монархию вводить, так снова распускать народную милицию и заново полицию создавать? Не проще ли было со всеми нововведениями подождать его созыва, не разумнее ли?

Странными все поступки новой власти кажутся, только если забыть об ее истинной цели. Создав полную неразбериху в системе управления, Временное правительство приступило к созданию

¹ Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М.: Современник, 1989. С. 212.

конфликтной ситуации и в самом щекотливом вопросе русской революции — земельном. Через три недели после падения монархии был создан Главный земельный кабинет. Временное правительство продекларировало земельную реформу «в соответствии с новыми потребностями экономики, с пожеланиями большинства крестьян и программами всех демократических партий». Необходимость реформы была заявлена, и сроки ее проведения откладывались до решения Учредительного собрания. Иными словами, сказав «А», говорить «Б» правительство не стало. Единственным конкретным шагом стало изъятие в казну земель, принадлежавших свергнутому монарху. Затем реквизировали и земли всех остальных Романовых, в большинстве своем так радовавшихся падению того, кто закрывал их своей короной от всех житейских невзгод. На этом конкретные дела по земельной реформе закончились.

В условиях вседозволенности и беспредела, охвативших страну, каждый действовал так, как считал нужным. Результатом стал стихийный, массовый захват частных земель и разгул самого обыкновенного бандитизма. При подстрекательстве левозэкстремистских партий начались разгромы помещичьих имений. Многие крестьяне вместо того чтобы работать стали целыми днями бороться и драться друг с другом, следя за тем, кто какую землю захватил. Большевицкая пропаганда будет попадать в уже подготовленную почву. Но неужели в ответ на погромные движения правительство ничего не предпринимало? В том-то и дело, что вся кипучая деятельность Временного правительства цели преследовала совсем другие. Оно издавало грозные циркуляры, направлявшиеся губернским комиссарам, со строгим предписанием навести порядок. Но данные распоряжения не выполнялись, так как у местных властей не было реальной силы для проведения предписаний в жизнь. К тому же в стремлении завоевать популярность в массах, особенно среди крестьянства, правительство часто вообще закрывало глаза на многие случаи противоправных действий, призывая частных землевладельцев к миру и согласию в деревне.

«Черный» передел земли бумерангом ударил и по дисциплине в армии. Эта тема была немедленно подхвачена немецкой пропагандой. «Идите домой! — призывали немецкие листовки. — Там

делят землю, и вы можете опоздать!» Многие солдаты верили и дезертировали.

Следом за сельским хозяйством конфликтная ситуация заботливо создавалась и в промышленности. Буквально через пару недель после прихода к власти Временное правительство совместно с Петроградским Советом принудило основных столичных капиталистов подписать соглашение о введении 8-часового рабочего дня¹. Как и всё, что делали эти господа, эти их благие намерения и правильные действия имели двойное дно. Этот прекрасный жест по защите прав трудящихся, вместе с набором таких же *невыполнимых в условиях войны* изменений, очень быстро привел к тому, что... вся Россия прекратила работать, а стала бороться за свои права.

«Все принялись бастовать напрапую: прачки бастуют уже несколько недель, приказчики, конторщики, бухгалтера, муниципальные, торговые, больничные служащие — часто с докторами во главе, — портовые рабочие, пароходная прислуга... Вот Донецкий бассейн поднялся — это уже хуже. А что хуже всего, так это дело с железнодорожниками. Могу вам сказать, что на нас надвигается ни больше ни меньше, как всеобщая железнодорожная стачка»,² — рассказывает В. М. Чернову его коллега по партии Гоц. И все, что он сказал, полностью соответствовало действительности. Забыв, что на дворе война, все разом стали требовать увеличения заработной платы. Конечно, жизненный уровень в стране понижался, и требования забастовщиков были справедливыми — но только не во время мировой войны. Коллективный эгоизм плюс полное отсутствие власти в стране привели экономику России к краху невероятно быстро. Вместо жестких мер Временное правительство плодило комиссии. Одна из них под предводительством самого Г. В. Плеханова разбирала требования забастовщиков-железнодорожников. Когда-то их всеобщая стачка в 1905 году привела Николая II к необходимости уступок, в 1917 году на волоске висит судьба фронта и страны.

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 159.

² Чернов В. М. Перед бурей. Минск: Харвест, 2004. С. 328.

Показательны результаты работы комиссии Плеханова: были выработаны новые нормы оплаты на основе индекса цен. Информацию доложили правительству. Оно ужаснулось и отказало. Справедливо, но невозможно — нет на это денег. Зачем же все это дело затевали? Чтобы раскатать ситуацию. Как еще объяснить дальнейшие действия «временщиков»? Железнодорожники собираются бастовать, потому что денег им не дают. Но и запретить бастовать власти не могут. Это ведь недемократично.

«Всеобщая забастовка во время войны была вещью чудовищной, — пишет далее Чернов. — Но и запрещение забастовок авторитетом власти, когда ее собственной комиссией установлено, что рабочим не обеспечен элементарный жизненный минимум, было делом чудовищным».¹ Театр абсурда, да и только...

Нелепость такой ситуации была очевидна всем здравомыслящим людям. 10 мая 1917 года на заседание Временного правительства пришли представители тяжелой промышленности. Это металлургия и обработка металлов, стеновая хребет любой экономики.

«При сложившихся условиях, заявляли промышленники, заводы дальше работать не могут. Промышленникам приходится оплачивать труд не за счет доходов, а за счет основных капиталов, которые будут израсходованы в короткий срок, и тогда предприятия придется ликвидировать»,² — рассказывает нам глава кадетов П. Н. Милюков. Обратите внимание: Временное правительство у власти всего два месяца, а уже встает вопрос о ликвидации базовых отраслей экономики. Ударный «труд», нечего сказать.

В чем же проблема? Как всегда, в деньгах. Например, в Донецком районе 18 металлургических предприятий владели основным капиталом в 195 млн руб. и имели валовую прибыль 75 млн руб. в год и дивиденды 18 млн руб., а рабочие требовали повышения зарплаты на 240 млн руб. в год от существовавших расценок.³

¹ Чернов В. М. Перед бурей. Минск: Харвест, 2004. С. 329.

² Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 160.

³ Там же.

«Промышленники соглашались увеличить плату на 64 миллиона. Но рабочие не хотят и слышать об этом. Они не соглашаются и на предлагаемую владельцами уступку всей прибыли. Они говорят: *пусть предприятие перейдет к государству*. Но ведь и государство не может оплачивать рабочих в ущерб дальнейшему существованию предприятия», — указывает П. Н. Милюков.¹

Уже в мае начинаются разговоры об огосударствлении промышленности. Вам эта мысль ничего не напоминает? Правильно, это большевистская программа, это их лозунг «Фабрики — рабочим!». Кто внедряет эту мысль в рабочие массы? Ленин? Нет, Александр Федорович Керенский. Он ведь один из ведущих членов Петроградского Совета, просто нам он известен куда больше по своей деятельности в правительстве. Вот Лев Давыдович Троцкий в автобиографии «Моя жизнь» любезно перечисляет нам главарей этого совета, упоминая Александра Федоровича в самом начале списка: «Церетели я знал мало, Керенского не знал совсем. Чхеидзе знал ближе, Скобелев был моим учеником, с Черновым я не раз сражался на заграничных докладах, Гоца видел впервые. Это была правящая советская группа демократии».²

Именно Совет, где заседает Александр Федорович, и предлагает свой путь решения проблемы, заставляя Ленина быть жалким плагиатором. На конференции фабрично-заводских комитетов и советов старост Петрограда 30 мая 1917 года впервые прозвучали слова: «Путь к спасению от катастрофы всей хозяйственной жизни лежит только в установлении действительного рабочего контроля за производством и распределением продуктов... Рабочий контроль должен быть немедленно развит в полное урегулирование производства и распределения продуктов рабочими».³ Отсюда до диктатуры пролетариата даже не шаг, а полшага. А на дворе еще только май месяц. Ленин от этого документа в восторге: «Про-

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 160.

² Троцкий Л. Д. Моя жизнь; http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/My_Life/My_Life-00-02-01.html

³ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 167.

грамма великолепна, — писал он, — и контроль, и огосударствление трестов, и борьба со спекуляцией, и трудовая повинность...»¹

Керенский в Совете вместе со всеми соглашается с явно экстремистскими предложениями и сам же в правительстве создает почву для недовольства путем бездействия и саботажа явно необходимых правительственных мероприятий, таких как запрет на забастовки и мораторий на увеличение оплаты труда до победного окончания войны. Но в том-то и дело, что если Россия затянет потуже пояса, а ее армия не будет заражена Приказом № 1, то война закончится в 1917 году. Победой «союзников» и России. Но такая победа британцам и французам не нужна, России в числе победителей быть не должно, иначе придется отдавать обещанные Босфор и Дарданеллы. Поэтому Керенский и компания и не наводят порядок, прикрывая свои разрушительные действия словесной трескотней о демократии.

Деятели Петроградского Совета точно так же занимаются откровенной демагогией. Скобелев, Чернов, Церетели указывают, что «промышленники должны отказаться от прибылей и дивидендов не только текущего, но и прошлых годов».² Фраза красивая, а последствия предсказуемые и очень знакомые современной российской экономике. Уговорить человека расстаться с деньгами можно только в одном случае: если он сидит в камере смертников. Так будут изымать капиталы большевики. Они добьются на этом поприще небывалых успехов. Временное правительство может только уговаривать, в результате русские капиталы потекли за границу, а в стране резко увеличилась покупка валюты. Менее терпеливые и более осторожные стали выводить активы за рубеж. Куда? В основном к «союзникам»: в Англию и Францию, меньшая часть в — Швейцарию и США. Ничего подобного такому идиотизму не было ни в одной воюющей стране. Везде правительство жестко контролировало сферу экономики, пресекая эгоизм всех социальных групп и направляя общую энергию нации к одной цели — победе.

¹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/1-L.html>

² Миллюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 161.

«Вы должны знать, — рассказывал министр труда Великобритании Артур Гендерсон, — что вся промышленность, вся работа по снабжению армии взята английским правительством под строгий учет. И у нас в Англии при контроле над промышленниками почти нет конфликтов с рабочими. Все требования рабочих рассматриваются у нас государством, и оно, если находит возможным удовлетворить их, удовлетворяет. Когда началась война, мы предложили рабочим временно отказаться от борьбы за свои права, и они во имя интересов государства отказались. *Было время, когда рабочие работали семь дней в неделю, не зная ни праздников, ни отдыха*».¹

Так и должно быть, если нация стремится к победе. Так было во всех демократических странах. Но Россия стала «самой свободной страной». Чисто *случайно*, конечно. И очень быстро русское общество начало стремительно падать в анархию, при этом разные его части все более ненавидели друг друга. Предприниматели кричали о ненасытности рабочих и грозили массовыми увольнениями. Рабочие в ответ протестовали, говоря об огромных военных прибылях и чудовищных накоплениях их хозяев. Пожар Гражданской войны еще не разгорелся, но дрова уже были разложены и даже заботливо политы бензином.

Наиболее здравомыслящие члены Временного правительства видели надвигающуюся грозу и пытались ей противостоять. Правда, весьма своеобразно — просто уходя в отставку. Вот, к примеру, министр торговли и промышленности, *прогрессист* А. И. Коновалов, уходит в отставку. «Надежда на предупреждение кризиса, — говорил он, — могла бы быть лишь тогда, если бы правительство, наконец, проявило действительную полноту власти: если бы после трехмесячного опыта оно встало на путь нарушенной и попранной дисциплины».²

Чуть позднее на съезде военно-промышленных комитетов в Москве 17 мая он был еще более откровенен: «*Россию ведет к катастрофе антигосударственная тенденция, прикрывающая*

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 165.

² Там же. С. 164.

*свою истинную сущность демагогическими лозунгами».*¹ Большевики еще только начинали набирать силу — оратор говорит не о них, он говорит о Временном правительстве. И, пожалуй, лучше и не скажешь. Однако вопроса, почему министры прозревают только накануне отставки и почему оставшиеся не слышат голосов своих ушедших коллег, историки никогда не задают.

«Развилка» следовала за «развилкой»: честные и порядочные люди из Временного правительства уходили, негодяи оставались. Такая ротация шла до самого свержения. Поэтому, когда мы ищем ответственных за развал России, нам остается только посмотреть списки членов правительства от начала его деятельности и до конца. Все сразу встает на свои места. Факт удивительный и легко проверяемый:

Из самого первого состава Временного правительства в его последнем составе остался только(!) Александр Федорович Керенский. Все остальные ушли или были убраны, когда на разных этапах мешали вести страну к катастрофе...

Но самый страшный урон нанесла политика Временного правительства душам русских людей. Говорят, что перерождение нашего народа произошло под влиянием большевистской идеологии. Это неправда — всего за полгода своей деятельности Керенский и компания сумели полностью разложить крестьянство, рабочих и солдат. Ленин лишь довершил начатое ими. Ведь факт общеизвестный, что невиданная популярность пришла к Владимиру Ильичу именно после его возвращения из эмиграции в апреле семнадцатого. До этого времени его идеи столь бурного восторга в массах не вызывали. Вот это и есть результат деятельности Временного правительства. За короткий срок оно умудрилось вызвать ненависть ко всему, что касалась бывшего устройства русского государства, да и самому государству тоже. Достигли этого путем самой разнузданной пропаганды, начатой сразу по приходе к власти. Информационный удар наносился по Российской империи, представлявшейся в печати как чудовищная «тюрьма народов». Отличным сред-

¹ Миллюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 165.

ством этого была компрометация монархической идеи путем замазывания грязью царской семьи. «Независимая печать» развернула широчайшую кампанию по дискредитации бывшего императора и его супруги. В иллюстрированных красочных журналах печатается невообразимая похабщина про царскую семью с Распутиным.

Как по мановению палочки невидимого режиссера, резко меняется тональность публикаций и в отношении всех остальных Романовых. «Фантастические и порой совершенно недостойные описания стали появляться в различных газетах, даже в тех, которые до последнего дня старого режима являлись “полуофициальным” голосом правительства и извлекали немалую выгоду из своей преданности короне».¹ Это сказал не какой-нибудь отпетый монархист, а сам Керенский. Видно, писать начали ТАКОЕ, что даже он не выдержал и возмутился. Кто знаком с деятельностью прессы хоть немного, тот прекрасно представляет себе, что, обладая деньгами, можно опубликовать все, что заблагорассудится. Вот газеты и печатали «чистую правду», а потом правительство в лице Керенского стыдливо и лживо морщилося — переборщили.

О двуличии и отношении самого Керенского к царю хорошо сказал следователь Соколов, которому выпадет тяжкий жребий расследовать гибель семьи Романовых: «Много поработавший для расшатывания основных устоев старой власти, создававший в некоторых умах своими речами в Государственной Думе определенное общественное мнение, г-н Керенский шел в жилище Государя Императора, неся в своей душе определенное убеждение судьи, уверенного в виновности Государя Императора и Государыни Императрицы пред Родиной. Тая в своей душе такие чувства, г-н Керенский в то же время умышленно старался подчеркнуть свое великодушие и свое благородство в форме ярко выраженной корректности».

Странно ведет себя Александр Федорович, словно чей-то заказ пытается выполнить. Во что бы то ни стало найти доказа-

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt14.htm>

тельства и обвинить, замарать царя и царицу. А вместе с ними втоптать в грязь и всю русскую монархию. Эту особенность будущего главы России замечает и белогвардейский следователь: «В этом главным образом и заключалось убеждение г-на Керенского. Отнюдь не желая прибегать в таком деле к каким-либо натяжкам в выводах, следственная власть готова признать, что г-н Керенский только ошибался, хотя подобные ошибки в его положении представляются все же странными: опытный искусник-адвокат, все время выдававший себя за страдальца по народной правде, г-н Керенский, как профессионал-юрист, не мог не знать, что всякое убеждение должно основываться на фактах. Он же поступил как раз наоборот: *он сначала составил себе определенное убеждение, а потом постарался сыскать факты*».¹

Разложение страны шло так быстро, что уже при Временном правительстве начался и ее распад. Прежде всего распадается на составные части стала армия. Еще до Февраля были созданы некоторые национальные части: латышские батальоны, кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После переворота процесс национализации армии принял просто лавинообразный характер. Сначала был сформирован чехословацкий корпус, а потом формирования своих «армий» стали требовать все! Попробуй откажи в этом горластым национал-революционерам! Офицерство забито, командование растеряно и не знает, как заставить солдат повиноваться приказам. Поэтому генерал Брусилов и разрешил создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы». Тут же началась «украинизация» армии — у солдат появился прекрасный повод для отказа от отправки на фронт: «Підемо під українським прапором».

Весь этот маразм и ужас мы все с вами наблюдали (и наблюдаем) своими глазами. Не в 1917-м, а с 1991-го по сей день...

...Одновременно с распадом армии начался и территориальный распад страны. Так обычно все и начинается. Сначала люди должны почувствовать собственное отличие от других, своих соседей. Когда они ощутят это в достаточной степени, очень легко будет развалить многонациональную русскую армию на

¹ Соколов Н. А. Крестный путь царской семьи // Журнал Московской Патриархии. 1996. № 6, 7.

многочисленные национальные войска и стравить их между собой. Огромная Российская империя тогда распадется на многочисленные национальные государства, друг другу, и особенно России, враждебные. Это нашим «союзникам» и нужно, так оно и будет. Лондон и Париж будут наперегонки признавать «молодые» государства, упорно не признавая русских правительств, ведущих борьбу с большевиками.

Весь этот ужас начался при Временном правительстве, а при большевиках лишь достиг своего логического развития. Польша и Финляндия потребовали независимости. Независимость первой Временное правительство согласилось признать после войны, второй отказало в самоопределении, и финнов отпустит на волю уже Ленин. К сентябрю накалилась обстановка в Туркестане, да так, что для восстановления порядка пришлось применить силу.

На Украине в марте 1917 года ряд политических партий и организаций созвал Центральную раду. В мае она решила добиваться от Временного правительства немедленного провозглашения принципа национально-территориальной автономии Украины. Предполагалось, что в ее состав войдут восемь украинских губерний, а также территории Южного берега Крыма, некоторых уездов Курской, Воронежской, Бессарабской губерний, Донской области и Кубани с преимущественно украинским населением. Лиха беда начало, и вот уже в конце лета 1917 года, как и сразу после распада СССР, как сегодня, идет борьба за Черноморский флот. С кораблей «Воля» и «Память Меркурия» было списано около половины матросов-неукраинцев и вместо Андреевского были подняты украинские национальные флаги. Центральная Рада вскоре объявит об отделении Украины от России. Это будет позже, уже при большевиках, но корни всего этого заложило «демократическое» Временное правительство.

Зато на фоне полного разложения вооруженных сил резко увеличилась численность аппаратчиков. В одном только Военном министерстве количество бюрократов увеличилось более чем в три раза. Министр финансов Некрасов был вынужден заявить на государственном совещании в Москве, что «ни один период российской истории, ни одно царское правительство не было

столь щедро в своих расходах, как правительство революционной России».¹ Ну, это понять легко, если вспомнить, что щедрые господа через совсем небольшой промежуток времени окажутся кто в Париже и Берлине, а кто и в Нью-Йорке. Там ведь надо жить на что-то, вот и подчищали казну, кто как мог.

Признаки будущей катастрофы были уже налицо. Но Временное правительство только издавало «странные» распоряжения и ничего для предотвращения гибели страны не делало. Ираклий Церетели, лидер меньшевиков, активный деятель Петроградского Совета, министр почт и телеграфов одного из составов этого правительства, обладал отменным чувством юмора. После Октябрьской революции он возглавлял независимую Грузию. Одним словом, разрушал Россию как мог. Роман Гуль в своей «Апологии эмиграции» передает анекдот, случившийся с лидером меньшевиков уже гораздо позже, в эмиграции: французские социалисты пригласили Церетели на свой съезд и попросили сказать приветствие.

— Дорогие товарищи, я очень польщен... — сказал Церетели. — Но я уже погубил две страны — Россию и Грузию, неужели вы хотите, чтобы я погубил еще третью — Францию?²

Французы хохотали над удачной шуткой. Мы смеяться не будем, потому, что уничтожение России и миллионы загубленных людей штука совсем не веселая.

Единственной угрозой Временному правительству был хаос, который оно само и создало. Но оно упорно сеяло семена ненависти, вторгаясь в болезненные вопросы русской жизни и оставляя их без решения. Россия стремительно приближалась к катастрофе и распаду. Но для этого нужны были исполнители. Они-то в хмуре марте 1917-го на Родину и засобирались....

¹ Государственное совещание 12–15 августа 1917 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 34.

² Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. М.: БСГ Пресс, 2002. Т. 2. С. 61.

Глава 4

Почему германское командование не знало, что у него есть шпион по фамилии Ульянов

Между нашими представителями и представителями Антанты по различным поводам неоднократно устанавливался контакт...

Граф Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии

Поспевать за ленинской мыслью, задача неблагодарная. Его скорость принятия решений не всем по зубам. Не многие обладали и его интуицией. Только вот в начале 1917 года она его подвела. 9 января, в Швейцарии, делая «Доклад о революции 1905 года», он сказал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции».¹ Иными слова-

¹ Ленин. В. И. Сочинения. ГИПЛ, 1949. Т. 23. С. 246.

ми, вам, дорогие товарищи, до светлого будущего дожить, а мне, старику, и надеяться не надо. И вдруг — Февраль! Революция! Как снег на голову. На первый взгляд странно, но объяснимо. Все мы люди, и Владимир Ильич тоже не исключение. Следовательно, и он может ошибаться, несмотря на всю свою гениальность. К тому же Ленин уже с 1900 года почти безвыездно жил за границей в эмиграции и оторвался от нашей действительности. Русскую жизнь знал по письмам товарищей и статьям зарубежной прессы. Вот и просмотрел революционный момент будущий вождь мирового пролетариата. Но упрекать Владимира Ильича в политической близорукости будет неправильно. Февраль был плодом «союзного» заговора, в который Ленин не был посвящен. И в том нет его вины — каждый винтик страшной машины разрушения России знал только ему необходимую информацию. Когда требовалось его участие, невидимые закулисные силы выталкивали такого человека на поверхность политической жизни, когда он становился не нужен — быстро отодвигали в сторону. Для Февраля Ленин и его партия не были необходимы, «союзные» спецслужбы успешно организовали рабочие волнения и солдатский бунт, обойдясь без их помощи.

После бурной череды съездов РСДРП и эсеров во время первой русской революции 1905–1907 годов наступило резкое затишье. Революционные элементы, их лидеры находились «на консервации», спокойно проживая на территории Западной Европы. Они устраивали небольшие конференции, ругали друг друга почем зря в своих малотиражных газетах и ждали своего часа. И казалось, он наступил — началась Первая мировая война. Но их надежда быстро рассеялась: большинство революционеров поддержали свои правительства и стали патриотами, хотя бы на период вооруженного конфликта. Так было и с большинством русских смутьянов. Например, глава эсеровских боевиков Борис Савинков решительно требовал прекращения всякой антигосударственной деятельности на период войны. Тот, кто в такой момент борется с царем и с самодержавием, считал он, борется против России.

Ленин же в самом начале Первой мировой войны совершенно правильно понял, что именно эта страшная бойня дает единственный шанс на осуществление социалистической рево-

люции. Поэтому глава большевиков и выдвинул лозунг поражения царизма в войне. Логика ленинская понятна, одно только получалось не по Ленину: текущая ситуация в России никакой революцией и не пахла. После серии военных неудач русская армия готовилась эту войну успешно заканчивать. Поэтому и говорил Владимир Ильич в своем швейцарском докладе о революции как о далекой-далекой перспективе.

Но тут неожиданно случился Февраль. И Ленин моментально сориентировался. Практически сразу по прочтении свежих швейцарских газет. Уже 3 (16) марта, то есть в день отречения великого князя Михаила от престола, он пишет Александре Коллонтай: «Дорогая А. М.! Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1 (14).III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков+Гучков+Керенский у власти! ... Премило! Посмотрим, как-то партия народной свободы... даст народу свободу, хлеб, мир...»¹

Получив ошеломляющие новости, гениальная ленинская голова стала искать варианты решения одной проблемы — как попасть в Россию из далекой Женевы. Задача эта не так проста, как кажется на первый взгляд. Кругом ведь полыхают фронты мировой войны. Маленькую Швейцарию со всех сторон окружают Франция, Италия, Германия и Австро-Венгрия, сцепившиеся в смертельной схватке. Отсюда и вариантов пути несколько. Точнее, всего два: можно ехать через страну — участницу Антанты или через территорию их противников. Логично выбрать первый вариант, ведь если последовать второму, то можно нарваться на крупные неприятности: по международным законам гражданина вражеской державы должны интернировать, то есть посадить за колючую проволоку, до конца конфликта. Прекрасно знает это и Ленин. Поэтому второй вариант, *поездку через Австрию или Германию* (то есть противников России), Ленин поначалу даже не рассматривает.

Он думает об оптимальном пути **только** через страны Антанты, воевавшие на стороне России, начинает прощупывать почву

¹ *Стариков Н.* Хроники революции; http://www.russiantext.com/russian_library/2/starilov/revolution.htm

только в этом направлении. Инесса Арманд 5 (18) марта получает следующую телеграмму: «Дорогой друг!.. Мечтаем все о поездке... *Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать.* Жму руку. Ваш В. У.»¹

Спасибо министру юстиции А. Ф. Керенскому — амнистия! Тот, кто призывал к поражению своей страны, может спокойно ехать на родину. Только вот как? Со свойственной ему кипучей энергией Ленин перебирает все возможные варианты. Даже самые экзотические и невероятные. *Но только в направлении «через Антанту»!*

Между 2 (15) и 6 (19) марта 1917 года Ленин телеграфирует своему соратнику Ганецкому (Фюрстенбергу) в Стокгольм. Этот товарищ сидит у Ильича на «финансовых потоках» и осуществляет связь с иностранными спонсорами большевиков. Вскоре Ганецкий получает по почте книгу, в ее переплете находится ленинское письмо: «Ждать больше нельзя, тщетны все надежды на легальный приезд. Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию, и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию».²

Но Ленин не был бы Лениным, если бы зондировал только одну возможность. 6 марта он пишет В. А. Карпинскому:

«Дорогой Вяч. Ал.! Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма. Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я *проеду по ним через Англию (и Голландию)* в Россию. Я могу одеть парик. Фотография будет снята с меня уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике. Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на

¹ *Стариков Н.* Хроники революции; http://www.russiantext.com/russian_library/2/starilov/revolution.htm

² *Ганецкий Я.* Возвращение товарища Ленина // Пролетарская революция. Январь. 1924. № 1.

несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьезно в горах, где за пансион мы за Вас заплатим, разумеется. Если согласны, начните немедленно подготовку самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае. Ваш Ленин. Обдумайте все практические шаги в связи с этим и пишите подробно. Пишу Вам, ибо уверен, что между нами все останется в секрете абсолютном».¹

Стоп. На минутку остановимся и переведем дух. Проезд Ленина в революционный Петроград всегда был окутан тайной. Советская историография писала просто: «приехал». Как и откуда — раскрывать подробности коммунистические историки считали явно излишним. Современные авторы, обвиняющие Владимира Ильича в шпионаже в пользу Германии, наоборот, в подробностях расписывают его появление. История в их изложении получается простая и незатейливая: взял Ленин немецкие деньги, вот через Германию и поехал. И никто не объясняет, почему Владимир Ильич *сразу не поступил самым простым и логичным путем* — не связался со своими германскими кураторами и не озадачил их проблемой собственной доставки в Россию. Зачем он пытается проехать через страны Антанты? Что за странная просьба к Инессе Арманд почву «прощупать» не в Берлине, а в Лондоне? Неужели забыл Владимир Ильич, что он является германским шпионом? Или он этого... просто не знает?

Что, казалось бы, проще — выйди на связь со своими немецкими друзьями. Не сам, конечно, а через посредников, да на родину попросись. В немецких же интересах всю теплую ленинскую компанию туда как можно скорее доставить. Времецко-то идет, и каждый день пушки на Восточном фронте стреляют, и солдатики немецкие гибнут сотнями! А еще совместно с «союзниками» готовит русский Генштаб очередное наступление, и неизвестно, выдержит ли его натиск германский фронт. Ждать-то немцам нечего — время работает против них. Но что-то тихо в ленинской квартире. Не стучит почтальон, не приходит никаких известий

¹ *Стариков Н.* Хроники революции; http://www.russiantext.com/russian_library/2/starilov/revolution.htm

с германской стороны. Похоже, что и они забыли о существовании в списках их агентуры человека по фамилии Ульянов.

Или тоже не знают?

Молчат немцы. А Ленин продолжает думать и искать, словно только ему одному важно оказаться в России, а для немецких генералов это вещь малозначимая и третьестепенная. Впервые упоминание Германии как варианта транспортировки появляется в телеграмме Ильича уже упомянутому В. А. Карпинскому 7 (20) марта (то есть на четвертый день поиска вариантов). Тут мы впервые находим свидетельство того, что Ленин начинает продумывать не только путь через Англию, но и возможный свой проезд через Германию. Он рассматривает все варианты и предложения. Интересную мысль выдвигает глава меньшевиков Мартов. Это в учебниках истории большевикам с меньшевиками не по пути. В реальной жизни все революционные деятели жили рядышком в Швейцарии, вместе подписали документы знаменитой конференции в Циммервальде, вместе решали свои транспортные проблемы. Они даже дружили. Уже позднее, во время красного террора, Ленин лично принесет меньшевику Мартову домой два билета на уходящий за границу поезд и посоветует побыстрее на него садиться. Суть предложения Мартова вполне понятна из текста телеграммы: нейтральные деятели попросят германцев пропустить русских революционеров на родину. И снова все события происходят при полном информационном вакууме с немецкой стороны. Судя по телеграмме Владимира Ильича, автором этой идеи является глава меньшевиков Мартов, а вовсе не германский Генштаб. Итак, Ленин пишет Карпинскому:

«План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только мы (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п., что и в Женеве можно сделать) с просьбой поговорить об этом с послом германского правительства в Берне. Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем; наше участие испортит все. Но план сам по себе очень хорош и очень верен».¹

¹ Ленин. В. И. Сочинения. ГИПЛА, 1949. Т. 36. С. 381.

Ленин много пишет и снова и снова пытается решить свою проблему. Отправляются телеграммы, прощупываются контакты. Через неделю после первого послания Ильич посылает своему сердечному другу Инессе Арманд очередную весточку. Сначала он оценивает ситуацию в России, но нас больше интересует вторая часть послания: «...В Россию, должно быть, не попадем! Англия не пустит. Через Германию не выходит».

Опять наблюдаем мы непонятную картину. Основным Ильич рассматривает именно «английский» путь, поэтому указывает его первым. «Германский» вариант второстепенный и запасной. Тут впору и раздаться возгласу удивления. Вот представьте себе ситуацию: Владимир Ильич уже давно заключил сделку с дьяволом, то есть с германским Генштабом, взял деньги на революцию. Пообещал развалить Россию, вывести ее из войны. И вот когда момент для этих действий настал, он не знает, как ему добраться до места событий. Сидит горемыка, голову ломает. Придумывает варианты, словно в плохом детективе: то «по-тихому» через Англию, то в парике с чужими документами через Францию. Готов даже глухонемым шведом прикинуться, лишь бы проехать в Петроград. И только перебрав всю эту шпионскую атрибутику, Ленин решает попробовать проехать через Германию. Щупает почву и с горечью констатирует Инессе Арманд — «не выходит».

Вдумайтесь в это: **Владимир Ильич не может договориться со своими «сообщниками» немцами о проезде через их территорию!** Наверное, просто нет мест в поездах. И пограничники немецкие больно бдительны: как русский паспорт Ленина увидят, так его сразу в кутузку упрячут. А правительство Германии и ее Генеральный штаб ничего сделать с этим не могут. Нет никакой управы на немецких пограничников. Плачут германские разведчики и со слезами смотрят, как гибнет родной фатерлянд в непосильной мировой войне. Рыдают, но Ильича с товарищами в Россию забросить не могут.

Смешно? Но именно так и получается, если принять версию о давнишней договоренности немцев с большевиками. Если считать, что они вместе планомерно готовили план проезда революционеров в plombированном вагоне. Немецкие спец-

службы, естественно, работали на развал и поражение своего противника — России. К примеру, активно велась работа среди военнопленных. Для немцев основными объектами в ней были российские солдаты нерусских национальностей. Немцы пытались формировать военные единицы из поляков, австрийцы создали «Союз Визволения Украины». Продавшие свою Родину получали усиленный паек. Однако результат был ничтожен: из 2,5 миллиона пленных в украинский легион вступило всего две тысячи бойцов. Справедливости ради заметим, что такая подрывная пропаганда велась всеми воюющими сторонами. Преследуя те же пропагандистские цели, Россия в пику немцам объявила одной из главных целей Первой мировой войны освобождение славянских народов от австро-венгерского и германского порабощения. В результате солдаты этих национальностей массово сдавались в плен, и русское командование формировало из них боевые части, намного превзойдя на этом поприще своих австрийских коллег.

Субсидировали германцы и революционные партии, призывавшие к поражению своей страны. Ничего в том удивительного нет.

Удивляться надо не тому, что немцы забросили Ленина и его товарищей в Россию, а тому, что они никак не хотели этого делать!

Или даже об этом не думали. Именно это и приводило в отчаяние Ильича. Через Антанту нельзя, через Германию «не выходит». Круг замкнулся.

А теперь серьезно. Очень серьезно, если учесть, что результатом ленинских катаний на немецком поезде стал распад России, Гражданская война и миллионы вдов и сирот на просторах нашей страны. Ленин всегда был человеком жестким, прагматичным и лишенным ненужных сантиментов. Характерен эпизод, происшедший, по рассказу Чернова, в 1911 году все в той же Швейцарии. Сидя с Лениным в ресторане за кружкой пива, он спросил: «Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете?»

— Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера, — прищурился и засмеялся вождь мирового пролетариата.

Именно такой человек и нужен был для реализации последней части плана уничтожения Российской империи. И его до поры до времени держали в резерве. Он спокойно проживал в сытой Швейцарии, писал статьи и мечтал о далекой социалистической революции. И вот теперь драгоценное время идет, а путь проезда на родину Ленин еще не нашел. Он нервничает.

Телеграмма Я. С. Ганецкому, 17 (30) марта: «Ваш план неприемлем. Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев. Телеграфируйте. Ульянов».¹

Так ли все просто в связях Владимира Ильича с германской разведкой? Ведь Ганецкий, по словам современных историков, это как раз и есть посредник между большевистской верхушкой и немецким правительством. Через него ведутся переговоры, через него отрабатываются каналы и направления денежных потоков от германцев Ильичу.

И вот этот посредник, судя по ленинскому ответу, ехать предлагает ему через Англию, а не Германию! Неужели в немецкой разведке все дружно и разом сошли с ума?

Давайте поразмышляем. На момент неожиданно свершившейся Февральской революции договоренности Ленина и немцев если и были, то весьма туманные. Иначе сложностей с его доставкой в Россию не было бы. Берлин и большевики просто начали бы выполнять давно обговоренные действия. А раз сам Ильич своей проблемой лично занимается на уровне плохонького боевика с париком да усами фальшивыми, значит, не готовы были германцы к такому повороту событий в России. Не ожидали они успешного Февральского переворота, не ждали вообще никакой революции.

Потому что сами свержение русского правительства не готовили. Это наилучшее доказательство того, что Февраль готовили именно «союзики». Это именно их агентура вывела рабочих, а затем и солдат на улицы Петрограда, а английский и французский послы курировали его проведение в Петрограде. Все произошло неожиданно для большевиков и для германцев.

¹ Ленин В. И. Сочинения. ГИПЛА, 1949. Т. 36. С. 387.

Никаких планов на такой случай не имелось. Отсюда и легкая растерянность.

Владимир Ильич мечется в поисках пути домой. Так и хочется спросить: а где же немцы? Что они тянут? Они думают, обсуждают. Работают, одним словом. 10 (23) марта германский статс-секретарь Циммерман телеграфировал своему руководству, что, согласно донесению посла в Швейцарии, «ведущие русские революционеры» хотели бы возвратиться в Россию через немецкую территорию.¹ Он пишет, что это соответствует интересам Германии, и высказывается за выдачу разрешения. В Берлине его не слушают — через два дня после этого, 12 (25) марта, Ленин как раз пишет Инессе Арманд, что «через Германию не выходит». Значит, попытка контакта была, и был именно отрицательный ответ, иначе Ленин так не говорил бы. Немцы не просто думают, они Ильичу *отказали!*

А нам все пытаются рассказать о коварных германских разведчиках, блестяще спланировавших и осуществивших разрушение России. Хороши разведчики: по всем имеющимся документам становится понятно, что инициатором проезда через территорию Германии была именно ленинская сторона. Немцы просто дали свое согласие. Причем не сразу, а предварительно подумав. *И даже сначала Ленину отказав!*

Интересно, почему же они полностью поменяли свою позицию через несколько дней? Сначала считали ненужным и невыгодным для себя разрешить Ленину и его товарищам проехать через свою территорию, а потом вдруг дали согласие. Значит, произошло нечто такое, что повлияло на железную германскую логику. Однако историческая наука молчит как рыба и ничего нам не сообщает о причинах таких судьбоносных изменений.

Дав отказ между 10 (23) и 12 (25) марта, немцы продолжают анализировать поступающую информацию. 17 (30) марта 1917 года начальник берлинской секции политического отдела Генерального штаба Германии в своем докладе в МИД написал: «Доверенное лицо по эту сторону границы, которое по здешнему поручению было несколько дней в Цюрихе и 29.3.17 вернулось

¹ Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 318.

Почему германское командование не знало, что у него есть шпион

назад, сообщает, что большая часть живущих в Цюрихе русских желает возвратиться в Россию...»¹

В тот же самый день тон ленинской телеграммы к Ганецкому близок к панике. Он пишет, что «единственная надежда» — послать кого-нибудь в Петроград и фактически обменять Ленина и его сторонников на интернированных в России немцев. Значит, согласия германских властей на проезд у Ленина все еще нет, а отказ есть.

Прошло уже четырнадцать дней с момента получения Лениным информации о революции, а путь на родину еще не найден. Две недели немцам не приходит в голову направить их «шпиона» Ленина в Россию! С 3 (16) по 17 (30) марта — это две недели сплошной импровизации Ильича. Позднее Крупская рассказывала, что от отчаяния у него даже родилась идея лететь в Россию на самолете...

Беспокоился Ильич напрасно. В детальном плане для каждого элемента находится нужное время и место его появления. Именно тогда он и сможет сыграть отводимую ему роль. Время Ленина наступало после свержения монархии, после разочарования Временным правительством, после хаоса и анархии, которые оно должно посеять. Вот тогда он и нужен. Беспощадный, фанатичный и целеустремленный, который не остановится ни перед чем.

17 (30) марта все меняется радикально. Сначала настроение Ленина, а потом и отношение к его планам со стороны германского руководства. Это несложно заметить, просто прочитав еще раз ленинские телеграммы:

- ◆ 12 (25) марта Инессе Арманд: «В Россию, должно быть, не попадем! Англия не пустит. Через Германию не выходит».
- ◆ 17 (30) марта Ганецкому: «Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует... Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев».

¹ Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография. М.: Вече, 2002. Т. 1. С. 95.

- ◆ 18 (31) марта Гримму (лидеру швейцарской социал-демократической партии, посреднику, которого русские революционеры просили еще переговорить с немцами): «Наша партия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию и тотчас же организовать эту поездку. Мы рассчитываем уже сейчас более чем на десять участников поездки. Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться и, если возможно, завтра же сообщить нам решение. С благодарностью, Ленин».¹

Сначала отчаяние и упадок сил слышатся в ленинских строках, но начиная с 18 (30) марта энергия вновь бьет из его текста!

19 марта (1 апреля) Ленин вновь пишет любимой Инессе Арманд. Но каков тон его письма! Ленина не узнать: «Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. *Давайте пари держать, что дадут!*»²

В этот же день Ленин присутствует на совещании, на котором член Комитета по возвращению русских политических эмигрантов поляк Сергей Багоцкий не просто делает доклад, а сообщает о ходе переговоров с посредником и обосновывает план проезда эмигрантов через Германию.³

Что-то невероятное произошло либо 17 (30) марта вечером, либо 18 (31) марта утром и полностью перевернуло ситуацию.

¹ Ленин В. И. Сочинения. ГИПЛА, 1957. Т. 36. С. 389.

² Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография. М.: Вече, 2002. Т. 1. С. 94.

³ Ленин очень активно общался с Багоцким во время своего пребывания в Австро-Венгрии и Швейцарии. По словам шведского исследователя Ханса Бьеркегрена, в шведском архиве Министерства иностранных дел есть документы, свидетельствующие о странном интересе, проявленном английской разведкой к этому польскому «патриоту». Революционерам надо было мягко подкидывать идеи и подталкивать их к новым попыткам получить разрешение от немцев, которые уже дали отказ. Возможно, что истинным «отцом» идеи Мартова вновь обратиться к немцам был именно Багоцкий (*Бьеркегрен Х.* Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 315).

Почему германское командование не знало, что у него есть шпион

Но на первые попытки добиться разрешения Германии на проезд ответ, как мы помним, пришел отрицательный. Теперь — положительный. Нас не должно смущать слово «предложение» в телеграмме Ленина Гримму. Это не немецкое предложение, это германский ответ на ленинский зондаж. Можно проехать? Проезжайте! Инициаторы «пломбированного вагона», перевернувшего ход мировой истории, — не немцы, вот что очень важно отметить и запомнить.

Несговорчивых германских тугодумов словно подменили. Ленин не просто надеется, что все получится, — он готов держать пари. Он точно знает, что немцы согласятся в любом случае. Потому что им сделали предложение, от которого они не могут отказаться.

Вот только кто? Точной фамилии мы, вероятно, не узнаем никогда. Но из какой разведки был этот господин, вполне можем догадаться...

В этой книге есть только один факт, который нельзя документально подтвердить. Это встречи немецких разведчиков со своими британскими коллегами. Но эти встречи должны были быть обязательно. Тогда все остальные факты плавно встанут на свои места. Получают объяснения все прошлые и дальнейшие странности и чудеса...

...В марте в Швейцарии еще прохладно. Вроде и солнце светит, и травка уже зеленеет, однако в городах зябко. В горах там и вовсе снег. Советник германского посла в Швейцарии граф фон Шульц эту страну вообще не любил. Пустая она какая-то, даром что половина населения говорит на неплохом немецком языке. Конечно, наречие весьма сильное, но такая особенность языка чувствуется и в самом рейхе. Наследие феодальной раздробленности, говорят лингвисты. А говоря по-простому, не всякий немец с ходу может понять соотечественника из другой части страны.

Фон Шульц приподнял тяжелую запотевшую кружку и отхлебнул пива. Ждать оставалось совсем немного. Те, кого он ждал, должны были появиться через полторы минуты. Кто они такие, фон Шульц мог только догадываться. Своих будущих

собеседников он никогда не видел, не знал их имен, должностей. Словом, ничего. Кроме того, что один из них называет себя корреспондентом маленькой американской газеты «Лос-Анджелес Трибюн». Да и вообще в том, что такая газета существует в реальности, граф фон Шульц сильно сомневался. Потому что на самом деле его самого звали барон Вильгельм фон Браун, и он, кадровый военный разведчик, использовал дипломатическое прикрытие и чужое имя для маскировки. Этого же следовало ожидать и от другой стороны...

А вот разговор обещал быть интересным. Неделю назад в Министерство иностранных дел Германии поступила секретная корреспонденция от американцев. Янки сообщали, что уполномочены британским правительством организовать встречу, на которой будут озвучены важные предложения. В качестве места предлагалась Швейцария, время было обозначено двухнедельным промежутком. Это обычный дипломатический этикет. Воюющие стороны не могут напрямую общаться друг с другом, поэтому всегда нужен посредник. Например, нейтральные американцы.

Фон Шульц снова сделал глоток. Нейтралитет американцев был только ширмой. Причем весьма дырявой и трухлявой. Вопрос их вступления в войну был вопросом ближайшего будущего. Так думал сам фон Шульц, не питали иллюзий и в Берлине. Тем удивительнее было это приглашение из американского Госдепа.

Ответ германцев был стандартным: они согласны встретиться в указанные сроки. В качестве контактного лица был указан он — советник посольства в Берне граф фон Шульц. Ответное послание американцев сообщало, что с ним выйдет на связь господин, который представится как корреспондент газеты «Лос-Анджелес Трибюн». Вчера он позвонил в посольство и назначил встречу в огромной, но, несмотря на это, уютной пивной.

— Добрый день, господин Шульц, — пробасил высокий и тощий человек в дорогом твидовом костюме. И, не дожидаясь ответа, опустился на скамью рядом с немцем. — Позвольте представиться: корреспондент газеты «Лос-Анджелес Трибюн».

Почему германское командование не знало, что у него есть шпион

Немец молча кивнул головой и с явным удивлением взирал на второго пришедшего.

— Разрешите представить, — улыбнулся американец. — Это мой спутник, господин Смит. Он представляет одну заинтересованную державу.

Было чему удивиться: Смит оказался индусом! Невысокого роста, с легкой сединой и большими умными глазами. Намек понятный и однозначный — Индия принадлежит Великобритании, следовательно, второй пришедший представляет именно ее.

«Неплохо придумано, — подумал фон Шульц, — с индуса какой спрос?! В случае разоблачения алиби у английского правительства стопроцентное: какой-то представитель вечно мятежной провинции встретился с германским дипломатом исключительно по своей инициативе. И наболтал всякой чуши».

— Здравствуйте, — сухо поздоровался немец. Фон Шульц несколько раз участвовал в подобных встречах и знал, что особенных церемоний при них не соблюдается. Разговор идет предельно циничный и откровенный. Чего не бывает никогда — так это грубости. Ведь обе стороны одинаково заинтересованы в таких секретных неформальных контактах. Поэтому граф демонстративно продолжал потягивать пиво, не спуская с пришедших глаз. Инициатива разговора принадлежала им — вот пускай и начинают.

Первым заговорил американец.

— Вообще-то я пиво не люблю, — сказал он, широко улыбувшись. — Но в этом местечке оно просто необыкновенное.

— У нас в Германии это национальный напиток. Дарю тему для очередной статьи в «Лос-Анджелес Трибюн».

— Спасибо, — усмехнулся американец. — Знаете, фон Шульц, в последнее время столько дел, что статьи писать просто некогда. Вот сегодня собирался написать одну, но вместо этого я здесь, с вами.

— Какая потеря для ваших читателей! — с притворным сочувствием покачал головой немец.

В начале беседы идет прощупывание друг друга. Лучше всего отделяться общими фразами и набраться терпения. Особенно когда даже примерно не знаешь, о чем пойдет речь.

Во время этого обмена колкостями индус спокойно смотрел на немца и даже успел сделать заказ подошедшей официантке.

— Господин Шульц, — наконец заговорил он. — Я думаю, что мы можем начать разговор и сразу перейти к делу.

Немецкий дипломат лишь кивнул головой.

— Наши страны воюют уже почти три года, — продолжил индус. — Путь к миру затруднен реками крови и миллионами погибших...

«Неужели англичане предложат закончить войну?» — мелькнуло в голове фон Шульца, но, словно услышав его, британец резко перешел к сути.

По мере того как британец говорил, удивление Шульца возрастало. Он многое повидал на своем веку, но такого даже не мог себе представить. Это и вправду было предложение мира, перемирия. Но... но очень особенное.

— Мы хотим помочь вам сильно потрепать Россию, — сказал индус. — Сейчас она находится в ослабленном состоянии, скоро ослабнет еще больше. Мы не будем препятствовать, если вы подвергнете русских разгрому. Более того, мы даже готовы помочь вам в этом. Я бы даже назвал это неким временным союзом с конкретной целью.

— Бойся данайцев, дары приносящих, — процедил сквозь зубы фон Шульц. — Меня смущают предложения о союзе, преподнесенные страной, с которой воюет моя Родина.

— Назовите это как хотите. Как вам больше нравится. Суть дела это не меняет, — жестко возразил индус.

— Если вы так хотите мира, не лучше ли вместо содействия разгрому ваших друзей начать переговоры о мире? Сколько человеческих жизней будет спасено.

— Господин Шульц, — включился в разговор американец. — Оставьте лозунги и красивые слова нам, журналистам. Не оставляйте же нас в конце концов без куска хлеба.

— Я не уполномочен сделать предложение о начале мирных переговоров, — твердо выговорил британец. — Моя миссия несколько другая. Я предлагаю вам разгромить Россию и вывести ее из игры. Для этого мы готовы оказать некоторую помощь. В ответ потребуем нечто и от вас.

Фон Шульц снова отхлебнул пива. Пожалуй, пора было выяснять мельчайшие подробности. И он спросил, а британец ответил. Новое правительство России контролируется союзниками. Его шаги прогнозируемы и определяемы. Уже сейчас началось активное разложение русской армии под влиянием агитации. Скоро оно невероятно возрастет. Для этого необходимо направить в Россию группу революционеров — талантливых пропагандистов и обильно снабдить их деньгами. Денег должно быть очень много, эти революционеры будут самой богатой группировкой, и их деньги смогут сделать то, что будет неподвластно их агитации. Эти люди проверенные и толковые и к тому же хорошо известные немецким спецслужбам. Они уже пытались прощупать путь домой через Великобританию, но им сразу дали понять, что это невозможно.

— Потом они обратились к вам, уважаемый господин Шульц. И получили еще один отказ. Теперь они в состоянии, близком к отчаянию. Но в наших с вами силах снова придать им уверенности и динамизма. Для этого вы должны согласиться переправить их в Россию через свою территорию.

Сказав это, индус достал из кармана костюма большие золотые часы, раскрыл их и громко захлопнул.

— Три часа назад они снова вышли на контакт с посредником. И ждут вашего решения.

— Прежде чем его принять, хотелось бы выслушать вас до конца, — усмехнулся немец.

— Разумеется. Пропаганда и агитация наших с вами революционеров быстро сделают свое дело. Мешать им не будут — это мы можем гарантировать. Военный удар, нанесенный по ослабленной внутренними неурядицами русской армии, принесет вам победу, — улынулся англичанин. — Мы же в свою очередь дадим его спокойно наносить. Заключим что-то вроде неофициального перемирия. Пока вы лупите русских, наши войска с места не сдвинутся. Но и вы на этот период воздержитесь от активных действий на Западном фронте. В крупном масштабе. Мелкие стычки, конечно, не в счет.

— А поставки вооружений? — спросил фон Шульц.

— Вы же понимаете, что полностью прекратить их мы не сможем. Но уверяю вас, — улыбнулся британский разведчик, — у нас в Англии тоже хватает бардака и неразберихи. Особенно в наших поставках русским. В ближайшее время путаницы станет значительно больше. Мы сделаем все, что в наших силах.

— А мы сделаем все, что в наших, — снова вступил американец. — Вы получите кредиты и сможете смело рисковать ими, щедро снабжая революционеров. Хотя и риска никакого нет. Мы же знаем, насколько вы стеснены в деньгах, и предлагаем вполне надежное дело.

При этих словах во взгляде немца на секунду блеснула ненависть, но он быстро подавил вспышку. Похоже, ребята отлично подготовились к встрече. На большинство его вопросов они отвечали раньше, чем он успевал их задать. Конечно, к предложению противника всегда надо относиться с большой осторожностью. Но тут все выглядело гладко и красиво. Немцам предлагалось забросить в Россию группу пораженцев-агитаторов. Необходимые деньги давали американцы, англичане обеспечивали невмешательство русского правительства и собственный «нейтралитет».

Оставался один, самый главный вопрос.

— Почему я должен вам верить? — спросил фон Шульц и внимательно посмотрел на своих собеседников. — Может быть, вы просто провоцируете германское правительство. Потом, — он кивнул в сторону «корреспондента», — в вашей газете выйдет огромная статья о том, на какие гнусности могут пойти кровожадные гунны после того, как у них не получается в честной борьбе разгромить страны Антанты.

— Можете не верить. Но наше предложение — это хотя бы минимальный шанс на успешный выход из войны, — серьезно сказал индус. — Без разгрома России у вас нет даже призрачной возможности избежать полного краха. А он, этот крах, теперь неминуем.

— Почему же именно теперь? — попытался съехидничать немец.

— Потому что примерно через пару недель войну Германской империи объявят Соединенные Штаты, — усмехнулся индус. — Это решенный вопрос.

Почему германское командование не знало, что у него есть шпион

— Вы посмотрите на наше предложение следующим образом, — выпустил клубы дыма американец. — Раз уж вы так спешите закончить войну, то это ближайший путь к ее окончанию. Выход России из игры, а именно это является конечной целью всей операции, коренным образом меняет соотношение сил. Ваши австрийцы и болгары воспрянут духом, а мое правительство может предпочесть лишь номинальное участие в войне. Нам же тоже надо пролить хоть немножко крови, чтобы потом на равных участвовать в переделе мира. В такой ситуации Антанта может услышать германские призывы к миру.

— Звучит заманчиво, — снова глотнул пива фон Шульц. — Но мне нужны реальные доказательства серьезности ваших намерений. Мы должны быть уверены, что вы не ударите нам в спину, если основная масса германских войск навалится на Россию.

— Наши намерения самые серьезные. И вот доказательство этого.

Индус полез в карман и выложил на стол бесцветный, ничем не примечательный конверт.

— Это план нашего весеннего наступления, — сказал он и внимательно посмотрел в глаза немца...

17 (30) – 18 (31) марта 1917 года — ключевой день в русской истории. Именно в этот день германские власти вслух выразили свое согласие отправить Ленина в Россию. Решили принять предложение, сделанное им англичанами. Разумеется, первым об этом узнали английские переговорщики. А вот точную дату, когда радостную новость передали Ленину, мы можем вычислить с большой точностью. Это вечер 18 (31) марта — утро 19 марта (1 апреля). Как? Очень просто — для успешного проезда Ленина нужно, чтобы не только немцы согласились пропустить «пломбированный» вагон, но и Ильич согласился в него сесть. А любой, кто возьмет в руки собрание сочинения Ленина, сможет лично убедиться: 15 (28) марта он говорил, что таким образом в Россию не поедет.

Телеграмма Я. С. Ганецкому:

«Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена, или русское договорится об обмене всех эмигрантов на интернированных немцев».¹

Еще 15 (28) марта ехать на родину Ленин не согласен, требуя «вагон до Копенгагена», а уже 19 марта (1 апреля) Ленин хвастается любимой Инессе Арманд, что немцы дают вагон. Между этими датами всего четыре дня. За эти четыре дня британская разведка провела колоссальную работу, задействовав всю свою агентуру. Кто-то встречался с немцами, делая им предложение, кто-то дернул за «ниточки» Парвуса, имевшего авторитет у германцев, для помощи в скорейшем получении согласия пропустить Ильича через немецкую территорию. Другие агенты беседовали с Лениным, убеждая его послушаться и не создавать ненужных сложностей. И Ильич послушался — ведь в реальности «пломбированный» вагон проехал не до Петрограда и не до Копенгагена, а лишь до германского порта Засниц.² Без мощной, таинственной силы не могли революционеры за три дня (16–17–18 марта) обо всем с немцами договориться, раз не получалось предыдущие две недели. Ведь персоны и амбиции были все те же.

Генерал Людендорф в своих мемуарах писал: «Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание: Россия должна была рухнуть в пропасть».³

Лев Давыдович Троцкий в автобиографии пытается объяснить мотивацию действий немцев и большевиков. Хотя она понятна нам и без его слов: «Со стороны Людендорфа это была авантюра, вытекавшая из тяжелого военного положения Германии. Ленин воспользовался расчетами Людендорфа, имея при

¹ Ленин В. И. Сочинения. ГИПЛ, 1957. Т. 36. С. 386.

² От германо-шведской границы до российской столицы пассажиры-революционеры добирались обычным общественным транспортом — поездом, санями, потом вновь поездом.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. М., 2005. С. 342.

этом свой расчет. Людендорф говорил себе: Ленин опрокинет патриотов, а потом я задушу Ленина и его друзей. Ленин говорил себе: я проеду в вагоне Людендорфа, а за услугу расплачусь с ним по-своему».¹

Одного не объясняет Троцкий: что, собственно говоря, немецкий генерал так переживает. Идет война, и заброска на территорию противника своих агентов-пораженцев и всех тех, кто поможет приблизить долгожданную победу, оправданна и понятна. Однако в каждом слове Людендорфа чувствуется сложность в принятии германцами рокового для России решения. Если вдуматься, нет повода у германцев для угрызений совести. Готовится спецоперация, в результате которой возможен вывод из войны одного из противников Германии. Успех этой акции непредсказуем, чего убиваться-то понапрасну? Для того спецслужбы и существуют, чтобы устраивать «сладкую» жизнь врагам, готовить им разные неприятные сюрпризы.

Все-таки чувствуется в словах Людендорфа извинение: «с военной точки зрения... проезд через Германию имел свое оправдание». Словно перед нами, россиянами, германский генерал оправдывается. Но нет, он объясняет поступки берлинского руководства не нам, русским, а будущим поколениям немцев. В августе 1914-го Германия неожиданно даже для своих собственных генералов объявила России войну. В марте 1917-го германцы пропустили через свою территорию в «пломбированном» вагоне группу революционеров. Оба этих немецких решения, слившись в одну катастрофическую ошибку, закончились ее поражением в войне, уничтожением института монархии и неисчислимыми бедами немецкого народа. Кто же убедил немцев второй раз принять роковое решение? Те же, кто сделал это и в первый, — англичане.

Вот здесь мы подошли к очень важному моменту. Понимание того, кто в действительности забросил Ленина в Россию, дает ключ к пониманию всех дальнейших событий. Ленина в Россию (германскими руками) забросили англосаксы. Все исторические

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001; http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/My_Life/My_Life-00-02-02.html

нестыковки, несурезицы и странности перестают быть загадкой, если знать, что это именно так.

Предложение, выдвинутое англичанами, выглядело несколько странно. Немцы отправляют в Россию товарища Ленина и снабжают деньгами. Тут немцам было впору удивиться. Позвольте, но ведь если его на родину отправим мы, то есть враги, то его сотоварищи там сразу арестуют! И действительно, Временное правительство опубликовало в парижской газете «Pettit Parisien» сообщение, что будет обвинять русских подданных, проехавших через территорию Германии, в государственной измене.¹ Вроде и правильная публикация, предостерегает она: не пытайтесь возвращаться через территорию врага, это строго карается. На самом деле марионетки из Временного правительства сделали это совсем по другой причине.

Написана статья для Ленина и для германцев. Немцы газету читали, а потому не решались ни на какие шаги. Написали же черным по белому русские власти: поедете через Германию — будем судить. Государственная измена в условиях войны — это верный расстрел. И неважно, что две недели назад Временное правительство отменило смертную казнь. Пожизненная каторга ничуть не лучше, а потом — кто может гарантировать, что отмененную сегодня казнь не введут завтра «по просьбе трудящихся»? Можно разом потерять всё и всех. В их правильной немецкой голове никак не может возникнуть одна простая мысль, что за явную измену могут и не осудить. Могут даже и не обвинить, если так будет нужно. Как можно, находясь в здравом уме, поверить в то, что человека, приехавшего ниспровергать государственный строй, на вокзале столицы будут встречать не жандармы с наручниками, а оркестр с цветами? А ведь Ленина именно так и будут встречать...

Для того статью в «Pettit Parisien» и печатали, чтобы «союзная» помощь в заброске Ленина стала остро необходимой. Именно «союзники», полностью контролировавшие деятельность Временного правительства, могли гарантировать, что угроза останется пустым сотрясением воздуха. Никто никого

¹ Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография. М.: Вече, 2002. Т. 1. С. 97.

Почему германское командование не знало, что у него есть шпион

не арестует. А ведь как было бы удобно! Приехали бы русские контрразведчики на вокзал, поезд оцепили и всех смутьянов под белы ручки отправили бы в кутузку. Но не для того Февраль делался, чтобы государственных изменников в тюрьму сажать. Цели и задачи тут совсем другие.

Немцы решились — забросили в Россию горящий факел, искры от которого через какой-то год подожгут и саму Германию. Вот потому и опускает Людендорф глаза в пол в своих мемуарах. Знает он, что успех развала России гарантировали «союзные» разведчики. Нелегко для честного немецкого военного окунуться во всю эту грязь и мерзость договоренностей с врагом и предательства одного противника другим. Воспитание прусских военных таких действий не позволяло. Но другого выбора у немцев уже не было...

После получения первых предварительных результатов встречи с германским представителем, 18 (31) марта или на следующий день с утра, на контакт с Лениным вышли посредники. От имени «союзных» спецслужб они предложили ему сделку. Суть очень проста: британцы обеспечивают согласие Германии на проезд группы Ильича в Россию; обеспечивают ему обильное снабжение деньгами со стороны немцев; гарантируют полное содействие всех своих агентов в России. За это требуют от Ленина только одного: приехав в Россию, он должен устроить там революцию и взять власть в свои руки. Владимир Ильич немедленно соглашается. Долгих размышлений Ленину не требуется: ему дают деньги, поддержку, ресурсы только для того, чтобы он осуществил собственную мечту.

Потом переходят к обсуждению деталей. С немцами Ленин должен вести себя жестко, выставляя любые разумные требования, они на все согласятся. Но, работая в контакте с германскими спецслужбами, он не должен забывать, кто в действительности забросил его в Россию. Одним словом, заключая договор с германцами, Ленин должен все свои будущие шаги согласовывать с британской (и французской) разведкой и работать в постоянной связи со своими кураторами.

После этой встречи все меняется в одночасье. *Как и обещали* Ленину, приходит долгожданное согласие немецкой стороны,

и Ленин отсылает телеграмму Р. Гримму. Потом, окрыленный, он, насколько позволяет конспирация, хвастается по телеграфу своей возлюбленной Арманд. И в тот же день, 19 марта (1 апреля), Владимир Ильич, не имеющий уже более никаких сомнений, телеграфирует своему казначею Ганецкому: «Выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки».¹

Он страшно спешит, спешит наверстать бездарно потерянные две недели. Но выступающий посредником Гримм не может утрясти все вопросы с немецкими дипломатами. Тогда Ленин меняет посредника. Палочкой-выручалочкой для Ильича становится швейцарский социал-демократ Фриц Платтен. Он и будет вести переговоры с германским посланником в Берне Ромбергом. Новый посредник явно вхож в более высокие сферы, чем предыдущий. Да и желание у немцев, *как и обещали* Ленину, теперь огромное: 20 марта (2 апреля) помощник статс-секретаря Буше телеграфировал Ромбергу: «Желательно, чтобы перевоз русских революционеров через Германию состоялся как можно скорее».²

22 марта (4 апреля) Платтен передает ленинские требования в германское посольство. Читая их, невольно ловишь себя на мысли, что немцам Ленин нужен больше, чем они ему. Это очень важный и показательный момент: глава большевиков не просто ходатайствует о разрешении на проезд в Россию, *он выдвигает германцам свои условия. Их немало:*

- ◆ едут все эмигранты без различия взглядов на войну;
- ◆ вагон пользуется правом экстерриториальности;
- ◆ никто не имеет права входить в вагон и выходить из него без разрешения Фридриха Платтена;
- ◆ никакого контроля паспортов и багажа.

Обращаясь к инстанции, которая УЖЕ ОТКАЗАЛА, Владимир Ильич не просит, а фактически требует. Хочет еще раз получить отказ? Нет, он уверен, что немцы согласятся. А откуда у Ильича может быть такая уверенность? Кто может гарантировать ему

¹ Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография. М.: Вече, 2002. Т. 1. С. 95.

² Ленин и Россия: Сборник статей С. Г. Пушкарёва; <http://lenin-rus.narod.ru/01.htm>

успех достаточно наглого обращения к представителям германской империи?

Вам странно и удивительно? Такое же ощущение испытал и германский посланник в Швейцарии Ромберг.

— Странно, — сказал он, усмехаясь. — Насколько я понимаю, не я и мое правительство просим разрешения на проезд через Россию, а господин Ульянов и другие просят позволения проехать по Германии. Так кто же из нас имеет право ставить условия?¹

Удивленный и отчасти возмущенный, Ромберг 23 марта (5 апреля) направляет на имя госсекретаря через канцелярию Министерства иностранных дел зашифрованную телеграмму, в которой просит: «...дать указание на случай, чтобы я приступил к выполнению *подобных предложений*».² Германский посланник ждет отказа своего начальства, но, как и обещали Ленину, немцы на все соглашаются. Уже через день, 25 марта (7 апреля), приходит ответ, что немецкое командование не имеет возражений против проезда русских революционеров, если они проследуют в отдельном транспорте. Вот тогда Ленин и его спутники напишут расписки:

«Я, нижеподписавшийся, Ульянов (Ленин) В. И., удостоверяю своей подписью:

1) что условия, установленные Платтеном с германским посольством, мне объявлены;

2) что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки Платтена...»

Ленин на минуту остановился — он сомневался в успехе дела до самого конца, но вот, кажется, все действительно получается. Это просто невероятно, как быстро развиваются события. Даже он, всегда готовый измениться, поменять точку зрения, объяснить, что бывают «компромиссы и компромиссы», едва успевает за стремительным потоком времени. Перо снова скользнуло по бумаге, водимое уверенной рукой Ильича:

«3) что мне сообщено известие «Pettit Parisien», согласно которому русское Временное правительство угрожает привлечь

¹ Платтен Ф. Ленин из эмиграции в Россию. М., 1924. С. 63.

² Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография. М.: Вече, 2002. Т. 1. С. 99–100.

по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;

4) что всю политическую ответственность за мою поездку я принимаю на себя;

*5) что Платтеном мне гарантирована поездка только до Стокгольма».*¹

А 27 марта (9 апреля) он уже ехал в Россию...

Вера, что все получится, Владимир Ильич, безусловно, волновался. Он прекрасно осознавал, что его деяние называется государственной изменой, однако ради революции Ленин был готов на все. Путь «пломбированного» вагона был долг: сначала из Цюриха через Берн — Штутгарт — Франкфурт-на-Майне — Берлин до германского порта Засниц. Далее на шведском пароме «Drottning Viktoria» — в шведский порт Треллеборг. Далее через Мальме на поезде до Стокгольма, в который он и его спутники прибыли 31 марта (13 апреля). И там Ленин получил второе подтверждение, что все получается так, как обещали «союзные» разведчики. Первым — было решение немцев, в одночасье изменившееся от отказа к согласию. Второе — касалось русских.

Когда историки рассказывают нам о противоречиях и борьбе большевиков с Временным правительством, они забывают рассказать некоторые «мелочи».

Вот они.

— В Стокгольме Ленин и все его спутники получили в русском генеральном консульстве групповую въездную визу для проезда в Россию.² Между тем в консульстве прекрасно знали, каким путем приехала эта группа, но документы выдали. Более того — документы были сделаны заранее, еще до прибытия Ленина и его спутников в Стокгольм.³

— Именно Временное правительство оплатило билеты от Стокгольма до России для всех своих «противников»

¹ *Стариков Н.* Хроники революции; http://www.russiantext.com/russian_library/2/starilov/revolution.htm

² *Бьеркегрэн Х.* Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 375.

³ Там же.

Почему германское командование не знало, что у него есть шпион

и ниспровергателей. Эти билеты Ленину вручили в том же российском дипломатическом представительстве.¹

Чудеса, да и только. *Как и обещали* Ленину его новые друзья. Хотя какие же они новые. Сотрудничество с западными спецслужбами большевики начали, подобно всем другим революционным партиям, еще в 1904–1905 годах. А если внимательно приглядеться к биографии их вождя — то в 1895-м...

Ленин (с зонтом в руке) в Стокгольме по пути в Россию

Давайте немного вспомним жизненный путь вождя мирового пролетариата. В 1881 году брат Ленина — Александр Ульянов арестован, судим и казнен за попытку покушения на императора Александра III. Несмотря на это, Володю принимают в Казанский университет, откуда он вылетает через 4 месяца за участие в студенческих волнениях. Не особенно вдаваясь в перипетии жизни Ильича, отметим лишь тот факт, что его семья испытывала серьезную нужду в средствах. Основным кормильцем была мать Ленина — Мария Ильинична Ульянова, получавшая пенсию за

¹ «Выдано было 20 билетов второго класса в спальном вагоне и 9 билетов второго класса в сидячем вагоне». *Бьеркегрэн Х.* Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 375.

умершего мужа (100 рублей) и содержавшая всех своих детей, учившихся и боровшихся с царизмом, а потому не имевших собственных средств.

Отсутствие образования закрывало, для Владимира Ульянова двери к получению хорошей престижной работы. Благодаря письмам в высокие инстанции, хлопотам матери, а также с учетом заслуг отца на ниве народного образования после нескольких отказов молодой Ильич все же получает разрешение сдать экзамены экстерном.¹ В ноябре 1891 года испытательная комиссия юридического факультета Петербургского университета присуждает ему диплом первой степени. Владимир Ильич тут же использует его по назначению, устраиваясь помощником присяжного поверенного в Самаре. В сентябре 1893 года он переезжает в Петербург, где дает юридические консультации и ведет судебные дела. Никаких великих и судьбоносных открытий в революционной мысли Володя Ульянов не делает. Это и понятно — ему всего 23 года, и его судьба только начала складываться. Все еще очень зыбко и шатко. Он все еще несвободен: на каждое обращение в компетентные органы с просьбой разрешить ему выезд за границу следует отказ.

Важно отметить следующий факт: до своего первого посещения ЗАГРАНИЦЫ Ленин будет испытывать нужду в средствах. Молодой талантливый юрист быстро прогрессирует и как революционный теоретик. После парочки никчемных работ, прочитанных на заседании марксистского кружка,² Ленин пишет действительно ценную вещь. Чтобы оценить значимость ленинской работы, надо вспомнить, что на тот момент в России нет никаких революционных организаций. Все, кто пытался что-то делать, отправлялись на

¹ Тексты писем Владимира министру просвещения очень показательны: «Крайне нуждаясь в каком-либо занятии, которое дало бы мне возможность поддерживать своим трудом семью, состоящую из престарелой матери и малолетних брата и сестры, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном».

² Эти названия вряд ли вспомнят даже те, кто учил «Историю КПСС» и «Политэкономия» в Советском Союзе: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках».

каторгу и в тюрьму. Нет еще ни партии эсеров, нет РСДРП. Никого нет, и вот в этом вакууме *летом 1894 года* Ленин написал свою работу «Что такое “друзья народа”». В ней он намечал основные задачи русских марксистов. Основная задача — организовать из разрозненных кружков единую социалистическую партию. «Ленин указывал далее, что именно рабочий класс России в союзе с крестьянством свалит царское самодержавие», — повествует нам легендарный «Краткий курс истории ВКП(б)».¹

Это идеологический прорыв — впервые речь идет о полном уничтожении Российского государства, а не о борьбе за мелкие уступки. Это очень ценно — впервые сделано идеологическое обоснование уничтожения Российской империи.

Для кого такие тезисы представляют интерес? Для противников России. Точно так же ваххабистская линия и ее последователи в современной Российской Федерации получали (и пытаются получать) щедрое финансирование из-за рубежа, потому что результатом должно стать разрушение нашего государства и его распад.

Ленина замечают и выделяют из общей массы революционных болтунов и мечтателей. События развиваются очень быстро. Через три месяца после опубликования важной ленинской работы, 20 октября 1894 года, в своем дворце в Ливадии умирает император Александр III.² «Преждевременная кончина императора Александра III приблизила вспышку революции по крайней мере, на четверть века»³ — напишет в мемуарах великий князь А. М. Романов. Это не пустые слова. Тут нет никакого преувеличения. Ситуация в стране меняется. Любому пережившему смену эпох, выражаемых фамилиями двух правителей, понятно, о чем

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М.: ОГИЗ, 1946. С. 20.

² Смерть 48-летнего царя-богатыря очень похожа на отравление и случилась сразу же после ратификации им франко-русского договора, который стал необходимым фундаментом будущей Первой мировой войны. Подробнее об этом см.: *Стариков Н.* Кто финансирует развал России. От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2011.

³ http://www.hrono.ru/libris/lib_a/al_mih09.html

мы говорим. Неуловимые перемены, легкая коррекция курса. Поначалу всё, как вчера, а потом государство, политическая система и сама страна меняются. Так было при смене сталинской эпохи на хрущевскую, те же метаморфозы наблюдали мы при приходе и уходе Горбачева. Да и совсем недавно, когда ушел Ельцин, — в стране изменилось *всё*. Это парадокс: вроде бы те же люди, та же держава, а все происходит уже по-другому. Открыв любые книги, посвященные жизни вождя мирового пролетариата, мы узнаем, что в декабре 1894 года он напишет свою первую агитационную листовку и обращение к забастовавшим рабочим Семяниковского завода в Петербурге.

Вроде бы ничего в Российской империи не меняется, однако вместо ареста Владимир Ильич получает... загранпаспорт. Все время в выдаче паспорта ему отказывали, а как только он твердо встал на путь борьбы с режимом — дали. В мае 1895 года со своим новеньким паспортом в кармане Владимир Ильич едет к эмигрантам социал-демократам Плеханову и Аксельроду — так написано в его биографии.¹

Представьте себе эту картину. Просто сел Володя на поезд и поехал в Женеву. А потом искал руководителей эмиграции в паспортном столе? Конечно, нет — знал адреса, пароли и явки. Ведь просто с приехавшим 24-летним лысоватым парнем с бородкой никто и разговаривать не станет. Кто он такой? Автор одной брошюры? И что? Да и почему Плеханов должен верить, что перед ним стоит не агент охранки, а тот самый автор? Брошюра-то вы-

¹ Эти господа являются рекордсменами среди революционеров по части жизни за рубежом. Один из старейших борцов с самодержавием Павел Борисович Аксельрод эмигрировал еще осенью 1874 года. Неуютно чувствуют себя революционеры в России. Не в царской, а вообще. Поэтому Павел Борисович только дважды появится здесь: сначала в 1878–1879 годах (и уедет обратно в любимый Цюрих) и потом только через 37 (!) лет, в мае 1917-го, все на том же «пломбированном» транспортном средстве, проехавшем через Германию. Только не первым «ленинским», а следующим рейсом. Но уже через три месяца, в августе 1917 года, вновь отчалит за рубеж. Точно так же около 37 лет не увидит России и Георгий Валентинович Плеханов. Отрыв его от России был настолько велик, что две его дочери даже с трудом говорили по-русски.

пущена не под фамилией Ульянов, а под псевдонимом! Так что даже паспорт доказательством не является.

Приехать к эмигрантам, ведущим и координирующим подрывную деятельность на территории России, можно, только получив от *кого-то* всю необходимую информацию. И этот *кто-то* должен их заранее предупредить о визите. Где же Ленин может получить все необходимые для поездки знания, кто может его приезд проанонсировать? Ведь никакой социал-демократической партии в России на тот момент еще нет. Все, кто боролся с Россией, звенят кандалами на каторге и скрипят валенками в ссылке. Есть маленькие кружки, где читают рефератики. И на этих посиделках, пишут нам учебники истории, Ленин был самым начитанным, самым эрудированным. Он что, так эмигрантам и представился? Эрудит, дорогие товарищи. Из Петербурга...

Получается странная картина. С одной стороны, нас хотят убедить, что все разрозненные марксистские кружки, которые как раз Ленин потом объединит, связи с заграницей не имели. С другой стороны, посланца этих аморфных образований с радостью приняли руководители эмиграции. Или связь все же была? Сидел среди двадцати-тридцати марксистов один. Очень неприемный. Мало говорил, много слушал. Искал. И — нашел...

Сам молодой человек и все написанное им производят хорошее впечатление. Может быть, именно у него получится направить зарождающееся профсоюзное движение во вредительское антигосударственное русло. На такое дело можно выделить деньги. «В начале сентября 1895 года Владимир Ильич Ленин, обогащенный новыми идеями и планами, вернулся в Россию», — пишет «История ВКП(б)».¹

Не только идеи (читай: методики подрывной работы) вывез Ильич из-за рубежа. Он привез деньги — сразу после его возвращения антигосударственная деятельность выходит на качественно другой уровень. Распространение первой ленинской листовки, до поездки, было смехотворно: от руки переписали четыре экземпляра, да и перебросили ее через забор завода. По-

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большеви́ков). М.: ОГИЗ, 1946. С. 23.

сле возвращения Ильича листочки больше переписывать не надо. Прокламации теперь печатают — значит, откуда-то появились деньги на типографию. За короткий срок выйдет более 70 листов, и везде мы увидим одно и то же: конкретные экономические требования увязывались с политическими лозунгами. Призывы к уничтожению существующего государственного строя, а значит, и самого государства. К началу декабря 1895 был подготовлен и первый номер нелегальной социал-демократической газеты «Рабочее дело» со статьями Ленина. Дело пошло...

Так откуда же «вдруг» возникли средства? Ответ, как в одном замечательном советском фильме, — «оттуда». Испытывавший денежные затруднения, получавший скромное жалованье, Ленин сам становится «спонсором» типографии! Деньги — из-за границы. Но кто их дал Ленину? Революционеры? Плеханов, Аксельрод или кто-то еще? А откуда деньги у них самих? Живут на взносы партийных товарищей из России? Которым как раз из-за границы Ленин и привез деньги на типографию? И у которых до их получения денег не было? *Спросите себя, откуда деньги у людей, которые 37 лет подряд нигде не работают, а только пишут статейки и брошюры о необходимости взорвать Россию изнутри?* Кто их финансирует все это время? И не только их, а вообще всех наших «борцов за свободу»? Ведь достаточно взять практически любую биографию революционера, как мы увидим, что он в основном живет за границей, при этом нигде не работая. И таких товарищей десятки и сотни...

Без финансирования спецслужбами революционеры бы просто умерли с голоду либо были вынуждены зарабатывать себе на хлеб насущный не болтовней на съездах, а трудом. Они бы работали, и на революционную деятельность у них не осталось бы ни времени, ни сил.

Но и это не все «чудеса», что произошли в жизни молодого Ильича после его посещения революционеров-эмигрантов. Сразу после своей первой заграничной командировки Владимир Ульянов стал крупным специалистом по конспиративной работе. Читая биографии даже не самого Ленина, а его друзей и соратников, мы можем многое узнать не только о них, но и о самом молодом вожде:

Почему германское командование не знало, что у него есть шпион

«Он (Ленин. — Н. С.) учил их переписке точками над буквами — в книгах и “химией” — между строчек. Рассказывал, как нужно замечать следы при посещении рабочих квартир, как проводить филеров, быстро заходя за угол, ныряя в первую дверь, проходя проходным двором, как менять вагоны конок, как подставлять вместо себя другого человека, похожего... Призывал тщательней хранить нелегальную литературу и документы, придумывать конструкцию изоощренных тайников. Он завел систему “наследников”, в качестве которых были избраны наиболее “чистые”, свободные от слежки, совершенно нескомпрометированные товарищи...»¹

Конспирация — это целая наука. Кто же научил всем этим приемам молодого Владимира Ильича? Если он сам этому выучился, то почему знаниями стал делиться с товарищами только после возвращения из-за границы? Почему раньше никогда об этом не говорил и никого ничему подобному не учил?

Так кто же финансировал подрывную борьбу против Российской империи? Немцы? Японцы? Если посмотреть на даты, становится ясно, что Германия и Япония тут ни при чем. Социал-демократы живут на Западе с 1874 года, но до них там безбедно жили предыдущие поколения «борцов за свободу». Тогда еще Германской империи попросту не было, а Япония была отсталой страной, где реально правили сегуны, а не императоры.

А если вспомнить, какая страна была геополитическим соперником России весь XIX век, круг замыкается.

Великобритания — вот имя главного спонсора наших революционеров и главного организатора наших революций. Состоял ли Ленин в контакте с немецкой разведкой? Безусловно. Как всякий беспринципный политик, Владимир Ильич не гнушался никакими контактами и никакими источниками получения денег. Интерес к его персоне со стороны противников России также был обязан удешевиться с началом Первой мировой войны. *Но нам важно понимать, что еще почти за 20 лет до ее начала Ленин уже получал деньги из неизвестных источников.*²

¹ Карцев В. Кржижановский. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 73.

² Будем справедливы к Владимиру Ильичу. Он мог и не быть в прямом контакте с агентами Ми-6, ему могли открыто не говорить, что помощь

Если мы осознаем этот факт — тут же все загадки нашей революции станут простыми и понятными. Не останется и белых пятен в истории с «пломбированным» вагоном...

...После краткой остановки в Стокгольме Ленин двинулся дальше — поездом до местечка Хапаранда, что на шведско-финской границе. С русской стороны эмигрантов встречал не национальный триколор, а красный флаг, поднятый на российской таможне. Далее на финских санях в финский город Торнео, а оттуда через станцию Белоостров прямо в Петроград. Поволновались пассажиры «пломбированного» поезда изрядно, даже несмотря на все первоначальные удачные «совпадения», нервных клеток потеряли без счета. Владимир Ильич хоть и был человеком решительным, но его самого и его спутников волновало, не будут ли они арестованы. Мало ли что не срастется в сложнейшей игре, что сопроводила его приезд в Россию. Напрасно господа социал-демократы волновались — все будет, *как и обещали Ленину*. На Финляндском вокзале 3 (16) апреля 1917 года революционеров встретил почетный караул. Сразу по прибытии вожьд мирового пролетариата произнес речь, заканчивая которую провозгласил: «Да здравствует социалистическая революция!» То есть призвал к насильственному свержению существующего строя — это и в мирное время карается жестоко, а в военное — «вышка» стопроцентная.

А что государственные органы? Что же Временное правительство?

Как и обещали Ленину «союзники» — никто ничего не сделал. Власти словно не заметили приезда человека, который *всего через семь месяцев* их свергнет...

Почему англичанам было так важно, чтобы Ленина в Россию привезли именно немцы? К чему были все эти сложности?

Если Англия и Франция пропустят Владимира Ильича на Родину, у них потом будет много проблем:

идет от англичан. Просто были революционеры, которые рассказывали о своих «друзьях», помогающих благородному делу освобождения России от «прогнившего коррумпированного режима». И Ленин брал деньги и получал помощь, вероятнее всего, не имея никаких письменных или даже устных обязательств перед британскими службами.

Почему германское командование не знало, что у него есть шпион

- ◆ придется объяснять, как они могли пропустить того, кто разрушил Россию;
- ◆ само разрушение русского государства может выглядеть как задумка англичан и французов;
- ◆ под угрозой окажется и сама революция: выделишь на нее деньги — останутся следы. Не выделишь — не получится переворота.

Если Ленина «забросят» немцы, то сразу решаются все проблемы:

- ◆ вина за уничтожение страны полностью ложится на Германию. С учетом того, что именно она начала Первую мировую войну, «союзники» выходят из развязанной ими мировой бойни в белых одеждах;
- ◆ для будущей революции нужны деньги. Надо сделать ее чужими руками; сделать так, чтобы выдачу средств провела не «союзная» сторона. Потом документы финансирования немцами большевиков будут постоянно «всплывать» на поверхность, затеняя истинных организаторов наших бед;
- ◆ новое ленинское правительство не удержится у власти, если немцы будут к нему враждебны. Тогда нарушится весь план, ведь для будущего уничтожения Германии Россия должна заразить ее большевизмом. Но перед этим сами русские должны стать переносчиками этой «бациллы». Монархисты-немцы церемониться с революционерами не будут, «своих» большевиков они не тронут.

Это — железная логика. Даже Ленин не сразу понял, почему Британия никак не хочет пропускать его на родину. Тем временем «союзные» спецслужбы вступают в контакт с немцами. Именно так англичане, американцы и французы подготовят Ленину «пломбированный» вагон, себе — алиби. И уничтожение — России и Германии...

Отсюда и берет начало легенда о коварной Германии, которая разрушила Россию. Вы представьте себе — готовится спецоперация, равной которой до сих пор не было. С помощью кучки авантюристов одна страна готовится взорвать другую. Между прочим, союзника Англии и Франции. На русском фронте сосредоточено

огромное количество немецких, австро-венгерских и турецких войск. В случае успешного окончания операции по революционному выводу России из войны вся эта сила, высвободившись, навалится на французских да английских солдат. Последствия могут быть катастрофическими — вплоть до проигрыша всей войны. Только вот что-то французы да англичане спокойно сидят в марте 1917-го и не делают ничего. Может, и вправду не знали о замыслах германцев? Нет, они всё знали, их спокойствие — одна видимость. Ведь главная задача «союзных» спецслужб — не предотвращение, а организация проезда группы Ленина в Россию. Поэтому совещание послов России, Англии и Франции в Стокгольме, происходившее, пока он плыл на пароме, пришло к решению не мешать транзитному проезду Ленина...¹

Давайте посмотрим один любопытный документ:

1. Ульянов, Владимир Ильич (Ленин);
2. Сулиашвили, Давид Сократович;
3. Ульянова, Надежда Константиновна (Крупская);
4. Арманд, Инесса Федоровна;
5. Сафаров, Георгий Иванович;
6. Сафарова-Мартошкина, Валентина Сергеевна;
7. Харитонов, Моисей Мотыкович;
8. Константинович, Анна Евгениевна;
9. Усиевич, Григорий Александрович;
10. Кон, Елена Феликсовна;
11. Гаввич, Сарра Наумовна;
12. Цхакая, Михаил Григорьевич;
13. Сковно, Абрам Анчилович;
14. Радомысльский, Овсей Гершен Аронович (Зиновьев);
15. Радомысльская, Злата Эвновна (с сыном 5 лет);
16. Бойцов Н. (Радек К. Б.) (Собельсон);
17. Ривкин, Залман Бэрк Осерович;
18. Слюсарева, Надежда Михайловна;
19. Гоберман, Михаил Вольфович;

¹ *Бьеркегрен Х.* Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 357.

20. Абрамович, Шая Зеликов;
21. Линде Йохан Арнольд Иоганович;
22. Бриллиант, Григорий Яковлевич (Сокольников);
23. Мирингоф, Илья Давидович;
24. Мирингоф, Мария Ефимовна;
25. Розенблюм, Давид Мордухович;
26. Шейнессон, Семен Гершович;
27. Гребельская, Фаня;
28. Поговская, Буня Хемовна (с сыном 4 лет);
29. Аизенбунд, Меер Кивов.¹

Что это такое? Платежная ведомость? Запись очередников на посещение синагоги? Нет — это список пассажиров того самого ленинского «пломбированного» поезда. Его летом 1917-го напечатает русские газеты. Всего 32 человека (29 взрослых плюс два ребенка). В том же поезде ехал и Фриц Платтен, чьим распоряжением, как руководителя поездки, должен был подчиняться каждый писавший германцам расписку и не перечисленный в списке. У Платтена и Карла Радека оказались проблемы с документами, и их задержали на границе с Финляндией. Они прибудут в Россию попозже. Зато благополучно прибыли в бурлящий Петроград товарищи Рубаков и Егоров — майоры германского Генерального штаба Андерс и Эрих...

Все будущие катаклизмы, все будущие проблемы России фактически упираются в одного человека — Ленина. Следовательно, весь будущий ужас можно было предотвратить ликвидацией одного лица! По крайней мере попытаться! Спецслужбы ведь для того и созданы, чтобы такие задачи решать. Здесь же и делать почти ничего не надо — границы фактически нет. Ходит Ильич один, без охраны. Мало ли что случилось — хулиганы пристали, ограбление стряслось. Две минуты шума — и останется лежать на мостовой бездыханное тело! Можно еще интеллигентней. Попьет человек кофейку швейцарского, да и захворает внезапно. Много методов у разведок существует — не мне их учить. Но в марте 1917-го «союзники» бездействуют. А ведь даже сейчас,

¹ Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 337–345.

после появления ЦРУ и КГБ, британская разведка самая сильная в мире. Что же говорить о начале XX века: сравниться с ней не мог никто. В случае необходимости спецслужбы «союзников» расторопность свою проявляли, а когда надо было ничего не замечать, они не видели даже самых очевидных фактов. Например, готовящейся поездки в «пломбированном» вагоне.

У каждого из отъезжавших революционеров были друзья, родственники, близкие. Информацию в узком круге не удержишь. Задействовано много посредников: утечки не может не быть. Да тайны из поездки вообще никто не делал. Об этом открыто писали в газетах и на вокзале махали платочками. Русскую-то разведку мы в расчет не берем — она свои отчеты на столы Временного правительства клала, не понимая того, что разрушители страны спасать ее вовсе не собираются. А «союзные» разведки тоже ничего об этом не знали? Сдается мне, что «слепота» их была отнюдь не случайной. Уж больно много совпадений. А когда разные на первый взгляд факты удивительным образом укладываются в определенную последовательность, то можно говорить об их определенной взаимосвязи. Сначала «союзники» России по Антанте организуют и финансируют Февраль, затем поддерживают Временное правительство, творящее одну глупость за другой. Потом удивительным образом не замечают Ленина, отправляющегося на родину. Результат — национальная катастрофа в России...

И еще один весьма любопытный момент. Историки не любят об этом говорить, но через месяц после Ленина ТАКИМ ЖЕ СПОСОБОМ проследовали в Россию меньшевики, эсеры, бундовцы и другие революционеры. В таком же «пломбированном» вагоне проехали в Петроград, к примеру, лидеры меньшевиков Мартов и Аксельрод. Словом, дело было поставлено на широкую ногу: три поезда в общей сложности — это несколько сот человек. Все ехали через Германию, у всех в тамбуре стояли германские часовые.

Почему же германскими шпионами принято считать только Ленина и его партию большевиков?

Глава 5

Почему «пломбированный» вагон с Лениным так медленно спешил, или Зачем французы обвешивали свои танки бочками с бензином

Держать чужие государства под угрозой революции стало
уже довольно давно ремеслом Англии.

Отто фон Бисмарк, канцлер Германии

Чтобы согреть Россию, некоторые готовы ее сжечь.

В. Ключевский

За один раз важные вопросы не решаются. Тем более вопросы мира и войны. Была между германскими и британскими представителями не одна встреча. Их явно было больше. Мы не знаем, где и когда они состоялись, не знаем имен и званий участников. Но дальнейшие события неопровержимо свидетельствуют, что она была. Потому что иначе поведение «союзников» и немцев объяснить просто невозможно...

Вторая встреча проходила в другом конце Берна. Ее место выбирал уже сам фон Шульц. Тихое кафе на спокойной улице швейцарской столицы. Красивая белокурая хозяйка и очень вкусный ароматный кофе.

Когда он отправлял свой подробный отчет о встрече в Берлин, сомнений в том, что берлинское руководство согласится, у фон Шульца не было. Слишком красиво все получалось, чтобы отвергнуть британское предложение. Эта красота плана и пугала, и притягивала. Очень выгодной казалась возможность одним выстрелом попытаться убить двух зайцев: вывести из игры Россию и остановить от вступления в войну США. Хотя лично сам он ни на минуту не сомневался, что американцы примут участие в борьбе. Донесения последних месяцев говорили о серьезных приготовлениях и о фактически завершающейся подготовке американцев к вступлению в войну. Да и тон американской дипломатии становился все более бескомпромиссным, а действия германских подлодок вызывали в Вашингтоне настоящую истерику...

Гости не опоздали ни на минуту. Поздоровались и присели на стулья с красивыми резными спинками. Заказали кофе. После чего американец немедленно закурил ароматную сигару, а индус с вопросительным выражением лица уставился на фон Шульца.

Сегодня начинать разговор ему.

— Ответ из Берлина получен. Но прежде чем передать его вам, я должен выставить несколько условий.

— Условий вашего согласия? — улыбнулся американец.

— Условий, без выполнения которых мы с вами договориться не сумеем.

— Я весь внимание, — сказал индус и слегка наклонил голову, что на невербальном языке жестов означало негативное отношение к будущим словам.

— Мы внимательно изучили предоставленные планы, — начал фон Шульц. — Они не являются для нас новостью. Удар в этом направлении мы и предполагали. И поэтому заблаговременно отвели войска на нашу новую линию Зигфрида.

— Это хорошо, — мягко прервал его англичанин. — Договоренностей мы еще не достигли, а вы уже начали отвод войск из

будущего мешка. На вашем месте я именно так бы и поступил. И поэтому я уверен, что мы поладим.

— План наступления убедителен, и, скорее всего, он настоящий. Но мы не можем быть уверены, что ваше командование не располагает одной-двумя запасными разработками. Ведь теперь смысл планируемой операции уже не соответствует обстановке. Свой план вы отдали нам, но что помешает вам потом нанести удар в другом месте?

— Зачем? — поморщился индус. — Чтобы внезапно пойти на наступление, совсем не обязательно пить пиво и кофе в Швейцарии в вашей милой компании, господин фон Шульц.

— Верно. Но мы должны быть уверены на сто, на двести процентов, что удара в спину Германии не будет. Только на таких условиях мы можем согласиться. Отправка в русский тыл целого поезда агитаторов-пораженцев — это сильный удар по русской мощи, но нет никакой гарантии, что это именно та соломинка, что переломит хребет верблюда.

— Эх, — вздохнул американец. — Недооцениваете вы, немцы, силу идеи. Но силу финансов оценить сможете. Вот наши предложения по кредитам. Здесь приблизительные расчеты.

С этими словами «корреспондент» выложил на стол конверт, точную копию того, что получил фон Шульц в прошлый раз.

— Вы не договорили, — сказал индус. — Что же для вас является надежной гарантией того, что мы в точности выполним свои обязательства?

— Вы должны начать свое наступление не просто в том месте, где планировали. Вы должны начать его ранее запланированного срока. Плохо подготовленным. По другому сценарию. Вместо ударов на окружение должен начаться лобовой штурм нашей новой линии Зигфрида.

— Не много ли вы просите? — серьезным голосом спросил британец.

— Мы не просим, а требуем. Ровно столько, чтобы быть уверенными, что после этого штурма ваши войска уже физически не смогут ударить нам в спину. Они должны ослабеть. Их надо обескровить. Это наше единственное и главное условие.

Представители Антанты на секунду умолкли и переглянулись.

— А что будет гарантией, что вы сами выполните вашу часть договоренностей? — чуть помедлив, спросил американец.

— Честное слово германского офицера и дворянина, — ответил фон Шульц и, улыбнувшись, добавил: — И еще: ваше наступление должно начаться до отъезда группы агитаторов в Россию. Точнее сказать, отъезд русских революционеров может состояться только после начала наступления. А после окончания вашего неудавшегося штурма наши дивизии быстро покатают на восток, не пытаясь перехватить инициативу на западном направлении.

— Считайте, что мы договорились, — сказал индус и, сделав последний глоток, поставил чашку на стол. — Завтра я смогу назвать вам точную дату начала штурма...

...Больше всего в Берлине в 1917 году боялись согласованного и сосредоточенного удара «союзных» и русских войск. Удар, которого так боялись немцы, планировался. Помните конференцию в Петрограде накануне Февральской революции? На третий год войны наконец-то координация у стран Антанты должна была оказаться на высоте. Планы Антанты на 1917 год были готовы и согласованы. Александр Федорович Керенский подробно излагает их в своей книге:

«Третий год войны (1917) должен был стать годом окончательной победы над центральными державами. Такова была суть решения, принятого военными руководителями Антанты на совещании в Шантильи 3 ноября 1916 года... Были разработаны планы военной кампании 1917 года, которая предусматривала ведение боевых действий на всех союзнических фронтах; по единодушному мнению участников встречи, решительное совместное наступление русских и румынских войск на севере и армий Антанты на юге должно будет неминуемо вынудить Болгарию немедленно выйти из войны. Русско-румынское *наступление планировалось на первую неделю мая*».¹

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Терра, 1996; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt15.htm>

План был логичен. Сначала выбить самое слабое звено из цепи германских сателлитов — Болгарию. Дальше наступал черед Австро-Венгрии. Оставшиеся в одиночестве немцы долго провоевать не смогли бы. Особенно с учетом появления на театре военных действий свежих американских дивизий. США вступили в войну 6 апреля (24 марта) 1917 года, объявив войну Германии. Естественно, что решение об этом принималось много раньше. Военный потенциал США вырос так стремительно, что без серьезной подготовки не удалось бы сделать это в столь короткие сроки. На момент объявления войны вооруженные силы страны составляют всего 190 тыс. человек. Но в начале мая издается закон о всеобщей воинской повинности (это впервые с момента окончания гражданской войны в США!), и уже к сентябрю янки располагают 2 млн 800 тыс. призывников-солдат. К концу войны американская армия насчитывает 4 млн бойцов.

Появление на фронте этих дополнительных миллионов солдат не оставляло немцам ни единого шанса. Шанс на спасение давали улыбочивые «союзные» разведчики, обещавшие спокойно позволить немцам развалить и ограбить Россию. И в Берлине это оценили. Разгром и быстрый вывод русских из войны помогал одновременно решить несколько задач:

- ♦ освободить войска в перспективе для переброски на западный фронт;
- ♦ насытить за счет ограбления России промышленность и страну необходимыми материалами и продовольствием.

Отсюда и страшная спешка в отправке Ленина. Судите сами: сначала немцы Ильичу совсем ничего не предлагают, затем отказывают, а потом вдруг все вопросы решаются просто в пожарном порядке. Почему? Надо успеть, успеть до вступления в войну США. Не знают немцы, что вопрос о вступлении в войну решен в Вашингтоне окончательно и объявление об этом последует *через три дня* после прибытия Ленина в Петроград...

Но основной частью тайных договоренностей Германии и англо-французов были обязательства не вести на Западном фронте активных наступательных действий на период «ленинской» операции. Даже в случае переброски немецких частей на

восток и оголения Западного фронта «союзники» России должны были моментом благоприятным не пользоваться и не атаковать германские позиции. За это и Германия обязалась не атаковать англичан и французов на Западном фронте.

Для начала же, в качестве «жеста доброй воли», британцы сдали немцам сроки и место проведения собственного наступления. Но немцы, будучи очевидцами того, как на их глазах британцы предавали русских, не верили англичанам на слово. Не успокаивали их и секретные планы собственного наступления, переданные «союзными» разведчиками. Планы ведь можно и поменять. Лучшей гарантией от британского коварства было обескровливание английских и французских войск. Когда они уже просто не смогут наступать, вот тогда можно спокойно перебрасывать войска на Восточный фронт и довершать разгром России. Германия потребовала от англичан начать наступление плохо подготовленным, чтобы его результаты свели мощь войск Западного фронта к нулю и лишили возможности возобновить наступление, когда германские силы уйдут на восток. И сделать это надо было авансом, до начала операции «Пломбированный вагон»...

Англичане согласились на все требования немцев.

Они пообещали начать наступление до отъезда Ленина.

Начать, толком его не подготовив.

Зачем? Чтобы обескровить собственную армию. Это безумие? Нет — это политика. Руководство Англии и Франции сознательно предало не только своего русского союзника, но и своих собственных солдат. Потому, что этого требовали обстоятельства, потому, что такими были англо-германские договоренности.

Обвинение весьма серьезное. Для его произнесения вслух должны быть серьезные аргументы. Каковы же они?

Мемуары, факты и даты. А они таковы: еще в декабре 1916 года маршала Жоффра на посту главнокомандующего французской армией сменил генерал Нивель. На ходе боевых действий поначалу это никак не отразилось. Это был вполне адекватный, нормальный военный руководитель. Но в марте 1917-го он начал «вдруг» вести себя не просто неадекватно, а совершать поступки с точки зрения нормальной логики практически необъяснимые. Слово Александру Федоровичу

Керенскому. Уж его-то в симпатии к немцам не заподозришь. Зато в ангажированности по отношению к демократическим странам Антанты сомнений нет никаких. Вот поэтому именно его мемуары нам особенно интересны. Ведь генерал Нивель со своим наступлением сотворил такое, что даже коротко стриженные волосы Керенского встали дыбом!

«...Генерал Нивель, без каких-либо предварительных консультаций с русским Верховным командованием, принял решение начать военные действия на русско-румынском фронте не в мае, а в конце марта или в первых числах апреля», — удивляется и возмущается Керенский.¹

Сам же генерал Невель телеграфирует русскому военному руководству весьма лаконично: «Прошу вас сообщить генералу Алексею следующее: по соглашению с высшим английским командованием я назначил на 8 апреля (по новому стилю) начало совместного наступления на Западном фронте. *Этот срок не может быть отложен*».²

Далее парижский генерал продолжает: «Я введу для наступления на Западном фронте *все силы французской армии*, так как буду добиваться решительных результатов, достижение которых в данный период войны нельзя откладывать. Вследствие этого прошу вас также начать наступление русских войск около первых или средних чисел апреля (по новому стилю). Совершенно необходимо, чтобы ваши и наши операции начались одновременно (в пределах нескольких дней), иначе неприятель сохранит за собой свободу распоряжения резервами, достаточно значительными для того, чтобы остановить с самого начала одно за другим наши наступления...»³

Главная идея планируемого Антантой в 1917 году наступления — нанести удары по Германии *одновременно*. Однако в условиях сильнейшего ослабления русской армии перенос сроков наступления на месяц раньше для России совершенно невыполним.

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Терра, 1996; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt15.htm>

² Там же.

³ Там же.

Войска не будут готовы, а значит, такое внезапное изменение согласованных сроков приведет только к одному — немцы смогут свободно маневрировать резервами во время наступления англо-французов, как и ранее. В таких условиях теряется весь смысл готовящегося удара. Так стоит ли его проводить? Если Англия и Франция хотят войну выиграть, то единственно разумным решением будет проведение запланированной операции в запланированные сроки. Ведь это не локальное, не тактическое наступление. Должна быть проведена операция, которая решит исход всей войны. В ней задействованы огромные силы: у одних только французов было 1,4 млн солдат, 5000 орудий, для которых было заготовлено 33 млн снарядов.¹ Вперед готовились пойти 300 новейших танков, для того времени — огромное множество. (Достаточно сказать, что во время нашей Гражданской войны в составе армии Юденича на красный Петроград будет идти страшная сила — четыре британских танка. И город чуть не будет взят.) Но «союзники» свой удар не откладывают, а наносят на месяц раньше. Потому что именно так договорились с германскими представителями...

Открываем замечательную книгу А. А. Строкова «История военного искусства» и читаем:

«9 апреля атакой англичан у Арраса началась апрельская наступательная операция французских и английских войск, успешный исход которой связывался с разгромом Германии, с окончанием войны».² Чтобы устранить последние сомнения, листаем Большую советскую энциклопедию: «Нивеля наступление — ...наступательная стратегическая операция англо-французских войск 9 апр. — 5 мая во Франции во время 1-й мировой войны...»³

Совпадения, случайности и странности — как же много их сосредоточено на небольшом временном пространстве Первой мировой войны и двух русских революций!

¹ <http://www.hrono.info/soby/1900sob/1917nivel.html>

² *Строков А. А. История военного искусства.* СПб.: Омега-Полигон. Т. 5. С. 551.

³ <http://bigsoviet.org/Bse/KOND-PLAS/1738.shtml>

Почему «пломбированный» вагон с Лениным так медленно спешил

Дата начала наступления Антанты — 9 апреля по новому стилю или 27 марта по старому.

Можно запутать читателя в цифрах, используя в одном месте старый стиль, а в другом — новый. Можно заморочить ему голову. А сделать это надо обязательно, иначе станет заметно, что:

Владимир Ильич Ленин отправился на «пломбированном» поезде из Швейцарии именно 9 апреля (27 марта) 1917 года.

Ровно в день начала наступления, сроки которого загадочным образом перенес генерал Нивель. «Пломбированный» поезд тронулся с вокзала только тогда, когда германское руководство убедилось, что англичане и французы действительно начали атаковать. Случайное совпадение, скажут историки. Нет, слишком уж много совпадений, случайностей и загадок. И если от одной из них можно так просто отмахнуться, то сотни таких «случайностей» требуют другого объяснения. Откройте книги, посмотрите.

Даты ленинского отъезда везде почему-то даются по старому стилю, а время начала военной операции «союзников» — по новому летосчислению!

Всегда пишут именно так, иначе «совпадение» станет слишком явным и заметным.

А ведь первоначально дата отъезда «пломбированного» вагона из Цюриха была другой. Вспомним телеграмму Ленина Ганецкому, отправленную 19 марта (1 апреля): «Выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки...»¹ Сумма, запрашиваемая на «пломбированный» вагон, нас сейчас интересует мало. Важно другое — в этой телеграмме далее Владимир Ильич говорит о намерении выехать из Цюриха именно 22 марта (4 апреля) 1917 года.

Ленин действительно собирался выехать в этот день. Это легко проверяется. Для этого надо просто приехать в Цюрих и взглянуть на мемориальную доску, что красуется на доме, где находилась последняя квартира Владимира Ильича, на улице Шпигельгассе, дом 14. Из надписи видно, что жил Ленин в этом

¹ Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография. М.: Вече, 2002. Т. 1. С. 95.

доме до 2 апреля (20 марта) 1917 года. Съехал с квартиры, когда все уже было улажено, перед самым отъездом. Но немцы неожиданно переносят сроки и сообщают ленинскому посреднику Фрицу Платтену, что поезд сможет отправиться только 9 апреля. Почему это произошло?

Мемориальная доска на доме № 14 по Шпигельгассе в Цюрихе, где жил В. И. Ленин

Потому что, не доверяя англичанам, германское руководство решает в обязательном порядке отправить «пломбированный» вагон ровно в день начала английского наступления.

А квартиру Владимир Ильич уже снимать перестал. И педантичные швейцарцы отражают на мемориальной доске время его пребывания в ней с точностью до дня. Ну скажите, зачем Ленину понадобилось съезжать с квартиры за неделю до отъезда, если от нее до Цюрихского вокзала минут десять пешком?

Вроде бы мелочь, а говорит нам о многом. Полностью подтверждает логику развития ситуации в те далекие дни. Дьявол — он, и правда, в мелочах! Если наша логика верна, то «пломбированный» поезд должен быть отправлен позднее начала атаки английской пехоты. Артиллерийская подготовка, которая началась 7 апреля (и длилась 48 (!) часов), ведь еще ничего не означает — постреляют пушки, а наступления с сотнями тысяч жертв может и не быть. Немцам нельзя дать себя обмануть, они обязаны убедиться, что британцы выполняют договоренности и действительно бросают своих солдат на убой.

Найти время начала английской атаки у Арраса 9 апреля 1917 года большой сложности не составило: в 5 часов 30 минут утра.¹ Сложнее было с отправлением ленинского поезда из Цюриха. Но кто ищет — тот всегда найдет. Эти данные нашлись в достаточно неожиданном месте — в книге «Товарищ Инесса». Из названия понятно, что данный труд посвящен Инессе Арманд. Однако нас в этой книге интересуют не подробности пикантных взаимоотношений наших революционеров, а цифры. В изданной в 1987 году работе указано нужное нам точное время. Поезд трогается в 15 часов 10 минут...²

Все сходится. Утром англичане идут в атаку, немцы ждут несколько часов, смотрят на ее масштаб и дают отмашку — можно отправляться...

«Пломбированный» вагон мчится по немецкой территории, как ветер. Германия дает ему зеленый коридор, и его везде пропускают. Даже поезд кронпринца уступает дорогу «пломбированному» вагону. Так или почти так пишут многие исследователи. *Те, кто ничего не понял в истории возвращения Владимира Ильича Ленина на родину!*

А мы, уловив логику событий, можем сделать еще одно весьма любопытное наблюдение. И разбить очередной миф — на этот раз о скорости движения «пломбированного» вагона.

Все очень просто. Расстояние от Цюриха до германского порта Засниц, где Ильич сел на паром, отправляющийся в Швецию, напрямую около 850 километров. При скорости поезда 50 километров в час — 17 часов езды. Но «пломбированный» вагон едет весьма странным, далеко не оптимальным маршрутом: Цюрих — Берн — Штутгарт — Франкфурт-на-Майне — Берлин — Засниц. Получается уже что-то около 1400 километров. Время в пути уже удлинится до 28 часов. Добавим на остановки, на непредвиденные трудности еще 10 часов. Следовательно, летящий на всех парах, спешащий, как нас уверяют, «пломбированный» вагон должен быть в Заснице примерно через полтора дня. А в драгоценной для нас книге «Товарищ Инесса» читаем: «Трехдневный переезд через Германию был труд-

¹ Строков А. А. История военного искусства. СПб.: Омега-Полигон. Т. 5. С. 551.

² Подляшук П. Товарищ Инесса. М.: ИПА. С. 201.

ным. Нервы у всех предельно напряжены. Опасались провокаций, непредвиденных осложнений».¹

Вот те раз. *Что же «пломбированный» вагон так медленно спешит?* Ведь он не едет, а ползет, как черепаха. Оттого и волнуются его пассажиры и ждут провокаций. Но почему же, дав согласие и уже даже отправив Ленина и его товарищей в путь, германское руководство так странно себя ведет? Зачем германской разведке так медленно везти собственных агентов? Зачем ей устраивать против них какие-то провокации, зачем организовывать им «непредвиденные осложнения»?

Ответ прост — потому что немецкие власти не доверяют англичанам. Они все еще ждут подвоха, а потому, даже несмотря на начавшееся наступление, на всякий случай отдают распоряжение ехать самым длинным маршрутом и как можно медленнее...

А вот следующему «пломбированному» вагону с русскими революционерами удалось проехать всю Германию не за три дня, как Ленин, а всего за один день! Потому что задерживать этот поезд уже не было никакой надобности. Факт сей легко проверяется, достаточно почитать письма А. В. Луначарского своей дражайшей супруге: «В пять часов утра в субботу въехали в Германию. Там всё оказалось великолепно организованным. Мы были поражены, когда узнали, что наш поезд идет на правах курьерского, что в 4 часа на другой день мы уже будем в порту — Засниц и сможем направиться в Швецию». ²

Ленин — ключевая фигура нашей революции, ему немцы якобы дают зеленый свет. И он едет в три раза медленнее, чем поезд с хорошим, добрым, но куда менее важным для революции товарищем Луначарским...

В случае с Лениным германцы тянули время как могли. 11 апреля (29 марта) 1917 года поезд с «пломбированным» вагоном прибыл в Берлин.³ Но вместо того чтобы отправить его далее

¹ Подляшук П. Товарищ Инесса. М.: ИПЛ. С. 201.

² Письмо № 8. А. В. Луначарский — А. А. Луначарской. 30 апреля (13 мая) [1917 г.]; РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 12. Л. 13–14; Вопросы истории КПСС. № 1990. № 11. С. 29–31.

³ Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 354.

к германскому побережью, в Засниц, поезд оттащили на запасной путь Штеттинского вокзала немецкой столицы. Зачем это было сделано? Историки пытаются объяснить такой «простой» поезда ведением Лениным и германскими деятелями неких переговоров. На самом деле все куда прозаичнее: немцы тянут время. Поэтому длительность нахождения поезда на запасном пути вообще нигде не указывается.¹ Из ВСЕХ изданных книг вообще неясно, где же Ленин и его спутники ночевали. То ли в поезде, стоящем в тупике, в Берлине (Сборник. В. И. Ленин. М., 1981), то ли где-то в порту Засниц (Хефнер Шуберт. Ленин в Германии. М., 1985). А что сказать, как объяснить задержку? Переговоров нет, никаких контактов нет, а немцы дальше не везут. В такой ситуации — лучше всего обойти вопрос задержки стороной...

Действия немцев с их английскими «партнерами» явно не согласованны. Это действительно чисто немецкая импровизация. Следы того, что немцы «загадочно» тянут время, мы можем найти в мемуарах лиц, причастных к «пломбированному» вагону. Зная, сколько ехать на поезде до парома, отплывающего в Швецию, Ленин в телеграмме Ганецкому поручил организовать встречу прибывающих революционеров. И Ганецкий (Фюрстенберг) ждет в Треллеборге, куда должен прибыть паром из германского порта Засниц. Но по всем срокам Ленин и его спутники должны были успеть на согласованный паромный рейс. К удивлению Ганецкого, среди сошедших с «Дроттнинг Виктория» ни Ленина, ни его спутников нет. Озадаченный ленинский связной вернулся в Мальме, а на следующий день вновь отправился встречать уже следующий паром. Вновь никого. Путешественники опаздывали уже на сутки.²

Ганецкий звонит жене Гизеле в Стокгольм, но она не может сообщить ничего нового. Нет ответа и на срочную телеграмму,

¹ Скрупулезный шведский исследователь Ханс Бьеркегрен так и пишет: «Сколько времени опаздывающий поезд на самом деле простоял в Берлине (всего в каких-нибудь ста метрах от здания Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе), выяснить не удалось» (*Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 354*).

² *Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 359–360.*

отправленную на старый ленинский адрес в Цюрих. Группа Ленина просто исчезла, не оставив никакой информации о своем местонахождении.

Вот и подумайте: стал бы волноваться ленинский связной, если бы «пломбированный» поезд ехал с нормальной, положенной для него скоростью? А если бы он ехал еще быстрее, чем положено, как это пишут некоторые горе-историки?

А отчаявшийся Ганецкий наконец находит выход из ситуации. Он дает радио на пароход. Туда принимают лишь служебные телеграммы, поэтому он называется работником русского Красного креста, которому поручили встретить эмигрантов. Капитан парома получает следующий текст: «Г-н Ганецкий спрашивает, едет ли г-н Ульянов и сколько с ним мужчин, женщин и детей».¹

Радость Ганецкого была невероятна. «Я прямо в исступлении...», — пишет он...² Еще бы — Ленин и его спутники внезапно исчезли, а потом так же внезапно появились. (Опоздав на два дня!) Самое сложное — германская территория — уже позади. В Стокгольме их ждут. И не только друзья — шведские социал-демократы, но и билеты на проезд в Россию, оплаченные Временным правительством...

...Признаюсь, когда я впервые понял, ЧТО задумали англичане, меня прошиб холодный пот. В глубине души еще теплилась слабая надежда, что все это действительно чудовищное, невероятное совпадение. Однако факты — упрямая вещь. И они неопровержимо свидетельствуют, что накануне своего наступления руководство Британии вступило с руководством Германии в стовор. Ведь если с цифрами и датами еще можно смухлевать, то с конкретными историческими фактами это сделать невозможно. Их можно просто не замечать и не осмысливать. Ведь дело даже не в том что «союзники» внезапно, безо всяких видимых причин, перенесли сроки своего наступления на месяц раньше, а в том, что и *проводить его вообще не имело никакого смысла!*

¹ Ганецкий Я. О Ленине. Отрывки воспоминаний. М., 1933 // Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004. С. 361.

² Там же. С. 362.

Поясню. План запланированного наступления Антанты состоял в захвате в клещи Нуайонского выступа («клещи Нуайона»), его подрезания с двух сторон и окружении расположенных там немецких войск. Этот плацдарм, вдавленный в расположение французских и английских войск, был весьма приличной площади. Германских войск там было очень и очень много. В случае успеха «союзного» замысла всех их ждала печальная участь. Так вот наступление англо-французов потому не имело смысла, что буквально накануне его начала немцы вывели с угрожаемого участка все свои войска. Абсолютно *случайно*, естественно.

Это факт. Снова открываем «Историю военного искусства»: «В то время когда французы и англичане развернули подготовку к решительной операции по плану Нивеля, германское командование отводит войска (отвод начался 16 марта) с нуайонского выступа (по фронту от Арраса до Суассона около 135 километров, местами глубиной от 30 до 40 километров) на подготовленную позицию Зигфрида».¹

Мало одного источника — давайте смотреть другие. Например, книгу уже процитированного нами однажды крупного военного теоретика Зайончковского: «Но в то время, когда во французской главной квартире шли работы по выработке плана операции, германцы спутали все карты французов, *неожиданно отойдя* 17 марта на заблаговременно подготовленную позицию по всему фронту от Арраса до Вайи, что на реке Эна».²

Причина германского отхода историками нам точно и логично объяснена. У немцев в 1917 году нет сил наступать, поэтому они готовятся к обороне. Выдающийся вперед огромный плацдарм, выдающаяся вперед дуга всегда вызывает у противника желание ее «подрезать». С него либо надо рваться вперед, либо обороняться. Но оборонять его неудобно, войска противника нависают над вашими флангами, грозя окружением. Подобная ситуация была

¹ *Строков А. А.* История военного искусства. СПб.: Омега-Полигон. Т. 5. С. 549.

² *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 634.

в 1943 году на Курской дуге, которая поэтому и получила свое название. Тогда немцы решили подрезать советскую оборону. В 1917 году Германия сама решает обороняться и для этого строит в своем тылу новую сильную оборонительную линию под названием линии Зигфрида. Это не наспех вырытые окопы, это превосходно укрепленный район, занимавший в глубину 8–10 километров, захватывавший отличные наблюдательные пункты с обзором на 20 километров и намного сокращавший фронт обороны.¹ Главное в сложившихся условиях: для немцев — избежать окружения и вовремя отойти, а для «союзников» — успеть окружить их на старых позициях.

Все самые страшные битвы Первой мировой войны были сделаны как под копирку. Это атаки хорошо укрепленных позиций в лоб. Огромные жертвы и пара квадратных километров захваченных территорий. И как только впервые французы и англичане запланировали что-то иное, так противник *случайно* все планы нарушил. «В провале апрельского наступления французов и англичан существенное значение имела потеря внезапности»² — подводит итог «История военного искусства». Немцы уходят ровно накануне «союзного» наступления. Отходят, узнав о готовящемся ударе. Откуда?

Самим германцам и будущим историкам надо было как-то объяснить необычайную прозорливость германского командования. И ответ был придуман. Якобы в руки немцев попал приказ по 2-й французской пехотной дивизии от 29 января, ясно указывающий, что в **апреле** намечается большое французское наступление.³ Так пишет в своих мемуарах германский генерал Людендорф, тот самый, что оправдывался за отправку Ленина в Россию.

Но этого не может быть.

Вспомним союзную конференцию в Петрограде, в **феврале**, накануне революции. На ней речь шла об общем наступле-

¹ История Первой мировой войны. 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 332.

² *Строков А. А.* История военного искусства. СПб.: Омега-Полигон. Т. 5. С. 554.

³ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне. М., 2005. С. 408.

нии Антанты именно в **мае–июне**. Эти сроки были приняты и утверждены всеми державами-союзницами. А на столе генерала Людендорфа уже в **январе** лежал захваченный французский приказ о наступлении в **апреле**! Все это не стыкуется и со словами Керенского и других русских военачальников, которые **только в марте** узнали о желании Нивеля перенести сроки удара с **мая на апрель**. В январе об изменении сроков удара никто не говорил и не писал. Получается, либо Людендорф ложью неумело прикрывает свой источник информации и выдумывает несуществующий французский приказ, либо «союзное» командование тайно от Петербурга готовит наступление в апреле, зачем-то объявляя русским и другим членам Антанты совсем другие сроки. Это означает одно: предательство «союзников» было! Если Людендорф говорит правду — наши соратники по Антанте заранее планировали предать своего русского союзника, готовясь наступать вразнобой с русской армией. Если слова немецкого генерала — ложь, то ею он прикрывает скрытые источники информации и тайные контакты Берлина с противником. И то и другое одинаково подтверждает нашу версию о преданном «союзниками» собственном наступлении.

Немецкие войска начинают отход с Нуайонского выступа 3 (16) марта, еще до всей ленинской истории. Весь оперативный план англо-французов нарушен. Никакого окружения уже не может быть. В этих условиях всякий смысл подготовленной операции теряется, ведь немцы отходят сами, атаковать их не требуется. Не имеет смысла теперь и перенос сроков наступления, цель которого уже ускользнула. Теперь спешить генералу Нивелю некуда. Можно выступать в соответствии со старыми договоренностями с русскими — одновременно — таким образом, шансы на успех повысятся. Однако «союзное» командование план операции не меняет и начинает штурмовать новехонькие немецкие позиции:

- ◆ в лоб;
- ◆ на месяц раньше намеченного срока;
- ◆ когда русская армия не может ничем помочь и отвлечь хотя бы часть германских сил на себя.

Не внезапный отход немцев, а случившийся за ним лобовой штурм линии Зигфрида и есть главная загадка наступления Нивеля, или, как его окрестили, «бойни Нивеля». Такого развития событий не ожидали не только русские военные, но и многие французские генералы, которые говорили о недопустимости лобового штурма новых германских укреплений.

«Союзники» атакуют линию Зигфрида. Сначала, как мы уже говорили, после 48-часовой артиллерийской подготовки вперед идут англичане.¹ Это всего лишь отвлекающий, а не главный удар. Главный удар французских войск последовал 16 апреля после 9-дневной (!) артиллерийской подготовки.² Немцы придвинули резервы, усилили артиллерию. И началось обычное «прогрызание» обороны. А ведь когда генерала Нивеля назначали, то ждали от него совсем другого. Надеялись, что он не будет связан прежней тактикой «расшибления человеческих костей и человеческого мяса о самые мощные укрепления противника», как напишет английский премьер Ллойд Джордж. На деле Нивель вновь идет в лоб, на только что построенную новейшую линию обороны. Результат нулевой. Как же так?

Только берешься изучать историю боевых действий того периода, как сразу натыкаешься на «случайность» или «странность». Причин неудачи наступления и перерастания его в бойню в любой серьезной книге о Первой мировой войне вы найдете несколько штук. Все они весьма примечательны. Оказывается, накануне наступления, 4 апреля, немцам снова удалось взять языка.³ И какого! Разумеется, в планшете пойманного офицера лежал приказ, раскрывающий план операции. Поэтому германское командование заранее знало, что удар англичан имеет вспомогательный характер, и не тратило на его отражение свои резервы.

Что сказать — фантастически везет этим немцам. Если и берут кого в плен, то обязательно с полным комплектом самых

¹ Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 637.

² История Первой мировой войны. 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 331.

³ Там же. С. 336.

секретных документов. Взяли одного — вовремя ушли из мешка. Взяли второго — отразили наступление. Потому что узнали, когда и где начнется артобстрел и сама атака. Немецкие войска заранее отошли на главную полосу обороны вне досягаемости артиллерии противника. Их потери от небывалой артиллерийской подготовки были минимальны. Зато когда англичане и французы пошли вперед, их встретил ураганный огонь неподдавленных немецких пушек и пулеметов. Читая рассказы военных историков об этом наступлении, не устаешь поражаться изобретательности объяснений, почему оно ни к чему хорошему не привело. Англичане, к примеру, захватили первую оборонительную линию германцев. Дальше, как вы понимаете, идти не нужно. Поэтому моментально «нарушилось взаимодействие пехоты и артиллерии».

*Оказывается, британские орудия было трудно перемещать по изрытому воронками от снарядов полю боя!*¹

Если вы будете двое суток из орудий разного калибра, в том числе очень мощных, стрелять по открытому полю, то можете быть уверены, что перепахаете его на славу. Оно будет состоять только из воронок разного размера.² Такое предположение сделать несложно. Но британские генералы после двух с половиной лет войны ожидают увидеть вместо воронок ровную поверхность. Они не могут подтащить артиллерию вперед. И вот оказавшаяся *вдруг* без артиллерийского прикрытия британская пехота оставляет захваченную линию германской обороны и отходит назад...

А еще, пишут историки, ухудшилась погода: дожди, снег, метели. Поэтому французы из-за плохой погоды не поддерживали наступление англичан, а отложили его до 16 апреля 1917 года.³ Причина эта смехотворна не меньше. Будто похолодание коснулось только англичан и не коснулось их противника. А что же танки, на которые возлагали столько надежд? Ответ вы можете

¹ История Первой мировой войны. 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 335.

² Стреляло 2800 орудий разного калибра.

³ Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 637.

предугадать. Они *вязли в грязи* и не могли оказать наступающим британцам эффективной поддержки...¹

Настолько же неправдоподобна и картина удара французской армии. Вновь помешали пулеметы и пушки, которые немцы как-то очень вовремя попрятали и отвели назад. Потом, разумеется, плохая погода. Это было полной неожиданностью. Откуда же французам знать, какая погода бывает во Франции в середине апреля?! Метели да дожди помешали корректировать огонь артиллерии, которая своими миллионами снарядов могла просто смешать с землей всю германскую линию обороны. Но — не смешала. Ведь столь огромное сосредоточение артиллерии, ее разнокалиберность привели к путанице в подвозе боеприпасов. Артиллерия *неожиданно* стала получать снаряды не своего калибра.² Вот беда — ни до, ни после этого наступления такого во французской армии никогда не было...

Вы уже, наверное, догадались, что и атака 128 французских танков типа «Шнейдер» не помогла. Они, разумеется, *завязли в грязи*. А потом почти все они были подбиты германской артиллерией и авиацией.³ Уцелело не более 10 машин. Куда же делось огромное количество «союзных» самолетов (1500 штук), что должны были плотной завесой закрыть небо над местом французского удара? По трагической *случайности* в решающий момент они были на другом участке фронта...

А еще на французские танки снаружи (!) дополнительно поместили бидоны с горючим!⁴ Не каждое попадание артиллерийского снаряда бывает для танка смертельным. Но тут даже от пулеметных очередей немецких аэропланов бидоны с горючим взрывались и превращали грозные машины в двигающиеся

¹ Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914–1918 гг. / Пер. с англ. М., 1923. С. 71.

² История первой мировой войны. 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 335–336.

³ Буше Ж. Бронетанковое оружие в войне. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. С. 38.

⁴ История первой мировой войны. 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 336.

факелы.¹ Но если вы решите, что эти чертовы бидоны французские командиры навесили на французские танки для того, чтобы немцам было сподручнее их истреблять, то сильно ошибетесь. Это — чтобы увеличить запас хода...²

А в целом провал наступления — напишут «умные» книги — была результатом неудачного выбора направления главного удара.³ Англичане и французы били как раз туда, где у противника были самые сильные укрепленные пункты, где было больше всего артиллерии, больше всего пулеметов, где у бетонных бункеров были самые толстые стены. И кто же выбирал столь неудачные направления для ударов?

Чего только ни придумали западные историки, чтобы скрыть правду! Обычно идиотами и кровожадными маньяками они любят выставлять русских полководцев. Но ради маскировки в этом случае пришлось недотепой выставить и своего генерала. Оказывается, генерал Робер Нивель, будучи уверен в успехе, утверждал, что массированный удар по немецкой линии приведет к победе Франции в течение 48 часов. Он был так увлечен этим, что охотно рассказывал о своем плане любому, кто интересовался им, включая журналистов! Именно так (!) и узнало о наступлении немецкое командование. Элемент неожиданности был потерян...⁴

Ну а лучше всех о неудавшемся апрельском наступлении Антанты сказал германский генерал Людендорф: «Английское наступление, несомненно, преследовало крупные стратегические цели, но для меня они остались невыясненными».⁵ То есть британцы наступали широко и размашисто, но вот зачем? Этого глава немецкой армии так и не понял...

Есть еще один факт, позволяющий с точностью предположить, что апрельское наступление не могло привести к победе в войне.

¹ История первой мировой войны. 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 336.

² Там же.

³ Там же. С. 334.

⁴ См. интернет-энциклопедию Википедия, раздел Нивель, Робер.

⁵ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. М., 2005. С. 421.

США вступили в войну 6 апреля 1917 года. Если наступление, начавшееся 8–9 апреля, приведет к разгрому немцев, то американские солдаты даже не успеют по разу выстрелить. Как же тогда правительству США получать послевоенные преференции? Нет, американцы обязаны были повоевать, пролить достаточно крови своих солдат, чтобы президент Вильсон с полным правом начал диктовать миру новые правила игры и руководить послевоенным устройством планеты.

Для самой французской армии поспешное наступление закончилось печально: огромные потери и полная деморализация. Зато обещанное обескровливание собственной армии проведено блестяще. Войска стали совсем небоеспособны. Есть, правда, и неприятные побочные эффекты: солдаты проявляют все большее недовольство офицерами, все шире в них распространяется антивоенная пропаганда, усиливаются требования о немедленном заключении мира. Вскоре вообще начались повсеместные военные бунты. В мае беспорядки охватили семь французских корпусов. Деорганизованными оказались 113 войсковых единиц: 75 пехотных полков, 22 батальона стрелков, 12 артиллерийских полков, два полка колониальной пехоты, один драгунский полк, один батальон сенегальцев.¹ Наконец, два корпуса, взбунтовавшись, начали поход на Париж. Достигнут именно тот результат, о котором договаривались с немцами: «союзные» армии могут спокойно сидеть остаток 1917 года. Никто не заподозрит их ни в чем. Какое наступление, когда армия на грани бунта! Вот так, предав собственных солдат, Антанта добилась желаемого результата.

«После провала апрельского наступления западные державы не предпринимают больших наступательных операций, отказываются от решения крупных стратегических задач, — констатирует “История военного искусства”. — Наступательные операции ими проводятся с ограниченными целями. Борьба ведется за улучшение позиций, за обладание отдельными тактическими пунктами».²

¹ История первой мировой войны. 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 339.

² *Строков А. А.* История военного искусства. СПб.: Омега-Полигон. Т. 5. С. 557.

В момент бунта во французских частях была очень опасная ситуация: между немцами и Парижем оставались только две верные дивизии. Фактически в это время дорога на Париж была открыта. Но Германия возможностью для удара на французскую столицу не воспользовалась, все свои силы *случайно*, в спешке, перебрасывая на восток. И снова объяснение в своих мемуарах дает Людендорф. Оказывается, германское командование не знало о брожении во французской армии и узнало об этом лишь некоторое время спустя.¹ Этим Людендорф и оправдывается, почему он не перешел в мае 1917 года в наступление на французском фронте и не использовал его временную слабость. На самом деле немцы убедились, что «союзники» свои тайные договоренности соблюдают, поэтому и соблюдали их сами.

Майской революции во Франции не получилось, бунт был подавлен в самом зародыше. Расстрелями. Все лето и осень 1917 года французские военные полевые суды работали без устали и привели армию к дисциплине и порядку.² Чтобы успокоить общественное недовольство, оказалось достаточно поменять одного главнокомандующего, так позорно «провалившего» наступление. Генерал Нивель был снят с поста главнокомандующего и заменен генералом Петеном, который до того организовал оборону под Верденом и пользовался огромным уважением в армии.³

Мавр сделал свое дело — мавр может уходить. Войне, благодаря умелому генералу Нивелю, а точнее правительству Англии и Франции — тем, кто отдал ему приказ наступать раньше, суждено еще продлиться более года. Миллионы людей погибнут, сотни тысяч станут калеками — но «союзные» разведчики свое слово сдержат. Новый главнокомандующий Петен, приведя французскую армию в чувство, наступать не собирается. «Союзники»

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. М., 2005. С. 431.

² Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 642.

³ Уже будучи маршалом, Петен тоже запятнает свое имя, возглавив французское правительство в Виши, капитулировавшее в июне 1940 года перед гитлеровской армией.

уходят на лето и осень 1917 года в глухую оборону. Именно в эти сроки немцы окончательно сломают Восточный фронт...

«Таким образом, безрассудная попытка Нивеля ввести в дело всю французскую армию и добиться решающих результатов без поддержки русского фронта окончилась поражением и не только сорвала возможность совместного наступления с востока и запада, но и лишила страны Антанты всех надежд на окончание войны в 1917 году», — делает выводы Керенский.¹

Разглагольствовать он умеет хорошо, а вот о причинах столь «странных» решений французского командования умалчивает. Вам кажутся неправдоподобными и невозможными действия «союзников»? Удивительно, что предают они соратников по оружию? Давайте не будем забывать, что грязней, чем политика, занятия в мире нет. И смотреть с точки зрения обычного человека с его моралью и понятиями на деяния политиков просто нельзя, иначе будет много непонятного. Поэтому давайте забудем на минуту о том, что Россия британцам и французам всегда мешала, что они портили нам кровь на протяжении столетий. Отложим в сторону наши знания о плане развала России. Не будем вспоминать о том, ради чего вообще началась Первая мировая война. Давайте просто посмотрим на ситуацию 1917 года глазами «союзных» руководителей.

В России произошла революция, ее армия стремительно разваливается. Как боевая единица такая вооруженная сила малочленна, если ее направить в наступление. Воевать она не хочет, боевой запал звучит только в речах Временного правительства. Но сражаться русским придется, если противник будет нападать сам. Иными словами — надо спровоцировать Германию наступать на Восточном фронте. Выгода здесь самая простая: если немцы бьют русских, французам они уже бить не будут — сил не хватит. На дворе уже 1917-й, а не 1914-й год, и германская армия уже не может себе позволить наступать на двух направлениях. Русские же, теснимые германцами, будут вынуждены защищаться. Война разгорится. Будут гибнуть люди, но... *не ваши поддан-*

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Терра, 1996; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt15.htm>

ные. Жители вверенной вам страны останутся живы. Кроме того, Россия так устроена, что войти в нее можно легко, зато выйти практически невозможно. Живым. Напав на русских и углубившись в ее снежные просторы, германские армии исчезнут там навсегда. Так оно и получится. Нет, немцев русские не перебьют, в отличие от солдат Наполеона и Карла XII, просто сотни тысяч их станут охранять дороги, склады и переезды в оккупированной стране. Другие сотни тысяч будут реквизируют продовольствие и одежду, станки и ценности. Сотни паровозов и тысячи вагонов повезут награбленное немцами в Германию. *И всех этих германских солдат на Западном фронте не будет!*

Вот тогда вы и нанесете немцам удар и победно закончите войну. Дух захватывает от красоты плана, одна только заминка. Боятся немцы России, они ведь тоже про Бонапарта читали и знают, что бывает с теми, кто далеко в русские равнины заходит. Ведь как из Берлина смотрится Февральский переворот? Россия оттуда сильна, как прежде, — к власти в стране пришла элита, которая и ранее заседала рядышком с царем, в Думе. Эти «сливки земли русской» пообещали сражаться с немцами до победы, а сами готовятся передать власть Учредительному собранию. Получается, будто в стране просто убрали плохого царя и решили провести некий плебисцит на тему «как на Руси жить хорошо». Решат люди, и появится новый царь, решат по-другому — и будет республика. Вопрос продолжения войны даже не обсуждается, бои не утихают. Видя все это, согласитесь вы на месте немцев наступать на Россию, имея в тылу французов и англичан, также к прыжку изготовившихся? Вряд ли. Поэтому их надо убедить, что Россия сейчас слаба и очень быстро станет еще слабее, если Владимир Ильич доедет до Петрограда. Напомню, что решение об отправке Ленина в Россию было принято почти через две недели после Февраля, а тогда вся глубина разрушительной работы Временного правительства была еще не видна. Решиться на такое в Берлине можно было, только получив огромный пласт новой первоклассной информации, словно на машине времени заглянув вперед и увидев будущие печальные русские события. Роль прощателей сыграли «союзные» разведчики и тайные дипломаты. Они рассказали немцам:

- ◆ что натворит в стране Временное правительство;
- ◆ как оно своими указами и приказами развалит армию и флот;
- ◆ как оно будет бездействовать, потворствуя большевикам, и через короткий промежуток времени передаст им власть, после чего в стране вообще начнется что-то невообразимое.

Немцы кивнули головами — причастность англо-французов к Февралю была очевидна. А впрочем, что немцы теряют, если поверят и начнут действовать по подсказке врага? Всегда существует возможность переиграть своего партнера. По крайней мере, появлялся хотя бы призрачный шанс, разгромив Россию и подпитавшись ее ресурсами, свести войну вничью, если уж не победить в ней.

А «союзники» в качестве подтверждения своих «добрых намерений» сдавали время и место своего наступления. И даже начинали его ровно накануне отъезда Ленина из Швейцарии. Удивительно? Совсем нет. Чтобы наслаждаться тишиной на фронте, сначала надо немного повоевать. Совсем не наступать невозможно, не объяснишь же своим французским солдатам, что вы договорились с врагом и предали русского союзника. Ведь тогда они спросят: а чего ж это мы кровь проливали? Зачем? Что ж раньше с немцами не договорились? А могут и самый страшный вопрос задать: зачем вообще воевать начали, если так хорошо договариваться умеем?

Нет, вопросов таких допускать нельзя. В политике вообще часто говорится одно, а делается другое. Если в такой момент беседы с немцами схватить «союзного» разведчика с поличным — это государственная измена, а если не схватить — он потом героем станет. Секретным, разумеется. Но лет через двести, может быть, и узнает о нем весь мир. Благодаря спецоперации немцы войска с Западного фронта сняли и на Восточный перебросили и увязли там по самую шею в русской неразберихе и хаосе. Потом и сами подцепили бациллу революции и рухнули в грязь — после четырех лет успешной борьбы. Живыми остались сотни тысяч англичан и французов, выиграна война — разве ваш разведчик не герой?

От эшафота до ордена один шаг — вопрос только во времени всплытия на поверхность политической махинации. Поэтому

и сдавали свое собственное наступление «союзные» дипломаты и разведчики врагу. Политикам так тоже проще: наступление захлебнулось, дальше наступать нельзя. Объяснение для общечеловечности, почему так печально все завершилось, уже готово — ошибочно перенесли сроки наступления. Дальнейший полный покой на Западном фронте, который должны были в свою очередь гарантировать немцы, — это миллионы спасенных, не убитых и не изувеченных ваших соотечественников. Отбитое ваше наступление — десятки тысяч погибших. Арифметика простая. Экономия человеческих жизней колоссальная. Потому и идут политики на такую низость, как продажа своего «союзника» врагу. Поэтому и предадут своих собственных солдат, идущих в атаку, чтобы спасти огромное число других своих бойцов!

(Для справки: в «бойне Нивеля» французы потеряли убитыми и ранеными 180 тысяч человек, англичане — 160 тысяч человек; погибли 5183 русских солдата, также участвовавших в наступлении. Но и немцы не досчитались 238 тысяч солдат.)¹

Как мы помним, «союзники» обещали немцам больше серьезных наступательных действий не вести. Запустив механизм разрушения России, подкинув немцам эту идею, дальше надо просто сидеть тихо и ждать, пока немцы будут громить русских.

Так и будет! Военный министр Франции Пенлеве прямо с трибуны парламента (!), словно еще раз убеждая немцев не беспокоиться ни о чем, *официально заявит*, что французская армия на лето и осень не намерена предпринимать сколько-нибудь серьезных наступательных операций.² Услышав это, германское командование направляет на восток еще шесть отборных дивизий. Но ведь просто верить тому, что говорят во французском парламенте немцам, нельзя, как нельзя и убирать с Западного фронта войска. Наступление «союзников» отбито, но на дворе только апрель, впереди еще столько времени, годного для решительных атак. Русского наступления бояться надо меньше — их армия ослаблена революцией, а вот англичане и французы могут

¹ <http://www.hrono.info/sobyty/1900sob/1917nivel.html>

² Керсновский А. А. История Русской армии: В 4 т. М.: Голос, 1992. Т. 4. С. 156.

еще наступать и наступать. А немцы совершенно нелогично перебрасывают войска с запада на восток. Почему?

Есть хорошее старое правило: если чьи-то действия вам кажутся противоречащими логике, возможно, что вы просто хуже информированы. В Берлине знают, что о спокойствии на Западном фронте они договорились, что отбитое «союзное» наступление не повторится. Вот они спокойно и перебрасывают войска на русский фронт, выполняя свои обязательства перед англичанами и французами и готовясь бить исключительно нас.

Но вернемся к действиям Временного правительства. Русская армия развалена, дисциплина равна нулю. Им бы сидеть тихо да потихоньку армию приводить в чувство. Так нет же! Из поражения, постигшего французов и англичан, оно сделало весьма любопытный вывод. Временное правительство... говорит, что русские будут наступать. Наступать, невзирая ни на что. Помогать «союзникам»...

Ничем, кроме поражения для русских войск, наше наступление закончиться не могло. Оно и закончилось поражением, окончательным разочарованием солдат в правительстве и большевистским переворотом. Вот и получается: военные неудачи — отличная пища для революционного брожения, а «дрожжи» — Ленин и компания — уже доставлены на место. Но вдруг неукротимой энергии и гениальной решимости Владимира Ильича не хватит, чтобы взорвать огромную Россию? Дрогнет рука, и он ошибется. «Союзники» так скрупулезно и тщательно готовили уничтожение России, что и на этот случай у них был запасной вариант. «Дрожжи» будущей социалистической революции перебрасывались в Россию буквально со всего мира.

Мало ленинского примера, давайте проследим поездку на родину другого борца за народное счастье Льва Давыдовича Троцкого (Бронштейна). Путь этот был еще более долгим и тернистым. Все дело в том, что Троцкий с Бухариным в феврале 1917 года находились в Нью-Йорке, где редактировали радикальную газету «Новый мир». Оказался там Лев Давыдович не совсем добровольно. В 1916 году, за год до русской революции, интернационалист Троцкий был выслан из Франции и вежливо препровожден французской полицией через испанскую границу. Там он тоже не

задержался: через несколько дней мадридская полиция арестовала будущего основателя Красной армии. После чего Троцкий был перевезен в Кадис, затем в Барселону, чтобы в конце концов быть посаженным на борт парохода «Монсеррат» Испанской трансатлантической компании. На нем Лев Давыдович вместе с семьей пересек Атлантику и в январе 1917 года высадился в Нью-Йорке.

Вслед за ним и другие его последователи пересекли океан. Когда мы оцениваем вклад Троцкого в мировую революцию, не стоит забывать, что фигура эта по своему значению практически ни в чем не уступает Ленину. Оба были прекрасными ораторами и публицистами. Оба много теоретизировали. У обоих были свои последователи, а поклонники Льва Давыдовича были даже много активнее на мировой арене. Группа троцкистов в Мексике приобрела такое влияние, что даже написала там конституцию для революционного правительства Венустиано Каррансы все в том же 1917 году. Таким образом, эта страна первой в мире получило правительство, которое приняло конституцию советского типа. Именно в Мексику и убежит потом из СССР Лев Давыдович и будет там жить, пока сталинский агент Меркадер не проломит ему череп ледорубом.

Как Троцкий, знавший только немецкий и русский языки, выжил в капиталистической Америке? Судя по его книге «Моя жизнь», его единственной профессией в Нью-Йорке была профессия революционера. Ну что ж, видимо, эта профессия в капиталистической Америке ценилась высоко, потому что, особо не бедствуя, Троцкий дождался там неожиданно свершившегося Февраля. Причем приятные экономические «чудеса» случались с Львом Давыдовичем постоянно и в большом количестве. Вступая на борт парохода «Монсеррат», плывущего в столицу США, Троцкий жалуется в письме, что у него остается только 40 песет. А потом «вдруг» покупает дорогие билеты на рейс через Атлантику и, прибывая в Нью-Йорк, предъявляет таможенную декларацию, в которой указана круглая для того времени сумма — \$500 (примерно \$10 000 сегодня). Получается не жизнь, а сказка: «...Он сходит на берег в стране, где никогда не бывал, при этом Троцкий не знает английского, заработанное за три месяца революционер раздаст, но жить будет в фешенебельном тогда районе... На съем-

ной квартире у Троцкого будет холодильник и телефон — это атрибуты роскоши того времени, впрочем, как и личный автомобиль с водителем. Кто финансирует Троцкого?»¹

И действительно, кто? Неужели опять «партийные товарищи» на свои взносы?

Но революцию нужно делать. Она без своих героев ведь может и не состояться, поэтому через три месяца Лев Давыдович, как и Ленин, засобиравшись на родину. Между поездками двух будущих главных вождей революции на родину есть большие различия, но в главных моментах совпадения поистине удивительны. *Как и Владимир Ильич, Лев Давыдович получил от русского консула в Нью-Йорке все необходимые документы на въезд в Россию.*²

27 (14) марта Троцкий с семьей отбыл из Нью-Йорка на норвежском пароходе «Кристианиафиорд».³ Но, едва доплыв до Канады, Лев Давыдович был безмерно удивлен и огорчен. Его и нескольких его соратников сняли с парохода и поместили в лагерь для немецких военнопленных...

Группа революционеров была снята с парохода согласно официальным указаниям, полученным 29 (16) марта 1917 года дежурным морским офицером в Галифаксе по телеграфу из Лондона. В телеграмме сообщалось, что на «Кристианиафиорд» находится группа Троцкого, которая должна быть «снята и задержана до получения указаний». Причина задержания заключалась в том, что «это русские социалисты, направляющиеся в Россию с целью начать революцию против существующего российского правительства, для чего Троцкий, по сообщениям, имеет 10 тысяч долларов, собранных социалистами и немцами».⁴

Мотив задержания британские спецслужбисты объяснили самому Льву Давыдовичу просто — «вы опасны для нынешнего русского правительства».

¹ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=447700>

² Троцкий Л. Моя жизнь. М.: Панопам, 1992; <http://www.revkom.com/biblioteka/marxism/trotsky/my%20life/XXIII.htm>

³ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М.: 1998; <http://rus-sky.com>.

⁴ Там же.

— Но ведь нью-йоркские агенты русского правительства выдали нам проходные свидетельства в Россию, и, наконец, заботу о русском правительстве нужно предоставить ему самому! — вполне резонно возражает задержанный вождь.

«Полковник Моррис подумал, пожевал челюстями и присовокупил: “Вы опасны для союзников вообще”. Никаких документов о задержании нам не предъявлялось»¹ — пишет Троцкий в мемуарах.

Вот, казалось бы, нам и порадоваться. Напрасно мы на наших «союзников» грешили. С Лениным они, конечно, промахнулись, но ведь зато Троцкого задержали. Постойте, но как это может быть, ведь совсем скоро Лев Давыдович должен возглавить Совет рабочих и солдатских депутатов в Петрограде? Это исторический факт, а из лагеря в далекой Канаде занять это место проблематично. Постойте, его что — отпускают?!

Да! В литературе, посвященной этому событию, вы с удивлением можете прочитать, что заместитель директора английской разведки Клод Дэнси не поверил «домыслам о надвигающейся революции» и приказал Троцкого отпустить. А если бы поверил — расстрелял бы Льва Давыдовича прямо посреди лагеря?

Действия английской разведки просто поражают, как игра в карты: верю — не верю. Между тем, как пишет сам Лев Давыдович в «Истории русской революции», британское посольство в Петрограде дало в печати 14 (1) апреля официальное сообщение на ломаном русском языке: «Те русские граждане на пароходе “Кристианиафиорд” были задержаны в Галифаксе потому, что сообщено английскому правительству, что они имели связь с планом, субсидированным германским правительством, — низвергнуть русское Временное правительство...»²

Где-то в сложной цепочке британских спецслужб произошла утечка информации, не предназначенной для огласки. Опасный для Англии Троцкий должен спокойно доплыть до России, чтобы

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. М.: Панорама, 1992; <http://www.revkom.com/biblioteka/marxism/trotsky/my%20life/XXIII.htm>

² Троцкий Л. История русской революции. М., 1997; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/>

вместе с Лениным осуществить тайные планы «союзников». Но всем сотрудникам британских спецслужб не объяснишь, для чего началась мировая война и почему разрушение России отвечает глубинным английским интересам. Где-то в недрах британских спецслужб сигнал о том, что в Петроград плывет человек, собирающийся свергнуть русское правительство и вывести Россию из войны, получил человек «не в теме». И английские спецслужбы единственный раз сделали то, что должны были делать всегда: арестовали опасного путешественника.

Были в британской разведке честные люди, по-настоящему пекущиеся о судьбе своей союзницы России, поэтому Троцкого и прихватили. Бал правили, увы, не они. Те, кто забрасывал в Россию Ленина, быстро исправили и «ошибку» с Троцким. «Нужно сказать, что закулисная механика нашего ареста и нашего освобождения мне и сейчас не вполне ясна», — честно признается Лев Давыдович в своей книге. Удивление в этих словах немалое. Потому что арестовать его не должны были. Таковы были договоренности. *Как у Ленина — режим наибольшего благоприятствования.* А тут сначала странный арест, потом еще более странное освобождение...

Об освобождении надо упомянуть особо. «Союзники» не просто выпускают Льва Давыдовича, так как ошиблись.

Англичане освобождают Троцкого по просьбе Временного правительства!

Это кажется невероятным, но министр иностранных дел Милюков обратился к британским властям с такой просьбой. В своем ли уме Милюков? С ним все в порядке, просто без его обращения британцам не выйти красиво из сложившейся ситуации. Нужна просьба. Троцкий сам пишет об этом предельно откровенно, что Милюков «оказался, однако, *вынужден* просить английское правительство через русского посла Набокова об освобождении Троцкого от ареста и пропуске его в Россию».¹

Сам кадет Набоков удивлен просьбе главы своей партии и своего министерства не меньше нашего: «Зная Троцкого по его дея-

¹ Троцкий Л. История русской революции. М., 1997; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/2-4.html>

тельности в Америке, английское правительство недоумевало: «Что это: злая воля или слепота?» Англичане пожимали плечами, понимали опасность, предупреждали нас. Ллойд Джорджу пришлось, однако, уступить».¹

Какие заботливые у нас «союзники»! Предупреждают Временное правительство об опасности, а оно ничего не слышит. Почему глава кадетов заявляет, что «правительство признает безусловно возможным возвращение в Россию *всех эмигрантов, без различия их взглядов на войну* и независимо от нахождения их в международных контрольных списках»?² Больше всего Временное правительство боялось обвинения в недостаточной демократичности, отвечают нам историки. Когда на весах судьба страны и народа, надо ли руководству более всего бояться не поражения в страшной войне, а таких вот смешных обвинений? Ответ понятен: степень демократичности и свободы — это всего лишь характеристика времени, отступающая под натиском куда более страшных и важных обстоятельств. В блокадном Ленинграде Жданов и Жуков менее всего боялись показаться недостаточно демократичными. Не об этом должна у государственных мужей болеть голова.

Но ведь надо как-то объяснить странные поступки министров Временного правительства для читателей и потомков. Вот и идут в ход отговорки, прикрывающие самую суть событий и не дающие ответа на рвущиеся наружу вопросы. Почему Милюков оказался «вынужден» совершить очевидную для нас глупость и просить отпустить Троцкого? Кто его вынудил потребовать освобождения человека, благодаря которому он сам вскоре лишится всего имущества и родины и отправится в эмиграцию! Абсурд? Идиотизм? Нет, это политика. Полностью несамостоятельная и абсолютно зависимая от своих «союзных» хозяев. Вспомним еще и тот факт, что Милюков — личный друг Якоба Шиффа, американского магната, «генерального спонсора» всех русских революций. Вот поэтому и просит Временное

¹ Троцкий Л. История русской революции. М., 1997; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/2-4.html>

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. С. 173.

правительство выпустить на волю Троцкого, который сразу займется его же свержением.

Троцкий был запасным вариантом, двойником и дублером Ильича. Совершать «удивительные» поступки в отношении обоих локомотивов революции Временное правительство заставляла одна и та же сила — «союзники». Это становится еще более очевидным, если обратить внимание на несколько пикантных подробностей неожиданного ареста и еще более удивительного освобождения Льва Давыдовича. *Выяснилось, что Троцкий является американским гражданином, путешествующим по американскому паспорту, в котором стоит британская транзитная виза и виза для въезда в Россию.*¹

Откуда у Троцкого вдруг взялось американское подданство? Наверное, паспорт фальшивый? Ну что вы! Самый настоящий, выданный американским правительством. При аресте у Троцкого обнаружили при себе 10 тысяч долларов, что было по тем временам очень солидной суммой. Если предположить, что был Лев Давыдович честным и пламенным борцом за народное счастье, то таких денег у него быть не могло. Гонорами за статьи в революционной прессе их не заработаешь — слишком много.

Не будем наивными. Троцкий вез в кошельке мелочь на карманные расходы. Настоящие ДЕНЬГИ от американских банкиров незаметно переключались на нужные счета проверенных людей. И мы можем только догадываться, какие это были суммы, если в кошельке борца за счастье трудящихся лежала плотная пачка американских банкнот. Проплачивать русские революции было для Якоба Шиффа и других банкиров США не новинку. Они выделяли средства эсерам и социал-демократам в 1905 году, «помогали» финансами тем, кто готовил Февраль. Теперь пришел черед оказать помощь еще большим радикалам. Точнее — Троцкому, он ведь не был чужим человеком в среде американских мультимиллионеров. Лев Давыдович очень удачно женился: его супруга Седова — дочь Животовского, богатого

¹ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М.: 1998; <http://rus-sky.com>

банкира. Который, в свою очередь, компаньон банкиров Вартбургов, а они компаньоны и родственники Якоба Шиффа. Так революция становится для Льва Давыдовича чисто семейным делом.

В Россию Ленин и Троцкий отправились практически в один день. У обоих была одна и та же задача. В революционном Петрограде они объединились, хотя раньше были противниками. Троцкий в 1903 году порвал с Лениным и большевиками, а в 1904-м вышел также из фракции меньшевиков и занял промежуточное положение между ними. Он действовал с самостоятельной группой, издавая с 1908 года во Львове, а затем в Вене газету «Правда» — тогда самое популярное из изданий, нелегально ввозимых в Россию. Поэтому когда Ленин в 1912-м решил вновь издавать свою газету и «украл» это название, возмущению Троцкого не было предела. Его гнев улегся лишь в 1917-м, когда оба «эмигранта» соединились, готовя революцию. Точнее сказать, объединили свои деньги, имевшие один и тот же источник.

Германские деньги, выделенные Ленину Берлином, в значительной части были иностранными кредитами, в основном от американских банков. Те же банки и те же люди выделили средства Троцкому. Об этом малоизвестном феномене великолепно написал американский профессор Э. Саттон в своей книге «Уолл-стрит и большевистская революция». Он приводит много замечательных фактов. По международному праву, нейтральные страны (а США были нейтральны до апреля 1917 года) не могли давать займы воюющим странам. Тем не менее займы Великобритании и Франции давались. Форма их предоставления была выработана президентом США Вильсоном в октябре 1914 года. Он объяснил, «что продажа облигаций в США в интересах иностранных правительств фактически представляет собой сберегательный займ воюющим правительствам, а не финансирование войны. С другой стороны, принятие казначейских билетов или другого доказательства задолженности в платежах за товары является лишь средством, способствующим торговле, а не финансирующим военные действия». Одним словом, нейтральные США давали англичанам и французам деньги на

развитие мировой торговли — так это называлось.¹ Однажды приобщилась к живительному потоку американского золота и Россия, разместив в США свои облигации. Не теряла времени и Германия. В книге профессора Саттона дается пример, как она, вопреки существовавшим военным запретам, собрала в Нью-Йорке значительные средства для своей подрывной деятельности «в Мексике», получив займы от американских банков. В 1919 году сенатский Овермановский комитет также установил, что немецкий «Дойче Банк сумел в своих отделениях в Южной Америке получить от Лондона 4 млн 670 тыс. фунтов стерлингов».²

Куда же ушли такие огромные деньги? Только ли на далекую Мексику тратила Германия полученные доллары и фунты? В Мексике полыхала революция, отряды повстанцев совершали набеги на американскую территорию, но до серьезной войны дело никогда не доходило. Освоить такой бюджет там было просто невысказано. Вот русская революция — совсем другое дело. Тут никакой бюджет маленьким не будет.

Свидетельств того, что «немецкие» деньги большевиков оказались «союзными», не много, но они есть. В своих мемуарах глава будущего независимого чехословацкого государства Томаш Масарик пишет об американско-англо-французском разведывательном бюро, расследовавшем интриги немцев против России: «Нам удалось установить, что какая-то г-жа Симонс была на службе у немцев и содействовала передаче немецких фондов некоторым большевистским вождям. Эти фонды посылались через стоковое немецкое посольство в Гапаранду, где и передавались упомянутой даме».³ Информацию передали Временному правительству. Далее Масарик пишет, что бюро прекратило дальнейшее расследование, «когда оказалось, что в это дело запутан один американский гражданин, занимавший очень

¹ *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. М.: 1998; <http://rus-sky.com>

² Там же.

³ *Мельгунов С. П.* Золотой немецкий ключ большевиков; <http://www.netda.ru/belka/texty/kluch.htm>

высокое положение. В наших интересах было не компрометировать американцев».¹

К 1917 году Германия находилась на грани истощения и в такой ситуации выделять огромные миллионные средства на сомнительную идею большевистской революции не могла. Были нужды и поважнее. В случае провала денежки уже не вернешь, а на них можно закупить драгоценное сырье и продовольствие для немецких детей и солдат. Нельзя Берлину было рисковать «последним». Лишние же деньги можно было спокойно вложить в сомнительное дело развала противника. Дать Ильичу пару миллионов золотых рейхсмарок можно было только в одной ситуации — если бы вдруг кто-то дал Германии эти деньги, то есть предоставил самому Берлину необходимый кредит. Это и произошло. Все складывалось для немцев просто идеально: момент есть, исполнитель есть, имеются гарантии успеха, даже финансы-кредиты предоставлены. Что тут думать? Немцы понимают, что улыбочивые английские разведчики пекутся отнюдь не об интересах Германии. Но план, предложенный ими, так прост и красив, что не согласиться на него нельзя.

Революционеры беспрепятственно получают визы и документы и, словно вороны на пададь, слетаются со всего мира на ослабевшее тело России. И объединяются. Ленин, всегда ругавший всех и вся почем свет стоит, вдруг становится в отношении Троцкого образцом понимания и терпимости. «Отношение Ленина ко мне в течение 1917 г. проходило через несколько стадий. Ленин встретил меня сдержанно и выжидательно. Июльские дни нас сразу сблизили».²

Немногословен Лев Давыдович, немногословен. «Июльские дни» — это первая попытка большевиков захватить власть. Кроме Ленина практически только один Троцкий поддержал курс Ильича на взятие власти любой ценой. Остальные этого не понимали. Оттого так близки стали Ленин и Троцкий, что одна

¹ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков; <http://www.netda.ru/belka/texty/kluch.htm>

² Троцкий Л. Моя жизнь. М.: Панорама, 1992; http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/My_Life/My_Life-00-02-06.html

и та же сила забросила их в Россию, поставив перед ними одни и те же цели, которые остальным членам руководства партии раскрывать было нельзя. С момента приезда главная проблема Ленина — это не борьба с Временным правительством. Нет, оно ему во всем само подыгрывает. Главная проблема Владимира Ильича — убедить соратников в своей правоте, ничего лишнего им не рассказав. С этой новой ленинской «напастью» мы еще столкнемся не раз.

Но если вы думаете, что Временное правительство ранее не пыталось отстоять свои интересы, то вы глубоко заблуждаетесь. Сразу после приезда Троцкого в Россию, когда дело уже было сделано, у русских властей словно открылись глаза. Американская дипломатическая миссия в Стокгольме в середине июня 1917 года направила Государственному департаменту телеграмму: «Миссия была конфиденциально информирована русским, английским и французским паспортными бюро на русской границе в Торнеа, что они серьезно озабочены проездом подозрительных лиц с американскими паспортами».¹ Граница снова на замке. Например, в конце того же июня уважаемый нью-йоркский газетчик Герман Бернштейн был задержан на границе и не допущен в Россию. Газета «Нью-Йорк Геральд» осталась в Петрограде без своего представителя. Бронштейна — Троцкого — пропустили, а мирного Бернштейна нет. Еще позднее, в середине августа, российское посольство в Вашингтоне само обратилось к Государственному департаменту с просьбой «не допускать въезда в Россию преступников и анархистов...».² Американцы с готовностью согласились. Операция по заброске Троцкого закончена, через месяц он уже возглавит Петросовет — чего же не согласиться. И «союзные» марионетки в русском правительстве могут хорошую мину сделать — мол, мы же боролись, мы же протестовали. Все равно все преступники и анархисты уже в Петрограде.

Таких странных действий совершит Временное правительство множество. Мы постараемся обо всех этих деяниях рассказать.

¹ *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция; <http://www.rus-sky.com/history/library/sutton/sutton1.htm>

² Там же.

Откуда едет Лев Давыдович? Из Нью-Йорка. Откуда едет Ленин? Из Германии. Зачем они едут? Делать революцию и свергать Временное правительство. Что должна в такой ситуации делать власть? Защищаться. А что она делает в реальности? Ленина встречают объятиями и почетным караулом, требует освобождения Троцкого. Просто театр абсурда. Только когда мы всю эту информацию анализируем, удивляемся и возмущаемся, давайте не будем забывать, что защищаться будет в такой ситуации НОРМАЛЬНОЕ правительство. Марионетки, поставленные у руля с целью создать в стране хаос и анархию и передать власть еще большим безумцам-большевикам, сопротивляться не будут! Они будут делать то, что им говорят их «союзные» хозяева. В ущерб державе, вопреки здравому смыслу и очевидным истинам. Чем больше власти имели Керенский и Временное правительство, тем ближе к победе были большевики, ибо они все делали наоборот. На словах, борясь с ними, делали для Октября ничуть не меньше Ленина и Троцкого, и место им по праву там, среди них — организаторов нашей национальной катастрофы!

Подведем итог.

Ленин, ищущий путь в Россию, не может его найти:

- ◆ через Антанту ему не проехать;
- ◆ Германия отказывает.

Когда он уже близок к отчаянию, у него вдруг все получается:

- ◆ отказавшие ему немцы неожиданно дают добро на проезд и соглашаются на все его условия;
- ◆ «союзные» спецслужбы ничего не замечают;
- ◆ Временное правительство ничем не противодействует;
- ◆ русское консульство, как ни в чем не бывало, выдает ленинцам визы.

По приезде в Россию ее правительство не только не арестовывает, но и не мешает Ленину вести активную пропаганду своего собственного свержения.

Троцкий, плывущий в Россию из Нью-Йорка, почти одновременно с Лениным:

- ◆ имеет в своем кармане американский паспорт;
- ◆ «последние» 10 тысяч долларов;

- ◆ русское консульство в США выдает ему визу;
- ◆ есть у Троцкого и британская транзитная виза;
- ◆ после внезапного ареста его быстро выпускают власти Канады;
- ◆ Временное правительство тоже просит освободить «узника»;
- ◆ сразу после его проезда начинаются строгости на русской границе.

Временное правительство, свергнув монархию:

- ◆ активно разваливает армию и спецслужбы;
- ◆ ликвидирует полицию;
- ◆ за считанные дни разрушает систему управления страной;
- ◆ объявляет всеобщую амнистию;
- ◆ будоражит общество грядущим разделом земли;
- ◆ не запрещает забастовки и стачки;
- ◆ потакает национальным сепаратистам;
- ◆ вместо обороны готовится со своей ослабленной армией к наступлению.

Германия, испытывающая огромные трудности и готовясь обороняться в 1917 году:

- ◆ демонстрирует чудеса предвидения, отводя войска из «клещей Нуайона»;
- ◆ достаточно легко отбивает начавшееся «союзное» наступление;
- ◆ не использует великолепный момент для рывка на Париж;
- ◆ со спокойной совестью перебрасывает войска на восток, где начинает летом 1917 года активное наступление;
- ◆ поначалу Ленину отказав, вдруг изыскивает значительные денежные суммы на сомнительную и невероятную операцию по выводу России из войны.

Все эти «чудесные» события накладываются на весьма странное поведение **англичан и французов**, которые:

- ◆ нарушают синхронность и одновременность запланированных ударов по Германии;

Почему «пломбированный» вагон с Лениным так медленно спешил

- ◆ неожиданно и без внятного повода меняют время начала ключевой операции всей войны;
- ◆ ставят русские войска в ситуацию невозможности их удара по противнику на месяц раньше условленного срока;
- ◆ когда противник своим отходом сводит стратегический замысел «союзной» операции к нулю, начинают бессмысленный лобовой штурм.

И все эти странные события происходят одновременно...

Мы же, вдоволь нагладевшись «чудес», происходивших в разных частях Европы в марте и апреле 1917 года, немного вернемся назад — в декабрь 1916 года. И ответим на вопрос, казалось бы, к Февралю и Октябрю не относящийся. Но это только так кажется, между двумя этапами нашей революции и событием, которое мы сейчас рассмотрим, связь самая непосредственная и прямая.

И вопрос этот: кто же убил Григория Распутина?

Глава 6

Кто и зачем убил Григория Распутина?

Солнце светит так ярко... Я ощущаю такое спокойствие
и мир на его дорогой могиле. Он умер, чтобы спасти нас.

Из письма императрицы Александры Федоровны

...Пуля, его прикончившая, попала в самое сердце династии.

Александр Блок

Свой рассказ мы начнем с самого конца. 10 (23) марта 1917 года прах Григория Распутина был развеян по ветру в районе современной станции питерского метрополитена «Политехническая». Это была уже вторая смерть святого старца, его вторые похороны. И если на «первых» присутствовала безутешная императрица Александра Федоровна, то на «вторых» — приближенный Александра Федоровича Керенского и несколько студентов Петроградского политехнического института имени Петра Великого...

Сразу скажу, что давать оценку личности Распутина не будем. Плохой, хороший ли был он, сказать невероятно сложно. Вот только на его долю, на его жизнь и смерть приходится изрядная доля тех странностей, совпадений и чудес, что полностью пере-

вернули русскую жизнь в начале XX века. Более того, убийство Распутина стало стартом, отправной точкой будущей русской катастрофы. Отречение Николая II и смерть Распутина разделяют всего десять недель. Но не будем забегать вперед...

В столице Российской империи Григорий Ефимович Распутин (Новых) появился примерно в 1904 году. В следующем году он уже был представлен русскому императору. И быстро сделал головокружительную карьеру. Простой мужик вошел в ближайшее окружение царя и царицы, пользовался их огромным доверием. Давал советы и делал предсказания, которые императрица Александра Федоровна воспринимала как откровения святого. Николай II к словам Распутина относился чуть более критично, но с течением времени и он подпал под магнетическое влияние распутинской личности.

Причина проста — Распутин, безусловно, обладал некоторыми целительскими способностями. В современном понимании он был сильным экстрасенсом. Как он лечил, как это делал, неизвестно до сих пор, но факты загадочных исцелений есть в достаточном количестве.

Первым примером непонятных способностей Распутина стал случай с близкой подругой императрицы, фрейлиной Анной Вырубовой. Она попала в катастрофу и уже умирала, когда Распутин ее спас. Он просто подошел к ней и сказал: «Аннушка, открой глаза». Потом перекрестил. Результатом столь необычного лечения стало практически полное выздоровление.

Этот случай и открыл путь Распутину в императорскую семью. Дело в том, что сын Николая II, наследник Алексей Николаевич, страдал гемофилией, наследственной болезнью, нарушением процесса свертывания крови. Человек, страдающий этим заболеванием, может погибнуть из-за непрекращающегося кровотечения. Любой порез или царапина могут привести к летальному исходу — кровь не останавливается и страдающий гемофилией может запросто умереть от ее потери. Ужас ситуации заключается в том, что если внешние кровотечения еще можно хоть как-то остановить, то со скрытыми кровотечениями внутри человеческого организма, вызванными любыми травмами, справиться нельзя никак.

Медицинских средств лечения этой болезни не было. Именно по этой причине в юном возрасте к наследнику был приставлен здоровенный матрос, в обязанности которого входило носить Алексея Николаевича на руках, дабы избежать любой травмы. Естественно, что любой, кто мог облегчить страдания наследника, кто мог спасти его, был в царской семье святым и желанным. Экстрасенс Распутин и занял место домашнего святого Романовых. Несколько раз он реально спасал цесаревича от смерти, непонятным образом останавливая кровотечение.

Постепенно он из чисто медицинской сферы стал расширять свое влияние и делать предсказания, а потом и давать политические советы. Для нас не столь важно, был ли Распутин святым или отпетым негодяем, молился ли денно и ночью либо кутил с проститутками по кабакам. Не столь важно и то, рупором каких — земных или потусторонних — сил он являлся. *Важно для нас другое: что советовал Григорий Ефимович Николаю II?*

Ведь не за экстраординарные способности Распутина убьют, а за его близость к царю, за то влияние, которое он на российского самодержца оказывал (или мог оказывать). Именно те, чьим замыслом он мешал, и составят будущий план убийства Григория Ефимовича. Кому же перешел дорогу Распутин?

На повестке дня большой европейской политики начала XX века стоял вопрос организации Первой мировой войны, или, вернее сказать, крупномасштабного германо-русского столкновения. Началась она в 1914 году, но могла начаться и раньше. Пороховая бочка на Балканах была уже заложена. Оставалось лишь поджечь ее и усадить на нее сверху Россию и Германию. Цена вопроса ни много ни мало — господство над всем миром.

И неожиданно на пути будущей русской и мировой катастрофы встал неграмотный сибирский мужик. В 1912 году, когда Россия в первый раз готова была вмешаться в балканский конфликт, Распутин на коленях умолил Николая не вступать в войну. Граф Витте в своих мемуарах указывает, что «он (Распутин) указал все губительные результаты европейского пожара, и стрелки истории повернулись по-другому. Война была предотвращена».¹

¹ Платонов О. Жизнь за царя. СПб.: Воскресение, 1996. С. 254.

Это не голословное утверждение. Первая мировая война началась в 1914-м по точно такому же сценарию, какой был подготовлен двумя годами ранее. Конфликт на Балканах, Россия поддерживает Сербию, Австрия получает поддержку Германии, и пошло и поехало. И тут какой-то мужик путает все карты: война не случается, нет революций, нет Гражданской войны, а есть Российская империя, словно скала, по-прежнему возвышающаяся среди европейского континента.

Тут скептик-читатель поморщится и задаст абсолютно резонный вопрос: отчего же экстрасенс Распутин не отговорил Николая II от вступления в войну в 1914-м, если он так ловко сделал это двумя годами ранее? Вот тут и начинается самое интересное. Невероятное, удивительное, необъяснимое. Чудеса, да и только. Вот с этого момента нашей истории и перекинулся прямой мостик к Февральской и Октябрьской революции. Только он еще маленький и пока никому не заметный...

«В июне, незадолго до покушения Гусевой, Распутин часто повторял государю, что он должен остерегаться Франции и сблизиться с Германией», — написал в мемуарах французский посол в России Морис Палеолог.¹ Уважаемый парижский дипломат забыл указать одну немаловажную деталь: «июнь» — это июнь 1914 года. До начала Первой мировой войны всего месяц, по старому стилю она начнется 19 июля, по новому — 1 августа. Распутин как раз и предостерегает Николая II от ошибки, которая приведет к уничтожению Российской империи. Французский дипломат потому и запомнил и записал слова старца в свой дневник, что в десятку попал Распутин в своих советах, в самую точку. И действительно, почему же Николай II на этот раз его не послушал?

Потому, что в момент принятия этого рокового решения Распутин находился при смерти!

Если историки об этом пишут, то используют самый мелкий шрифт. Стараются не заметить и никак не объяснить. Ведь практически одновременно с убийством австрийского эрцгерцога

¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 102.

Франца Фердинанда, которое послужило поводом для развязывания мирового конфликта, происходит... покушение на Распутина.

15 (28) июня в Сараево убит австрийский наследник, через две недели 30 июня (13.07) 1914 года в родном сибирском селе чуть не лишился жизни Распутин.

Сызранская мешанка Хиония Гусева с провалившимся от сифилиса носом втыкает в живот Распутина кинжал. Сложно представить себе, что она действовала синхронно с убийцами эрцгерцога Франца Фердинанда. Однако не будем спешить с выводами. Мы уже знаем, что после смерти Распутина Российская империя просуществует всего чуть более двух месяцев. Это не мистическое совпадение, а начало блестящей операции британской разведки по уничтожению Российской империи. Подождите, еще появится в деле об убийстве Распутина четкий и доказуемый «английский» след. Много интересного откроется нам, когда мы попробуем проследить, что же стало со всеми «героями» убийства Распутина дальше, при новой, «демократической» власти Временного правительства и «кровавой диктатуре» большевиков. Но об этом мы поговорим позже.

Вернемся к двум покушениям. Убийство Франца Фердинанда — это повод к войне, это бикфордов шнур мирового конфликта. Но бомба, заложенная под европейский мир, не сможет взорваться, если русский царь займет неуступчивую позицию. Смягчить ее, как это уже было два года назад, может своими советами Распутин. Сам Григорий Ефимович неоднократно заявлял позже: «Кабы тогда меня эта стерва не пырнула, не было бы никакой войны, не допустил бы».¹

Разница в две недели между двумя покушениями тоже не случайна. Политическая ситуация в мире накаляется не сразу, от момента убийства Франца Фердинанда до начала Первой мировой войны пройдет месяц и три дня. Причем первые две недели будут относительно спокойными и страшной развязки не предвещающими. Потом Европа очень быстро скатится к войне.

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи; http://www.hrono.ru/libris/lib_s/ubi07.html

В этот решающий момент Распутин должен быть мертвым, чтобы не мог удержать Николая II от губительного шага. Вышла осечка, Распутина не убили, но он все же находится при смерти, без сознания. Только перед самым началом будущего мирового конфликта он окончательно пришел в себя. Влияние Распутина, его авторитет так велики, что царь не может не спросить его совета. Учитель царевича Алексея француз Пьер Жильяр подтверждает факт обращения царя к Распутину за советом по поводу объявления войны. Едва придя в себя, старец шлет телеграммы, «умоляя государя не затевать войну, потому что с войной будет конец России и им самим [царствующим особам] и положат до последнего человека».¹

Но было уже поздно — Россию втянули в Первую мировую войну. Именно огромные потери и тяготы военной поры послужили детонатором революционного взрыва, который смел в небытие Российскую империю. В мирное время организовать революцию в России было невозможно — для этого обязательно нужна война. Распутин, по крайней мере как можно судить по обрывкам воспоминаний о нем, был категорическим ее противником. *Выходит, Григорий Ефимович очень мешал тем, кто путем втягивания страны в военные действия старался ее уничтожить внутренним взрывом...*

Помимо всего прочего фигура Распутина была отличной мишенью для развязывания кампании по дискредитации. Не самого старца, нет, — императорской фамилии. Раз мерзавец находится в ближайшем окружении царя и царицы — значит, сами они тоже негодяи. «Преувеличенные до крайности толки о нем послужили всем русским противоправительственным партиям средством для борьбы, направленной к дискредитированию монархического принципа и личностей Государя и Императрицы, — пишет в своих мемуарах генерал Курлов. — Средство оказалось действенным, — и не подлежит сомнению, что достигшая, благодаря главным образом лжи и клевете, чудовищных размеров слава Распутина сослужила революционерам

¹ Танеева А. (Вырубова). Страницы из моей жизни // Печать и революция. 1924. № 4. С. 89.

огромную службу и создала благоприятную почву для падения Российского трона».¹

Кампания по дискредитации Распутина была не случайна и целенаправленна. Возможно, это один из первых случаев «черного пиара» такого масштаба. Татьяна Боткина, дочь расстрелянного с царской семьей лейб-медика, передает в своих мемуарах слова отца: «Если бы не было Распутина, то противники царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой — из меня, из кого хочешь».²

Так тщательно создавалась легенда о развратнике и мздоимце, опутавшем царскую семью.

Так готовилась почва для будущего убийства.

Так мостилась первая ступенька будущей революции.

Одновременно с распуском клеветнических слухов на царя оказывалось мощное давление буквально со всех сторон. Все требовали перемен и формирования «ответственного министерства». Это говорили с трибуны Государственной думы, об этом открыто дискутировали в великосветских салонах. Этому же требовали от Николая II **другие члены династии. Какая поразительная слепота, поразившая почти всех членов правящего императорского дома!** Представители царской фамилии требуют создания либерального думского правительства!

Одна мысль во всех советах, во всех письмах к царю, во всех разговорах: создай «ответственное» правительство, пойди на уступки. Пока был жив Распутин, отбивался Николай II от всех советчиков, но вот его убили в декабре 1916-го, и через два месяца русский царь поддался давлению и уговорам. Своим отречением от трона он создал правительство, ответственное перед Думой, правительство народного доверия. Оно называлось Временным правительством. Конец этой затеи нам уже известен — он трагичен и пропитан кровью невинных детей Николая...

¹ Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 160.

² Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье. М.: Захаров, 2004. С. 38.

Именно Временное правительство расстелет ковровую дорожку для прихода к власти большевиков. Именно оно за считанные месяцы ввергнет страну в пучину хаоса, выпустит из тюрем всех заключенных и распустит полицию, уничтожит властную вертикаль, уволив всех русских губернаторов и никого не назначив взамен. Именно Керенский и его коллеги развалят армию, уничтожив дисциплину, и приведут к краху военную мощь Российской империи.

Но все это еще только будет. Все это еще только предстоит сделать. Сначала надо было убить Распутина. Против него был устроен самый настоящий заговор. История подготовки и организации ликвидации Распутина очень хорошо исследована. Есть масса литературы, в том числе мемуары самих убийц. И все-таки глубины истории подготовили нам невероятный сюрприз. Настоящих героев, как всегда, история узнает с опозданием. Но о них чуть позже. Сейчас о тех, кого вот уже почти девяносто лет считают убийцами святого старца. Многочисленные книги, повествующие о смерти Распутина, подробно рассказывают о том, кто и как его убил. Всесторонне исследованы и хронология, и сам процесс убийства. Но вот на один-единственный вопрос до сих пор вопрос не дан. *Почему же именно эти люди решили убить Распутина?*

И правда, почему? Это действительно интересно. Десятки тысяч людей, благодаря развязанной кампании по дискредитации Распутина, его ненавидели. Высшее общество, офицеры, революционеры, часть семьи Романовых, думские деятели — все они думали, что он вредит России, ведет ее к гибели. Считали, что вокруг него свили гнездо германские шпионы и агенты. Что под руководством Распутина ведутся переговоры о сепаратном мире, и он вот-вот будет заключен. И никто не попытался его убить! Ведь охраны у него фактически никакой не было: как до покушения полоумной Гусевой, так и после она была очень иллюзорной. Этот тезис подтверждает и та легкость, с которой Распутина потом действительно убьют. Просто возьмут — и убьют! Почему же никто не догадался сделать это ранее?

Потому что стать убийцей непросто в принципе. Стать убийцей приближенного царской семьи — сложнее вдвойне. Гнев монарха может быть страшен. Вся государственная машина, направленная на одного человека или даже на группу лиц, легко

способна превратить их в «лагерную пыль». Страшно выступить против такой махины. Что же делать? Распутина очень надо убрать, он сильно мешает своими неуместными здравыми советами царю. Его смерть откроет путь тем силам, что сметут русскую монархию и саму Россию. Но его убивать страшно — никто этого делать не хочет. Выход тут двоякий. Найти фанатиков, ненавидящих Распутина безмерно. И которым за его убийство практически ничего не будет. Ненависть и безнаказанность — вот движущие силы будущего преступления!

Идею убийства можно подбросить. Исподволь, постепенно, капля за каплей вливая в выбранную голову основную мысль — Распутина надо убить. Для блага России, конечно. Главное, чтобы семена упали на подготовленную почву и личность будущего убийцы была неуравновешенной, чтобы вашу идею он легко впитал и через некоторое время уже считал своей. Таких людей и нашли. Все убийцы Распутина были:

- ◆ странными, неуравновешенными людьми (следовательно, они легко поддавались внушению);
- ◆ были практически вне юрисдикции закона (значит, должны были остаться безнаказанными);
- ◆ имели свои причины Распутина ненавидеть.

Это очень важный момент! Это помогает понять, как заговор с целью убийства Распутина был организован и почему правда об истинных вдохновителях и целях смогла быть сокрытой до самого последнего времени.

Судите сами. На вопрос, кто являлся главным организатором убийства, историография дает вопрос однозначный — князь Феликс Юсупов. Этот 27-летний выпускник Оксфордского университета был наследником знатной и богатой фамилии. Свои мысли он описывает так: «После всех моих встреч с Распутиным, всего виденного и слышанного мною я окончательно убедился, что в нем скрыто все зло и главная причина всех несчастий России: не будет Распутина — не будет и той сатанинской силы, в руки которой попали государь и императрица...»¹

¹ Юсупов Ф. Конец Распутина. М.: Отечество, 1990; http://bookz.ru/authors/knaz_-feliks-usupov/feliksusp01/page-3-feliksusp01.html

Патриотичным действием в такой ситуации было решительно разрубить «опутавшие» Россию и династию узы. Сам Феликс якобы к такой мысли и пришел. Но не все так просто. Оказывается, воспитанный красавец Феликс имел одну небольшую странность: он обожал носить женскую одежду. С детства князь Юсупов наряжался в платья дома, в двадцать лет в таком виде он впервые появился на публике. В таком виде он открыто посещал общественные места, рестораны и театры не только в России, но и за границей. Однажды в Париже в театре Феликс увидел, что «пожилой субъект из литерной ложи настойчиво меня лорнирует».¹ Этим человеком оказался английский монарх Эдуард VII...

После такого успеха у первого донжуана Европы молодой аристократ вернулся на Родину одрыленный и решил выступать на сцене модного петербургского кабаре. В женском платье, разумеется. Перед публикой «красавица» Феликс выступал в хитоне из голубого тюля, расшитого серебряной нитью. При этом костюм был декорирован большим количеством крупных семейных бриллиантов.² По ним выступающую «звезду кабаре» и распознали знакомые родителей Феликса. Отец князя был в ярости, но, потихонечку остыв, он решил подлечить сына от таких странных наклонностей. Фетишиста и гомосексуалиста родители отправили поправлять здоровье к... Распутину. Лечение, которому подвергался Феликс, состояло в том, что старец укладывал его через порог комнаты, порол и гипнотизировал. Согласитесь, что опыт общения с Распутиным у Юсупова был, прямо скажем, специфический.

Уж не знаю, лечение ли Распутина помогло или просто взялся князь Юсупов за ум, только в 1914 году он отложил юбки и кринолины в сторону и женился на дочери великого князя Александра Михайловича Романова, соединив венценосную фамилию со своими поистине несметными богатствами. Супруга князя Юсупова, Ирина, была внучкой покойного императора Александра III и императору Николаю II доводилась племянницей. Таков наш

¹ Боханов А. Н. Романовы. Сердечные тайны. М.: АСТ, 2000. С. 205.

² Там же.

первый заговорщик — женатый на племяннице царя богатый взбалмошный трансвестит и гомосексуалист с неустойчивой сексуальной ориентацией. Слабо верится, чтобы такая личность могла хладнокровно просчитать убийство Распутина. Зато такого субъекта можно было легко направить в нужное русло. Ведь действовали будущие заговорщики из лучших побуждений, которые в результате были использованы для уничтожения страны. *Убийством Распутина пытались предотвратить революцию, гибель Династии и России, которые и погибли в пожаре, первой искрой которого стала смерть святого старца!*

Второй из заговорщиков — великий князь Дмитрий Павлович Романов. Его мать, великая княжна Александра Георгиевна, принцесса греческая, умерла при родах. Дмитрий появился на свет, а его мама, дав ему жизнь, этот свет покинула. Отец его увлекся княгиней Палей и совсем позабыл о маленьком сыне. Над Дмитрием взяли опеку генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович и его жена Елизавета Федоровна. Когда 4 (17) февраля 1905 года террорист Каляев убил великого князя, Елизавета Федоровна ушла из грешного мира в основанный ею монастырь. Дмитрий стал жить в Царском Селе, у царя и императрицы. Их он звал папой и мамой, именно они являлись его официальными опекунами. Великая княгиня Елизавета Федоровна предоставила в его распоряжение великолепный дворец на Невском проспекте в Петербурге, купленный ее погибшим мужем у князей Белосельских-Белозерских. Там молодой «сирота» и поселился.

С Феликсом Юсуповым он дружил очень давно. Под Москвой имение Феликса было соседним с имением великого князя Сергея Александровича, где жил Дмитрий Павлович. Судя по описаниям современников, он был существом легкомысленным и беззлобным. Знал Дмитрий Павлович об огромной роли Распутина в семье Николая II, о том, что тот спасает жизнь цесаревичу Алексею. Но это не смутило молодого великого князя. В благодарность за заботу и ласку царской семьи Дмитрий Павлович принимает участие в заговоре с целью убить *самого близкого человека своей «мамы» и основного советника своего «папы»*. Что сказать: молодой человек был добрым и отзывчивым, благо-

дарным и честным. Только такая личность могла *так* отплатить царской семье за добро. Друг Феликс для него важнее. Потому что и великий князь Дмитрий Павлович являлся гомосексуалистом. А любящий женскую одежду Феликс Юсупов был ему больше, чем просто друг...

Мотив для ненависти к Распутину есть и у Дмитрия Павловича. Царь и царица подумывают женить его на одной из своих дочерей. Распутин открывает им глаза на сексуальные предпочтения их любимца. Заодно он рассказывает о том, кто пристрастил Дмитрия Павловича к «настоящей» мужской любви. Имя совратителя — Феликс Юсупов. Разочарованные и возмущенные, император и его супруга больше и слышать не хотят о таком браке своей дочери. За совершенное зло понесет наказание и князь Юсупов. Он вот-вот должен закончить кадетский корпус. Теперь двери блестящих гвардейских полков для него закрыты. Феликс Юсупов получает новый импульс ненависти к Распутину, а Дмитрий Павлович полностью попадает под влияние своего приятеля.

Важная деталь: вероятность наказания и для Феликса и для Дмитрия Павловича ничтожна мала. Великий князь является членом семьи Романовых и обычному правосудию неподсуден. Юсупов, благодаря женитьбе на племяннице императора, тоже может надеяться, что дело будет спущено на тормозах.

Третий заговорщик — Владимир Митрофанович Пуришкевич, помещик, монархист, член Союза русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела. То есть человек крайне правых взглядов, черносотенец. В Государственную думу был избран депутатом от Бессарабской губернии. Войдя в Таврический дворец неизвестным человеком, Пуришкевич очень быстро сумел снискать себе скандальную славу. Он был одной из «достопримечательностей» русского парламента. Например, 1 мая, издеваясь над представителями левых течений, Пуришкевич приходил на заседания, «украсив» свою ширинку красной гвоздикой. Во время выступлений других депутатов он не сидел на месте, а расхаживал по рядам и выкрикивал свои комментарии прямо из зала. Своим поведением Пуришкевич быстро добился того, что его имя стало нарицательным. Среди петербургских

извозчиков оно превратилось в бранную кличку, за сравнение с ним дворянин мог вызвать на дуэль.

В 1910 году, когда Дума обсуждала проект закона о земстве в западных губерниях, он запустил стаканом в лидера кадетов Милюкова. Потому что считал действия этой партии вредными для России. Вот и Распутин Пуришкевич ненавидит потому, что считает его деятельность губительной для монархии. В ноябре 1916 года на заседании парламента он бросит в зал даже не фразу, а просто крик души: «Надо, чтобы впредь недостаточно было рекомендации Распутин для назначения гнуснейших лиц на самые высокие посты. Распутин в настоящее время опаснее, чем некогда был Ажедмитрий... Господа министры! Если вы истинные патриоты, ступайте туда, в царскую Ставку, бросьтесь к ногам Царя и просите избавить Россию от Распутин и распутинцев, больших и малых».¹

Взбалмошный, неуравновешенный и фанатично борющийся с врагами — идеальный портрет потенциального убийцы. Кроме всего прочего, Пуришкевич также обладал неприкосновенностью, так как являлся депутатом. Следовательно, и его привлечь к ответственности было крайне сложно.

Юсупов, Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович — это и была основная троица убийц. Помимо них в злодействе участвовали еще двое гомосексуалистов: поручик Сухотин и доктор Лазаверт. Знал о готовящемся убийстве и председатель Государственной думы Родзянко, родной дядя князя Феликса Юсупова. «Я уверен, что убийство Распутин будет понято как патриотический акт»,² — сказал своему племяннику глава русских парламентариев. Не пройдет и месяца, как он убедит великого князя Михаила Александровича не принимать трона и тем самым сильно поможет февральскому перевороту. А девять месяцев спустя Родзянко будет вынужден бежать из Петербурга, спасаясь от большевиков. Мудрый был глава русского парламента. Дальновидный.

¹ *Ирошников М. П.* Николай II — последний российский император. СПб.: Духовное Просвещение, 1992. С. 199.

² <http://www.newsru.com/world/20sep2004/rasputin.html>

Но что же позволяло ему называть убийство патриотическим актом? Эта версия написана почти в каждой книге, посвященной фигуре Распутина, — якобы через Григория Ефимовича шли переговоры с немцами. Либо собирались начаться, либо Распутин хотел инициировать их начало. За это его «патриоты-гомосексуалисты» и убили...

А был ли на самом деле Распутин «другом германцев»? Вел ли сепаратные переговоры о мире, против чего так боролись великие князья и депутаты Думы? Однозначного ответа на сегодняшний день нет. Существуют две точки зрения. Первая рассказывает о контактах с немцами как о вопросе решенном и трактует переговоры как состоявшийся исторический факт. Вторая говорит всего лишь о зондаже и робких попытках контактов. Читая документы и мемуары, сложно разобраться в политических переплетениях той поры. Информация весьма противоречива и запутанна. Оценивать *намерения* всегда сложнее, чем *дела*. Возьмем, например, факт сотрудничества Ленина и германского руководства. Ясно, что их контакты начались задолго до марта 1917 года. Однако если бы не было «пломбированного» поезда и Брестского мира, то какие реальные документы, говорящие о подготовке этих событий, были бы у современных историков? Корешки телеграмм? Только косвенные свидетельства?

Сам Распутин не был фигурой, способной вести переговоры о мире и войне. Не тот калибр. Он мог лишь подсказать, так или иначе воздействовать на царскую чету. Поэтому оценивать степень вероятности переговоров «распутинской клики» с Германией можно лишь исходя из такой постановки вопроса: мог ли Николай II вести закулисные переговоры о сепаратном мире с противником?

Когда Германия поняла, что вместо войны с Россией ей навязана абсолютно безнадежная борьба практически со всем миром, то в Берлине стали задумываться о разумном выходе из сложившейся ситуации. Кроме того, кайзер Вильгельм прекрасно представлял себе механизм организации мирового конфликта, который проходил практически у него на глазах. Понимание того, кому нужна война между русским и германским монархами, быстро привела Берлин к попыткам ее остановить. Наилучшим

выходом для Берлина было заключение мира. Ведь целью Англии и Франции была не просто победа в войне, а уничтожение Германской империи. Поэтому всеобщий мир на тот момент был невозможен, ибо англичане торпедировали любую возможность такого исхода. Единственным выходом для немцев оставался сепаратный мир с Россией. В Берлине начали прощупывать почву. Через датского и шведского королей в Петербург была отправлена информация о готовности немцев пойти на компромисс на хороших для России условиях. Но, делая такие предложения, германское руководство неправильно оценивало отношение русского царя к возникшей мировой войне. Николай II отказался от каких бы то ни было переговоров с противником. Он пылал праведным гневом на своего «вероломного кузена Вилли» и ни о каком мире и слышать не хотел. Не догадываясь о коварстве своих «союзников», благородный русский монарх не мог и помыслить об измене общесоюзному делу.

Все попытки сепаратных переговоров, зондажа принадлежали исключительно германской стороне. Эту особенность «мирного диалога» историки стараются не подчеркивать, зато охотно рассказывают о самих попытках. Кроме коронованных особ немцы пытались использовать любые способы установления контакта с Россией. Одним из эмиссаров Берлина стала пожилая русская аристократка Мария Александровна Васильчикова. Во время объявления войны она постоянно жила на вилле в окрестностях Вены, принадлежащей ее другу князю Францу фон Лихтенштейну, бывшему ранее австрийским послом в Петербурге. Проживала там Васильчикова достаточно давно, поэтому, когда начались боевые действия, ее не арестовали и не интернировали, а просто запретили отлучаться с виллы. Находясь под таким домашним арестом, она вела активную светскую жизнь и принимала многочисленное общество.

Через некоторое время другой высокопоставленный германский друг Марии Александровны, великий герцог Гессенский, попросил ее приехать в Дармштадт и прислал ей пропуск. Княгиня согласилась. «В Дармштадте великий герцог просил ее отправиться в Петроград, чтобы посоветовать царю заключить мир без промедления, — пишет в своей книге французский посол в России

Морис Палеолог. — Он утверждал, что император Вильгельм готов пойти на очень выгодные по отношению к России условия; намекал даже, что Англия вступила в сношения с берлинским министерством о заключении сепаратного соглашения; в заключение сказал, что восстановление мира между Германией и Россией необходимо для поддержания в Европе династического начала».¹

Васильчикова согласилась и приехала через нейтральные страны в Россию, доставила немецкие предложения по адресу. Реакция Николая II, описанная многими, была примерно следующей:

— Делать мне такие предложения, не постыдно ли это! И как же эта интриганка, эта сумасшедшая, посмела мне их передать! Вся эта бумага соткана только из лжи и вероломства! Англия собирается изменить России! Что за нелепость!²

Возмущенный русский монарх даже не допускает мысли, что Англия ему может изменить. Он так и не узнает правды и умрет, уверенный, что за его благородство и честность «союзники» платят ему тем же. Княгиня Васильчикова же по личному приказанию русского императора была арестована и отправлена в Чернигов для заключения там в монастырь.

Но немцы не унимались. Ведь за всеми их военными успехами вдалеке маячил неизбежный страшный конец. Кайзер Вильгельм предпринимает новые попытки спасти себя и свою страну. Созданная Керенским комиссия по расследованию преступлений царя и императрицы жадно рылась в их документах, надеясь найти доказательство изменнической деятельности венценосной четы. И нашла — письмо кайзера Вильгельма к Николаю, *по-немецки*, в котором германский монарх предлагал Николаю заключение сепаратного мира. Радости сотрудников Керенского не было предела, пока они не нашли ответ. Николай поручил кому-то *по-французски* сообщить Вильгельму, что глава России не желает отвечать на его письма. Об этом факте следователю Соколову рассказал сам Керенский. И не просто рассказал, а еще

¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 235.

² Там же. С. 236.

и добавил: «В результате работы Комиссии в этом направлении (по вопросу о наличии в действиях Государя и Государыни признаков “измены”) мне было доложено, что в действиях Николая II и Александры Федоровны Комиссия не нашла этого преступления. Об этом я тогда же докладывал и Временному Правительству».¹

Фактов переговоров по инициативе России нет, нет даже фактов консультаций. Историки располагают лишь предложениями из Германии и отрицательными ответами главы России. Но если быть честными до конца, то во второй половине 1916 года ситуация смотрелась несколько по-другому и давала повод для подозрений. После некоторых перестановок внутри русской власти 20 января (02.02) 1916 года председателем Совета министров России был назначен Борис Владимирович Штюрмер, а с марта по июль того же года он одновременно назначается министром внутренних дел, а с июля по ноябрь — министром иностранных дел. Чтобы кресло главы МИДа освободилось, в отставку отправляется Сазонов, последовательный проводник политики дружбы с Антантой любой ценой.

Англичане не должны позволить выйти России из войны. Даже если вероятность мирных контактов нового русского премьера с германцами равна одной тысячной процента, ее нужно задушить в самом зародыше. Ведь именно война приведет к Февралю, Октябрю и крушению Российской империи. Вместе с ней рухнут в пыль и ее противники — монархии Германии и Австро-Венгрии. Мирных переговоров допустить нельзя. Неслучайно *первым настоящим* официальным документом Антанты стала подписанная в сентябре 1914 года декларация о незаключении Россией, Францией и Англией сепаратного мира с немцами...

Цели и интересы англичан понятны. Другой вопрос, а искал ли Штюрмер, усаженный в премьерское кресло при определенной помощи Распутина, этого самого сепаратного мира?

«Положение Б. В. Штюрмера оказалось трагическим благодаря клевете, которая была против него направлена с первых же

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи; http://www.hrono.ru/libris/lib_s/ubi07.html

дней, — пишет генерал Курлов. — Его немецкая фамилия, во время войны с Германией, дала возможность избрать его мишенью яростных нападений, за которыми скрывались посягательства на авторитет царствующей династии. В думских речах он выступался как видный член германофильской партии, будто бы возглавляемой Императрицей, и как сторонник сепаратного мира с Германией. Нельзя обвинить Б. В. Штюрмера за его мнение, *что война с Германией была величайшим несчастьем для России и что она не имела за собой никаких серьезных политических оснований*».¹

Тот, кто внимательно изучит историю возникновения Первой мировой войны, тот, кто внимательно проследит всю виртуозную дипломатическую комбинацию Великобритании, приведшую к страшной бойне, тот согласится, что воевать русским и немцам было незачем.² Однако именно *мнение* премьера Штюрмера зачастую используется недобросовестными историками как доказательство его *действий*. Ведь фактов его переговоров с немцами нет, вот тогда-то реальные факты подменяются на неосторожные высказывания.

«Последний царский министр внутренних дел Протопопов, накануне своего вступления в правительство, вел в Стокгольме переговоры с немецким дипломатом и докладывал о них царю», — можем мы прочесть в мемуарах Льва Давыдовича Троцкого.³ То же самое, уже без ссылки на автора, пишут современные исследователи. Так может быть, Троцкому и его последователям удалось найти факты переговоров Штюрмера, Распутина или кого угодно с германским правительством?

Сенсацию троцкистские историки делают из воздуха, поскольку само «происшествие» было буднично и неинтересно. Ничего нового, кроме очередного проявления германского желания за-

¹ Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 154.

² Все подробности организации англичанами этой страшной войны в конце этой книги — «Кто организовал Первую мировую?».

³ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/1-5.html>

ключить мир, оно в мировую политику не привнесло. К Протопопову, еще даже не входящему в правительство, находившемуся в нейтральной Швеции, пришел советник немецкого посольства Варбург. «...Разговор носил чисто общий характер и А. Д. Протопоповым были записаны и вопросы и ответы, ...а тема о возможности сепаратного мира не была вовсе затронута», — указывает в своих мемуарах суть происшествия генерал Курлов. И пишет далее: «О сепаратном мире Б. В. Штюмер, как умный человек, не мог, конечно, и думать, хорошо зная рыцарские взгляды в этом отношении Государя Императора».¹

Но может быть, русского премьера с немецкой фамилией просто выгораживают его единомышленники? Открываем «Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.» немецкого генерала Эриха Людендорфа: «О сколько-нибудь конкретной возможности вступить со Штюмером в какие-либо сношения не было и речи, точно так же, как и о самых отдаленных попытках последнего. В возможность мира с Россией никто не верил».² Значит, ни царь, ни его супруга, ни самый «подозрительный» премьер переговоров не вели и вести не могли. Но их политические противники кричали об этом на каждом углу! Не имея никаких доказательств, кроме:

- ◆ немецкой фамилии премьера — Штюмер;
- ◆ отставки министра иностранных дел Сазонова, горячего сторонника Антанты.

Более доказательств нет. Зыбка доказательная база. Тут-то и нужен загадочный и таинственный Распутин, который своей демонической личностью и скрепит эти слабенькие факты. Убийство Распутина всегда представляется в современной историографии как акт, направленный на предотвращение выхода России из войны, как срыв заключения сепаратного мира. Однако фактов закулисных переговоров правительств России

¹ Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 154.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Минск: Харвест, 2005. С. 352.

и Германии во время войны нет. «Никаких доказательств связи распутинцев с германским штабом не было обнаружено и после (Февральского. — Н. С.) переворота»,¹ — об этом напишет даже Троцкий. А ведь у него после следующего переворота, Октябрьского, была возможность искать такие документы сколь угодно долго. Значит, причина убийства другая. А тиражируемая историками версия — ложный след!

Распутина убили не за потенциальные переговоры с немцами, а в рамках финальной подготовки Февральского переворота, когда царь под давлением «общественности» должен был отречься от престола.

Без отречения Николая II весь план Февраля лопался, как мыльный пузырь. И иголкой здесь был именно Распутин. Будь он жив в феврале-марте 1917-го, он ни за что бы не допустил в голову Николая II мысль об отречении, помог бы ему выдержать страшное давление думской делегации, плохих новостей и предательства ближайшего окружения. Уже за одно это его следовало убить. И 3 марта 1917 года, в момент рокового решения царя, набальзамированный Распутин будет лежать в могиле. А 10 марта он, уже мертвый, попадет на костер у Политехнического института...

Даже гипотетическая возможность установления связей России и Германии настолько напугала британское руководство, что они решили действовать без промедления. Удар по потенциальному миру было решено нанести с двух сторон. Планировалось осуществить «утечку» информации с думской трибуны и таким образом скомпрометировать возможные переговоры в глазах общественности, а заодно и замазать «прогерманское» правительство Штюрмера. Вместе с ним грязью обливалась императрица Александра Федоровна. Слухи о том, что «немецкая» императрица выдает германцам все русские секреты, должны были быть озвучены с высокой думской трибуны. Немку по национальности, Александру Федоровну планировалось выставить в роли самой главной предательницы. Ведь являясь принцессой

¹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/1-5.html>

Гессен-Дармштадтской, она приходилась кузиной германскому императору. Тот факт, что русская царица была еще и внучкой английской королевы Виктории и двоюродной сестрой правящего английского короля Георга, замалчивался и нигде не упоминался. В результате тень подозрения падала и на самого Николая II. С другой стороны удар было необходимо нанести по фигуре, чья роль в стремительно развивающихся событиях была ключевой, — по Распутину. Убийство самого опасного противника и компрометация всех остальных — вот тактика «союзников» в разворачивающихся событиях.

Роль думского рупора досталась лидеру кадетов Павлу Николаевичу Милюкову. Именно он в своей речи на заседании Государственной думы 1 (14) ноября 1916 года бросил в русское общество фразу, ставшую знаменитой: «Что это: глупость или измена?» Выступление Милюкова блестяще.¹ Разоблачая «предателей и изменников», то есть тех, кто хотел спасти страну путем заключения мира с Германией, он настолько здорово добился поставленной цели, что правительство Штюрмера уже 10 (23) ноября было отправлено в отставку.

А тем не менее никаких доказательств в своей речи лидер кадетов не предъявил. Выступление Милюкова — классический образец манипуляции человеческим сознанием. Он столько раз за вечер повторит «Что это: глупость или измена?», что к концу речи в факте измены сомнений у слушателей не останется. Обильное цитирование немецкой прессы придает речам главы кадетов убедительность. Слушая его, депутаты не думают о том, что *публикация в целях свержения неугодного русского правительства в любой газете Европы проблемы не составит*. На кону ведь власть над миром...

Тем временем министр внутренних дел Протопопов, тот самый, что вел «переговоры», записывая германские вопросы, докладывает Николаю II о вещах куда более реальных. А именно

¹ И хотелось бы мне эту речь Милюкова полностью опубликовать, да уж больно она объемиста. Попадет к вам в руки — обязательно ее прочитайте. Не было в русской Государственной думе более вредоносного выступления...

о постоянном общении английского посла Бьюкенена с основными деятелями «прогрессивного» думского блока. Сомнений, откуда дует ветер милюковских речей, у него нет. Протопопов предлагает установить наблюдение за британским посольством. Николай II этот шаг не одобряет. Следить за послом союзной державы он находит «не соответствующим международным традициям»¹...

Итак, мы подошли к самому главному. Злодейство свершилось в ночь на 17 (30) декабря 1916 года. Распутин заманили во дворец Феликса Юсупова под благовидным предлогом, чтобы он посмотрел страдавшую каким-то недугом жену Юсупова Ирину. Далее в изложении убийц их намерения выглядели следующим образом: старца планировалось убить с помощью яда, которым было отравлено предлагаемое Распутину угощение. Однако яд непонятно почему не подействовал. Вообще в мемуарах Феликса вся картина убийства представляется прямо как готический фильм ужасов, когда умерший злодей несколько раз оживает. Первое «оживление» Распутина — это спокойное поглощение им отравленных пирожных. Юсупову приходится стрелять. Только куда он стреляет, князь в мемуарах не пишет: «Куда выстрелить, — мелькнуло у меня в голове, — в висок или в сердце? Словно молния пробежала по всему моему телу. Я выстрелил».² Чуть ниже он добавляет: «Мы осмотрели рану: пуля прошла на вылет в области сердца».

Значит, стрелял в грудь, то же самое пишет и Пуришкевич, говоря, что «пуля попала Распутину в грудь».

И тут Распутин оживает во второй раз! Зачем нужно было все это придумывать? Потому что рассказ убийц так же далек от правды, как и голливудские боевики. Отчего бы тогда не сочинить что-то леденящее кровь?

Феликс Юсупов: «Вдруг меня охватила непонятная тревога, я бросился вниз. Распутин лежал на том же месте, где мы его

¹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/1-5.html>

² Юсупов Ф. Конец Распутина. М.: Отечество, 1990; http://bookz.ru/authors/knaz_-feliks-usupov/feliksusp01/page-4-feliksusp01.html

оставили. Я пощупал пульс и не услышал ни малейшего биения. Да, действительно он мертв. *Сам не знаю почему*, я вдруг схватил труп обеими руками и встряхнул его».¹

От этой встряски умерший Распутин, согласно Юсупову, очнулся и набросился на него. А потом бросился бежать!

Владимир Митрофанович Пуришкевич: «...вдруг снизу раздался дикий, нечеловеческий крик, показавшийся мне криком Юсупова: “Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив! он убегает!”»²

Мертвый Распутин, чью смерть уже зафиксировал доктор Лазаверт, — убегает.

Феликс Юсупов: «Ползя на животе и на коленях, хрипя и рыча, как дикий зверь, Распутин быстро взбирался по ступеням. Весь подобравшись, он сделал прыжок и очутился возле потайной двери, ведущей во двор. Зная, что дверь заперта, я остановился на верхней площадке. Каково же было мое изумление и мой ужас, когда дверь отворилась, и Распутин исчез в темноте!»³

Владимир Митрофанович Пуришкевич: «Медлить было нельзя ни одно мгновение, и я, не растерявшись, выхватил из кармана мой “соваж”, поставил его на “огонь” и бегом спустился по лестнице... Григорий Распутин, которого я полчаса тому назад созерцал при последнем издыхании, лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль железной решетки, выходившей на улицу... Я бросился за ним вдогонку и выстрелил. В ночной тиши чрезвычайно громкий звук моего револьвера пронесся в воздухе — промах! Распутин надал ходу; я выстрелил вторично на бегу — и... опять промахнулся. Не могу передать того чувства бешенства, которое я испытал против самого себя в эту минуту. Стрелок более чем приличный, практиковавшийся в тире на Семеновском

¹ Юсупов Ф. Конец Распутина. М.: Отечество, 1990; http://bookz.ru/authors/knaz_-feliks-usupov/feliksusp01/page-4-feliksusp01.html

² Пуришкевич В. Дневник (Смерть Распутина) / Житие блудного старца Гришки Распутина. М., 1990; http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/smert_rasput.html

³ Юсупов Ф. Конец Распутина. М.: Отечество, 1990.

плацу беспрестанно и попадавший в небольшие мишени, я оказался сегодня неспособным уложить человека в 20 шагах. Мгновения шли... Распутин подбегал уже к воротам, тогда я остановился, изо всех сил укусил себя за кисть левой руки, чтобы заставить себя сосредоточиться, и выстрелом (в третий раз) *попал ему в спину*. Он остановился, тогда я, уже тщательнее прицелившись, стоя на том же месте, дал четвертый выстрел, *попавший ему, кажется, в голову*, ибо он снопом упал ничком в снег и задергал головой. Я подбежал к нему и изо всей силы ударил его ногой в висок. Он лежал с далеко вытянутыми вперед руками, скребя снег и будто бы желая ползти вперед на брюхе; но продвигаться он уже не мог и только лязгал и скрежетал зубами».¹

Затем заговорщики сбросили тело Распутина с моста в прорубь на Малой Невке. По существующей легенде, он был жив еще в воде и даже сумел развязать опутанные руки. Это третье «воскрешение» святого старца...

Вот теперь давайте сосредоточимся. Судя по воспоминаниям убийц, в теле Распутина должно быть три пулевых ранения:

1. В сердце, то есть в грудь, выстрелил Юсупов.
2. В спину попал Пуришкевич.
3. Пуришкевич издадала попал в голову. Стрелял депутат сзади, следовательно, можно предположить, что попал в затылок или в шею.

Следовательно, на трупе Распутина должно быть ТРИ пулевых отверстия, от ДВУХ видов огнестрельного оружия. По факту убийства Распутина было возбуждено уголовное дело. Следователями были проведены все необходимые действия, в том числе и вскрытие. Вот оно-то и показало удивительные, прямо невероятные несовпадения с версией, изложенной убийцами в своих мемуарах. Слово доктору Косоротову, проводившему это самое вскрытие:

«Вся правая сторона головы была раздроблена и сплющена вследствие ушиба трупа при падении с моста. Смерть последовала от обильного кровотечения вследствие огнестрельной раны

¹ Пуришкевич В. Дневник (Смерть Распутина) / Житие блудного старца Гришки Распутина. М., 1990; http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/smert_rasput.html

в живот. Выстрел произведен был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней в правой половине. Кровотечение было весьма обильным. На трупе имелась также огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки, и еще рана в упор, в лоб (вероятно, уже умиравшему или умершему). Грудные органы были целы и исследовались поверхностно; но никаких следов смерти от утопления не было. Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мертвым».¹

Очень «забывчивые» убийцы оказались у Григория Ефимова. Почти ничего из их рассказов вскрытие не подтвердило. Наоборот, оно полностью опровергло версию гибели Распутина, так тщательно повторенную и Пуришкевичем, и Юсуповым! Нестыковок очень много:

- ◆ Выстрел Феликса Юсупова в сердце, убивший Распутина «в первый раз», оказался попаданием в живот.
- ◆ Огнестрельная рана в спину, вызванная выстрелом Пуришкевича, подтвердилась.
- ◆ Его же попадание в голову Распутина издалека, по материалам вскрытия, оказалось **ВЫСТРЕЛОМ В ЛОБ, В УПОР!**
- ◆ Смерть Распутина вызвана не утоплением, а большой кровопотерей и контрольным выстрелом в голову. В воду Распутин попал уже мертвым.

Последний нюанс важен вот с какой стороны. Сразу после гибели старца пошли разговоры о возможности его канонизации. Так вот, по канонам православной церкви утопленник не может быть признан святым. Поэтому и понадобилась ложь об очередном воскрешении Распутина, уже подо льдом, в воде.

Можно поверить, что Феликс и Пуришкевич так спешили и волновались, что могли вновь толком не удостовериться в смерти Распутина. Но как же убийцы могли не запомнить и забыть о выстреле в лоб? Стрелять с расстояния и стрелять в упор — это совсем не одно и то же! Перепутать это невозможно.

¹ Платонов О. А. Пролог царевубийства. М., 2001. С. 307–308.

Труп Распутина. На лбу пулевое отверстие, о котором «забыли» его убийцы

А путаниками оказываются и Пуришкевич, и Юсупов. Почему? ***Потому что они тщательно скрывали истинный порядок убийства Распутина.*** Если рассказывать все как было, на поверхность всплывала личность настоящего убийцы. Именно он контрольным выстрелом в лоб, в упор, поставил точку в декабрьской трагедии. Жестко, без опереточных криков и голливудских воскрешений. Твердой рукой вогнал пулю в лоб Распутину и первый гвоздь в гроб русской империи. Именно он и был организатором этого преступления. Этот человек подчинил своей идее и внушил необходимость убийства Распутина всем неуравновешенным исполнителям собственной воли. С радостью, отдав им славу Герострата, позволив писать в своих мемуарах все, что угодно. С одной оговоркой: не писать правды...

Но правда всегда становится известной, рано или поздно, но всегда, как бы ее ни пытались скрыть. Правда об убийстве Распутина появилась лишь спустя 88 лет, в конце сентября 2004 года. И все встало на свои места. Разом объяснились все загадки, все недоразумения. Стало понятно, почему позже грустил в эми-

грации великий князь Дмитрий Павлович. Почему выдумывали самые удивительные вещи Феликс Юсупов и Пуришкевич. Стало понятно, почему морозной ночью 10 (23) марта 1917 года тело Распутина надо было непременно сжечь, уничтожить. Так, чтобы от него ничего не осталось, чтобы было невозможно провести эксгумацию трупа.

Потому что контрольным выстрелом в лоб Григорий Распутин был убит агентом британской разведки Освальдом Рейнером.

Именно его имя скрывали Юсупов, Романов и Пуришкевич, ставшие слепым орудием в руках английской секретной службы. 1 октября 2004 года по английскому телеканалу BBC 2 в программе «Timewatch» прошел фильм, посвященный убийству Распутина. Отставной сотрудник Скотланд-ярда Ричард Каллен и историк Эндрю Кук на основе фотографий трупа, актов вскрытия, документов и мемуаров той поры достоверно восстановили картину убийства. И когда они это сделали, сразу стало ясно, что существующая версия убийства Григория Распутина намеренно сфальсифицирована. Да, Юсупов и Пуришкевич оба стреляли в Распутина. Однако именно английский агент произвел третий, контрольный выстрел в лоб Григорию Распутину.

Освальд Рейнер, фигура в этом деле отнюдь не новая: он неоднократно упоминается в мемуарах Феликса Юсупова. На следующий день после убийства, пишет князь, он обедал с Рейнером, который «знал о заговоре и пришел узнать новости». Да и сами мемуары Юсупова, опубликованные в 1927 году, были написаны в сотрудничестве с Рейнером. Если вы посмотрите на титульный лист, то увидите, что на английский перевел их... Рейнер. Таким образом, соавтором «правдивых» мемуаров Феликса Юсупова была сама английская разведка. Стоит ли тогда удивляться «странным» несовпадениям и удивительной забывчивости князя? Рейнеру и его руководителям правда была совсем ни к чему. Ведь он был лейтенантом британской разведки, «Сикрит Интеллидженс бюро», как она тогда называлась. Сейчас эта служба известна как МИ-6. В ней состоял легендарный Джеймс Бонд. Его коллеги начала XX века тоже занимались весьма грязными делами.

Освальд Рейнер прибыл в Россию в 1915 году, а в 1918-м отбыл на родину с чувством выполненного долга. После своего русского успеха он работал в бюро британской разведки в Швеции и Японии. В 1922 году он снова появляется в России, в Москве в составе британской торговой миссии. Под этим прикрытием он продолжал работать на благо британской короны. В 1920-е и 1930-е годы он работал в европейских странах, во время Второй мировой войны служил в Канаде, а затем — в Испании в качестве офицера связи между британской и испанской разведками. Кроме него, по информации авторов фильма, причастными к убийству были старшие офицеры английской спецслужбы: капитаны Джон Скейл и Стивен Алли. Именно они и спланировали убийство, а лейтенант Освальд Рейнер реализовал этот план с помощью своего русского друга князя Юсупова. Оказывается, гомосексуалист и транссвестит Феликс Юсупов был очень «близок» с тремя офицерами из английской разведки. Степень этой близости спустя столько лет достоверно выяснить сложно. Известно, что Рейнер учился вместе с Юсуповым в Оксфордском университете, и там они стали друзьями. Капитан Алли родился в Юсуповском дворце в Москве в 1876 году — его отец был близким другом отца Феликса. Он был одним из британских инженеров, строивших первую российскую железную дорогу между Петербургом и Москвой и по совместительству — шпионом. Что же касается капитана Скейла, то он находился в России с 1912 года и также был другом семьи Юсуповых и резидентом британской спецслужбы. Позднее, уже в эмиграции, познакомилась с Феликсом и дочь Джона Скейла. Таким образом, молодой князь Юсупов был дружен сразу с тремя офицерами британской разведки! Им оставалось лишь вложить в его красивую голову нужную мысль...

Британский агент
Освальд Рейнер,
убийца Распутина

Откуда же доблестные англичане, спустя столько лет, узнали о старой операции своих собственных спецслужб? Совершенно

случайно. Собирая материалы про другого рыцаря английской королевы, Сиднея Рейли (о нем мы подробно поговорим чуть позже), Эндрю Кук брал интервью у 91-летней дочери Джона Скейла, которая живет в Шотландии. Она показала ему множество других документов, которые свидетельствовали о том, что ее отец был не только осведомлен, но и причастен к устранению Распутина. Среди документов находился и список агентов в Петрограде, где фигурировало имя Рейнера. Заинтересовавшись этим, британский историк разыскал племянника Освальда Рейнера. Тот рассказал, что его дядя перед своей смертью поведал о том, что был во дворце Юсупова в ночь убийства. У него также имелось кольцо, сделанное из пули, которую, по его словам, выпустили в Распутина. Это было еще одним подтверждением участия Рейнера в заговоре. Дочь Скейла и племянник Рейнера жили в разных концах Великобритании и даже не знали о существовании друг друга. Однако рассказы их совпали в мельчайших деталях. После этого Ричард Каллен и Эндрю Кук поняли, что им удалось раскрыть многолетнюю тайну британской спецслужбы.

В начале 2004 года они провели несколько недель в Петербурге, чтобы на месте досконально изучить обстоятельств убийства Распутина. Кален, будучи криминалистом, сосредоточился на официальных медицинских документах о смерти Распутина и посмертных фотографиях тела и места преступления. В этом ему помогал известный санкт-петербургский судмедэксперт Владимир Жаров, который десять лет назад предпринял собственное расследование преступления, но так и не смог его обнародовать.

Изучение фотографий трупа Распутина и результаты баллистической экспертизы показали, что три пулевых отверстия разного размера были сделаны тремя разными пулями, выпущенными *из трех разных видов оружия*. Пулевое отверстие в центре лба, которое хорошо видно на посмертных фотографиях, было сделано в упор. Это дало повод заключить, что существовал третий убийца, и им был не кто иной, как Освальд Рейнер, который находился во дворце и руководил операцией по устранению Распутина.

Менялось и все представление о том, как в действительности произошло убийство. Попытавшись отравить Распутина и увидев, что яд не действует, Юсупов выстрелил в старца. Распутин

упал и потерял сознание, но взволнованный Феликс Юсупов посчитал его мертвым. Ключ к дальнейшему «оживлению» Распутина дает сам князь в своих мемуарах. Вдруг его охватывает непонятная тревога, и он возвращается в подвальную комнату, где лежит убитый. «Сам не знаю почему, я вдруг схватил труп обеими руками и встряхнул его», — пишет Феликс Юсупов. Странное желание имеет вполне рациональное объяснение. Вся таинственность и мистичность распутинского убийства просто прикрывает факты, которые надо скрыть. Так и с непонятным желанием Феликса потрясти убитого Распутина. Через дверь, ведущую во двор, Юсупов впускает в дом английского разведчика, чтобы он для отчетности сделал фотографические снимки убитого старца. Поэтому Распутина и поднимают, и крутят. Эту пачку фотографий позднее найдет полиция.¹ Но вот фотосессия закончена, и англичанин уходит тем же путем, что и пришел. Из всех заговорщиков его видит только Феликс Юсупов.

От встряски Распутин приходит в сознание. Он понимает, что единственный его шанс на спасение — бегство. Юсупов возвращается в комнату, и тут происходит «оживление» старца. Он откидывает остолебеневшего князя и бросается наутек. Дверь, через которую ушел Освальд Райнер, *никто не закрыл*. Именно через нее Распутин бросается на улицу. «Зная, что дверь заперта, я остановился на верхней площадке, — вспоминает князь. — Каково же было мое изумление и мой ужас, когда дверь отворилась, и Распутин исчез в темноте!» Об этом же моменте пишет и Пуришкевич: «...послышались чьи-то шаги уже внизу у самой лестницы, затем до меня долетел звук открывающейся в столовую, где лежал Распутин».²

Тут раздается крик Юсупова, и Пуришкевич бросается вслед за убегающим Распутиным. Затем стреляет, попадая старцу в спину. Распутин падает и пытается из последних сил уползти от убийц.

¹ Шишкин О. Распутин. История преступления. М.: Эксмо-Яуза, 2004. С. 297.

² Пуришкевич В. Дневник (Смерть Распутина) / Житие блудного старца Гришки Распутина. М., 1990; http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/smert_rasput.html

В этот момент не успевший далеко уйти англичанин бросается к упавшему старцу и делает тот самый контрольный выстрел в лоб. На фотографиях, сделанных следователями того времени из окон дворца, видно, что через двор тянется длинная кровавая полоса, оканчивающаяся лужей крови у того места, где был припаркован автомобиль. Именно здесь Распутин и убил Освальд Рейнер.

Далее Распутин грузят в машину, увозят и выбрасывают тело в прорубь. Во дворе остается широкая кровавая полоса. Напротив Юсуповского дворца — полицейский участок. Городовой, привлеченный выстрелами, спешит узнать у князя, что же случилось. Чтобы объяснить кровь и выстрелы, Юсупов убивает свою собаку и говорит полицейскому, что она набросилась на его гостей и ее пришлось убить. Отсюда и выстрелы. Уже позднее, когда его будут спрашивать, не мучила ли его совесть от участия в убийстве, Феликс будет отвечать: «Нет, я ведь убил собаку!» И загадочно улыбаться, произнося эти слова. Окружающие будут поражены, думая, что «собакой» князь называет ненавистного ему Распутин. На самом деле — перед нами мрачный образец юсуповского юмора. Феликс говорит чистую правду, он пристрелил лишь несчастное животное. Распутин убил английский шпион...

Показательно поведение английского посла Джорджа Бьюкенена. На приеме в честь Нового года он заговорил с русским императором: «...Поскольку я слышал, что его величество подозревает молодого англичанина, школьного друга князя Феликса Юсупова, в соучастии в убийстве Распутин, я воспользовался случаем убедить его, что такие подозрения абсолютно беспочвенны».¹

Вдумаемся: официальный представитель Великобритании пытается, основываясь на слухах, убедить Николая, что не английская пуля попала Распутину в лоб! Делая этот шаг, Бьюкенен выдает себя с головой. Когда еще посол делает заявления, пользуясь выражением «я слышал». Ведь это не просто англичанин говорит с российским самодержцем, это говорит представитель британского монарха. Мало ли какие слухи ходят по русской столице, посол не может, не имеет права на них реагировать. А вот для нас заявление Бьюкенена несет массу информации:

¹ Бьюкенен Д. Моя миссия в России. М.: Центрполиграф, 2006. С. 238.

- ◆ раз посол убеждает, что англичанин невиновен в убийстве, значит, точно знает, о **ком** идет речь;
- ◆ раз убеждает, что именно этот англичанин не убивал Распутина, значит, точно знает, **кто** убил Григория Ефимовича.

Вывод отсюда простой: такая поразительная осведомленность британского посланника демонстрирует нам крайнюю заинтересованность англичан. Заинтересованность в смерти Распутина и сокрытии британского следа в этом деле...

Николай II внимательно выслушал посла. Он очень хотел покарать убийц. Но не успел. Расследование не дошло до конца — царь отрекся, а новая власть, чьи корни глубоко уходили в заговор антантовских разведок, тут же поспешила замести следы. Вместо расследования зверского убийства Распутина началось совсем другое следствие. Сразу же после отречения царя начинает работать та самая следственная комиссия Временного правительства. Отрицать клевету мертвый Распутин уже не мог, а потому для дальнейшей компрометации царской семьи он снова был наилучшей кандидатурой. Однако слухи о многих миллионах рублей, которые якобы заработал старец на своей близости к царской семье, не подтвердились никогда и никем, так и оставшись пустой болтовней. Слухи о разврате романовского фаворита также не получили документального подтверждения. Комиссия Временного правительства через газету предложила откликнуться женщинам, которых он совратил. Никто не появился.

Для нас не так уж важно, был ли Распутин чертом в рубище или ангелом во плоти. Главное, что в определенный период русской истории именно он стоял на пути «союзников», ведущих Россию к гибели! И потому был ими убит. Феликса Юсупова его британские друзья привлекают разговорами о предотвращении сепаратного мира и революции, которая вспыхнет вслед за этим. Она сметет монархию. Она сметет всех. Убийство Распутина — это спасение страны. Так говорят британцы, так думают заговорщики. Это — правда, все так и будет, как предсказывает неуравновешенному Юсупову британский агент Освальд Рейнер. *Он не говорит главного: убийство Распутина не предотвратит революцию, а станет ее началом!*

Пора было уже свергать монарха и двигаться дальше к запланированному крушению Российской империи. На жестких сиденьях Думы уже засиделся от безделья Александр Федорович Керенский. По узким улочкам Цюриха прогуливался Владимир Ильич Ленин. Все они жаждали действия, рвались вперед. Дорогу всем им должен открыть Николай Романов своим отречением. А дорогу к отречению открывала смерть Григория Распутина...

Были ли Юсупов и кто-либо еще из убийц британскими агентами? Вероятнее всего, нет. Но есть множество фактов жизни убийц Распутина, где так или иначе английская линия пересекается с линией их судьбы. О многочисленных друзьях-любовниках Феликса Юсупова мы уже упоминали. Есть британский след и в жизни великого князя Дмитрия Павловича. В своем дворце в самом центре Петербурга, на пересечении Фонтанки и Невского (ныне дворец Белосельских-Белозерских), он позволил открыть *англо-русский* госпиталь на 200 коек. Русские солдаты, десятками тысяч погибавшие в атаках, теперь могли спокойно залечить свои раны *на двухстах коечках*, оплаченных британцами. Это — «союзный» вклад в общую победу. На открытии этого медицинского заведения присутствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна, посещала его и супруга Николая II вместе с дочерьми.

Этот госпиталь и станет основным местом встреч английских шпионов с Феликсом Юсуповым и Дмитрием Павловичем. Очень удобно — никаких подозрений. На первом этаже живет великий князь, а на втором располагается британский госпиталь. Любой англичанин, не вызывая подозрений, может навестить своих соотечественников-врачей. Да и соотечественники там трудятся весьма непростые: глава госпиталя Сибиλλα Грей, родная сестра главы британского МИДа, там же работает дочь английского посла Бьюкенена.

Да и в дальнейшем, при оценке будущей судьбы убийц Григория Ефимовича, мы можем увидеть интересную закономерность.

Великобритания, а вместе с ней и Временное правительство, а затем и большевики(!) очень благоволили ко всем, кто имел отношение к смерти Распутина.

И наоборот, все, кто пытался предотвратить русскую катастрофу, закончили плохо. Достаточно проследить судьбу основ-

ных персонажей, имевших отношение к «распутинским» делам, и этот странный факт станет абсолютно очевидным. Начнем с несостоявшейся убийцы Распутина Хионии Гусевой, той самой, что пырнула старца кинжалом и не позволила ему предотвратить Первую мировую войну. После покушения на старца ее, разумеется, арестовали. Николай II уже совсем не контролировал свою державу. Власть ускользала из его рук, и это прекрасно видно на примере дела Гусевой. Безусловно, сразу после начала Первой мировой войны царь забыл о ее существовании и на ход расследования не влиял. Это неудивительно. Удивительно другое: о полоумной мешчанке не забыли и силы, заинтересованные в разрушении России. Те, кто вложил кинжал в руку Гусевой одновременно с револьвером Гаврилы Принципа.

3 (16) июля 1915 года Хиония Гусева объявляется ненормальной и освобождается от уголовного преследования! Уже тогда «дурка» была наилучшим способом легального ухода от ответственности. Главная задача Гусевой — переждать, пересидеть беспокойное время, всего пару лет до падения ненавистного царского режима. Понятно, что, пока Николай II у власти, свободы ей не видать. Но она не особенно бедствует и в психушке. Живет в хороших условиях, получает посылки с едой и фруктами. Свободно переписывается со своими поклонниками, считающими ее героиней. Но вот Николай Романов отрекается от престола. И тут же, в начале марта 1917 года, по личному распоряжению Керенского ее выпускают из лечебницы. И не просто выпускают: Гусева амнистирована, за «особые заслуги перед Отечеством» с нее снята вина. Одновременно с этим мы наблюдаем и чудо исцеления. Два года назад Хиония Гусева была объявлена сумасшедшей, но медицинское освидетельствование, сделанное «узнице совести» перед выпиской из лечебницы, говорит, что она совершенно нормальна! Удивляться этому не будем — странное «исцеление» Гусевой не самое большое «чудо», совершенное британской разведкой во время русской революции...

Следствие по делу об убийстве Григория Ефимовича Распутина длилось чуть более двух месяцев и было спешно прекращено 4 (17) марта 1917 года по распоряжению министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского. Посмотрим вокруг.

Мы видим странную картину: Временному правительству совершенно нечем заниматься. В стране не существует ни проблем, ни трудностей. Нет и в помине того хаоса и неразберихи, что верным спутником будет сопровождать Временное правительство на протяжении всей его кипучей деятельности. Видимо, и закончилась уже Первая мировая война. Почему мы так решили? К такому выводу можно прийти, просто изучая распоряжения новой власти в первые дни ее существования. Вспомним хронологию событий:

- ◆ 2 марта 1917 года Николай II отрекается от престола;
- ◆ 3 марта следует отречение его брата Михаила Романова.

Выходит, что 4 марта — первый полноценный рабочий день Временного правительства. Улеглись страсти, напечатаны декларации, отшумели митинги. Пора заниматься государственными делами. В том числе и новому министру юстиции Александру Федоровичу Керенскому. По идее, работы у него должно быть невпроворот: за считанные дни Февраля погибли 1433 человека, разгромлены магазины и государственные учреждения, полицейские участки и тюрьмы. Совершены сотни преступлений — грабежи, убийства, изнасилования. На свободе в мутном потоке февральских дней оказалось множество уголовников.

Что же делает Керенский в свой первый полноценный рабочий день в ранге министра юстиции?

В этот день он отдает два приказа:

1. *Прекратить уголовное дело об убийстве Распутина.*
2. *Найти могилу и достать оттуда гроб с телом старца.*

Вне всякого сомнения, это самые важные задачи, стоящие перед новой властью! Без прекращения уголовного дела об убийстве Распутина новую демократическую Россию не построить! Не достав его из могилы, не преодолеть тяжелый внутриполитический кризис! Вот потому и кажется мне, что нет в стране никаких проблем и нечем было Временному правительству заниматься, если сразу после прихода к власти оно занимается такими пустяками. А может быть, это совсем и не пустяки, раз Александр Федорович Керенский уделяет этому свое драгоценное время?

Его действия могут показаться нам странными. Однако если мы поймем, что расследование убийства Распутина могло вывести на

«союзный» след, на британских шпионов, то поступает Керенский очень логично и правильно: дело надо прекратить. Надо найти и тело Распутина, потому что его труп — самая важная улика. И не просто найти, а уничтожить, ведь во лбу Григория Ефимовича зияет пулевое отверстие. Никаким чудесным образом его появление не объяснишь, вот «союзные» кураторы Керенского и «подсказывают» ему необходимость срочного заметания следов.

Это логично и правильно. Задайте себе вопрос — а *зачем еще может быть нужно выкапывать Распутина из могилы?* Ведь именно так все и произошло: труп Григория Ефимовича достали из могилы, а затем сожгли.

В литературе вы найдете несколько версий, все они трогательно наивны и абсолютно несостоятельны. Условно их можно разделить на две группы: по организаторам поиска тела мертвого Распутина. Согласно гипотезе номер один, некие журналисты или военные по собственной инициативе, будучи сообразительными людьми, вычислили место захоронения благодаря его посещению императрицей. А что делать с могилой Распутина, если вы знаете ее расположение? Это у нас с вами ответ на этот вопрос вызовет легкое замешательство. У активистов новой «демократической» власти ответ простой — раскопать ее. И достать оттуда гроб с телом. Тут резонно спросить, а зачем все это им нужно. На это «распутиноведы» дают несколько объяснений. Первую высказал уполномоченный Временного комитета Государственной думы Филипп Петрович Купчинский, руководивший сожжением тела старца Григория.¹ «Необходимо предотвратить будущее поклонение праху Распутина», — сказал он помогавшим ему студентам Политеха.

Но это полная чушь. Дело в том, что в день похорон цинковый гроб с телом убитого старца был по приказу императрицы увезен

¹ Именно Купчинский, имея мандат, подписанный Керенским, с подручными привез к Политеху труп Распутина, затем вместе со студентами попытался его сжечь в лесу. Речь шла именно об уничтожении, а не о тайном захоронении, как пишут многие авторы. Какие могут быть «похороны» в лесу, в промерзшей земле, без какой-либо подготовки? И зачем Купчинский позвал на помощь студентов, чтобы «копать могилу»? Неужели для того, чтобы было еще больше свидетелей «тайного» захоронения?..

в неизвестном направлении. Общественности объявили, что он будет захоронен в своем родном селе, а на самом деле похороны состоялись в Царском Селе. Императрица желала оставить себе возможность ежедневного посещения могилы дорогого ее сердцу старца Григория. Возникает резонный вопрос: как же «контрреволюционные силы» могут поклоняться мощам Григория Распутина, если захоронение является тайной царской семьи и точного места погребения никто не знает? Наоборот, когда могилу Распутина нашли, вот тогда и пошли об этом слухи, и часовня стала быстро становиться местом паломничества. Получается: мы гроб найдем, скрыть это нам не удастся, пойдут Распутину поклоняться люди. Поэтому... надо его могилу искать! Неубедительный лепет.

Вторая версия вскрытия могилы Распутина еще интереснее. Оказывается, искали могилу действительно специально, по заказу властей. Якобы Керенский считал, что в могиле Распутина спрятаны сокровища, и именно поэтому гроб был поднят из-под земли!¹ Конечно, ничего, кроме иконки, «искатели сокровищ» в гробу не нашли... Опять мы видим совсем неубедительное объяснение поступкам Керенского. Скажу больше — что-либо глупее вообще придумать сложно.

Когда еще до этого в русской истории могилу человека вскрывали по приказу властей не для судебных действий, не для эксгумации и опознания, а для поиска спрятанных сокровищ?

Если следовать этой логике, то надо вскрывать все захоронения без разбора — возможно, там спрятаны тайные клады! Начать можно с мавзолея Ленина, вдруг именно там спрятано пресловутое «золото партии». Причем, вскрыв могилу и ничего не найдя, потревоженный прах хоронить не надо, а необходимо увести его в лес и сжечь без остатка. Ведь поклонники Керенского, подсовывающие нам бездарно сляпанные версии, не удосуживаются объяснить, почему, убедившись, что золота нет, Распутина не похоронили обратно.

Некоторые исследователи в качестве мотивации действий Временного правительства приводят обращение к нему императрицы Александры Федоровны с просьбой предотвратить надругатель-

¹ Конец Распутина // Комсомольская правда. 2002. 26 дек.

ство над телом близкого ей человека. И Керенский, добрая душа, тогда и отдал приказ найти могилу Распутина. Развенчать это утверждение особого труда не составляет. Обращение бывшей русской царицы действительно было, но его смысл был совершенно другой. Опасаясь возможного надругательства, она просит Керенского это предотвратить, то есть либо охранять место упокоения, что в новых условиях невозможно, либо перезахоронить его тайно в тихом месте. Пусть и спит там спокойно мужик, неоднократно спасавший жизнь ее единственного сына. Для этого она выдала Керенскому и само место погребения. Естественно, что Александра Федоровна никогда не могла попросить сжечь тело своего «друга». Любой нормальный руководитель страны на месте Керенского выполнил бы ее просьбу. Керенский же *лично* отдал приказ надругаться над останками «старца». Почему же он так сделал?

Потому что его тело — главная улика, обвиняющая «союзные» спецслужбы, должно было быть немедленно уничтожено. Такое внимание Александра Федоровича Керенского к делу Распутина помогает нам выяснить, кто же выстрелил в лоб старца Григория. А точнее — кто этого не делал.¹ Великого князя Дмитрия Павловича Романова можно смело исключить из списка стрелков в упор. Он Распутина не добивал, он вообще в него не стрелял. Иначе зачем демократу Керенскому замечать следы убийства, которое совершил член династии?

Могила Распутина была найдена в Царском Селе. Подняв из места захоронения гроб, его заколачивают в деревянный футляр от рояля и прячут в придворных конюшнях на Конюшенной площади. Далее в дело вступает «уполномоченный Временного комитета Государственной думы Купчинский Филипп Петрович»...

А это тоже человек непростой. В истории России фамилия Купчинский впервые упомянута во время осады Порт-Артура

¹ Эдвард Радзинский в своей книге о Распутине называет его убийцей именно великого князя Дмитрия Павловича. А путаницу в показаниях Пуришкевича и Юсупова объясняет их желанием «прикрыть» его. О действиях Керенского, которые явно говорят о несостоятельности такой версии, уважаемый драматург не упишет. То ли не знает, то ли правда не так красива и эффектна и потому для книг Радзинского не подходит.

японцами. Во время Русско-японской войны будущий комиссар Временного правительства был военным корреспондентом газеты «Русь». Генерал-лейтенант Стессель, командовавший русскими войсками, оставил любопытные воспоминания о том, как сильно сей доблестный журналист постарался, чтобы сдаться противнику в плен. «Купчинский начал немедленно рассказывать японцам все, что знал о Порт-Артуре, несмотря на то, что его никто и не расспрашивал об этом. Тот же Купчинский, когда был в Японии в плену, вращаясь в кругу пленных офицеров, которые его еще не знали, был посвящен несколькими нашими офицерами в план бегства, которое они хотели устроить. Во главе заговорщиков был поручик Святополк-Мирский. Купчинский выдал заговорщиков японцам. Все офицеры были арестованы, а некоторые, как, например, Святополк-Мирский, подверглись даже истязаниям, а Купчинский едва ли не в знак признательности к нему японцев был отпущен из плена, но предварительно избит до беспамятства нашими офицерами за свое шпионство».¹

Снова мы видим «удивительные» совпадения. Господин Купчинский ведет себя как предатель. Это — если очень мягко сказать. Если же посмотреть правде в глаза, то его поведение очень похоже на действия шпиона. Такие же мысли пришли в голову и русской контрразведке, поэтому в 1909 году репортер был арестован охранным отделением по обвинению в разглашении государственной тайны. Но проведя всего лишь несколько месяцев в тюрьме, вышел на свободу. Именно этот сомнительный человек получает ответственное задание по уничтожению трупа Распутина. Не на высоте была кадровая политика? Нет, в отделе кадров царил полный порядок. В отделе кадров британских спецслужб. Поэтому Александр Федорович Керенский и поручает щекотливое дело такому же, как и он сам, ставленнику и марионетке. Шпиону и предателю.

Купчинский с честью выполнил задание — прах Распутина был развеян по ветру. После этого и следы нашего героя теряются в бурях Гражданской войны. Мне удалось обнаружить его фамилию лишь на агитационных плакатах Вооруженных сил Юга России, то есть белой армии под командованием Деникина.

¹ Русско-японская война: Взгляд побежденных. М.: АСТ, 2005. С. 745–746.

Отдел агитации и пропаганды назывался ОСВАГ. Видимо, там Филипп Петрович Купчинский, поэт и публицист, с честью выполнял новое задание своих хозяев — «беззаветно служа» белому делу, ни в коем случае не допускать его торжества в Гражданской войне. Боролся с красными до последнего белогвардейца! Эта задача, как нам известно, с честью была «купчинскими» выполнена — белые проиграли. Это неудивительно, это закономерно, если у генерала Деникина были такие «пропагандисты».

...После смерти Распутина события развивались с бешеной скоростью. *Не пройдет и года* после контрольного «союзного» выстрела в лоб старца, как в Смольном будут заседать уже Ленин и Троцкий.

Менялись власти в революционной России, но для убийц Распутина, тех, кто объективно помог нажать на спусковой крючок русской революции, все складывалось одинаково хорошо. И наоборот, пытавшиеся им помешать, спасти страну, почти все погибли или серьезно пострадали.

Уволенный в отставку премьер-министр **Борис Владимирович Штюрмер** на свободе проходил недолго. Временное правительство, руководимое и направляемое британской и французской разведкой, не простило ему немецкой фамилии и даже гипотетических сепаратных переговоров с Германией. Те, кто критиковал Штюрмера с думской скамьи, при новой власти получили возможность засадить его в Петропавловскую крепость, где он допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Живым он из крепости не вышел, так и не представ перед судом и став одной из первых жертв новой «демократической» русской власти. После смерти Штюрмера его вдова потребовала от Временного правительства провести расследование и либо оправдать честное имя мужа, либо вынести приговор. Ответ она получила закономерный: *«Дело Б. В. Штюрмера прекращено за полным отсутствием против него каких бы то ни было улик»*. Иначе говоря — никаких доказательств предательской деятельности не обнаружено. А современные историки все пишут и пишут о сепаратных переговорах под руководством Штюрмера и Распутина. До сих пор выгодно фальсифицировать историю и скрывать правду...

Последний царский министр внутренних дел **Александр Дмитриевич Протопопов**, получивший от Распутина кличку «Калинин», также пал жертвой своих стокольмских «переговоров» с немцами и близости к святому старцу. На русской политической сцене он вместе с Керенским и Лениным «представлял» симбирское землячество. Однако земляки ему не помогли: сначала Временное правительство заключило его в Петропавловку. Затем, чтобы опорочить царского министра, «февралисты» начали распускать самые гнусные слухи. Вы когда-нибудь слышали о слабоумии Ленина, о том, что его мозг был поражен сифилисом? Так вот, печальная честь быть первой жертвой подобных слухов принадлежала его земляку Протопопову.

Газета «Голос Сибири», 29 сентября (12.10) 1917 года.

«Как уже сообщалось в печати, чрезвычайная следственная комиссия ввиду сведений о том, что бывший министр А. Д. Протопопов до вступления в эту должность и состоя в последней страдал душевным расстройством, признала необходимым подвергнуть его медицинской экспертизе. Врачи, обследовавшие А. Д. Протопопова, нашли, что он страдал прогрессивным параличом на почве сифилиса».¹

Идея очень простая: только морально опустившийся человек, страдающий венерическими заболеваниями, с разложившимся мозгом, может пытаться заключить сепаратный мир с Германией, служить Распутину и царю! После Октября Протопопов, как ненужный свидетель, был быстро расстрелян «в порядке красного террора».

Говорят, все познается в сравнении. Вот для сравнения — судьба ярого монархиста, бывшего министра внутренних дел в 1912–1915 годах **Николая Алексеевича Маклакова** и не менее ярого монархиста депутата-черносотенца **Владимира Митрофановича Пуришкевича**.

В том самом декабре 1916 года, когда убили Распутина, Маклаков написал письмо Николаю II, в котором призывал принять жесткие меры против распоясавшихся внутренних врагов России.

¹ Красноярский рабочий, 19.12.2003; http://www.krasrab.com/archive/2003/12/19/32/view_article

Волевая личность, в начале 1917 года он даже рассматривался правыми деятелями как самый подходящий кандидат на роль диктатора в случае начала революции. Во время Февраля Маклаков был арестован и, тяжело раненный в голову, помещен в Петропавловку. Проведя время демократических перемен в стенах новой России, в тюрьме он встретил и Октябрь. Большевики поступают гуманнее «временщиков»: в декабре 1917 года по состоянию здоровья Маклакова переводят в больницу.

Пуришкевич после убийства Распутина, воспользовавшись перерывом в думских заседаниях, благополучно уехал в действующую армию с медицинским поездом. Потом грянул Февраль, затем и Октябрь. Ярый монархист, антисемит, один из создателей «Черной сотни» скрывался от большевиков под фамилией Евреинов (!), но был арестован. Вот тут и происходит развилочка:

- ♦ Монархист Маклаков предлагал навести жесткий порядок, пытался спасти страну и монархию, а значит, англичанам мешал — и его под конвоем везут в Москву. Там в первый же день «красного террора» его казнят.
- ♦ Монархист Пуришкевич убивал Распутина и англичанам помогал — его отпускают на свободу.

Допрашивался Владимир Митрофанович Пуришкевич лично Дзержинским, а приговор получил от советской власти смешной — всего четыре года принудительных работ. Хотя ни много ни мало, а участвовал в реальном антибольшевистском заговоре сразу после Октябрьского переворота. И поставить бы на этом точку, но, увы, не получается. Чудеса постоянно происходят в судьбе людей, вольно или невольно помогавших английской разведке губить Российскую империю! Даже маленький срок Пуришкевич не отсидел: справедливый пролетарский суд отпускает его на свободу через четыре месяца! Формулировка просто удивительная: «Освобожден в связи с болезнью сына»!¹

Кто говорит о зверствах большевиков? Вот вам пример их истинного гуманизма! Разве можно расстрелять ярого монархиста,

¹ Энциклопедия «Санкт-Петербург»; <http://www.encspb.ru/ru/article.php?kod=2804023840>

если у него дома болеет сын? Стыдитесь! Такого человека даже в тюрьме держать нельзя — вот Пуришкевича и отпускают не через четыре года, а через четыре месяца. Позднее он умрет от тифа в Новороссийске.

Великий князь Дмитрий Павлович отделался легким испугом. Сначала его по приказу императрицы посадили под домашний арест. Тогда же, в декабре 1917-го, великий князь был отправлен «в ссылку» в отряд генерала Баратова, действовавший в Персии совместно с британскими войсками. Снова линия судьбы молодого Романова пересекается с английской линией. *После Октября великий князь Романов (случай небывалый для династии) официально перейдет на британскую службу!* Потом он жил в Лондоне и Париже. В 1926 году Дмитрий Павлович женился на перешедшей в православие богатой американке Эмери. После чего он и его сестра Мария Павловна уехали в США, где великий князь занимался торговлей вином, а великая княгиня служила консультантом в фирме модной одежды «Бергдорф и Гудман».

Феликс Феликсович Юсупов до окончания следствия был сослан в родовое имение. Наступает Февраль — Юсупов становится героем. В Октябре ему приходится значительно хуже. Забрав из своего дома несколько полотен Рембрандта и ряд фамильных драгоценностей, он спешно выезжает в свое поместье. До 1919 года Феликс с семьей прожил в Крыму, а в апреле 1919 года вместе с оставшимися в живых членами династии уплыл *на английском боевом корабле* за границу.

Вот и выходит, что все убийцы Распутина от новой большевистской власти не пострадали. Совершенно *случайно*, разумеется...

Однако мы слегка увлеклись. Эта книга не об убийстве Распутина. Она о Феврале и Октябре, о двух ступенях, по которым Российская империя взошла на свою Голгофу.

Но для того чтобы это случилось, еще с библейских времен необходимо предательство, необходим Иуда.

И он нашелся. Иуду начала XX века звали Александром Федоровичем Керенским. Иуда конца XX века звался Михаилом Сергеевичем...

Глава 7

Как Александр Керенский с Владимиром Лениным в поддавки играл

Попустительство, проявленное в отношении большевиков, — самая темная страница в истории деятельности Временного правительства.

А. И. Деникин. «Очерки русской смуты»

Нельзя требовать, чтобы к делам о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с требованием — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки...

А. Я. Вышинский

Когда начинаешь погружаться в период, разделяющий Февраль и Октябрь, ощущения проходят через несколько стадий. Поначалу голова идет кругом от обилия информации. Потом начинаешь просто удивляться тому, насколько далеки от реальности твои собственные представления о тех событиях. Далее наступает легкий ужас от осознания, что все, что сам ты слышал, читал и смотрел о наших революциях, не рассказывает, а, наобо-

рот, замазывает истинные события тех дней. Пережив эту гамму ощущений и немного успокоившись, начинаешь тихо «восхищаться» красотой и грандиозностью плана по сокрушению твоей Родины. Он поистине велик и великолепен. В его существовании перестаешь сомневаться, раз за разом сопоставляя многочисленные совпадения и странности. Скоро их становится так много, что исчезают последние сомнения. Настолько все удачно подходит одно к другому по времени, своей сути и последствиям, что хочется снять шляпу пред невидимым режиссером, заставившим слаженно петь разноязыкий хор политиков, генералов и революционеров.

Но главной в этом хоре была партия Временного правительства. Эта новая власть допустила ряд ошибок. Даже не ряд, а целый ворох. И не ошибок, а странностей, граничащих с безумием и преступлением. Но если ранее для анализа их поведения мы предполагали, что во Временном правительстве собрались патриоты и святые, то сейчас мы посмотрим на всю эту братию трезвыми глазами. Мы наречем их сборищем предателей, «союзных» марионеток и законченных лицемеров, отдающих себе отчет в своих действиях и вполне сознательно подталкивающих страну к краю пропасти. Тогда все в их поведении сразу станет простым и понятным, не будет никаких странностей и абсурдных действий.

Из всех вариантов господ «временщики» всегда с удивительным постоянством выбирали самый вредный для России. Простое объяснение: мол, «они были дураки», — не проходит. Конечно, логику дурака понять невозможно. Именно потому, что она непредсказуема: за действием отрицательным у него за просто может последовать поступок положительный. Если бы во Временном правительстве собрались сплошь господа, интеллектотом не отягощенные, то за решением, объективно разрушающим страну, у них следовало бы решение, ее же укрепляющее. Сидели бы ребята да пальцем бы в небо тыкали — когда в плюс попадут, а когда и в минус. Ну дураки, что ж с них возьмешь! Но с Временным правительством случай особый — все их поступки без исключения были направлены на развал страны. Они только на первый взгляд действовали хаотически и странно. Надо просто

понять логику действий Временного правительства, осознать их цель, и тогда вы с удивлением заметите, что «союзные» марионетки четко последовательны в своих поступках.

Целью Временного правительства была передача власти Ленину и Троцкому, которым и предстояло окончательно добивать зашатавшуюся Российскую империю. Февраль должен был плавно уступить место Октябрю. Поэтому никто с Владимиром Ильичом всерьез не боролся, никто не мешал ему делать свое дело. Наоборот — Керенский активно ему подыгрывал.

Есть такая игра в шашки наоборот. Она называется «поддавки». В ней все действия игрока выглядят абсурдом. Он всячески подставляет сопернику свои шашки, стараясь, чтобы они как можно быстрее были «съедены». Чем быстрее противник уничтожит все ваши шашки, тем лучше. Оставшись без фишек, вы становитесь победителем. Даже в дамки проводят свою шашку, чтобы побыстрее отдать ее на съедение сопернику. Вот такая игра в поддавки шла и на русской политической арене...

Итак, цель Временного правительства ясна. Средства ее достижения — эта как раз сама власть. Только использовать ее надо наоборот. «Нормальное» правительство укрепляет армию, экономику и власть, играющие в «поддавки» все это ослабляют. Сопоставьте все шаги Керенского, не красивые слова, а именно *реальные действия*, и перед вами встанут два варианта объяснений: либо он полный идиот, либо великолепный игрок в поддавки.

Мы о безумных декретах Временного правительства уже говорили, поэтому не будем повторяться. Владимир Ильич приехал делать в стране революцию и коренным образом перевернуть ее жизнь. Таких потрясений обычно желает совсем небольшое количество населения. Но если сделать так, что правящая власть покажется ненормальной, тогда приехавший экстремист Ленин будет смотреться на ее фоне как вполне здравомыслящий политик. С момента приезда в Россию Ленина, а затем и Троцкого правительство предпринимает поистине титанические усилия по развалу русского государства, готовясь передать власть приехавшим экстремистам. Конечно, в открытую это сделать нельзя. Вот тут-то и приходит на помощь замечательная шашечная игра...

Теперь снова перенесемся в начало апреля 1917 года. Ленин, как мы уже знаем, беспрепятственно проехал в Россию. Никто не препятствовал, наоборот, он легко получал все необходимые документы. Даже на Финляндском вокзале Петербурга он не был уверен в своей безопасности до конца. А потому даже говорили, что шепнул на ушко жене: «Наденька, кажется, сейчас меня арестуют». Однако торжественная встреча на вокзале отбросила его последние сомнения. Англичане сказали правду. Власти мешать ему не будут, а, наоборот, будут всячески помогать.

Вдумайтесь: в центре столицы России, во время страшной мировой войны толпа вооруженных людей торжественно встречает человека, проехавшего через территорию врага. Прямо на вокзале Ленин выступает с речью и публично призывает к свержению существующего строя. И его никто не арестовывает, никто не запрещает его партию. ***Неужели на немецкие деньги большевики купили и контрразведку, и полицию, и армию, и само Временное правительство?***

Даже на разгильдяйство нельзя списать такое странное поведение власти. Как вы думаете, сколько времени Усама бен Ладен простоял бы у Белого дома в Вашингтоне, призывая к священной войне с США и свержению американского правительства? Минуту? Две? Тридцать секунд? Вопрос только в том, как быстро его схватят, а сам арест является неминуемым. И совершенно неважно при этом, сколько миллионов или миллиардов долларов лежит на его тайных счетах. Что с того, что Ильич приедет на родину в «пломбированном» вагоне с кучей «немецких» денег? Надо ведь, чтобы он мог их тратить! Свободно издавать подрывные газеты, легально доставлять их в воинские части, открыто проводить антигосударственные митинги. Для всего этого нужна поддержка властей, без нее у Ленина ничего бы не вышло. А вот Ленина как раз никто арестовывать не спешил. Он спокойно вел свою пропаганду и довел ее до победного конца...

Поэтому, оценивая поступки Керенского, надо знать его цель — подыгрывать Ленину своими действиями и в итоге передать ему власть. Это важно. *Но еще важнее, оценивая поступки самого Ленина, помнить, что он знал, что ему будут поддаваться!* Отсюда и невероятная смелость ленинских идей, и вся «гениаль-

ность» его предвидения. Он все время видит на два шага дальше своих соратников, потому что знает значительно больше них. Это «знание» вместе с «союзными» деньгами сближает его с Троцким.

Но пока Лев Давыдович так обидно задержался по дороге в английский лагере, Ленин с ходу включился в процесс. Писал Ильич всегда быстро и колко. Теперь же это делать вдвойне приятнее. Цензуры нет, а финансовая подпитка «германскими» деньгами позволяет развернуться на широкую ногу. Когда Керенскому указали на необходимость «дезактивации» Ильича, рьяно призывавшего к социалистической революции, он ответил прямо и честно: «Я желаю, чтобы Ленин мог говорить столь же свободно в России, как в Швейцарии!» Странная позиция для главы правительства, о свержении которого говорит Ленин. Для марионетки, которой «союзные» кукловоды приказали не мешать большевистской пропаганде, — вполне закономерная.

Не будете лечить гангрену пару недель — потеряете конечность. Промедлите еще — потеряете жизнь. Это азы медицины. В России в то время «гангрена» была куда активнее докторов. Временное правительство разрушительному процессу не мешает. При «гангрене» на первом этапе это — самая лучшая помощь!

Впервые свои новые идеи Ленин высказал в работе «Апрельские тезисы», появившейся 7 (20) апреля в «Правде». Последующая советская мифология представила идею Ленина о дальнейшем развитии революции как разумную и вытекающую из марксизма. В 17-м году «Апрельские тезисы» всех поразили, и оценка их была совершенно иной. «Тезисы Ленина были опубликованы от его собственного, и только от его имени, — напишет позднее Троцкий в своей “Истории русской революции”. — Центральные учреждения партии встретили их с враждебностью, которая смягчалась только недоумением. Никто — ни организация, ни группа, ни лицо — не присоединил к ним своей подписи».¹

Приехавший Ленин выдвигает свои идеи в гордом одиночестве. Ему ясно, что надо углублять революцию, двигаться

¹ Троцкий Л. История русской революции. Т. 1; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/1-F.html>

к диктатуре пролетариата — у всех остальных революционеров ленинские идеи вызывают недоумение. Слишком круто брал Ленин. Страна еще не опомнилась от одной революции, как он уже призывал к другой. Вся революционно-демократическая общественность только перестала удивляться неожиданно свершившемуся падению царизма. Подумайте: с этого момента прошел всего месяц. Создание Временного правительства практически все считали большим достижением, а Ленин призывал к отказу от сотрудничества с ним и к его свержению. Это действительно было непонятно. Вместо налаживания новой жизни, подготовки выборов, парламентской борьбы и воплощения всех программ социал-демократов глава большевиков призвал продолжить борьбу дальше. Вместо объединения всех демократических сил Владимир Ильич предложил решительное размежевание и дальнейший раскол.

На собрании Петроградского комитета большевиков Ленин со своей точкой зрения оказался почти в полной изоляции. «Делегаты переглядывались. Говорили друг другу, что Ильич засиделся за границей, не присмотрелся, не разобрался»,¹ — указывает Троцкий. «Апрельские тезисы» активно обсуждались и были отклонены: против них было 13 голосов, за — 2, воздержался — 1.²

На следующий день Ильич выступает в Таврическом дворце перед всеми социал-демократами, членами Петроградского Совета. Реакция зала, где вперемешку сидят революционеры всех мастей, еще более жесткая. Лев Давыдович Троцкий рассказывает об этом выступлении Ильича с легкой иронией:

«Через час Ленин вынужден был повторить свою речь на заранее назначенном общем собрании большевиков и меньшевиков, где она большинству слушателей показалась чем-то средним между издевательством и бредом. Более снисходительные пожимали плечами. Этот человек явно с Луны свалился: едва сойдя, после

¹ Троцкий Л. История русской революции. Т. 1; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/1-F.html>

² Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Т. 1; http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a26.htm

десятилетнего отсутствия, со ступеней Финляндского вокзала, проповедует захват власти пролетариатом».¹

Перспектива непосредственного перехода к диктатуре пролетариата казалась всем совершенно неожиданной, противоречащей традиции, наконец, попросту не укладывалась в голове. «Его программа тогда встречена была не столько с негодованием, — вспоминал позже эсер Зензинов, — сколько с насмешками, настолько нелепой и выдуманной казалась она всем».²

Но бог с ними, с меньшевиками и эсерами, но точно так же жестко оценили откровения вождя и его соратники — большевики! Большевик Б. О. Богданов прервал выступающего вождя, крикнув: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего! Стыдно аплодировать этой галиматье, вы позорите себя! Марксисты!»³ Примерно так же выступил большевик Гольденберг и один из лидеров Петросовета Стеклов (Нахамкес). Отпор был такой, что Ленин даже покинул зал. Но никакого значения это уже не имело. С германскими деньгами, Ленин мог продвигаться к своей цели, как таран, — отменяя непонятливых и занудливых соратников и набирая себе новых, способных верить ему на слово и не задумываться о мелочах.

И он продолжал гнуть свою линию, невзирая ни на что. Потому что Ленин знал будущие события, а большевики Богданов и Гольденберг — нет. Ильич знает, что правительство будет ему подыгрывать, только он в курсе всех закулисных договоренностей. Ленин понимал, что именно сейчас судьба дает ему шанс, единственный и неповторимый. Развал страны и выход ее из войны — мизерная плата за карт-бланш на воплощение мечты всей его жизни — социалистической революции. Кроме того, он знал, что «союзники» в курсе его договоренностей с немцами и мешать ему также не будут. Он может спокойно делать свое дело. Реальность подтверждала его правоту лучше всяких доказательств.

¹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/1-F.html>

² Там же.

³ Политические партии России: прошлое и настоящее. Изд-во СПбГУ, 2005. С. 144.

Ему действительно никто не мешал. Вопреки здравому смыслу, вопреки собственным обещаниям, опубликованным в парижских газетах. Плеханов, Чхеидзе ругались, спорили с Лениным. Временное правительство не делало даже этого.

Проблемы Ленина нам понятны. Надо убедить сомневающихся соратников, а карты свои, свое знание страшного предательства, совершенного «союзниками», раскрыть нельзя. Во-первых, никто не поверит, во-вторых, за раскрытие таких тайн карают смертью. Неизвестно, на что он потратит больше энергии — на саму организацию переворота или на убеждение своих менее информированных соратников. Они мешают ему куда больше, чем Керенский и его правительство. Упрямые, вечно сомневающиеся социал-демократы. Им никак не понять, что не время сейчас дискутировать, дело надо делать, и очень срочно!

В тех же «Апрельских тезисах» Ленин отмечал необходимость усиленной пропаганды братания. Знаете, что это такое? Это когда солдаты враждующих сторон выходят из окопов и, вместо того чтобы стрелять в противника, угощают его табачком. Что ж тут плохого? Говорят, все познается в сравнении. Представьте себе осень 1941-го и советских солдат под Москвой, братаящихся на нейтральной полосе с фашистами. Как бы таких солдат назвали? Предателями. Да и из пулемета бы всех скосили. Да еще и семьи бы выслали в Сибирь. И товарищей, которые в печатных органах призывают с врагом брататься, не пожалели бы. Расстреляли бы всю редакцию вместе с машинистками и уборщицами! Вот и не братались советские солдаты с врагом, а все оттого, что товарищ Сталин меньше всего беспокоился о «свободе слова» и «политических правах» для своих бойцов, а думал о том, как немцев под Москвой остановить.

Но то будет в 41-м, а в 17-м задачи у большевиков были совсем другие, и в результате их пропаганды солдатики наши бросали свои части и бежали в родные деревни, а немецкие солдаты оставались на местах. Великие демократы из Временного правительства, игравшие в поддавки, никак с братанием не боролись. Хотя большевики обо всем открыто писали. В проекте резолюции о войне Петроградской общегородской конференции партии большевиков, написанном Лениным в апреле 1917-го, заявлялось,

что братание является одним из наиболее действенных средств, способных ускорить прекращение войны.¹ От себя добавим — прекращение это должно было наступить не по доброй воле воюющих сторон, а по причине полного разложения русской армии и ее неспособности защищать интересы как вне страны, так и внутри нее. В германских-то окопах дисциплина еще была, поэтому разгул братания бил в основном по русской армии, на что, собственно, и было рассчитано...

28 апреля (11 мая) «Правда» напечатала статью Ленина «Значение братания». В ней подчеркивалось, что братание «начинает ломать проклятую дисциплину... подчинения солдат “своим” офицерам и генералам, своим капиталистам (ибо офицеры и генералы большей частью либо принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы)». Отсюда ясно, что братание есть «одно из звеньев в цепи шагов к социалистической пролетарской революции».²

Все предельно откровенно — надо разломать «проклятую дисциплину», потом можно будет разломать и «проклятую» страну, правительство которой не может даже запретить доставлять в окопы своих солдат зловерные газеты с призывами к братанию. Это ведь недемократично. Не смущают Керенского и донесения с фронтов о том, что наиболее «интересные» и «полезные» для русской армии статьи попадают в наши окопы с немецкой стороны. Как и громадные тиражи Приказа № 1...

В стране надо было срочно навести порядок. Эта простая мысль очень быстро дошла до сознания самых отпетых «демократов». Даже тех, кто всю жизнь «боролся за свободу». Как, например, «бабушка» русской революции эсерка Брешко-Брешковская. Ее с триумфом вернули из ссылки, Керенский встретил ее с букетом роз. Жить бы «бабушке» да радоваться внезапно свалившемуся на нее признанию и уважению. Ленин и большевики для нее братья, вместе они боролись с деспотизмом. Но видит Брешко-Брешковская, что происходящие события очень быстро ведут

¹ Политические партии России: прошлое и настоящее. Изд-во СПбГУ, 2005. С. 138.

² Ленин В. И. Сочинения. М.: ГИПЛА, 1949. Т. 24. С. 285.

Россию к катастрофе. И во главе этого движения так уважающий ее Саша Керенский.

«Сколько раз я говорила Керенскому, — позднее вспоминала она. — Саша! Возьми Ленина! А он не хотел. Все хотел по закону... А надо бы посадить их на баржи с пробками, вывезти в море — и пробки открыть... Страшное это дело, но необходимое и неизбежное».¹

Россия стремительно двигалась навстречу собственной гибели, а Керенский говорил, говорил, говорил. И ничего не делал. «Все наши усилия имели целью установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федерального устройства государства»,² — скажет он потом. А если судить по делам, как гласит пословица, его след в истории — это наша Гражданская война, проигранная Первая мировая и полностью разрушенная страна.

Но пока всего этого еще нет. Просто есть одна партия, чей вождь высказывает вредные и невероятные мысли. И разлагает своими газетами и агитаторами фронт и тыл. А что власть? Что-бы якобы открыть Ильичу глаза, Керенский даже дал знать через своих помощников о своем желании встретиться с Лениным, но тот от встречи уклонился. Ленину это ни к чему: он знает, что за самые экстремистские выходки ничего ему не будет. Так зачем же пятнать себя связью с тем, кто в итоге ему, Ленину, проиграет и страну и власть. Зато среди ближайшего окружения Керенского его желание встретиться с Владимиром Ильичом вместо справедливого ареста вызвало недоумение. Ему пришлось даже пояснить, что Ленин «живет в совершенно изолированной атмосфере, он ничего не знает, видит все через очки своего фанатизма, около него нет никого, кто бы хоть сколько-нибудь помог ему ориентироваться в том, что происходит».³

Это от непонимания ситуации Владимир Ильич такой радикальный, а на самом деле, если с ним поговорить по душам, —

¹ <http://nauka.relis.ru/10/9709/10709036.htm>

² <http://hronos.km.ru/biograf/kerensky.html>

³ *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/1-F.html>

он добрый и человечный. И кому же не поболтать с ним, как не Керенскому. Ведь они хорошо знакомы: родились в одном городе, в Симбирске. В один и тот же день — 22 апреля, только в разные годы: Владимир Ильич в 1870-м, а Александр Федорович в 1881-м. Учились ребята в одной и той же гимназии.

Но и это еще не все: семьи Керенских и Ульяновых в Симбирске связывали дружеские отношения. Папа Керенского — Федор Михайлович, после смерти отца Ленина — Ильи Николаевича по мере своих сил принимал участие в судьбе его детей. В 1887 году, уже после ареста и казни Александра Ульянова, он дал брату политического преступника — Владимиру Ульянову — положительную характеристику для поступления в Казанский университет. И золотую медаль, облегчающую поступление, хотя по одному предмету (логике) у будущего вождя мирового пролетариата было «хорошо», а не «отлично». Одним словом: не чужие люди друг другу Ленин и Керенский...

Интересно получается. Ранее помощь Володе Ульянову оказывал Керенский-папа, теперь Керенский-сын продолжает эту добрую семейную традицию. И вместо удара по пораженцам — большевикам, разлагающим армию, наносит удар... по самой армии. Помните, с каким жаром отрещивался Керенский от авторства Приказа № 1? Как ему хотелось остаться от этого в стороне? Это было в марте, а уже в апреле, после перестановки в правительстве, военный министр Гучков уходит в отставку. Его место занимает Керенский и моментально издает документ под названием «Декларация прав солдата». Вы уже можете себе представить, что там было написано. Это тот же самый Приказ № 1, только еще хуже, потому что исходит уже от военного министра! Раньше Керенский от подобного документа отрещивался. Теперь он этого не делает, а спокойно подписывает *не документ какого-то совета, а правительственный декрет*, вводящий в армии совершенно невероятные свободы. Точнее говоря, закрепляя тот хаос, который уже с февраля 1917 года воцарился в русских казармах.

Эта «Декларация прав солдата» «окончательно подорвала все устои старой армии, — пишет генерал Деникин в своих мемуарах. — Она внесла безудержное политиканство и элементы

социальной борьбы в неуравновешенную и вооруженную массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу. Она оправдывала и допускала безвозбранно широкую проповедь — устную и печатную — антигосударственных, антиморальных и антиобщественных учений, даже таких, которые, по существу, отрицали и власть, и само бытие армии. Наконец, она отняла у начальников дисциплинарную власть, передав ее выборным коллегиальным организациям, и лишний раз, в торжественной форме, бросив упрек командному составу, унизила и оскорбила его».¹

Керенский не умел коротко говорить, потому и документ, вышедший из-под его пера, содержит 18 пунктов. Есть среди них и разумные, но в том-то и дело, что несколько безумных пунктов перечеркивали все остальные и придавали всему документу определенную окраску. Военное руководство ждало наведения в армии порядка и дисциплины, прекращения разлагающей ее большевистской пропаганды, но вместо этого получили официальный документ, не только ее разрешавший, но и запрещающий ей препятствовать! Новый военный министр А. Ф. Керенский издал декларацию, где говорилось только о правах. Обязанности умирать за Родину у солдата больше не было. Вот этот «шедевр», его основные, ключевые моменты:

1. Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан. Но при этом каждый военнослужащий обязан строго согласовать свое поведение с требованиями военной службы и воинской дисциплины.
2. Каждый военнослужащий имеет право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза.
3. Каждый военнослужащий, во внеслужебное время, имеет право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. С. 286–287.

6. Все без исключения печатные издания (периодические или непериодические) должны беспрепятственно передаваться адресатам.
12. Обязательное отдавание чести, как отдельными лицами, так и командами, отменяется.
14. Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой обстановке начальник имеет право, под своей личной ответственностью, принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных. Эти меры не считаются дисциплинарными взысканиями.
15. Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего, а также мучительные и явно вредные для здоровья, не допускаются.
18. Право назначения на должности и, в указанных законом случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутреннего самоуправления, наложения наказания и контроля в точно определенных случаях (приказы по воен. ведомству 16 апр. № 213 и 8 мая с. г. № 274) принадлежит выборным войсковым организациям.¹

«Пусть самые свободные армия и флот в мире, — писал Керенский в послесловии к “Декларации”, — докажут, что в свободе сила, а не слабость, пусть выкуют новую железную дисциплину долга, поднимут боевую мощь страны».²

Красивые слова. Можно писать в документе что угодно, но если право наказания принадлежит солдатскому комитету, а не офицеру, то дисциплине наступают окончательный и верный конец. Имеющие теперь все политические права военнослужащие

¹ http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_22.html

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. С. 288.

могли вступать в любую из политических партий, в том числе и большевистскую. Могли они теперь *исповедовать* и, что особенно важно, *проповедовать* любые политические убеждения вплоть до анархизма. В воинские части в тылу и на фронте могли свободно доставляться все без исключения печатные издания, в том числе самые антигосударственные. Отменялось обязательное отдавание чести. И наконец, *упразднялись все дисциплинарные взыскания*. И смертная казнь, даже для дезертиров и предателей. Как заставить солдата соблюдать хотя бы остатки дисциплины без взысканий, Временное правительство не указывало. Это и так件件件: надо обращаться к революционной сознательности. Других механизмов управления войсками у офицеров теперь не оставалось.

«Декларация прав солдата» Керенского плюс пропаганда братания Ленина означали быстрое и окончательное крушение русской армии. Но почему-то очевидность того, что страну гробили сознательно и целенаправленно, до сих пор вызывает у историков сомнения...

Представьте себе, что во время немецкого наступления на Москву неким приказом были бы вдруг ликвидированы все местные органы власти.

Распущена милиция и вместо нее сформировано народное ополчение (ведь слово «милиция» именно так с английского и переводится).

На свободу выпущены политические заключенные, а следом за ними и все уголовники.

Разом было бы уволено со своих постов 70 командиров пехотных и кавалерийских дивизий.

Солдатам разрешили бы не слушать начальников, не отдавать честь и самим выбирать себе начальников.

Но и у этих командиров отобрали бы возможность любого наказания провинившихся и неподчиняющихся.

Распоряжением министра обороны разрешили доставлять в воинские части любые газеты, вплоть до анархистских.

Устояла бы после этого Москва?

...Много «работал» Александр Федорович Керенский в правительстве. И карьера его шла в гору. По мере сползания страны

в пропасть все большая часть русского властного «руля» оказывалась именно в руках Александра Федоровича. Как он им рулил, мы уже видели и еще не раз увидим. Помните, Керенский входил в Петроградский Совет? И на этом «советском» поприще карьера Керенского тоже шла в гору. 3–24 июня (16 июня — 7 июля) 1917-го в Петрограде прошел I Всероссийский съезд Советов. Керенского выбрали на том съезде членом ВЦИК. Там Александр Федорович выступал сразу после Ленина. И успех имел не меньший, а аплодисментов сорвал даже больше.

Этот съезд Советов — триумф демократии и... абсурда. На трибуне — власть и ее будущие могильщики. Министры-социалисты Временного правительства Церетели, Чернов, Скобелев, сам Керенский. Затем их сменяют большевики Ленин и Каменев. Выступает и «межрайонец» Троцкий. Второй человек в Октябрьской революции за четыре месяца(!) до ее начала не является членом большевистской партии. Не время еще — команда объединяться придет из-за рубежа чуть позже...

Партия совершенно не скрывает своих намерений взять власть. Сил, правда, еще маловато. Из 1090 делегатов 777 заявили о своей партийности: 285 эсеров, 248 меньшевиков, 32 меньшевика-интернационалиста, 10 меньшевиков-объединенцев, 24 примыкали к другим фракциям и группам.¹ Большевиков только 105. Но зато их лидер Владимир Ленин полон уверенности в своей будущей победе.

Ираклий Георгиевич Церетели, так остроумно шутивший потом во Франции, заявляет с трибуны съезда, что в России нет политической партии, которая была бы готова взять власть в свои руки. «Я отвечаю: есть! — кричит ему в ответ Ленин с места, а потом добавляет с трибуны: — Ни одна партия от этого отказываться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».²

Но еще не время, слишком круто заворачивает Ленин: эсеро-меньшевистское большинство съезда отклонило оба большевистских проекта и приняло проект резолюции, внесенный меньшеви-

¹ <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/087/949.htm>

² История Гражданской войны в СССР. М.: ОГИЗ, 1936. С. 443.

ком Даном, призывавший поддержать Временное правительство. Бывшие же члены Временного правительства тщетно пытаются вызвать к здравомыслию действующей власти. Результата никакого. Но этого следовало ожидать. Керенский — военный министр Временного правительства, он же и в главном руководящем органе Советов. Через две недели он станет премьер-министром Временного правительства. О каком двоевластии можно говорить?! Вопрос только в том, член Петроградского Совета Керенский очутился во Временном правительстве или член правительства Керенский по совместительству участвует еще и в заседаниях Совета? Сопоставление дат говорит следующее:

- ◆ *вечером 27 февраля 1917 года* А. Ф. Керенский был избран товарищем (заместителем) председателя Петросовета;
- ◆ *2 марта 1917 года* стал министром юстиции Временного правительства.

То есть сначала Керенский вошел в Совет, а уж потом с его благословения в правительство.

Поэтому дальнейшие события русской революции, столь ярко описанные в советской историографии, на самом деле были весьма прозаичны. Никакого переворота в октябре практически не было, а был спектакль, разыгранный Керенским, делавшим вид, что он спасает Россию. На самом деле он доводил страну «до нужной кондиции» и готовил ее для передачи Ленину, как и предусматривалось «союзным» планом разрушения России. Ленин и Керенский действуют в спайке. В одной организации состоят, на одном съезде выступают. Одно дело делают: один шашки подставляет, другой их ест. Поддавки есть поддавки.

Лучше других состояние власти и ее «попытки» борьбы с надвигающейся смутой характеризует один малоизвестный эпизод, случившийся в июне 1917 года. Как раз в дни, когда на Васильевском острове, в здании Кадетского корпуса, шел съезд Советов...

В условиях развала государственности, который с невероятной скоростью проходил в России, набирать силу начинали даже наиболее экзотические течения революционной мысли. Такие,

как анархизм. До революции количество приверженцев учения Кропоткина было весьма невелико. Но вот русское государство под руководством Временного правительства начало рассыпаться, как картонный домик, и сторонники идеи полного отрицания власти стали множиться, как тараканы. «В Петербурге же между прочим развили усиленную “деятельность” анархисты. Они имели территориальную базу на Выборгской стороне, на отдаленной и укромной даче известного царского министра Дурново, — указывает в своих мемуарах член исполкома Петросовета Н. Н. Суханов (Гиммер). — Дачу эту они захватили уже давно и держали крепко».¹

И ладно сидели бы они на даче тихо, власть бы их не замечала и дальше. Так нет, буйные анархисты 5 (18) июня 1917 года захватывают редакцию газеты «Русская воля» и объявляют ее экспроприированной. Рабочим и служащим анархисты объявляют, что явились «избавить их от гнета капиталистической эксплуатации».² Работникам типографии такая постанова вопроса совсем не нравится, так как они фактически становятся безработными. Анархистов же это волнует мало, они преспокойно выпускают в захваченной типографии листовки.

«Около здания собралась огромная возбужденная толпа. Были присланы две роты солдат, которые оцепили прилегающую улицу и не знали, что делать дальше»,³ — пишет Суханов. Случай вынуждал правительство свою власть применить и захватчиков из типографии выставить. Однако параллельно решением проблемы занялся и съезд Советов. Он направляет делегацию для переговоров с анархистами. Те в ответ требуют организации особой согласительной комиссии для решения этого вопроса. Переговоры бесплодны: анархисты не желают покидать захваченную ими собственность. Только убедившись в том, что военная власть настроена решительно и может пойти на вооруженный штурм

¹ Суханов Н. Н. Записки о революции; <http://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan004.htm>

² Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 180–181.

³ <http://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan004.htm>

типографии, анархисты соглашались уйти. Но ставят условие — гарантия безопасности от самосуда толпы разъяренных рабочих. Совет дает им такую гарантию. В результате анархисты не были арестованы судебными властями (как это должно быть), вместо этого их отвезли прямо на съезд Советов. Когда же работники органов юстиции явились за арестованными, то их просто туда не допустили. Потом анархистов освободили «по постановлению исполнительного комитета», даже не установив личности. На другой день «Рабочая газета» (не большевистская) радостно приветствовала «вмешательство организованной демократии».¹

Но так уж устроены бандиты, что если их не наказывать и отпускать, то они нагелят прямо на глазах. Так произошло и на этот раз. На робкие попытки властей выселить анархистов с дачи Дурново и тем самым просто ликвидировать очаг заразы посыпались резолюции, постановления. На заводах Выборгской стороны даже начались забастовки против «контрреволюционного» требования правительства. На помощь «братьям» из Кронштадта даже прибыло подкрепление — 50 матросов. Выступили в поддержку анархистов и большевики. Тогда власти прекратили свои попытки и постарались больше не замечать буйных последователей П. А. Кропоткина. Но 18 июня во время многолюдных демонстраций анархисты напали на тюрьму и освободили несколько десятков своих товарищей, содержавшихся там. И вместе с ними опять ушли на даче Дурново.²

Тогда власть решила на применение силы. Труп единственного анархиста, погибшего при захвате здания войсками, был вынесен и положен посреди двора. Прибывший следователь пытался увезти тело для вскрытия в Военно-медицинскую академию. Но этого ему не позволили. Рабочие окрестных заводов потребовали, чтобы вскрытие состоялось тут же, в их присутствии. А из-за того, что в числе арестованных был Железняков и еще несколько «популярных» матросов, Кронштадт выставил министру юстиции ультиматум немедленно отпустить захвачен-

¹ Милуков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 187.

² Там же. С. 193.

ных, в случае отказа угрожая двинуться на Петроград с оружием в руках. Вскоре все задержанные были отпущены...¹

Вот так правительство не смогло справиться с кучкой смутьянов-уголовников. Сделать это было возможно, правда, пришлось бы пролить кровь. Потом из-за «демократичности» власти кровь хлынет потоками. Матросы-кронштадтцы, что выдвигают ультиматумы министрам, сыграют в октябрьских событиях главную роль. Советские историки даже любовно назовут матросов «красой и гордостью революции». Именно они будут основной ударной силой большевистского переворота. И не только в Петрограде. После быстрой и легкой победы в Питере матросы эшелонами будут отправлены в Москву, где их прибытие сразу перевесит чашу весов на сторону ленинцев. Наведение порядка в Кронштадте могло предотвратить Октябрьскую революцию. Почему же этого не сделали? Именно поэтому...

Кронштадт очень быстро сделался очагом неповиновения. Практически сразу после Февральской революции там произошло массовое убийство офицеров. В местном Совете преобладание сразу получили большевики. А 17 (30) мая под влиянием Троцкого и Луначарского Кронштадтский совет вообще объявил, что более не подчиняется Временному правительству. Еще не было Октября, не было июльского восстания большевиков, даже анархисты еще сидели тихо на своей «даче», но место, где назревает главный «гнойник», было точно обозначено. Как отреагирует правительство любой страны, если город на ее территории объявит о своем неповиновении? Направит туда войска и полицию и ликвидирует очаг сепаратизма. Так поступит любая власть в любой стране. Но только не русское Временное правительство.

Укрепившись в Кронштадте, большевики отправляли своих агитаторов по всей стране, выдавая им мандаты своего Совета. Они появлялись на фронте, где подрывали дисциплину, и в тылу, в деревнях, где вызывали погромы имений. Иногда их арестовывали местные власти, но всегда очень быстро выпускали. Так

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 187.

Временное правительство постепенно передавало контроль над страной новой власти, чьи вожди всего месяц назад приехали из-за границы. А всевозможные советы и съезды только ускоряли этот процесс.

Через две недели после окончания съезда Советов Ленин устраивает попытку антиправительственного путча. Исторические факты говорят о следующем: 3–4 (16–17) июля в Петрограде состоялись антиправительственные вооруженные демонстрации, возглавленные большевиками. Ильич выступал перед вооруженными толпами с балкона дома Кшесинской. Забастовала часть заводов. Поднялся Кронштадт, послав в столицу десятитысячный вооруженный отряд. Начались погромы, строительство баррикад. Но четкого плана восстания не было, а потому успеха достичь и не удалось. Не было синхронности, той четкости, которая потом будет у большевиков в октябре: солдаты выступили 3 (16), а штурмовой отряд из Кронштадта прибыл только 4 (17) июля. Потому путч был подавлен, а в ходе восстания погибло 56 человек. Точнее всего об июльском выступлении большевиков сказал Н. Н. Суханов: «Группа Ленина не шла прямо на захват власти в свои руки, но она была готова взять власть при благоприятной обстановке, для создания которой она принимала меры».¹

Кадет Набоков пишет о демонстрации, вылившейся в попытку путча: «Те же безумные, тупые, зверские лица, какие мы все помним в февральские дни».² В его словах уже чувствуется протрезвление от первых дней всеобщего февральского угара. Многие начинали задумываться о том, куда же катится Россия, ведомая Керенским и его товарищами. И тут случилось непредвиденное. Игра вдруг пошла не по правилам поддавков, а по правилам настоящих шашек.

А случилось вот что. На страницах русской печати появились документы, уличавшие Ленина в связях с немецким правительством. Напечатаны они были с санкции министра юстиции П. Н. Переверзева. История финансовых взаимоотношений большевиков с немцами была предана гласности. Пускай частично, но

¹ <http://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan004.htm>

² <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/2-1.html>

на свет показалась покрытая тиной и кровью часть страшного «союзного» плана. Этого Керенскому допустить было нельзя.

Он уже и ранее отчаянно боролся. Не с разлагавшими армию большевиками, а с любой попыткой обнародования компрометирующих их материалов. Слухи о связях Ленина с германцами начали циркулировать еще до его приезда в Россию. Да и сам его маршрут подлил масла в огонь сплетен и пересудов. Когда на одном из заседаний Временного правительства Милюков поднял этот вопрос, то Керенский решительно запротестовал против подобной «клеветы» на «славную русскую революцию» и тут же в негодовании подал в отставку. Правда, на другой же день он ее «взял обратно». Любопытны воспоминания самого Александра Федоровича об этом эпизоде: «Возможно вполне, что некая резкая стычка в начале марта между Милюковым и мной произошла: сам я вспомнить об этом случае сейчас не могу».¹

Как только речь идет о скользком моменте, таком как авторство Приказа № 1 или вышеуказанный эпизод, память Керенского дает сбой...

В период с марта по июль русская контрразведка напрасно стучалась в двери правительства: ее материалы полностью игнорировались и замалчивались. Во время июльского выступления министр юстиции Переверзев решил, что время для обнародования материалов настало.

События развивались весьма любопытно. Как должно было поступить Временное правительство, получив такую информацию? Как минимум начать расследование и лиц, подозреваемых в связях с германской разведкой, арестовать. Не замечать Ленина более было невозможно — честные патриоты напечатали то, что правительство не видело в упор. По своей партийной принадлежности Переверзев — трудовик, была такая левая партия. К этой же партии до недавнего времени принадлежал и сам глава правительства Керенский, но к тому моменту Александр Федорович уже стал эсером. Министр юстиции неоднократно пытался призвать власть разобраться с большевиками, готовящими ее свержение. Тщетно. Тогда он и решился на такой экстравагант-

¹ <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/f17.txt>

ный шаг, как общение с главой своего правительства через прессу. После обнародования документов не реагировать Керенскому было невозможно. И он отреагировал.

Но еще ранее высказали свое мнение главари Петросовета, являвшиеся также членами Временного правительства. «Документы, в виде заявления, подписанного двумя социалистами — Алексинским и Панкратовым, даны были в печать, — пишет в мемуарах А. И. Деникин. — Это обстоятельство, преждевременно обнаруженное, вызвало страстный протест Чхеидзе, Церетели, и страшный гнев министров Некрасова и Терещенко. *Правительство воспретило помещение в печати сведений, порочащих доброе имя товарища Ленина, и прибегло к репрессиям... против чинов судебного ведомства*.¹

Чхеидзе и Церетели предложили по телефону редакциям газет воздержаться от печатания сенсационных разоблачений как «непроверенных», впредь до расследования дела особой комиссией. И «попросили» пока материалы не печатать. Просьбу выполнили все, кроме маленькой «Общей газеты». Вслед за ней уже напечатали и другие. Теперь информационная блокада была прорвана. И последовала реакция Керенского.

«В самый день опубликования, 5 июля, Переверзев, от которого правительство и раньше уже не прочь было отделаться, оказался вынужден подать в отставку, — пишет в своей книге «История русской революции» Троцкий. — Меньшевики намекали, что это их победа. Керенский впоследствии утверждал, что *министр был удален за чрезмерную поспешность разоблачений, помешавшую ходу следствия*».²

Вновь мы видим удивительную картину: вместо удара по настоящим врагам, пытающимся его свергнуть, Керенский бьет по тем, кто пытается спасти правительство. Переверзев ушел в отставку, газету «Общее дело» закрыли.

Но удар по «союзным» планам все же был нанесен серьезный. В тот же день 5 (18) июля Ленин в беседе с Троцким ставил во-

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. С. 237.

² Троцкий Л. Д. История русской революции; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/2-1.html>

прос «не перестреляют ли они нас»,¹ и на следующий день скрылся в Разливе, прожил несколько недель в шалаше (стоге сена) вместе с Зиновьевым. А в печати и в публичных выступлениях лидеров Петроградского Совета стали появляться материалы, пытающиеся дезавуировать эту чудом прорвавшуюся информацию. Министр внутренних дел меньшевик Церетели заявил, что «лидеров большевиков, обвиняемых в подстрекательстве к восстанию 3–5 июля, я не подозреваю в связи с германским штабом».² Другой глава меньшевиков, Либер, высказался в том же ключе: «Я сам считаю, что обвинение, направленное против Ленина и Зиновьева, ни на чем не основано».³

Но все же до своей отставки министр юстиции Переверзев отдал приказ, и по результатам публикации были произведены аресты. Был арестован финансовый гений большевиков Ганецкий, Козловский и его родственница Суменсон, упомянутые в опубликованных материалах. Также оказались за решеткой Троцкий, Раскольников, Каменев и Коллонтай. Все это случилось в течение 5 июля. К вечеру следующего дня, несмотря на отставку своего министра, государственная машина, которой впервые дали ясную команду бороться с экстремистами, работала на полных парах. Особняк Кшесинской, где был большевистский штаб, дача Дурново и Петропавловская крепость были заняты верными правительству войсками. Был распущен наличный состав ЦК Балтийского флота, от кронштадтцев власть потребовала немедленного ареста зачинщиков беспорядков.

И вероятнее всего, так бы и случилось: смутьянов арестовали, а Кронштадт привели, наконец, в чувство, если бы... 6 (19) июля в Петроград не прибыл Керенский. Обратите внимание: каждый раз, когда речь идет о захвате власти большевиками, он отсутствует в Петрограде. В июле уговаривал фронтовых солдат пойти в наступление, в Октябре исчезнет из Зимнего дворца за «верными войсками».

¹ <http://www.trotsky.ru/ld-works/histrev2-1.html>

² Троцкий Л. Д. История русской революции; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/2-4.html>

³ Там же.

Керенский начинает действовать. Речи его как всегда правильны и зажигательны: «...Русская революционная демократия и он, уполномоченный ею военный министр, поставленный во главе армии, и Временное правительство не позволят никаких посягательств на русскую революцию».

После такого заявления, по идее, должны последовать жесткие шаги в отношении большевиков. Так бы и было, но «в поддавки» правила игры совсем другие. Инерции министерства юстиции хватает еще на один шаг: в армию запрещен ввоз «Правды», «Окопной правды» и «Солдатской правды». Сразу после этого, в ночь на 7 (20) июля, Керенский делает весьма странные шаги: *он отменяет аресты* Троцкого и Стеклова (Нахамкеса). Штаб Петроградского округа протестует, но уже арестованного Стеклова отпускают. Троцкий все же остается за решеткой.¹

После этих событий следуют новые «удивительные» шаги Керенского. Сначала закрывается газета, напечатавшая компромат на Ленина, а затем 10 (23) июля Александр Федорович отбирает у военных право ареста большевиков. Органы же юстиции более никого из них не арестовывают. ***Керенский официально приказывает командующему округом генералу Половцеву прекратить разоружение большевиков.***²

На многих заводах ленинцы подготовили склады оружия. После провала выступления его быстренько разносят по домам. Военная власть старается этому помешать и приступает к изъятию вооружения. Но сразу после успешного «обезоруживания» Сестрорецкого завода поступает распоряжение Керенского прекратить разоружение. Вместо этого публикуется

¹ Керенский настойчиво освобождал своих будущих могильщиков. В ночь на 7 июля он отменил аресты Троцкого и Стеклова. Штаб Петроградского округа протестовал по этому поводу, но безуспешно. Стеклов бежал в Мустамяки (где у него жил и Ленин) и там был арестован военными. Когда Стеклова доставили в Петроград, немедленно специальным приказом Керенского его забрали у военных и освободили через несколько часов. Почему так срочно? А вдруг «стойкий» Стеклов-Нахамкес начнет «колоться» у военных? (Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 223).

² Там же. С. 224.

воззвание о добровольной сдаче (!) оружия гражданами. Военные протестуют, отказываясь печатать подобный документ. Тогда Керенский пишет воззвание лично (!). По его приказу этот невероятный документ расклеивают на улицах и ждут добровольцев на специально открытых пунктах. Несложно догадаться о результате. Как писал очевидец, воззвание «подействовало только на старых доверчивых буржуев: сданными оказались только несколько пистолетов и сабель эпохи русско-турецкой войны».¹ Большевицкие арсеналы были благополучно вынесены и перепрятаны. До Октября.

Но Керенскому мало сохранить Ленину имеющееся у его сторонников вооружение. В августе, во время выступления Корнилова оружие отрядам Красной гвардии выдается с государственных складов по прямому указанию Александра Федоровича. Теперь вооружены большевики основательно — можно передавать им власть.

Советские историки очень любили рассказывать один из эпизодов революционной биографии вождя мирового пролетариата. Мол, Ильич скрывался в Разливе, жил в шалаше. Думал, писал, готовился. Современные исследователи все это активно опровергают, говоря, что ни в каком шалаше Ильич и не жил, а прятался в цитадели большевиков — Кронштадте. Если честно, то никакой разницы нет. Неважно, где Ленин от Временного правительства прятался, потому что он вовсе этого не делал. Чтобы в этом убедиться, достаточно просто почитать мемориальные доски, в большом количестве до сих пор развешанные на улицах Петербурга. Например, висящую по адресу Большой Сампсониевский проспект, 37. Она гласит:

«Здесь 26 июля — 8 августа 1917 года начал свою работу VI съезд РСДРП (большевиков), нацеливший партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию. Работа съезда проходила под руководством В. И. Ленина, скрывавшегося в то время в подполье от преследования Временного правительства».

¹ Милуков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 224.

Мемориальная доска на доме № 37
по Большому Сампсониевскому проспекту Санкт-Петербурга,
где проходили первые восемь заседаний VI съезда РСДРП(б)

Вы можете себе представить что-нибудь более абсурдное? Глава большевиков, находясь в розыске, руководит съездом своей партии, легально проходящим в пяти километрах от резиденции Временного правительства! Разумеется, найти его невозможно. Кто же может себе представить, что Ленин посетит своих соратников? Разве можно догадаться внедрить на открыто проходящий съезд хоть одного агента, который сможет сообщить о присутствии там Владимира Ильича? Что с того, что, как говорит нам мемориальная доска, это был съезд, «нацеливший партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию»? Пусть собираются, а Ленина мы будем искать где угодно, но только не у себя под носом!

Те, кто еще не верит в «поддавки», подумайте, сколько минут будет участвовать в съезде *любой* партии в Москве Борис Бerezовский, прежде чем его арестуют...

Тучи над правительством сгущаются — влияние большевиков в Советах усиливается. 31 августа (13 сентября) Петроградский Совет принимает большевистскую резолюцию «О власти». В ней — требование ухода Временного правительства в отставку и создания «истинно революционной власти на Всероссийском съезде советов». 5 (18) сентября подобную же резолюцию принимает Московский совет. Но вместо действий, препятствующих подготовке переворота, правительство продолжает подыгрывать своим «могильщикам». На свободу начинают выходить даже те немногие большевики, кто был арестован в июльские дни. Выходят на свободу Коллонтай, Каменев, Луначарский и многие рядовые большевики.¹

Освобождается 2 (15) сентября и Лев Давыдович Троцкий. «Я был арестован правительством Керенского и через два месяца после возвращения из эмиграции снова оказался в хорошо знакомых “Крестах”... — вспоминает он в автобиографии. — После выхода из тюрьмы “революционной демократии” мы поселились в маленькой квартире, которую сдавала вдова либерального журналиста, в большом буржуазном доме. Подготовка к октябрь-

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 489.

*скому перевороту шла полным ходом. Я стал председателем Петроградского Совета».*¹

Даже из этих строк ясно, что когда Льва Давыдовича выпускали, никаким раскаянием и не пахло. Наоборот, на всех парах большевики-заговорщики готовили смещение Временного правительства. В это время Троцкий был отпущен из тюрьмы... под залог! То есть за деньги! Это так же странно, как если бы нынешние российские власти выпустили из тюрьмы под залог какого-нибудь главаря чеченских террористов, а Нюрнбергский трибунал — Геринга и Риббентропа. Зачем же Льва Давыдовича отпустили из заключения?

Потому Троцкого и выпустили, что он и Ленин должны были делать революцию. Кстати сказать, «межрайонец» Троцкий вышел из тюрьмы правоверным большевиком. В партию он был принят... *заочно* (видимо, пришла команда от кураторов), на VI съезде РСДРП в конце июля — начале августа.² Приняты и все 275 его последователей, большинство которых приплыли вслед за вождем из Америки.³ «Союзные» деньги заканчивают объединение двух локомотивов Октябрьской революции. «Пломбированный» вагон и «пломбированный» пароход сливаются в одно единое целое, забывая обо всех взаимных обидах и теоретических спорах. Теперь они уже официально вместе, они в одной партии, у них одна задача: взять власть. Задача эта поставлена теми, кто организовал их возвращение на родину.

И они твердо идут к ее выполнению. 17 (30) сентября председателем Моссовета избирается большевик В. П. Ногин, а 25 сентяб-

¹ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. <http://intervud.ru/all/memoirs/a/3844.113.html>

² <http://www.hrono.info/biograf/trotski.html>

³ Приехали из Америки: М. С. Урицкий, В. С. Володарский (Гольдштейн), Ю. М. Ларин (Лурье), Г. Н. Мельничанский, Г. Залкина, И. И. Иоффе, Г. М. Чудновский, С. Гомберг, Е. Ярчук, В. Боровский, А. Минкин-Менсон, С. Восков и многие другие будущие «герои» Октября и Гражданской войны. Чем же все эти господа и товарищи кормились всю свою жизнь за рубежом? Кто содержал всех наших революционеров?

ря (8 октября) Троцкий становится председателем Петросовета. В конце сентября на II съезде депутатов Балтфлота принимается резолюция о неподчинении флота правительству.

После подавления выступления генерала Корнилова Керенский — фактический диктатор России. Он обладает всей полнотой власти для ликвидации угрозы со стороны левых экстремистов. Более того, он только что арестовал военных «заговорщиков», подавил попытку собственного свержения «справа». Значит, воля к борьбе у него есть. Сомнений в дальнейших действиях большевиков нет ни у кого. В том числе и у самого А. Ф. Керенского: «12 октября большевики учредили при Петроградском Совете Военно-революционный комитет, официально он был призван защищать “столицу революции” от германского вторжения, но в действительности стал штабом подготовки вооруженного восстания против правительства».¹ Что же делает глава Российского государства, видя надвигающуюся опасность?

Ничего. Керенский полностью игнорирует большевистские приготовления. На совещании с высшим военным руководством в начале октября спокойствие в столице признано «вполне обеспеченным». *Одновременно с этим министр юстиции Малянтович, по согласованию с Керенским, продолжает выпускать на свободу большевистских главарей!*²

Это происходит за две недели до Октябрьского переворота. «Партия в поддавки» подходит к логическому завершению. Керенский уже не просто подставляет под удар свои шашки, но даже выставляет на игровую доску новые фигуры своих противников. Освобождены Козловский, Раскольников и вожаки пулеметного полка, первым выступившего против Временного правительства в июльские дни. Причину для столь странных действий министр юстиции Малянтович нашел, умиляющую своей детской непосредственностью. По его мнению, большевиков «нельзя пресле-

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt24.htm>

² Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 640.

довать по ст. 108 (“Благоприятствование неприятелю”), так же как нельзя было бы преследовать Льва Толстого».¹

«Напрасно один из товарищей министра, — указывает Миллюков, — возражал, что нельзя не считать “благоприятствованием неприятелю” такие действия большевиков, как отказ повиноваться военному начальнику, отобрание винтовок у желающих идти на фронт, взрывы на заводах, работающих на оборону, задерживание на станциях поездов со снарядами и т. д.»²

Такие мелочи в расчет не принимаются, не обращает правительство внимания на специальное воззвание собственной контрразведки, где указывается, что германская агентура стремится к подрыву экономической и политической мощи России «путем обострения политической борьбы и доведения ее до формы погромов и анархии».³ Не слышит Керенский и собственного министра торговли и промышленности *прогрессиста* Коновалова. Это тот самый министр, который еще в мае ушел в отставку из-за отсутствия у правительства воли для решения стоящих проблем. В мае, накануне отставки он совершенно справедливо говорил, что «Россию ведет к катастрофе антигосударственная тенденция, прикрывающая свою истинную сущность демагогическими лозунгами». С июля он снова в правительстве. Снова пытается взывать к голосу разума, неоднократно настаивая на принятии предупредительных мер против большевистского восстания. Задает Керенскому вопросы: какие именно части войск будут поддерживать Временное правительство? Существует ли план обороны?

И что?

«Ответы Керенского были уклончивы: меры приняты, опасаться нечего, военное положение дает достаточные средства обороны в случае надобности»,⁴ — продолжает глава кадетов.

¹ Миллюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 640.

² Русское слово. 1917. 14 окт.

³ Русские ведомости. 1917. 15 окт.

⁴ Миллюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 642.

Коновалов не унимается: 14 (27) октября он настаивает на заслушивании доклада начальника штаба Петроградского округа генерала Багратуни. Генерал этот не совсем простой: он женат на сестре Керенского. Таким образом, все попытки подготовиться к восстанию, минуя Александра Федоровича, становились невозможными. А из доклада генерала-шурина Багратуни понятно, что никакой подготовки не ведется. Поэтому неугомонный Коновалов рвется к Керенскому на прием, сигнализируя о близкой опасности. Реакцию главы правительства можно предсказать, даже не будучи провидцем: делать он ничего не будет, сказать ему тоже нечего. «Недовольный повторными настояниями, Керенский просто стал уклоняться от бесед и от прямых ответов на прямые вопросы»,¹ — пишет Милюков.

Время шло, драгоценное время, когда будущую катастрофу еще можно было предотвратить. Керенский не делал ничего, что могло помешать его земляку Ульянову, зато предпринял ряд шагов, серьезно помогающих большевикам. Помните первый документ Временного правительства, его «Декларацию»? В ней гарантируется невывод войск Петроградского гарнизона на фронт. Полурасположившиеся части находятся в городе, как и обещано. Вдруг в *середине октября* главком Керенский издает приказ о *срочном* выводе этих частей из города и отправке их в окопы. Просидевшим в уютном Петрограде, отвыкшим от службы солдатам идти на фронт совсем не хочется. После опубликования этого приказа весь гарнизон перешел на сторону большевиков, постоянно говоривших об окончании войны. Вот и охраняли Зимний дворец только юнкера да женщины-добровольцы. Энтузиасты.

23 октября (5 ноября) на многолюдном заседании Петроградского Совета член Военно-революционного комитета В. А. Антонов-Овсеенко сделал доклад о первых двух днях его работы и сообщил, что почти все части гарнизона уже признали власть комитета и его комиссаров.² Лев Давыдович Троцкий верно оценивал ход событий: «...Исход восстания 25 октября был уже на

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 642.

² Там же. С. 649.

три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу Петроградского гарнизона, создали Военно-революционный комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство».¹

Но даже в этот момент, когда все было ясно, и дальнейший ход событий мог предугадать любой уличный мальчишка, Керенский продолжает играть с ленинцами в поддавки. До последней, до самой последней минуты. В тот же день, 23 октября (5 ноября), Временное правительство обсуждало вопрос о немедленном аресте членов самозванного Военно-революционного комитета, но... *решило подождать развития событий*.² Зато Керенский предложил министру юстиции Малянтовичу... *возбудить против членов комитета уголовные дела*. Это когда власть в городе фактически полностью ускользнула из рук правительства и только необыкновенно быстрые, решительные действия могли переломить ситуацию!

Об уровне работы Временного правительства, а вернее сказать, об уровне помощи Керенского большевикам говорит следующий факт. Вот сообщение газеты «Новая жизнь» от 20 октября 1917 года: «Министр юстиции П. Н. Малянтович предписал прокурору судебной палаты сделать немедленное распоряжение об аресте Ленина»³. За пять дней(!) до Октября министр юстиции меньшевик Малянтович только «предписал сделать немедленное распоряжение» об аресте Ленина. Да и это робкое предписание министр сделал, только получив разрешение Керенского. А Александр Федорович не давал добро до последнего — он только тогда издал приказ об аресте своего земляка Ильича, когда сделать это было практически нереально.

Более того, издав распоряжение, министр-меньшевик тут же предупредил Владимира Ильича о потенциальной возможности

¹ История Гражданской войны в СССР. М.: ОГИЗ, 1936. С. 454.

² Миллюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 650.

³ <http://smallmaster.ru/note/history/a/3459.60.html>

ареста.¹ Когда же обсуждался вопрос об аресте членов Военно-революционного комитета, все тот же Малянтович настоял на отмене этого решения, заявив, что сначала надо расследовать и выяснить, кто конкретно является автором воззвания к населению, и лишь тогда производить аресты!²

Благодарный Ленин после переворота даст своему «спасителю» охранную грамоту, которая прикроет Малянтовича от всех бед и поможет не просто пережить «красный террор», а даже избежать «уплотнения» в своей великолепной семикомнатной квартире.³ Осторожный меньшевик Малянтович автографа своего для истории не оставил, подписав лишь телеграмму. Вместо него приказ об аресте Ленина завизировал его заместитель Андрей Януарьевич Вышинский. Тот самый, кто при Сталине станет главным государственным обвинителем. Это образец железной логики «отца народов»: «странный» министр юстиции Малянтович со своей ленинской охранной грамотой пойдет в расстрельные подвалы, а пытавшийся арестовать Ильича, но честно выполнявший свой долг Вышинский — на повышение. И неважно, каких убеждений придерживается каждый из них: важнее всего порядочность и честность. Вот этих качеств членам Временного правительства не хватало катастрофически.

Только накануне восстания, 24 октября (6 ноября), на заседании предпарламента министр-председатель Керенский «вдруг» увидел начало мятежа и потребовал предоставить ему особые полномочия.⁴ Получив их, быстро скрылся из города, оставив свое правительство в блокированном Зимнем дворце. Он сделал все, что требовалось, — Ленин мог спокойно брать власть. И надо сказать, что тот помощь Керенского оценил соответственно, ответив такой же любезностью. После свержения Временного правительства его бывшего главу будут искать все, но не найдет никто. Как и Ленина некоторое время назад. Хотя при желании

¹ <http://prokuratura-krasnodar.ru/history/hpages/revolution>

² *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 659.

³ <http://www.flb.ru/info/2324.html>

⁴ Там же. С. 664.

и того и другого можно было найти без труда. До июня 1918 года, то есть *восемь месяцев* (!), Александр Федорович нелегально жил в России, но большевики его не арестовали. Неужели не могли найти? Нет, просто не искали. Хотя он перемещался много и потому был легко уязвим. В двадцатых числах ноября 1917-го он прибыл в Новочеркасск, где атаман А. М. Каледин отказался с Керенским сотрудничать. Потом к началу работы Учредительного собрания приехал в Петроград. После его разгона уехал в Финляндию. В конце января 1918 года вернулся в Петроград, а в начале мая перебрался в Москву. А причины столь долгого нахождения Керенского в стране вызваны отнюдь не его подпольной борьбой с большевиками-узурпаторами. Просто в стране, которой он руководил, начался такой бардак, что безопасно выехать из нее получилось только через восемь месяцев. Слишком многие русские граждане при встрече с бывшим адвокатом, депутатом Думы, министром юстиции и премьером Временного правительства могли бы лишить его драгоценного дара жизни. Поэтому он скрывался и прятался. Пока не уплыл из России на английском крейсере «Генерал Об».

В Мурманске действительно находилось несколько судов, охранявших доставленные британцами еще царю военные грузы. Но за Керенским приплыл корабль. Специально, чтобы вывезти «союзного» агента, блестяще выполнившего свою задачу разрушения собственной родины. Документы Керенского были в полном порядке. У него была даже *английская виза*, которую он получил в Москве в британском консульстве. Во время «всесоюзного розыска» своей персоны. Визу же ему поставил английский представитель, заместитель посла Брюс Локкарт, имевший теснейшие связи с руководителями Советской России.¹ С Лениным и Троцким.

Обратим внимание на маршрут Керенского, это многое объясняет: сначала он уплыл в Англию, потом жил во Франции, с 1940 года — в США. Что я имею в виду? После революции из России уехали миллионы людей, но основным центром эмиграции был отнюдь не Париж, а, как это ни странно, Берлин. Именно там была самая большая русская диаспора за рубежом.

¹ <http://history.nason.ru/dipkorpus3/>

Керенский же поехал к своим «союзным» хозяевам, в Париж, затем в Нью-Йорк. Там они обеспечили ему до самой кончины в Америке приличный уровень жизни, а чтобы не скучал народный трибун, специально для него создали «Лигу борьбы за народную свободу». Там, в США, он пожизненно за народную свободу и боролся. Разрушив Россию один раз, он не утомился до конца своих дней. Ведь ему не удалось полностью уничтожить эту страну. Каким-то невероятным способом на месте Российской империи появился мощный Советский Союз. Присутствие России на карте мира под любым названием «великого демократа» никак не устраивало. С 1922 по 1932 год он редактировал газету «Дни», выступал с резкими антисоветскими лекциями, но это еще можно понять. Но в 1941 году Керенский публично приветствовал нападение фашистской Германии на СССР, а в 1951 году, в период резкого обострения отношений между США и СССР, пророчил новую мировую войну, в которой Америка, как он надеялся, победит.

Писал Александр Федорович и мемуары, пытаясь объяснить всему человечеству, как же все произошло. Объяснения Керенского своего невероятного поведения у руля российской государственной машины поражают детской чистотой и скудоумием: *«Мы были так наивны... Не хватило твердости...»*

Без проблем покинула Россию и семья Керенского. Сколько невинных людей погибло во время «красного террора», сколько звучных фамилий погубило своих владельцев, взятых в заложники большевиками! Но только не фамилия «Керенский»: в первые годы советской власти она была отличной охранной грамотой. У Керенского и его жены Ольги было двое сыновей. Сам Александр Федорович так торопился покинуть страну, что бросил свою семью на произвол судьбы. Но «земляк» Ульянов не позволил им сгинуть в хаосе, организованном их мужем и папой. От греха подальше семью вывезли в провинцию поглуше. Младший из сыновей, Глеб Александрович Керенский, позднее вспоминал: «Когда большевики пришли к власти, мы с матерью вынуждены были уехать из Петербурга в Котлас. В Котласе мы прожили до 1921 года, когда матери, наконец, удалось *выхлопотать* в ЧК *разрешение* на эмиграцию, и мы поехали в Эстонию. Из Эстонии

мы с матерью решили ехать в Англию. Поездом добрались до Швеции, потом на пароме пересекли море и оказались в Ипсвиче или в Гарвиче, точно не помню, где и встречал нас отец. *У него в Англии было много друзей, они позаботились о нас, помогли найти жилье*». ¹

«Английские друзья» позаботились о Керенском, вытащив его из России, позаботились и о его семье, даже когда сам Александр Федорович уже не хотел этого делать. У него появилась новая семья, и отношения с детьми были такими «теплыми», что сын Керенского даже не пришел на похороны отца.

Любой, кто хоть немного знаком с деятельностью ЧК, легко может представить себе ситуацию, когда женщина с простой русской фамилией Керенская просит в этом «учреждении» разрешить ей эмигрировать. И ей, разумеется, разрешают. Удивительно? Нет, если помнить, что эта жена человека, проигравшего «в поддавки» всю Россию!

Выдающийся русский философ Н. А. Бердяев писал: «Никогда в стихии революции, и особенно революции, созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди, склонные и способные к диктатуре». От себя добавим — побеждают они тем легче и быстрее, чем больше им помогают. Поддержка и помощь Ленину со стороны Временного правительства была столь сильна, что он достиг вершин власти всего за **СЕМЬ МЕСЯЦЕВ!** В истории — абсолютный рекорд. Достижение Владимира Ильича даже некорректно сравнивать с результатами других борцов за свободу и равенство — такой поддержки у них не было.

900 дней продлилась ленинградская блокада, 242 дня Временное правительство было у власти. За 900 дней враг не смог взять один город, за 242 дня Керенский и его коллеги смогли полностью разрушить великое государство, уничтожить страну, созданную десятками поколений своих предков.

¹ <http://www.simbirsk.yabloko.ru/PUB/kerensky.htm>

Как Александр Керенский с Владимиром Лениным в поддавки играл

Поистине титанический труд проделало Временное правительство. Были на пути их сложности и проблемы. Но не было в действиях «февралистов» одного — искреннего желания эти проблемы решать.

Много книг написано о том периоде русской истории. Идет время, меняются оценки. И вот уже из полукомического персонажа советской истории А. Ф. Керенский становится сегодня почти героем-демократом. И вздыхают многие: ах, если бы революционное развитие России остановилось на Феврале!

А мне на ум приходит другая сцена. Представьте себе, что штандартенфюрер СС Отто фон Штирлиц (советский разведчик Максим Максимович Исаев) после падения Третьего рейха в 1945 году благополучно уехал за границу. И вот лет через двадцать, где-нибудь в Аргентине и Боливии выступает он перед толпами бежавших нацистов. Молодежь активно интересуется, вопросы задает.

— Скажите, пожалуйста, — спрашивает, — как же так вышло, что вы провалили создание в Германии атомной бомбы? Как же получилось, что сорваны были мирные переговоры с западными «союзниками»? Как смогла улизнуть порученная вам русская радистка?

Улыбается Штирлиц, стоя на трибуне. Объяснения у него давно готовы:

— *Мы были так наивны... Не хватило твердости...*

Глава 8

Зачем Александр Федорович Керенский предал и обманул генерала Корнилова

Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала послужили большевики, я протестую. Россию развалили другие, а большевики — лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках ее организма.

А. И. Деникин

Подобно тому, как разрушение армии явилось прямым следствием саботажа Керенского, голод и разруха были следствием саботажа министров, ведавших промышленностью, транспортом и снабжением.

*А. И. Верховский, военный министр последнего состава
Временного правительства*

Это случилось 30 августа (12 сентября) 1917 года. Командир 3-го кавалерийского корпуса генерал А. М. Крымов зашел в кабинет Александра Федоровича Керенского. Дальнейшие события в своих мемуарах Деникин описывает так:

«Крымов оказался обманутым. Уйдя от Керенского, выстрелом из револьвера он смертельно ранил себя в грудь. Через несколько

часов, в Николаевском военном госпитале, под площадную брань и издевательства революционной демократии, в лице госпитальных фельдшеров и прислуги, срывавшей с раненого повязки, Крымов, приходивший изредка в сознание, умер».¹

Что произошло в душном августе злополучного для России семнадцатого года и почему генерал Крымов вел свои войска на Петроград? Начнем с самого конца — с ответов.

Разложение армии было наиглавнейшим условием будущего уничтожения страны. Именно в августе 1917-го Александр Федорович Керенский, «союзная» марионетка, устранил последнее препятствие на пути к власти Владимира Ильича Ленина. Этим препятствием была русская армия. Преданная, оплеванная, обманутая — она, как щит, прикрывала родную страну. Пока была в России армия, страна погибнуть не могла. Следовательно, ее и надо было извести...

Руководство армии, ее элита, как мы знаем, с радостью поддержало Февральский переворот. Они тешили себя иллюзиями и надеждами, которые вскоре стали быстро испаряться, как лужицы июльского дождя на ярком летнем солнце. Командир Уссурийской казачьей дивизии генерал Александр Михайлович Крымов был одним из тех, кто связывал успешное победоносное завершение войны с переменами в высшем эшелоне русской власти. В мемуарах Родзянко описывается встреча у него на дому в январе 1917 года «многих депутатов» Государственной думы с генералом Крымовым. Боевой генерал тогда говорил так: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте».² Речь шла о смещении Николая II и замене его наследником Алексеем под регентством брата царя Михаила. Именно этого хотела военная верхушка и самые умеренные заговорщики типа Родзянко. (Они же самые неинформированные!)

Но вот переворот случился, и все неожиданно зашло значительно дальше того, что планировали русские генералы. Поэто-

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 2. С. 21.

² Мультатули П. В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов; <http://monarhiya.narod.ru/multat.htm>

му первой реакцией патриотов-военных на творящиеся безобразия стала попытка «открыть глаза» Временному правительству. Объяснить умным и образованным министрам те очевидные истины, которые может понять любой школьник:

- ◆ *что в условиях войны армия — это самая важная часть государственного механизма;*
- ◆ *что после разнообразных «приказов» страна может армию потерять;*
- ◆ *что следом за распадом вооруженных сил страны произойдет распад и самой России.*

В голове военных не могло даже зародиться сомнение, что все «странности» и «глупости» делаются не случайно, а сознательно и специально. Крымов стал настойчиво стучаться в двери военного ведомства, а вскоре отправил в столицу барона Врангеля. Разговор Милюкова с Врангелем ничего не дал.¹ Правительство по-прежнему ничего не делало для спасения армии от быстро разлагающей ее «революционной демократии». Наконец, 14 (27) марта военный и морской министр **Александр Иванович Гучков** соизволил вызвать в столицу самого генерала Крымова.

Не так себе представлял Крымов те грядущие изменения в стране, о которых говорилось далеким январским вечером с депутатами-демократами, в числе которых был тогда и Гучков. Поэтому он предложил Временному правительству за два дня очистить Петроград силами одной своей дивизии. Прими Временное правительство его предложение — вся история России могла бы пойти по-другому, и через неделю(!) Ленина на вокзале встречал бы не почетный караул, а полиция и уссурийские казаки с нагайками. Но «союзные» кукловоды знали, кого они поставили у власти, и свои гарантии немцам давали спокойно. Гучков в ужасе отклонил предложенную Крымовым столь «недемократическую» помощь; генерал вернулся на

¹ Врангель П. Н. Записки; <http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangel1/01.html>

фронт, а процесс разложения армии активно продолжился. Как и планировалось...

Чтобы уничтожить Россию, мало было начать войну и вызвать недовольство ее ходом в массе русских людей. Недостаточно было разлагать их пропагандой, дезориентировать громкими демократическими лозунгами. Надо было полностью блокировать возможность здоровых сил навести порядок и спасти гибнущую державу. Ведь истерзанная Россия могла вновь захотеть твердой власти, а такая власть ассоциировалась в то время только с монархией или военной диктатурой. Монарха у России уже не было, а бодрых и энергичных генералов было хоть отбавляй. Распад и гибель страны могли быть остановлены жесткой и твердой рукой военных-патриотов. Именно поэтому Александр Федорович Керенский активно занялся ликвидацией этой возможности.

Для этого подготовка уничтожения России велась сразу по трем направлениям:

- ♦ *создание хаоса и неразберихи;*
- ♦ *возвращение в страну экстремистов всех мастей;*
- ♦ *введение во власть законченных интриганов и «мечтателей».*

Таких, для кого экстремист-социалист значительно милее боевого генерала, а старые спокойствие и порядок ненавистны куда больше, чем возможные будущие катаклизмы. Чтобы предотвратить реставрацию не старого порядка, а просто «порядка», в правительство во все большем количестве, после каждого кризиса власти, вводились антигосударственные элементы. Все больше представителей именно социалистических партий рассаживались в кресла министров Временного правительства. Там началась настоящая чехарда. Редко кто засиживался во власти более трех месяцев.

Пришло нам время повнимательнее присмотреться к спискам министров Временного правительства. Нам ведь всегда говорили о «министрах-капиталистах». Но в том-то и дело, что Антонов-Овсеенко арестовывал в Октябре совсем другой «коллектив». Современные учебники пишут об этом скупое. Придется разбираться во всем самим.

Первое Временное правительство¹

Министр-председатель	князь Г. Е. Львов (кадет)
Министр внутренних дел	он же
Министр иностранных дел	П. Н. Милюков (кадет)
Военный и морской министр	А. И. Гучков (октябрист)
Министр юстиции	А. Ф. Керенский (трудовик)
Министр торговли и промышленности	А. И. Коновалов (прогрессист)
Министр путей сообщения	Н. В. Некрасов (кадет)
Министр земледелия	А. И. Шингарёв (кадет)
Министр финансов	М. И. Терещенко (беспартийный)
Министр просвещения	А. А. Мануйлов (кадет)
Государственный контролер	И. В. Годнев (октябрист)
Обер-прокурор Священного синода (министр исповеданий)	В. Н. Львов (кадет)

Итак, начнем. Во Временном правительстве, организованном сразу после отречения царя, партийный состав был следующим: шестеро кадетов, двое октябристов, прогрессисты и беспартийные имели по одному портфелю.

Левым в этом правительстве считался только один министр — трудовик Керенский.

Прошел первый апрельский кризис, и картина изменилась.

Первое коалиционное правительство

Министр-председатель	князь Г. Е. Львов (кадет)
Министр внутренних дел	он же
Министр иностранных дел	М. И. Терещенко (беспартийный)
Военный министр	А. Ф. Керенский (эсер)
Временный управляющий Морским министерством	В. И. Лебедев (беспартийный)
Министр юстиции	П. Н. Переверзев (трудовик)

¹ Персональный состав «временных правительств»; <http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=622035>

Министр торговли и промышленности	А. И. Коновалов (прогрессист)
Министр путей сообщения	Н. В. Некрасов (кадет)
Министр земледелия	В. М. Чернов (эсер)
Министр финансов	А. И. Шингарёв (кадет)
Министр просвещения	А. А. Мануйлов (кадет)
Министр труда	М. И. Скобелев (меньшевик)
Министр продовольствия	А. В. Пешехонов (народный социалист)
Министр государственного призрения	князь Д. И. Шаховской (кадет)
Министр почт и телеграфов	И. Г. Церетели (меньшевик)
Государственный контролер	И. В. Годнев (октябрист)
Обер-прокурор Священного синода (министр исповеданий)	В. Н. Львов (кадет)

Мы снова видим шестерых кадетов, одного трудовика и одного прогрессиста. Октябристов стало на одного меньше (1). Но главное — из правительства исчезли одни из основных «февралистов», глава кадетов Милюков и октябрист Гучков. Керенский очень быстро стал эсером, составив вместе с Черновым фракцию этой партии во власти. К двум представителя этой левой партии добавились также два меньшевика и еще один борец за свободу из партии с экзотическим для нас названием «народные социалисты».

Баланс получается следующий: восемь представителей буржуазных партий против шести членов социалистических при двух беспартийных министрах.

В таком составе правительство продержалось до июльского выступления большевиков. Итогов неудавшегося восстания было несколько. Ильич отправился кормить комаров в Разлив вместе с Зиновьевым. Троцкий, Каменев и Коллонтай ненадолго сели в тюрьму. Ну, а Временное правительство снова подало в отставку. Всего лишь для того, чтобы еще раз очистить свои ряды от умеренных и увеличить в своем составе число представителей левых партий-экстремистов.

Второе коалиционное правительство А. Ф. Керенского

Министр-председатель	А. Ф. Керенский (эсер)
Министр внутренних дел	Н. Д. Авксентьев (эсер)
Министр иностранных дел	М. И. Терещенко (беспартийный)
Военный и морской министр	А. Ф. Керенский (эсер)
Министр юстиции	А. С. Зарудный (народный социалист)
Министр торговли и промышленности	С. Н. Прокопович (беспартийный)
Министр путей сообщения	П. П. Юренев (кадет)
Министр земледелия	В. М. Чернов (эсер)
Министр финансов	Н. В. Некрасов (кадет)
Министр просвещения	С. Ф. Ольденберг (кадет)
Министр труда	М. И. Скобелев (меньшевик)
Министр продовольствия	А. В. Пешехонов (народный социалист)
Министр государственного призрения	И. Н. Ефремов (радикал-демократ)
Министр почт и телеграфов	А. М. Никитин (меньшевик)
Государственный контролер	Ф. Ф. Кокошкин (кадет)
Обер-прокурор Священного синода (министр исповеданий)	А. В. Карташев (кадет)

Этот кабинет сформировал уже сам А. Ф. Керенский. На этот раз он сосредоточил в своих руках власть и министра-председателя, и военного министра. Фактически это диктатура. Навести порядок в стране, имея полномочия отдавать приказы армии, ни с кем их не согласовывая, — возможно. Задача непростая, но решаемая. Если действительно пытаться спасти страну от краха. В случае стремления к противоположной цели и результат будет соответствующим.

Во втором коалиционном кабинете кадетов стало чуть меньше (5), сохранили свои позиции два беспартийных министра, зато исчезли октябристы, трудовики и прогрессисты. Меньшевики имели два портфеля, народные социалисты также два,

а эсеры расплодись безмерно (4). Видимо, для ассортимента многопартийности в правительстве появился член радикально-демократической партии, занявший пост министра государственного призрения. (Вот уж где воистину требовались радикализм и демократичность, так это в министерстве, занимавшемся вдовами, сиротами и инвалидами!)

Баланс в правительстве, где Керенский стал премьером, следующий: пять буржуазных министров против девяти социалистов при двух беспартийных.

На этом ветер перемен, сдувший уже почти половину тех, кто эти перемены начинал, не успокоился. После «корниловского мятежа» Керенский еще раз реорганизует правительство, на этот раз по образцу Великой французской революции. Даже название нового правящего органа взято оттуда — Директория.

Директория (Совет пяти)

А. Ф. Керенский	эсер
А. М. Никитин	меньшевик
М. И. Терещенко	беспартийный
А. И. Верховский	беспартийный
Д. Н. Вердеревский	беспартийный

Баланс в правительстве продолжает сдвигаться в сторону левых: из пяти министров ни одного «буржуазного», зато два социалиста и трое беспартийных.

Правила Директория всего три недели, после чего власть снова реорганизовала сама себя.

Третье коалиционное правительство А. Ф. Керенского

Министр-председатель	А. Ф. Керенский (эсер)
Министр внутренних дел	А. М. Никитин (меньшевик)
Министр иностранных дел	М. И. Терещенко (беспартийный)
Военный министр	А. И. Верховский (беспартийный)
Морской министр	Д. Н. Вердеревский (беспартийный)
Министр юстиции	П. Н. Малянтович (меньшевик)

Министр торговли и промышленности	А. И. Коновалов (прогрессист)
Министр путей сообщения	А. И. Ливеровский (беспартийный)
Министр земледелия	С. А. Маслов (эсер)
Министр финансов	М. В. Бернацкий (радикал-демократ)
Министр просвещения	С. С. Салазкин (кадет)
Министр труда	К. А. Гвоздев (меньшевик)
Министр продовольствия	С. Н. Прокопович (беспартийный)
Министр государственного призрения	Н. М. Кишкин (кадет)
Министр почт и телеграфов	А. М. Никитин (меньшевик)
Государственный контролер	С. А. Смирнов (кадет)
Обер-прокурор Священного синода (министр исповеданий)	А. В. Карташов (кадет)
Председатель Экономического совета	С. Н. Третьяков (прогрессист)

Вот это третье коалиционное правительство потом и пополнит своим личным составом казематы Петропавловской крепости. В этом последнем Временном правительстве «для ассортимента» вновь появились кадеты (4) и прогрессисты (2), эсеры (2) и меньшевики (4). Радикал-демократов, после того как они потренировались на инвалидах и сиротах, Керенский перебросил на пост министра финансов. (И они бы справились — вот только большевистский переворот прервал стремительный взлет этой ныне никому не ведомой партии!) Собственно говоря, уже все равно, кто в этот руководящий орган войдет, так как руководить остается около месяца.

Интересная получается картина. В последнем Временном правительстве семь представителей левых партий, шесть — правых и пять — беспартийных. Премьер Керенский — «левый» (эсер), министр внутренних дел Никитин — «левый» (меньшевик), министр финансов — тоже «левый» (радикал-демократ). Еще будем помнить, что «беспартийные» Терещенко и Вердеревский, воз-

главляющие министерство иностранных дел и военное ведомство, только что входили в Директорию, состоявшую всего из пяти человек и формировавшуюся «левым» Керенским, а потому должны были быть «близкими» ему людьми (в нашей классификации «левыми»). Вопрос на засыпку: как можно охарактеризовать правительство, в котором все ключевые портфели занимают представители «левых» партий? Ответ очевиден.

Временное правительство, свергнутое большевиками, было «левым» и по своему составу, и по духу. Еще пара отставок, и в правительстве могли появиться большевики, а там, глядишь, и вовсе анархисты. Вот так постепенно «левела» власть, отрезая себе самой путь к спасению от большевиков. С каждым шагом приближая крах русской армии, а с ней и крах самого государства.

Проследим процесс уничтожения Александром Федоровичем русской армии, для этого вернемся к первому кризису во Временном правительстве. Чтобы угробить армию гарантированно, военным министром должен был стать сам Керенский. Но это место занимает Гучков, оно занято. Вот тогда и начинается первый правительственный кризис, когда «февралисты» впервые, как змея, сбросили старую тесную «шкуру». 18 апреля (1 мая) 1917 года министр иностранных дел России П. Н. Милюков направил «союзникам» ноту. В ней он еще раз подчеркнул решимость России воевать до победного конца. «Победа — это Константинополь, а Константинополь — это победа»,¹ — сказал Милюков. Казалось бы, что нового, что крамольного сказал господин министр? Турецкие проливы — это главный приз за наши жертвы и лишения. Дарданеллы «союзники» обещали еще Николаю II. Теперь, чтобы миллионные жертвы русских солдат не были напрасными, надо России поднапрячься и продержаться до победного конца Великой войны.

Но вышло очень некрасиво: Милюков получил прозвище «Дарданелльский», а правительство — мощные антивоенные демонстрации под лозунгом «Долой войну!» и резкое обострение внутривосточной ситуации. По сути, Милюков выступил

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 79.

в неумной роли провокатора и подстрекателя, хотя всего лишь подчеркнул важные для России результаты будущей победы.¹ Кто же надоумил его выступить так не вовремя? Друзей у Милюкова было много, и не самый последний из них — Якоб Шифф, одной рукой предоставлявший кредиты немцам на «мексиканскую»

¹ Уверенности в уничтожении России у англичан не было, несмотря на всю бурную деятельность Керенского и его коллег. Поэтому под видом антивоенной пропаганды в массы запустили лозунг окончания войны. Только не простого ее окончания, а «без аннексий и контрибуций». Это значит — потеряв миллионы солдат, Россия должна отказаться забрать турецкие проливы накануне победы. Мы же помним, что на 1917 год планировался разгром Германии и ее сателлитов. Не отдать Босфор и Дарданеллы русским после победы весьма проблематично для Англии. А вот если они откажутся сами — совсем другое дело. Поэтому в соответствующем ключе поет и главный британский «соловей» — Керенский: «Русская демократия в настоящее время — хозяин земли русской. Мы решили раз и навсегда прекратить в нашей стране все попытки к империализму и захвату...» (*Милюков П. Н. История второй русской революции*. Минск: Харвест, 2002. С. 80).

То, что мир «без аннексий и контрибуций» есть предательство интересов России, считал даже царский министр иностранных дел Сазонов, который был одним из главных поджигателей войны с российской стороны. «...Когда под влиянием нравственного разложения, вызванного переутомлением войной и чадом революционной пропаганды, затмившими здравый смысл и патриотическое сознание народа и его самозванных руководителей, была произнесена подсаженная народу из-за рубежа пагубная формула: “Без аннексий и контрибуций”. Ухватившись за нее, революционное правительство начало отмахиваться от завещанной России прошлыми веками политики и заклеило себя актом исторического отступничества, равного которому едва ли можно приискать в летописях человечества» (*Сазонов С. Д. Воспоминания*. Минск: Харвест, 2002. С. 273).

Одного Сазонов недоговаривает — почему Антанта очень тепло отнеслась к Временному правительству, которое предавало интересы России. Это значит, что Сазонов так и не понял, что английские и французские «друзья» использовали его и других российских «ястребов» втемную. В итоге войны «за проливы» Россия их не получила и распалась на части.

революцию, а другой помогавший деньгами Временному правительству.

Подставив Милюкова, «союзные» друзья принялись его утешать: ничего страшного, правительственные кризисы — нормальное явление в демократических странах. Надо всего лишь подать в отставку, раз этого требует общественность. И правительство ушло. В полном составе, а когда было сформировано заново тем же князем Львовым, перемены в его составе были разительными. Инициатором их был пламенный борец за демократию Александр Федорович Керенский. Он заявил, что выйдет из состава кабинета, если Милюков не будет переведен на пост министра просвещения. Одновременно Керенский потребовал немедленно ввести в правительство представителей социалистических партий, в противном случае угрожая выйти из него самому. Почему он так нагло себя ведет?

Хотя формально председатель этого правительства — благообразный кадет князь Львов, реально делами заправляет скромный министр юстиции эсер Керенский. В своих мемуарах Милюков пишет: «Единственный голос власти в заседаниях принадлежал Керенскому, перед которым председатель совершенно стушёвывался».¹ Отказать ему нельзя. Почему? Потому, что именно за его спиной стоят «союзные» силы, из-за кулис направляя действия министров. Раз отказать нельзя, то придется жертвовать важными политическими фигурами. Для чего же была затеяна вся эта рокировка?

Все правительственные кризисы преследовали всегда одну цель: увеличение власти Александра Федоровича Керенского. Вот это очень интересный момент и его незаслуженно мало освещают. Путем создания политических осложнений к власти приводили самых аморальных и беспринципных.

Вспомним:

- ♦ первый кризис, вызванный нотой Милюкова, — Керенский становится военным министром;

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 79.

- ◆ второй кризис, июльское выступление большевиков — Керенский возглавляет правительство;
- ◆ третий кризис, корниловский «мятеж» — Керенский получает диктаторские полномочия.

Из каждого обострения ситуации именно Керенский выходил всегда более сильным. С каждым «обнулением» Временного правительства его власть возрастала. Делалось это не случайно: правительственные кризисы были искусственно организованными и управляемыми. Попутно из властных структур уходили люди, которые могли найти общий язык с теми, кто хотел спасти Россию от грядущей катастрофы. Уходили все умеренные февральские заговорщики, кто хотел лишь подреставрировать монархию, а не валить ее в грязь. Так потихонечку, незаметно убирали от государственной власти более трезвомыслящих, оставляя управляемых и подлых. Не стало больше во власти Милюкова, не стало военного министра Гучкова.

Если внимательно посмотреть, чем занимается Александр Федорович Керенский, то можно сразу понять, какое направление сейчас в деле разрушения России главное. В первом правительстве он — министр юстиции. Все правильно, для начала процесса разложения страны надо разную дрянь занести в ее кровоточащие раны. Привезти из-за границы, выпустить из тюрем и ссылок. Для этого нужна амнистия, а ее проводит в жизнь именно министр юстиции Керенский! Во втором составе он возглавит военное ведомство. Потому что только полное разрушение армии даст гарантию выполнения «союзных» планов. Одного Приказа № 1 маловато, тут работы для военного министра Керенского невпроворот!

Как мы уже говорили, причиной многочисленных демонстраций в столице стала нота Милюкова. Сам же он считал, что беспорядки, приведшие к его отставке, — дело рук немецкой разведки: «Задача устранения обоих министров (Милюкова и Гучкова) прямо была поставлена в Германии».¹ Рабочие за участие в демонстрации получали от большевиков по 15 рублей

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 94.

в день. Удивительно близоруки все лидеры Февраля. В мире бушует страшная мировая война: две коалиции держав соревнуются на полях сражений, в воздухе, на море и под водой. Такая же бескомпромиссная борьба идет и на невидимом фронте разведок и спецслужб. А Милюков, Керенский, Гучков и все остальные по-прежнему видят одну только «руку Берлина» во всех русских катаклизмах. Сам Милюков пишет о февральских демонстрациях, тщательно подчеркивая таинственный и закулисный характер их возникновения. Но когда речь идет о митингах в апреле того же года, он предельно точен — дело рук немцев.

Тут уместно вспомнить комментарий к этому утверждению Льва Давыдовича Троцкого: «Золотым немецким ключом либеральный историк открывал все загадки, о которые он расшибался как политик».¹ Если сформулировать по-другому, ограниченный интеллект Милюкова правильно ситуацию понять не может и все по привычке валит на германские спецслужбы. Но не все события в России происходили по указке германских спецслужб. Если быть совсем точными, то — *никакие*, за исключением забастовок на оборонных заводах! Нет смысла немцам добиваться смещения Милюкова и Гучкова. Временное правительство — это творение и создание «союзных» спецслужб. Оно всегда сделает так, как хотят его хозяева. Перемена персоналий в его составе ничего германцам не даст. Смысла давать по 15 рублей рабочим никакого нет.

Немцам смысла нет, а у Керенского и у стоящих за ним «союзников» есть. Потому что в результате первого правительственного кризиса и последовавших отставок военным министром станет Александр Федорович Керенский. Вспомним, что одним из его первых шагов стало подписание «Декларации прав солдата», и тогда ситуация станет намного более понятной. Демонстрации рабочих нужны для того, чтобы выпустить в свет этот документ.

¹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2; <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/2-4.html>

«Последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы...»¹ — сказал о «Декларации» генерал Алексеев. Пикантная подробность — подготовленная в недрах военного министерства, эта бумага вызвала категорический протест военного же министра Гучкова. Он просто наотрез отказался ее подписывать. Тут-то и подоспел правительственный кризис. И так вовремя! Отправили несговорчивого Гучкова вместе с Милюковым в отставку, а на их место пришел Керенский, сразу и резко вбивший «последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы». Зачем военный министр Керенский такую гадость подписал — вопрос риторический. Мы на него уже ответили. Ему так приказали его «союзные» кураторы, а послушаться он не мог.

Незавидная же политическая судьба Гучкова и Милюкова была наглядным уроком для всех «независимых» русских политиков. Принцип самосохранения для всех остальных деятелей был весьма прост. Для того чтобы оставаться у руля власти, надо быть послушным и не раздумывая выполнять «просьбы» своих французских и английских друзей. Любые, даже самые невероятные. Интересы собственной страны в расчет, разумеется, принимать не надо. И ни при каком раскладе не позволить военным навести порядок в гибнущей стране...

Знаменем же здоровых сил общества, с надеждой взиравших на армию, как-то незаметно для себя стал генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Как и Крымов, как и многие другие, он искренне служил России и поначалу с радостью поддержал Временное правительство. Весной 1917 года на собрании офицеров он заявил: «...Старое рухнуло. Народ строит новое здание свободы, и задача народной армии — всемерно поддержать новое правительство в трудной созидательной работе».² Не вдаваясь во все политические подробности, русские военные стремились к одной заветной цели: обеспечить своей стране место среди будущих победителей войны. И все, что мешало этому, ими категорически отвергалось.

¹ Керсновский А. А. История Русской армии; <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/18.html>

² <http://tmn.fio.ru/works/64x/310/kornilov.htm>

На первом этапе своей «революционной» карьеры Лавр Георгиевич Корнилов боролся с хаосом в роли командующего Петроградским гарнизоном. Первой «пробой пера» для него стали те самые демонстрации, приведшие к первому изменению состава Временного правительства. Сценарий был старый, добрый, «февральский». Сначала «Долой войну!» и «Хлеба!», а потом «Долой правительство!». В районе Казанского собора тогда произошла небольшая перестрелка. Большевики еще не пытались взять власть, но прощупывали ее наверняка. Было еще рано — во главе питерского гарнизона стоял генерал Корнилов. Он вывел надежные части на улицу и практически бескровно прекратил беспорядки.

Это запомнили и сделали выводы. Становилось ясно, что на пути Ленина к власти могут встать военные. Армия была еще недостаточно разложена. Следовательно, для успешного уничтожения России развал вооруженной силы должен быть продолжен, а генерал Корнилов — устранен персонально. Вот эти две задачи и ринулось выполнять... Временное правительство. Поэтому и шантажировал коллег по власти Керенский своей отставкой, для этого и старался всеми силами стать военным министром вместо сохранявшего разум Милюкова.

Обратите внимание, как все красиво получается. Выступление Милюкова провоцирует беспорядки, что, в свою очередь, приводит к смене правительства и замене строптивых министров. Сговорчивый Керенский, долго не думая, подмахивает «Декларацию прав солдата» и подписывает смертный приговор русской армии. После чего большевики попытаются взять власть в июле, и это дает Керенскому премьерское кресло. Он продолжает подыгрывать Ленину, облеченный высшими властными полномочиями. Большевиков не арестовывают, не разоружают, а если они все же оказываются за решеткой, как Троцкий, то их выпускают. Взять власть Ленину удастся только тогда, когда разложение войск пойдет очень далеко, а Керенский нейтрализует своего единственного союзника и главного большевистского врага — здоровые силы армии.

Тем временем русская армия под руководством военного министра Керенского готовилась перейти в наступление.

В то самое, которое должно было начаться в мае 1917-го *одновременно* с наступлением «союзников». Которое позорно провалилось и годы спустя превратилось во многих исторических источниках в «бойню Нивеля». Благодаря тому что «союзники» начали «вдруг» наступать на месяц раньше срока, весь стратегический замысел этой атаки испарился. Получилась ситуация, когда:

- ◆ общего стратегического плана Антанты больше не существует;
- ◆ «союзники» обескровлены мудрым генералом Нивелем и ушли в глухую оборону;
- ◆ сама русская армия в таком состоянии, что успех наступления практически невозможен;
- ◆ немцы после отражения наступления на Западном фронте перебросили свои войска на Восточный;
- ◆ усилившись, германские войска сами при этом вперед не идут, а чего-то выжидают.

Зачем русской армии наступать в такой проигрышной ситуации, когда она едва может обороняться? Поливстав литературу, много объяснений этому загадочному стремлению вы не найдете. Будет только один мотив: наше наступление оттягивало германские силы с Западного фронта. Это правда, только не совсем понятно, зачем России, стоящей одной ногой в гробу, оттягивать на себя еще больше сил противника с фронта, где англичане и французы чувствуют себя значительно лучше. Такой мотив кажется весьма странным, если думать, что Керенский и его хозяева из Лондона и Парижа действительно хотели общей победы Антанты. И наоборот, все встает на свои места, когда мы знаем конечную цель «союзных» махинаторов — разрушение России. Тяжело больного дополнительно нагружают и не дают лекарств, желая, чтобы он поскорее умер. Вот и Временное правительство под указку «союзников» старалось оттянуть на себя максимальное количество немецких войск, чтобы поражение русской армии привело к внутреннему кризису, революции, хаосу и окончательному уничтожению геополитического конкурента англосаксонских держав.

Заинтересовавшись биографией посла Великобритании в России Джорджа Бьюкенена, вы опять же убедитесь, что наступление нашей армии было предпринято под его давлением. «Союзники» требуют идти вперед, чтобы еще больше ослабить и без того катящуюся в пропасть страну. Их ставленники отказать не могут. На кого давит британский посол? На главу правительства князя Львова и военного министра. А им как раз только что, совершенно случайно, стал А. Ф. Керенский. Главным идеологом, главным «лоббистом» необходимости идти вперед становится он же. Со спокойной совестью ездит по войскам и призывает новую революционную русскую армию к наступлению. К тому, которое закончится крахом, всеобщим озлоблением и повышением ленинского рейтинга.¹

Желание поскорее добить русскую армию прикрывается, как обычно, демагогическими лозунгами. Якобы новая революционная армия будет так хорошо воевать, что в два счета выиграет войну. Бредовость подобных утверждений была очевидна как политикам, так и военным. «Приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо»,² — подводит итог на совещании в Ставке начальник штаба генерал А. С. Лукомский. «Явной стратегической авантюрой, заведомо обреченной на крах»,³ называет готовящееся наступление и один из руководителей Петросовета Суханов (Гиммер).

Да что там! Против наступления выступают даже большевики. «4 июня большевистская фракция огласила на съезде Советов внесенную мною декларацию по поводу готовившегося Керенским наступления на фронте, — пишет Лев Давыдович

¹ Накануне наступления британские представители обещали оказать ему поддержку боевыми действиями на Западном фронте. Помощь, как вы уже, наверное, догадались, запоздала. Еще были осуществлены поставки военного снаряжения и оружия, правда, все это оказалось «очень плохого качества». Зато в нашем наступлении участвовал целый (!) британский мотоэскадрон! (*Уорт Р.* Антанта и русская революция. М.: Центрполиграф, 2006. С. 128.)

² Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2006. С. 451.

³ Суханов Н. В июне 1917; <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/230.html>

Троцкий. — Мы указывали, что наступление есть авантюра, грозящая самому существованию армии».¹ А парой строчек ниже делает вывод: «Доверие к Временному правительству в массах было безнадежно подорвано».²

Вот для этого Керенский и призывает наступать — это его очередной ход в игре «поддавки». Классический расклад — «злой» следовательно за наступление, «добрый» — против. Керенскому отводится роль «злого» — он старается изо всех сил, пускает в ход все свое красноречие. Кто против наступления, тот против революции — это основной тезис его тогдашних выступлений. Об этом просто кричат все мемуары того времени: «Агитация Керенского была (почти) сплошным триумфом для него. Всюду его носили на руках, осыпали цветами».³ Это слова того же Суханова. Но он человек штатский, натура творческая, увлекающаяся. Так нет же, генерал Деникин вторит ему: «Был, несомненно, такой краткий, но довольно яркий период в жизни Керенского — военного министра, — я его отношу приблизительно к июню, — когда не только широкие круги населения, но и русское офицерство подчинилось обаянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на заклятие, тогда всё забыло, всё простило и мучительно ждало от него спасения армии».⁴

В полном восторге от Александра Федоровича и «союзники». Он просто находка для них! Так умело дурит голову целой стране. «Союзные» газеты полны лестных оценок его способностей. Статьи о нем — только в положительном ключе: это самый молодой военный министр в мире! Россия и армия поверили Керенскому, а сладкоречивый министр снова всех обманул. Солдаты и офицеры готовились к ненужному и неподготовленному наступлению. Именно оно и должно было поставить на русской армии окончательный, жирный крест. Троцкий позднее напишет:

«Наступление 18 июня было организовано Керенским под явным давлением Антанты, которая была заинтересована в том,

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3, ч. 1. М.; Л., 1924. С. 196.

² Там же.

³ <http://gkaf.narod.ru/kirillov/oral/09kerensky.html>

⁴ Там же.

чтобы немецкие войска были отвлечены на Восточный фронт. Подготавливая это наступление, Керенский и военное командование знали, что армия не обладает ни техническими, ни моральными предпосылками для его проведения... В конечном итоге это наступление обратилось против его организаторов, ибо новое преступно спровоцированное поражение сильно революционизировало солдатские массы и тем самым создало благоприятную почву для большевистской агитации за мир».¹

Лучше и не скажешь.

Несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике, наше наступление захлебнулось и быстро прекратилось, а затем вовсе превратилось в позорное бегство, сопровождавшееся грабежами и мародерством. Горькие слезы выступали на лицах русских офицеров. «По всей армии пехота отказывалась выполнять боевые приказы и идти на позиции на смену другим полкам, — пишет генерал Краснов, — были случаи, когда своя пехота запрещала своей артиллерии стрелять по окопам противника под тем предлогом, что такая стрельба вызывает ответный огонь неприятеля».²

Разложение под влиянием большевистской пропаганды затронуло уже лучшие части. 1-й Гвардейский корпус отказывается идти в атаку. В частях митинги — на них голосованием решается, идти вперед или отправляться на отдых. Пока армия сидела в окопах, она существовала. После того как ее послали вперед, она рассыпается. Для этого Керенский так и старался, отсюда и пафос его речей и красивая поза.

«“Демократизированная армия”, не желая проливать кровь свою для “спасения завоеваний революции”, бежала, как стадо баранов. Лишенные власти начальники бессильны были остановить эту толпу»,³ — вспоминал в своих мемуарах барон Врангель. Результаты боев ужасны: огромные потери в живой силе, чудо-

¹ Троцкий Л. Сочинения. М.; Л., 1924. Т. 3, ч. 1. С. 223.

² Краснов П. Н. На внутреннем фронте / Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 369.

³ Врангель П. Н. Записки; <http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangel1/01.html>

вишняя убыль в техническом оснащении и запасах. Германская армия захватывает город Тернополь «с многомиллиардными» запасами. Потому что германская армия не просто отбила русский удар, а сама перешла в наступление. Но простите, откуда немцы столь быстро нашли резервы для своего контрудара? Откуда такие мощные резервы у истощенной германской армии? Никакого секрета тут нет — во всех учебниках истории ответ напечатан черным по белому: «Германское командование к месту прорыва спешно перебрасывало войска с французского и других фронтов».¹ В самые сжатые сроки в Россию попали одиннадцать дивизий. Пусть вас не смущает формулировка «и других фронтов» — во всех «других» окопах немецкие солдаты имели тех же самых противников из Антанты. И именно англичане и французы бездействовали, позволяя немцам свободно подтягивать подкрепления.

«На Французском и Итальянском театрах летние операции шли не только в связи с Русским фронтом, но и без связи друг с другом. В то время как на Русском театре развивались только что изложенные нами события наступления и отката, англичане, французы и итальянцы не предпринимали никаких операций, — пишет видный военный теоретик А. М. Зайончковский. — Но когда Русский фронт приостановился и германцы освободились, то 31 июля англичане предприняли наступление у Ипра. Когда англичане сделали месячный перерыв в своем наступлении (с 16 августа по 20 сентября), то французы начали свои атаки под Верденом (20–26 августа), а итальянцы — одиннадцатое наступление на Изонцо (19 августа — 1 сентября). То есть операции... шли при полном отсутствии связи по времени».²

Договоренности между разведчиками двух блоков строго соблюдались. Немцы спокойно перебрасывали войска на Восточный фронт, «союзники», как и обещали, не вели никаких серьезных наступательных операций на Западном. То, что происходило,

¹ *Строков А. А.* История военного искусства. СПб.: Омега-Полигон, 1994. С. 535.

² *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 529.

напоминало небольшие булавочные уколы: «Другая особенность действий западных держав в этот период заключается в отсутствии широких целей в предпринимаемых ими наступлениях, — далее указывает Зайончковский. — Они всюду ограничивались задачами тактического характера, а именно — улучшения своего положения занятием более выгодных пунктов».¹

Спокойны за свои позиции и «союзники»: немцы в апреле не двинулись на Париж, когда бунт охватил французские войска. Обратите внимание: *именно против России германские полководцы ведут себя «как надо»*. Видя ослабленность противника, они не просто обороняются, а идут в наступление сами. Под Парижем, в такой же точно ситуации, германские войска стояли как вкопанные!

Генерал Корнилов уже на следствии, проводимом Временным правительством, показал: «Я принял армию в состоянии почти полного разложения. Благодаря войсковым Комитетам высший командный состав был лишен влияния на войска. Многие генералы и значительная часть командиров полков, под давлением Комитетов, были удалены от занимаемых должностей. За исключением немногих частей братание процветало. Были случаи братания с участием хоров немецкой музыки, выставлявшихся между нашими и немецкими проволочными заграждениями. В течение двух месяцев мне почти ежедневно пришлось бывать в войсковых частях, лично разъяснять солдатам необходимость дисциплины...».²

Полное разложение армии открывается в этих строках. Русские солдаты братаются с немцами, а на нейтральной полосе играют германские военные оркестры. Непосильную ношу взвалили на деморализованную и разложенную русскую армию, чтобы ее уничтожить. Но даже в таком полубоморочном состоянии она притянула на себя в 1917 году 144 пехотные и 21 конную дивизии врага! Больше чем когда-либо за всю войну! «Союзники» могли спокойно отдыхать в своих окопах — вся сила тевтонской

¹ Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 530.

² <http://tmn.fio.ru/works/64x/310/kornilov.htm>

ярости обрушилась на ослабленную Россию. Но целью наших «друзей» из Лондона и Парижа был не просто небольшой «пердых» для своих войск, оплаченный кровью русских солдат. Цель их куда более глобальна — гибель Российской империи. Но пока в России была армия, а в этой армии был генерал Корнилов, она мешала выполнению их замысла. Устранением этого препятствия и занялся Керенский.

Авторитет Лавра Георгиевича Корнилова в армии был действительно велик. В Русско-японской войне он отличился в Мукденском сражении, прикрывая отступление армии. Первую мировую войну Корнилов начал командиром дивизии. Под его руководством она быстро стяжала себе почетное название — «стальная». Известен случай, когда горстка добровольцев 148-го Измаильского полка, входившего в состав этой дивизии, под руководством самого Корнилова яростной «суворовской» атакой опрокинула в Карпатских горах два австрийских полка, взяв 1200 пленных и одного генерала. Узнав о малочисленности русского отряда, австриец воскликнул в сердцах: «Корнилов — не человек, а стихия!». Во время вынужденного отступления русской армии сам Корнилов остался прикрывать отход дивизии, был тяжело ранен и попал в плен. Австрийцы, пленившие его, уже знали, с кем имеют дело, и поместили его в крепости с многочисленной охраной. Тем не менее, едва оправившись от ран, он смог бежать из тюремной больницы. Во время побега Корнилов выдавал себя за венгерского солдата, плохо говорящего по-немецки. Передвигаясь по ночам и питаясь тем, что мог добыть, он добрался до расположения русских войск. Газеты сделали его историю достоянием общест-венности, и авторитет генерала Корнилова неизмеримо возрос. Это был тот герой, которого ждала Россия.

После того как Корнилов успешно и практически бескровно подавил апрельские выступления большевиков в Петрограде, многочисленные протесты городского Совета вынудили генерала подать в отставку с поста командующего гарнизоном и направиться в действующую армию. Как раз к наступлению, которое ничем, кроме провала, и не могло закончиться. Но он не пропал, не сгинул, а его 8-я армия добилась наилучших результатов.

11 (24) июля 1917 года генерал Корнилов, видя страшные последствия наступления, направляет Керенскому телеграмму:

«Армия обезумевших темных людей, не ограждающихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит... Это бедствие может быть прекращено, и этот стыд или будет снят революционным Правительством, или, если оно не сумеет того сделать, неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди. Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого — от первого дня существования доньше — проходит в беззаветном служении Родине, заявляю, что Отечество гибнет, и потому, хотя и не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах в целях сохранения и спасения армии для реорганизации на началах строгой дисциплины и дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право увидеть лучшие дни...»¹

Через восемь дней после этой телеграммы, 19 июля (1 августа) Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим русской армией. Именно его выдвинул Керенский на важнейший пост. Но не потому, что оценил душевное благородство генерала. Нет, для успешного большевистского переворота надо уничтожить армию. Рядовой состав можно разложить пропагандой. Генералов и офицеров приказами и комитетами заставить забыть свой долг перед Родиной невозможно. Их можно из армии вычистить, удалить. Можно натравить на них расхлебанные солдатские массы. Но для всего этого нужен *повод*! Надо заставить армию выступить против разрушения страны, объявить ее мятежной силой и тогда уже разгромить ее высшие эшелоны. Чтобы военные решились выступить против Временного правительства, у них должен быть вождь. Поэтому Керенский выдвигает Корнилова.

Ленинское нетерпение и постоянные призывы продолжать и углублять революцию должного отклика не находили. На первых порах. После захлебнувшегося наступления к нему стали прислушиваться куда больше, но для окончательного завоевания умов и сердец русских солдат и обывателей не хватало Ильичу только одного — *внешней угрозы для революции*! Не было опас-

¹ <http://tmn.fio.ru/works/64x/310/kornilov.htm>

ности, что все завоевания революции могут в один миг быть ликвидированы. Не было внутреннего врага, в борьбе с которым все могли бы сплотиться. Под руководством большевиков, разумеется. Временное правительство не в счет — оно врагом не было (прямо как у Высоцкого — «и не друг и не враг, а так!»). И пока такого противника не существовало, никто в партии и в стране не понимал, зачем нужно так скоропалительно продолжать потрясения в стране, все более «левое» правительство которой само проводило все реформы.

Врага следовало создать. Сам Ленин этого сделать не мог, это мог сделать Керенский. И он создал нужную ситуацию. Назначив генерала Корнилова на пост главнокомандующего, можно было спокойно ждать. Что же мог делать боевой генерал, придя к власти? Естественно, наводить порядок. Наводить его так, как умел, — жестко, по-военному. И шаги его прекрасно просчитывались вперед: начав с введения смертной казни на фронте, он неизбежно должен был привести в чувство и тыл. Вот это его стремление к элементарному порядку во время страшной войны и можно было выдать за контрреволюционный мятеж. Как следствие все «здоровые» силы общества должны были сплотиться вокруг революционных вождей против попыток реставрации старого порядка (а точнее сказать — просто порядка!). После разгрома этой «страшной угрозы» путь большевикам к власти был открыт. Армия будет деморализована, обезглавлена и потеряет всякую охоту вмешиваться в политику.

Кто спасет страну? У здоровых сил России была надежда, что такой фигурой станет Лавр Георгиевич Корнилов. Жесткий, прямой и честный. Именно попыткой остановить сползание России в бездну и было его недолгое пребывание на высоком посту главнокомандующего русской армией. От назначения до ареста Лавр Георгиевич занимал эту должность всего чуть более месяца, но даже за столь короткий срок успел сделать немало. Одного боевого генерала не мог понять — он является пешкой в руках сил, ведущих страну к развалу. Его намерение катастрофу предотвратить на самом деле ее чрезвычайно приблизит. Именно «корниловский мятеж» проявит всю подлую и предательскую сущность Временного правительства и ее главы Александра Федоровича

Керенского. Потому мы и назовем генерала Корнилова «зеркалом русской революции». Такой степени гнусности и обмана русский генерал просто не мог себе представить. И его можно понять — ведь обманул его не кто-нибудь, а глава русского государства!

«Корниловский мятеж» — это стопроцентная заслуга Александра Федоровича, его сценарий, его драматургия. В действительности никакого мятежа не было: группа патриотов-генералов пыталась спасти страну по просьбе... Керенского, а потом была им оклеветана и предана. Наверное, закулисные кукловоды аплодировали мастерству своего подопечного. Только эта пьеса Керенского была последней в его жизни, потому что после этого ему оставалось стоять у власти всего два месяца...

На минуту отвлечемся от дурно пахнущей истории «корниловского мятежа» и вспомним, на каком фоне Лавр Георгиевич свою новую должность принял. Речь ведь шла не просто о провале наступления и военном поражении. Нет, по всей стране тогда творилось нечто невообразимое. Хаос и неуправляемость, обильно посеянные Временным правительством в марте–апреле, к июлю уже давали обильные всходы.

«Работать никто не желал. Все стояло, словно заколдованное, в том виде, как застала “бескровная”, производя ужасно жуткое и тяжелое впечатление, — вспоминал об этих месяцах очевидец, казачий полковник Поляков. — Дороги не ремонтировались, рабочие самовольно разошлись, многочисленный технический персонал номинально организовался в комитеты, а фактически каждый делал все, что хотел, и устраивал свою судьбу, как ему казалось лучше».¹

«В стране продолжались эксцессы, беспорядки, анархия, захваты, насилия, самочинство, неповиновение»,² — вторит ему Суханов (Гиммер). Переполнены такими же новостями и газеты того времени. Их заголовки говорят сами за себя: «Анархия, Беспорядки, Погромы, Самосуды». Министр торговли и промышленности беспартийный господин Прокопович

¹ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками; http://www.ruslib.com/MEMUARY/POLYAKOWIA/kazaki.txt_Piece40.1

² Суханов Н. В июне 1917; <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/230.html>

уведомил правительство, «что не только в городах, но и над армией висит злобещий призрак голода, ибо между местами закупок хлеба и фронтом — сплошное пространство, объятые анархией, и нет сил преодолеть его». Министр внутренних дел смело мог добавить, что повсюду в стране идут разбои и грабежи, с которыми новая народная милиция не в состоянии справиться. Да не справилась бы и старая полиция. На всех железных дорогах, на всех водных путях расхищалось всё и вся. Так, в караванах с хлебом, шедших в Петроград, по пути разграблено крестьянами сто тысяч пудов из двухсот. Статистика военного министерства за одну неделю только в тыловых войсках и только исключительных событий давала двадцать четыре погрома, двадцать четыре «самочинных выступления» и шестнадцать «усмирений вооруженной силой».

А ведь кризис, помимо политического аспекта, имел и экономические последствия. В стране, где из пункта «А» в пункт «Б» товары было уже не довести без риска их потерять, торговля замирала. Следствием этого стало массовое закрытие промышленных предприятий, что опять-таки приводило к резкому ухудшению качества жизни населения. Промышленное производство уменьшилось примерно на 35%. Одновременно усилилась натурализация хозяйства, денежная торговля уступала место обмену. Но происходило это все не само собой. Руку к экономическим проблемам активно приложило Временное правительство. Именно министры новой свободной России, а не царские сатрапы включили на полную мощность печатный станок. Николай II этого себе позволить не мог, искренне заботясь о вверенном ему народе. «Временщики»... на то они и «временщики»!

За неполные 8 месяцев правительство «свободной» России напечатало бумажных денег на сумму свыше 9,5 млрд рублей. Более того, казначейству было разрешено выпускать «примитивные» деньги на плохой бумаге, с плохой защитой от подделок, без подписи и дат. Такие купюры достоинством в 20 и 40 рублей получают в народе название «керенки». Это окончательно подорвало денежную систему. Быстро росла инфляция, покупательная способность рубля упала в 15 раз. Государственный долг России

вырос на 14 млрд, достигнув к осени 1917 года 49 млрд золотых рублей.¹

Но в первую очередь от хаоса и ухудшения экономической ситуации страдал фронт. Наладить нормальное снабжение войск становилось просто невозможно. Командир Кавказской туземной дивизии так рисовал положение Подольской губернии, где стояли его части: «Теперь нет сил дольше бороться с народом, у которого нет ни совести, ни стыда. Проходящие воинские части сметаю все, уничтожают посевы, скот, птицу, разбивают казенные склады спирта, напиваются, поджигают дома, громят не только помещичьи, но и крестьянские имения...»² Страшно становилось жить в новой, свободной России. Бездействующая власть отбивала у населения привычное уважение к государству, слабость и безволие которого были великолепной питательной средой для жестких и решительных экстремистов ленинского типа.

Вот на этом невеселом фоне Корнилов приступил к руководству армией. Одним из первых его шагов стало восстановление смертной казни. В тылу. У себя в армии он явочным порядком ввел смертную казнь и военно-полевые суды, а затем добился от правительства юридического оформления этих мер. На фронте она была восстановлена Временным правительством за неделю до его назначения, сразу после июльского путча большевиков. Еще ранее Корнилов приступил к формированию новых дисциплинированных частей — ударных батальонов, запретил митинги и революционную агитацию в воинских частях. Его «ударники» еще во время наступления, перешедшего в постыдное бегство, отлавливая дезертиров и расстреливая мародеров, навели порядок на фронте и в тылу армии. Трупы последних с табличками «За мародерство и грабеж» Корнилов приказал выставлять на площадях и вывешивать на фонарях.

Жестоко, ничего не скажешь. Однако действие этой меры было просто волшебным. Не верите — почитайте «Окаянные дни» Ивана Бунина: «Как распоясалась деревня в прошлом году летом, как жутко было жить в Васильевском! И вдруг слух: Кор-

¹ <http://sarist.narod.ru/tema55.htm>

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1. С. 128.

нилов ввел смертную казнь — и почти весь июль Васильевское было тише воды, ниже травы. А в мае, в июне по улице было страшно пройти...»¹

Бунин испытал все прелести смутного времени на своей шкуре — писатель жил летом в деревне, и его тогда чуть не убили, просто так, за «буржуазный вид», обвинив в поджоге. Но вот ввели смертную казнь — и стало тихо! И это в простой деревне, где люди ничего ужасного и преступного еще не совершили. Однако сам факт возможного наказания уже наводил порядок. В той же книге и про саму атмосферу России 1917-го замечает Бунин весьма метко: «Впрочем, почта русская кончилась уже давно, еще летом семнадцатого года: с тех самых пор, как у нас впервые, на европейский лад, появился “министр почт и телеграфов”. Тогда же появился впервые и “министр труда” — и тогда же вся Россия бросила работать. Да и сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправствадохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило исступление, острое умопомешательство».²

Вот в этой атмосфере, когда, казалось, все посходили с ума, и ввел смертную казнь Корнилов. Возмущению «корниловскими» методами в левой печати не было предела. Через год, уже придя к власти, большевики придумают отличный способ борьбы с анархией, спекуляцией, воровством и вообще со всеми социальными бедами. Метод чисто «корниловский» — расстрел на месте. Без суда и следствия. Мера жестокая, но только так новому красному правительству удастся быстро навести порядок в стране.

30 июля (12 августа) на совещании с участием министров путей сообщения и продовольствия Корнилов предложил свою программу по выходу из кризиса: «Для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу — в мастерских и на заводах, изготавливающую для

¹ Бунин И. Окаянные дни; http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2262.shtml

² Там же.

армии фронта все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту».¹

В армии должен быть порядок, а по Корнилову, такой же железный порядок надо навести в тылу и на железной дороге. Абсолютно логично. Именно такими и видели действия генерала честные русские патриоты и... организаторы будущей провокации. Круто брал генерал Корнилов. Но меры, предлагаемые им, никто не оспаривал. В том числе и сам Керенский. Едва разобравшись в ситуации, 3 (16) августа Корнилов прибыл в Петроград для доклада Временному правительству. Свои предложения он оформил в виде записки и вручил ее Керенскому. Ознакомившись с ней, глава правительства выразил принципиальное согласие с указанными в ней мерами, но попросил Корнилова не представлять записку правительству официально, а подождать окончания аналогичной работы всего военного министерства и тогда уже сверить позиции. На том же памятном заседании произошел инцидент, произведший глубокое впечатление на Корнилова. Думаю, и вас он тоже удивит...

Дело было так. Идет заседание правительства, выступают министры. Доходит очередь и до военных вопросов. Корнилов выступает с докладом о мерах, необходимых для борьбы с хаосом и анархией. Когда же он решил коснуться вопросов планируемой наступательной операции на Юго-Западном фронте, Керенский его внезапно остановил. Генерал был в недоумении, пока не получил записку. Борис Савинков, известный террорист-эсер, а теперь помощник Керенского по военным вопросам, выражал неуверенность в том, что «сообщаемые Верховным главнокомандующим государственные и союзные тайны не станут известны противнику в товарищеском порядке».²

Уже упоминавшийся нами глава русской разведслужбы в Париже полковник Игнатъев давно поставил об этом правительство в известность: «Мои сведения с момента их поступления

¹ Штурман Д. У края бездны. Корниловский мятеж глазами историков и современников; http://magazines.russ.ru/novy_mi/1993/7/shturm.html

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 2. С. 53.

больше не остаются совершенно секретными, они сообщаются некоторыми членами Временного правительства их партиям... Керенский отказался привести некоторые подробности, касающиеся военных дел, при Чернове, который *почти открыто* был германским агентом».¹

Поняли в чем дело?

В правительстве сидел немецкий шпион, все об этом знали и ничего не делали!²

Вы это себе можете представить?! До какой степени разложения должна дойти власть, чтобы это стало возможным! Но в России, управляемой Временным правительством, было возможно все. Поэтому министр земледелия Виктор Михайлович Чернов (Либерман) спокойно ходил на заседания правительства. С ним все вежливо здоровались, вместе курили и анекдоты рассказывали. Вот только на темы военные и секретные с ним не разговаривали. Такая, знаете, своеобразная политкорректность, доведенная до абсурда. Сам Виктор Михайлович, наверное, даже обижался на такое недоверие товарищей по кабинету, но службу в германской разведке не оставлял. Как и не покидал рядов партии эсеров, к которой, напомним, принадлежал и сам Керенский, и написавший записку Савинков.

Вы это понять можете? Я вижу только одно вразумительное объяснение: служба в какой-либо иностранной разведке или отстаивание интересов зарубежной державы членами правительства были настолько обыденным явлением, что уже никого во власти не удивляло. Чернов выделялся лишь одним — он работал на *германскую разведку*, в то время как все остальные сотрудничали с «союзными» спецслужбами. Был славный министр земледелия другой масти, но все из той же колоды! И к этой его

¹ *Игнатъев П. А.* Моя миссия в Париже. М.: Гея итэрум, 1999. С. 159.

² Сотрудничество эсеров с британскими спецслужбами во все время существования этой кровавой партии не вызывает сомнения (см.: *Стариков Н.* От декабристов до моджахедов. Кто кормил наших революционеров? СПб.: Питер, 2007). Во время войны эсеры и Чернов могли сотрудничать и с немцами, но только с ведома своих главных патронов из британской разведки.

особенности коллеги по кабинету министров относились с пониманием, за это Виктора Михайловича не осуждали: жить-то как-то надо, все мы люди. Министры всего лишь старались в его присутствии государственных секретов не обсуждать. Вывод из всего вышесказанного напрашивается простой. Интересы Англии, Франции и США были представлены в правящем кабинете свободной России многими персоналиями. О германских делах пекся член партии эсеров Виктор Михайлович Чернов. *Интересы России во Временном правительстве не отстаивал никто.*

События злополучного заседания стали для Корнилова шоком. В его генеральском мозгу происшедшее просто не укладывалось. После совещания он вернулся в Ставку сам не свой. Надо было спасать страну, причем срочно. Если раньше источником заразы Корнилову казались Советы и особенно самый зловерный — Петроградский, то теперь он видел, что и Временное правительство поражено той же гнилью. В результате Корнилов решился навести порядок в стране радикально. Его ошибка была в том, что он искренне хотел стране блага и для этого собирался опереться на тех, кто послушно выполнял волю настоящих и главных разрушителей России. Волю «союзников».

Для начала решительных действий воспитанному в военных традициях генералу требовалось распоряжение его непосредственного начальника и главы властной вертикали — Керенского. Его Корнилов не идеализировал, но распоряжение премьер-министра придавало его действиям вид абсолютной законности. Необходимо было вырвать Керенского из «гнилой» петроградской среды, обеспечить его безопасность и несколькими решительными мерами остановить развал страны.

События в России тем временем принимали все более грозный оборот: 14 (27) августа происходит грандиозный взрыв пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани.¹ Уничтожены были около миллиона снарядов и до 12 тысяч пулеметов. Во второй половине августа назревала всеобщая железнодорожная забастовка, результатом которой мог стать окончательный паралич

¹ «Вызванный, несомненно, злонамеренно», — пишет об этом А. И. Деникин.

всей транспортной системы страны, что неминуемо вело к голоду на фронте. 20 августа (2 сентября) наши войска неожиданно для Корнилова сдали Ригу, успешно обороняемую до того два года. Следом за этим немцы начали готовиться к большой десантной операции, угрожавшей Таллину (Ревелю) и Петрограду. И наконец, военная контрразведка положила на стол Лавра Георгиевича донесение, говорившее, что в последних числах августа — начале сентября большевики собираются взять власть. Медлить больше было нельзя.

Генерал готовится спасти Россию. Те же, кто хочет ее развала, готовятся спровоцировать его выступление, чтобы одним ударом уничтожить все силы, стоящие на пути большевиков. Корнилов думает, что Керенский его поддержит. Основания для этого были: сначала председатель правительства согласился на образование комиссии для разработки проекта о военно-революционных судах и смертной казни в тылу. Затем Керенский соглашается и на объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении. Дает добро он и на ликвидацию кронштадтского очага анархизма и большевизма. Корнилову события мыслились так: Керенский приезжает к нему в Ставку в Могилев, откуда продолжает руководить страной. Одновременно для ликвидации очага безобразий на Петроград посылается 3-й конный корпус под командованием генерала Крымова, в задачу которого входит разоружение Петроградского гарнизона и разгон местного Совета. После приведения в чувство столицы порядок быстро установится и по всей России. Советы распускаются, в стране вводится военное положение, а за этим следует милитаризация военных заводов и железных дорог, запрет на забастовки и т. п.

Корнилов двигал войска на Петроград с ведома Керенского, для помощи Керенскому в наведении порядка в столице, а затем и во всей стране.¹

¹ Сценарий «корниловского мятежа» удивительно напоминает сценарий августовского «путча» 1993 года. Вышедшие на свободу «путчисты», в частности генерал Варенников, в эфире ТВ рассказывают, что действовали с ведома и по поручению Горбачева. Именно так представлял себе события и Корнилов, считавший, что согласовал

Для создания у генерала иллюзии всеобщей поддержки в это самое время в кампанию по дезинформации вступают и «союзники». Чтобы Корнилов решился на свое выступление, они демонстрируют ему свое благоволение. Деникин пишет об этом так: «Еще более определенные и вполне доброжелательные отношения сохранили к Верховному иностранные военные представители. Многие из них представлялись в эти дни Корнилову, принося ему уверения в своем почитании и искренние пожелания успеха; в особенности в трогательной форме это делал британский представитель».¹

Одни слова — реальной поддержки никакой. Интересный штрих: в том же августе 1917-го «союзное» американское правительство направило в Россию своих представителей. Официальная цель визита благородна и честна — гуманитарная миссия Красного Креста. Настоящая причина совсем другая — необходимо контролировать процесс развала страны, подходящий к своему логическому концу — передаче власти большевикам. По некоторым сведениям, эта «гуманитарная миссия» накануне «корниловского мятежа» передала Ленину на последний этап организации Октябрьского переворота около миллиона долларов.² Корнилову же никто никаких денег не давал. У него были только слова поддержки «союзных» послов, договоренности с Керенским и две дивизии верных войск.

Но он все же решается.

В тот момент выбор у главы правительства Александра Федоровича Керенского был очень простой: Корнилов или Ленин. Корнилов — это порядок, наведенный жесткой рукой, повешенные на столбах дезертиры и перспектива победы в войне. Ленин — это порядок, наведенный еще более жестокими методами,

свои поступки с Керенским. Сценарий 1917 и 1993 одинаков: то есть сначала армию просят навести порядок, а затем объявляют изменниками. Итог — приход к власти других сил, осуществляющих распад страны.

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 2. С. 18.

² Самтон Э. Уолл-стрит и большевистская революция; <http://www.rus-sky.com/history/library/sutton/sutton1.htm>

Гражданская война, Брестский мир, распад, потеря территорий и мучительное завоевывание их обратно. Корнилов — это сохранение страны, той России, что удивляла мир своим развитием. Ленин — это невиданный эксперимент, создание чего-то нового ценой миллионов жизней. Детские трупы, расстрельные рвы и тифозные бараки.

Выбор будущего России сделал Керенский. Он твердой рукой выбирает своего земляка Ульянова. Поддавки есть поддавки...

26 августа (8 сентября) 1917 года генерал Крымов получает приказ начать движение на Петроград. Корнилов считает, что действует в полном соответствии со своими договоренностями с Керенским и все пройдет благополучно. Генерал не знает, с кем имеет дело. Дальше начинается политический цирк, а если быть точным — простое предательство. Вечером 26 августа (8 сентября) на заседании Временного правительства Керенский неожиданно квалифицирует действия Корнилова как мятеж и требует для себя чрезвычайных полномочий. Как мы помним, на любые свои просьбы Александр Федорович отказа не знал при любом составе кабинета — полномочия ему были предоставлены, а сами министры по привычке подали в отставку. На следующий день, 27 августа (9 сентября), вся Россия была потрясена манифестом Временного правительства, объявившего генерала Корнилова вне закона. Публикация произошла в страшной спешке и в тайне от других членов Временного правительства. Мирный исход кризиса Керенскому был не нужен, ему требовалась жесткая конфронтация. Повод для окончательного шельмования и добивания армии. Причина раздать оружие красногвардейцам и выпустить большевиков из тюрем.

В то время как Борис Савинков и другие выясняли по телеграфу с Корниловым подробности происшедшего, пытаясь разобраться в ситуации, Керенский, не дожидаясь результатов, отдал приказ опубликовать манифест. В нем Керенский назвал героя Карпат «изменником» и приказал военачальникам не подчиняться Корнилову. Железнодорожники получили приказ разорвать пути и не допустить конный корпус в Петроград. В тот же день Керенский отдал приказ о предании суду Корнилова и его

сторонников. На свободу начали выходить и немногочисленные арестованные большевики.

Больше всех изумлен подобным развитием событий был сам Верховный главнокомандующий. Его ответный манифест — это даже не программа, не план, а просто крик души:

«Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну изнутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, идите в храмы, молитесь господу Богу о явлении величайшего чуда спасения родимой земли. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени и сделать русский народ рабами немцев я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»¹

Генерал Крымов, получивший известия о неожиданном поведении Керенского, растерялся. В тот момент к нему и прибыли представители правительства, предложившие поехать к Керенскому на переговоры. Крымов знал о том, что Корнилов действует с санкции премьера, и не мог понять причин объявления генерала изменником. Он и поехал к Керенскому для того, чтобы объяснить, рассеять недоразумение. Многие авторы говорят о том, что если бы Крымов не остановил движение своего корпуса на Петроград и не отправился к премьеру,

¹ <http://www.specnaz.ru/istoriya/274/>

то город был бы взят, а наша история могла миновать многие свои черные страницы. Но он поехал — и поплатился за это жизнью. Вот после этой беседы генерал Крымов и застрелился, а возможно, даже был убит. Темная это история, впрочем, как и вся история восхождения Александра Федоровича к власти. Ведь «великий демократ» Керенский поначалу даже запретил вдове покойного публичные похороны. Только после ее настоячивых просьб и обращения генерала Алексева было разрешено, пишет Деникин, «похоронить покойного по христианскому обряду, но не позже шести часов утра в присутствии не более девяти человек, включая и духовенство».¹ Так трагически закончилась жизнь одного из лучших кавалерийских генералов России, который поначалу с таким восторгом встретил Февральскую революцию...

Войска Крымова были остановлены. Генерал Корнилов был арестован по приказу Керенского у себя в Ставке. Аресту подверглись еще ряд высокопоставленных военных: генералы Деникин, Эрдели, Лукомский и многие другие. Представьте себе эффект от подобной меры: во время войны главный военный руководитель назван изменником. Фактически — это обвинение в адрес всего офицерства, а не конкретной персоны. Как следствие, по всей России прокатилась волна убийств командиров. В Выборге, например, в эти дни были убиты командир 42-го Армейского корпуса генерал Орановский, комендант Свеаборгской крепости генерал Васильев и целый ряд других офицеров. Всего в одном этом тихом и спокойном городе было убито 80 офицеров. Количество жертв по всей стране неизвестно...

«Обо всем этом сообщалось в газетах, и казаки читали, как избитых офицеров солдаты бросали в море, а когда те цеплялись руками за берег, — добивали их прикладами там же... — пишет один из казачьих офицеров. — И главное — все это прошло совершенно безнаказанно».² Не при большевиках начали русские солдаты убивать своих офицеров, а при Временном правитель-

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 2. С. 238.

² Елисеев Ф. И. С корниловским конным. М.: АСТ, 2003. С. 105.

стве. Просто у Ленина и его команды масштабы были совсем другие, вот все эти зверства и припишут им одним...

В августе 1917-го Керенский разгромит не Корнилова и Деникина — он разгромит остатки дисциплины в русской армии. Он разгромит саму русскую армию. А позже сам напишет в мемуарах: «Без корниловского мятежа не было бы Ленина».¹

Вместо того чтобы с помощью армии навести порядок в стране и вывести ее из штопора, Керенский все сделал наоборот. Это не случайность. Не будем забывать, что власть Александр Федорович собирался передать своему земляку Ульянову, а не суровому и строгому генералу. Теперь сделать это будет гораздо проще — чрезвычайные полномочия Керенским получены. Сформирована Директория из пяти человек. Фактически Керенский становился диктатором России, и теперь он мог беспрепятственно добить остатки русской государственности. После «корниловского мятежа» он сделает еще ряд шагов, окончательно облегчающих приход к власти большевиков. Огромны заслуги Александра Федоровича перед Октябрем, но не поставила благодарная советская власть ему ни одного памятника, ни одного самого скромного бюстика.

Почему?

Потому что не любят предателей. Нигде...

Первого сентября 1917 года была провозглашена Российская Республика.² В усталой и потерявшей веру стране никто и не заметил, что, объявляя республиканский строй в России, Керенский присвоил себе полномочия Учредительного собрания. Ведь именно оно только и могло решить дальнейшую судьбу государственного устройства. И этот основной вопрос Керенский практически решил самолично, с народом не посоветовавшись.

¹ <http://encyklopedia.narod.ru/bios/gov/lenin/lenin.html>

² Это очень интересный момент. Очень часто можно встретить утверждение, что республика в России была провозглашена сразу после Февраля. Это не так. Вплоть до единоличного решения Керенского политический строй России не был определен. Поэтому никто из монархистов и не пытался свергать республику, которой попросту еще не было.

После такого отношения к Учредительному собранию его созыв начинал казаться чисто декоративным актом. Апатия к происходившему в стране нарастала у населения пугающими темпами. Этого Керенский и добивается: когда Ленин будет свергать власть, за надоевшее всем Временное правительство никто не должен вступиться.

Армия обескровлена ненужным наступлением и деморализована обвинениями в адрес Корнилова. Помимо этого, сразу после ареста генерала Керенский по требованию Совета приостановил приведение в исполнение смертных приговоров в армии. То есть фактически отменил смертную казнь, только что введенную и хоть как-то остановившую анархию. И убил дисциплину в русской армии бесповоротно. Потом Александр Федорович еще будет говорить о «разработке соответствующей программы» для повышения дисциплины. Но разрабатывать ее было не надо. Такая программа уже готова. Ее давно для Керенского генерал Корнилов написал. Углем по доскам, что на шее повешенных мародеров и дезертиров красовались. Но она Керенского не устроила, ибо в миг могла привести к отрезвлению и армии и страны!

Остается последний шаг: Керенский назначает самого себя «Верховным главнокомандующим сухопутными и морскими силами» Российской демократической республики. И тут же новый «Верховный» приступает к реформированию вооруженных сил. Реформы начинаются с изгнания из армии «за контрреволюцию» высшего командного состава. Реформы велись ударными темпами — вот потому и защищать Временное правительство никто не пришел. Мерзавцы, лизавшие Керенскому пятки, жизнью своей рисковать не захотели...

До появления Ленина на вершине русской политики оставался один месяц. Подготовка передачи власти подходила к своему логическому концу. Месяц, тридцать дней. Тридцать дней — много это или мало? Здравомыслящие люди и в тот последний миг перед катастрофой все еще пытались спасти Временное правительство, а вместе с ним и Россию от прихода большевиков. Среди них был генерал Краснов, с августа назначенный командующим 3-м конным корпусом погибшего генерала Крымова. С его

назначением был связан один любопытный эпизод. Неразбериха в стране и армии была такая, что на должность эту были одновременно назначены двое — генерал Краснов и генерал Врангель. Оба прибыли на новое место службы, и только тут выяснилось недоразумение. Врангелю моментально объявили, что должность займет Краснов, потому что «по условиям политического момента» военный министр Верховский не находит возможным назначение его командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы.

Посланный Корниловым в Петроград, но так до него и не дошедший 3-й конный корпус расположился в окрестностях столицы. Штаб его находился в Царском Селе, а части — в близлежащих к столице городах. Фактически после ареста Корнилова корпус был единственной силой, удерживавшей большевиков от выступления.

Вопрос стоял так: уйдет 3-й конный корпус от Петрограда — быть Октябрю, останется — у России появлялся призрачный, но шанс.

Угрозу «союзному» плану уничтожения России надо было срочно устранить. Для начала корпусу требовался покладистый и послушный командир. Однако, устранив от командования известного своими патриотическими взглядами Врангеля, Керенский мало чего добился — генерал Краснов также оказался честным человеком. В начале сентября 1917 года он подал рапорт о создании сильной конной группы из надежных кавалерийских и казачьих частей с сильной артиллерией и бронеавтомобилями.¹ Часть группы должна была находиться в самой столице, а другая — вблизи, в постоянной боевой готовности. Об отводе войск от столицы речь, разумеется, не шла. Проект Краснова взял командующий войсками Петроградского военного округа Полковников и передал его Керенскому. Фактически этот проект — последняя надежда Временного правительства и Керенского как главы страны.

¹ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 407.

Вы уже догадались, что сделал Главковерх Керенский? Если нет, то я вам подскажу. Он сообщает суть этого проекта большевикам! Уже на второй день после подачи рапорта его текст появился в газетах, а Петроградский Совет в лице Троцкого категорически потребовал немедленно убрать конный корпус подальше от города.¹ Разумеется, Керенский исполнил требование большевиков — конный корпус отвели в район Пскова в распоряжение Главкома Северного фронта генерала Черемисова, сторонника большевиков.² Он потихоньку начал разбрасывать кавалеристов малыми частями еще далее от города, быстро распыляя силы корпуса. Так что не стоит удивляться легкости Октября и малому числу его жертв. Все, что было в его силах для успеха большевистского переворота, Керенский сделал!

А «союзники» сдержали свое обещание: ценный агент, выполнивший свое задание, должен остаться живым и невредимым. Это очень важный момент: если пожертвовать Керенским сейчас как отработанным материалом, другие сотрудничать не согласятся. Спасение свергнутого премьера поэтому — весьма важное дело, задел на будущее. Остальные министры сидят в Зимнем дворце, а сам Александр Федорович уходит, а вернее, уезжает в политическое небытие... на «союзном» транспорте.

«Каким образом, я не знаю, но весть о моем отъезде дошла до союзных посольств. В момент самого выезда ко мне являются представители английского и, насколько помню, американского посольств с заявлением, что представители союзных держав желали бы, чтобы со мной в дорогу пошел автомобиль под американским флагом».³

Слаба память у Александра Федоровича. Как натываемся на сомнительный момент в его биографии, так в его памяти появляется провал. Вот и «союзные» посольства «случайно», непонятно

¹ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 408.

² Там же.

³ Керенский А. Ф. Гатчина. М.: Панорама, 1992; http://www.gatchina.tk/kerenski_a_f/kerenski_gatchina2.htm

как узнали, что пора товарищу Керенскому уезжать. В смысле бежать. И тогда они предоставляют русскому премьеру машину. С американским флагом на капоте, потому что автомобиль этот принадлежал консулу США.

В самый решительный момент Керенский просто убежал из Зимнего дворца, бросив своих министров. Их он просто обманул, для пущей убедительности сказав, что едет встречать войска, которые якобы идут в Петроград на помощь Временному правительству. Вот и задуматься бы министрам: если премьер бросает свою столицу для того, чтобы лично(!) встретить батальон солдат в Луге и «перехватить их до вступления в Петроград», то дело не просто плохо, а безнадежно! Армией должен заниматься военный министр, батальоном должен заниматься майор, в крайнем случае — полковник. Если встречать каждую роту или взвод будет глава страны и Верховный главнокомандующий, то у такой страны будущего нет. Так оно и получится — Российская демократическая республика доживала свои последние часы. В ее недрах в муках зарождался будущий Советский Союз, вожди которого, в отличие от Саши Керенского, занимались своими непосредственными обязанностями — руководили страной...

На любезно и «случайно» предоставленном «союзниками» транспорте Керенский тайком приехал в Псков. К тому самому генералу Краснову, чей проект спасения власти он передал в левые газеты и тем самым сделал его выполнение невозможным.

— Генерал, где ваш корпус? Он идет сюда? Он здесь уже, близко? — это был первый вопрос Верховного главнокомандующего Александра Федоровича Керенского.¹

Много работал «отец русской демократии», ночей не спал, оттого, видимо, «забыл», что части корпуса, который мог бы сейчас в корне изменить ситуацию, *именно по приказу самого Керенского рассредоточены по всему северо-западу России*. И память так

¹ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 418.

к нему и не вернулась. Иначе как можно объяснить, что в своем сборнике статей *«Издалека»*, изданном в 1922 году в Париже, Керенский продолжает страдать амнезией. Он подробно разъясняет, что «3-й конный корпус был тот самый знаменитый корпус, который во главе с “дикой дивизией” под командой генерала Крымова был брошен ген. Корниловым 25 августа против Временного Правительства».¹ Потом следует и вовсе удивительное предложение: «После «неудачи» (корниловского выступления. — Н. С.) деморализованные части этого корпуса были разбросаны по всему Северному фронту».²

Керенский пишет «разбросаны». Словно ветром сдуло две кавалерийские дивизии, которые могли еще спасти Россию, если бы... если бы не деятельность уважаемого и чтимого многими нашими современниками Александра Федоровича! Ведь это именно он был Верховным главнокомандующим и главой страны! Именно по его приказу 3-й конный корпус был расчленен и разбросан в разные стороны на огромном многоугольнике, имеющем по 450 километров в ширину и глубину.

А ведь любое нормальное правительство постаралось бы подтянуть эти единственно верные части к своей резиденции! Именно казачьи полки явились основной силой, подавившей июльскую попытку большевиков взять власть. Временное правительство и Керенский этого не забыли. Последнее перемещение частей корпуса было произведено за два дня до Октябрьского переворота! Разумеется, в сторону еще большего удаления казаков от столицы...

Отослали подальше от Петрограда, чтобы не мешать Ленину, не только 3-й конный корпус. Такая же участь постигла, к примеру, и 5-ю Кавказскую казачью дивизию.

«Не желая иметь вблизи Петрограда казачьих частей»,³ как пишет будущий командир Корниловского конного полка Ф. И. Елисеев, Керенский отправил части дивизии:

¹ Керенский А. Ф. Гатчина. М.: Панорама, 1992; http://www.gatchina.tk/kerenski_a_f/kerenski_gatchina2.htm

² Там же.

³ Елисеев Ф. И. С корниловским конным. М.: АСТ, 2003. С. 122.

- ◆ два полка дивизии с батареей и штабом — в городок Вильмондстранд (по-фински — Лаппенранта);
- ◆ еще один полк и батарею — в Выборг (Виипури);
- ◆ и, наконец, четвертый полк — в Гельсингфорс (Хельсинки).¹

Расстояние от Выборга до Лаппенранты — около 50 километров, от Выборга до Хельсинки — более 300 километров. Попробуйте покомандовать воинской частью, разбросанной на таком расстоянии. Сколько потребуется времени, чтобы ее собрать, разослать приказы и привести в боеспособный вид? Потом помножьте полученный временной результат на два — за счет упадка дисциплины. Вам еще непонятно, почему казачьи дивизии не появились у Зимнего и Смольного в решающие часы Октября семнадцатого?

Но Керенский упорно делает вид, что ничего не знает и не понимает. Отдадим должное выдержке казачьего генерала Краснова. Он спокойно доложил Керенскому о том, что на сегодняшний день нет не только корпуса, но и дивизии. Их необходимо собрать, а для этого требуется уйма времени. Двигаться на город малыми частями — безумие. К тому же в корпусе нет пехоты, а для занятия Петрограда она совершенно необходима. И тогда Керенский обещает ее прислать. Но пехоты все нет и нет...

Страну еще можно спасти, шанс еще есть. Надо только проявить решительность в этот переломный момент. В конце концов, Керенский не только политик-демагог, а еще и Верховный главнокомандующий. Его приказов обязаны слушаться все! Но честных, любящих Россию генералов именно Керенский из армии и вычистил. И назначил командующим Северным фронтом генерала Черемисова, который успешно «тасовал» 3-й конный корпус по окрестностям столицы. Вот и на вопрос Краснова, как случилось, что его приказ об отправке войск в Петроград отменен, Керенский продолжает играть в «поддавки», отвечая, что тут, на Северном фронте, распоряжается генерал Черемисов и все вопросы надо адресовать ему.

¹ Елисеев Ф. И. С корниловским конным. М.: АСТ, 2003. С. 122.

Генерал Черемисов с Керенским после свержения говорить не хочет, Александр Федорович ему уже неинтересен. «Генерал не скрывал, — пишет сам премьер в книге “Гатчина”, — что в его намерения вовсе не входит в чем-нибудь связывать свое будущее с судьбой “обреченного” правительства».¹

Зато с пришедшим за помощью Красновым разговаривает генерал Черемисов почти откровенно. В мемуарах казачий атаман передает их беседу дословно:

«— Временного Правительства нет, — устало сказал он (Черемисов. — *Н. С.*)... — Я вам приказываю выгружать ваши эшелоны и оставаться в Острове. Этого вам достаточно. Все равно вы ничего не можете сделать.

— Дайте мне письменное приказание, — требует Краснов.

Черемисов с сожалением смотрит на него, пожимает плечами и говорит: “Я вам искренне советую оставаться в Острове и ничего не делать. Поверьте, так будет лучше”».²

Эх, не понимает Краснов намеков! Ему же прямым текстом говорят, что все уже решено, дергаться не надо. И на клоуна Керенского тратить свое время и жизнь тоже не стоит. Но генерал Краснов знает одно — он служит России, а именно жалкий и скользкий Александр Федорович в роковом октябре семнадцатого ее глава и руководитель. Генерал Черемисов знает другое: вопрос передачи власти большевикам уже решен. Это неизбежно, и в тени этого разрушительного процесса стоят такие силы, тягаться с которыми не стоит по причинам простого самосохранения. Отсюда и усталый взгляд генерала Черемисова. Он знает явно больше, чем может сказать. А большое знание рождает большую грусть!

«Странная» позиция генерала Черемисова будет чуть более понятной, если знать, что сей славный воин, еще полковником в 1915 году, попал под суд по обвинению в шпионаже. Но был спасен таинственными покровителями и вышел сухим из во-

¹ Керенский А. Ф. Гатчина. М.: Панорама, 1992; http://www.gatchina.tk/kerenski_a_f/kerenski_gatchina2.htm

² Краснов П. Н. На внутреннем фронте / Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 416.

ды.¹ Через два года пришло время отрабатывать должок: осенью 1917 года Черемисов тайно субсидировал большевистскую газету «Окопная правда».² Потом разбросал по северо-западу ключевой 3-й конный корпус и другие казачьи дивизии. Теперь он должен заблокировать все попытки направить в Петроград верные правительству войска. Остается только догадываться, кто же отмазал генерала Черемисова от трибунала. Еще интереснее вопрос: *почему именно такого генерала Керенский назначил командовать ближайшим к столице округом?* Ответ историков мы знаем заранее: *случайно...*

В эти октябрьские дни все висело на волоске: дальнейшая судьба страны, жизни миллионов, что сгорят в пожаре Гражданской войны, судьба будущей политической карты мира. Навероятно слабой была и новорожденная советская власть. Если выступить сразу, не медля, — вероятность успеха становится большой. Но это если вы хотите выиграть и спасти страну от грозящей катастрофы, как Краснов. Если ваши цели противоположны — вы будете всеми правдами и неправдами тянуть время.

¹ Некий ротмистр, служивший в штабе 5-й армии, устраивал на своей квартире игру в карты, «в которой участвовали офицеры, как приехавшие с фронта, так и едущие на фронт. Вин и водок, несмотря на “сухой” закон, за ужином всегда было изобилие. Когда офицер впадал в беспамятство, его багаж, а заодно и карманы тщательно обыскивались; документы и бумаги внимательно просматривались и иногда копировались». Проигравших крупные суммы денег пытались завербовать. Один из проигравшихся офицеров доложил в контрразведку. Ротмистр оказался резидентом немецкой разведки, под видом его сожительницы также скрывалась германская разведчица. Постоянным участником кутежей был и тогда еще полковник Черемисов, служивший в том же самом штабе. Когда «лавочку» накрыли, Черемисов «вместо отрешения от должности на все время следствия и, в лучшем случае, выхода в отставку отделался тем, что... был назначен командиром бригады в одну из пехотных дивизий» (Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958. С. 228).

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 2. С. 267.

Даже здесь, на краю своей политической карьеры, Керенский продолжает подыгрывать своему земляку Ульянову. Целых два дня ждет Краснов обещанных Керенским пехотных подкреплений: драгоценное время уходит. Они не придут. Поняв это, генерал Краснов решает действовать своими силами. И он во главе своей «армии» двинулся на Петроград: «...Шесть сотен 9-го полка и четыре сотни 10-го полка. Слабого состава сотни, по 70 человек. Всего 700 всадников — меньше полка нормального состава».¹

Пора подвести итог деятельности министра юстиции, военного министра, министра-председателя, Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского.

Благодаря его правильным решениям, выверенной кадровой политике, смелому политическому маневрированию, бескомпромиссной борьбе с экстремистами и крепкой поддержке собственной армии на подавление большевистского мятежа движутся 700 казаков.

Больше никто за этого «героя революции» сражаться не хочет. Именно этого Керенский и добивался. Он олицетворял собой власть, олицетворял собой государство. Защищать такое государство никто не хотел. Именно поэтому так легко взяли власть большевики — никто не сопротивлялся. Уставшее от катаклизмов население, разложенная властью армия даже не заметили, что вместе с Временным правительством ушла в небытие и старая Россия. Та, «которую мы потеряли». Благодаря усилиям Александра Федоровича Керенского.

Но генерал Краснов этого еще не знал и шел на Петроград со своей страшной «армией» в семь сотен бойцов. Как в феврале семнадцатого генерал Иванов шел на город с батальоном георгиевских кавалеров. Революция снова была в страшной опасности! Об этом кричали листовки, об этом вопили передовицы левых газет. Никому в голову не могло прийти, что Керенский поработает так «хорошо», поэтому количество войск Краснова в них раздувалось до десятков тысяч. Сейчас

¹ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 411.

в «исторических» книгах и учебниках вы прочитаете, что казахи войска пытались большевикам помешать. И, как обычно, забудут авторы таких книг указать число казаков в отряде Краснова...

Первые же бои, случившиеся на подступах к городу, показали крайнее нежелание солдат обеих сторон стрелять друг в друга. Стрельба русских солдат по русским казакам была еще в большую диковинку. Но сил у Краснова было до смешного мало. Даже узнав о мятеже юнкеров, вспыхнувшем в Петрограде, дальше Царского Села Краснов продвинуться не смог. У него просто не хватало солдат даже на охрану пленных, поэтому их всех просто отпускали. Расстреливать — такой вариант даже не приходил Краснову в голову.¹ Он старомоден и еще не знает, что именно так теперь поступать и будут...

Вместо обещанных подкреплений в этот критический для России момент на сцене вновь появляются «союзники». Краснов пишет: «Вечером из ставки в Гатчину прибыл французский генерал Ниссель. Он долго говорил с Керенским, потом пригласил меня. Я сказал Нисселю, что считаю положение безнадежным. Если бы можно было дать хоть один батальон иностранных войск, то с этим батальоном можно было бы заставить Царскосельский и Петроградский гарнизоны повиноваться правительству силой. Ниссель выслушал меня, ничего не сказал и поспешно уехал».²

Он мог спокойно ехать — все свои планы по разрушению России «союзники» выполнили. Но давайте зададим один вопрос: зачем французский генерал приехал к Керенскому, сидящему в Царском Селе с несколькими сотнями казаков? Узнать, как дела, можно и по телефону, да и не стоит рисковать ради этого жизнью, проезжая сквозь боевые порядки красной гвардии и революционных матросов. Неровен час — застрелит «союзного» генерала какой-нибудь не в меру горячий «братишка». Может, помощь решил французский военный атташе предложить? Она

¹ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 424.

² Там же. С. 423.

была бы очень кстати: один батальон — и вся история России пойдет по-другому. Ведь всего через несколько дней большевики предложат немцам заключить мир. Это необратимая катастрофа, и Франция этого допустить не должна. Лишиться союзника — значит усилить врага. Может, именно об этом беседует с Керенским бравый парижский генерал? Решает, как помочь Временному правительству, а с ним и самому себе?

Увы, нет. Ниссель просто уехал, ничего Краснову не сказав. А Керенский, довольно улыбаясь, развел руками:

— Вот... Я надеялся, что Ниссель своими силами поможет нам, но он заявил, *что во внутренние дела России Франция вмешиваться не хочет*.¹

Представляете — вмешиваться не хочет! Живут в Париже одни фаталисты: есть у нас русские «союзники», своими косяками дважды спасавшие Францию в эту войну, или нет таких — это как карта ляжет. Бог союзников дал, Ленин забрал, ничего не поделаешь. Так мы и поверим, что рисковал жизнью генерал Ниссель только ради того, чтобы поделиться этим политическим откровением с потерявшим власть Керенским. И конечно, именно от таких новостей настроение последнего резко улучшилось.

На самом деле французский генерал за закрытыми дверями обсуждал с Керенским детали плана по его переправке в более безопасное место. Ниссель еще раз подтвердил ранее данные «союзниками» гарантии безопасности и безмятежной жизни русского горе-руководителя. Оттого и сиял, как начищенный самовар, Керенский в момент, когда должен был бы плакать. Все разговоры о помощи — не более чем спектакль, разыгранный для Краснова и других.

Уехал генерал Ниссель, а вслед за ним исчез и Керенский, под занавес назначив Краснова командующим несуществующей армией. Он растворился, оставив записку. Глава Российской демократической республики второпях написал: «Слагаю с себя звание министра-председателя, передаю все права и обязанно-

¹ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 424.

сти по этой должности в распоряжение Временного правительства. А. Керенский. 1.XI.-17 г.». ¹ Если учесть, что правительство в полном составе сидело в Петропавловской крепости, то дело обстояло так: *Керенский официально отрекся от власти в пользу главы нового большевистского правительства Владимира Ильича Ленина.*

Конечно, акт его отречения носил уже неофициальный характер, но факт остается фактом. Вместо того чтобы призвать верные правительству силы на борьбу с узурпаторами, он просто удрал в неизвестном направлении, не оставив антибольшевистским силам никакого официального «знамени». И большевики, и борцы с ними были отныне одинаково незаконны. Единственным законным органом власти могло стать Учредительное собрание, но оно должно еще было только собраться в январе 1918-го! Именно поэтому реальная борьба с большевиками началась лишь после разгона ими «Учредиловки», а до той поры все выжидали развития событий. Так даже своим побегом Керенский последний раз помог земляку Ульянову удержаться, укрепиться в самые сложные первые недели после захвата власти.

Отчаянием и полной безнадежностью веет от мемуаров Краснова: «Ночью пришли тревожные телеграммы из Москвы и Смоленска. Там шли кровавые бои. Ни один солдат не встал за Временное правительство. Мы были одиноки и преданы всеми...» ²

Пройдет менее года, и 13 апреля 1918 года генерал Корнилов героически погибнет во время штурма Екатеринодара частями Добровольческой армии. Уже после отступления белых тело Корнилова будет извлечено из могилы красноармейцами. Труп генерала опознают, его привезут в Екатеринодар (Краснодар) и при большом стечении народа разденут и повесят на дереве. Потом пьяные комиссары изрубят тело Лавра Георгиевича шашками, растопчут ногами, обложат соломой и сожгут. Вечная ему память!

¹ Керенский А. Ф. Гатчина. М.: Панорама, 1992; http://www.gatchina.tk/kerenski_a_f/kerenski_gatchina2.htm

² Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006. С. 441.

Позднее и генерал Краснов испытает крепость и цену британского слова на собственной шкуре. Это будет много позже. Он будет выдан англичанами СССР после Второй мировой войны и повешен 17 января 1947 года в Москве, во дворе тюрьмы Лефортово.

Спустя несколько недель бывший император, а теперь гражданин Николай Романов записал в свой дневник: «17 ноября. Пятница. Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром. Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени».¹

Прошло всего восемь месяцев после его отречения. Уже восемь месяцев, как в России наступило Смутное время, теперь начиналась Гражданская война...

¹ Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003. С. 77.

Глава 9

Почему Ленин так торопился взять власть

Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться...

Л. Д. Троцкий

Надо спасать государство каким бы то ни было образом; антиконституционно лишь то, что ведет к его гибели.

М. Робеспьер

Свою речь на II Всероссийском съезде Советов, произнесенную сразу после захвата власти, Владимир Ильич закончил так: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

А ведь еще две недели назад Ленин писал совсем другое. Тогда его нервы были напряжены, как струна. В тот период ему удавалось все: находить новые лозунги, удачно выступать на митингах, убеждать колеблющихся и буквально за шкурку тащить их вперед к светлому будущему. Он спешил, страшно спешил. Читаем ленинское письмо с четким и ясным названием — «Большевики

должны взять власть». Указаны и адресаты: Центральному комитету, Петроградскому и Московскому комитету РСДРП(б):

«Почему должны власть взять именно теперь большевики? Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими. А отдаче Питера при армии с Керенским и К⁰ во главе мы помешать не в силах. И Учредительного собрания “ждать” нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенским и К⁰ всегда могут сорвать его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного собрания, и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение».¹

Нервозность ленинских строк сразу бросается в глаза. Основной вопрос: *«Почему должны власть взять именно теперь»*. Ленин спешит, он знает, что власть надо брать именно *сейчас*. Но эту излишнюю спешку надо скрыть. Окружающие ее не поймут, они уже ее не понимают, как не понимали многого ранее. Как это всё ему надоело! Он не может открыть им всей правды и потому приходится выдумывать черт знает что для своих же товарищей.

На кону стоит всё — революция, страна и, может, судьба всего мира. Но это понимает только он. И Троцкий. Больше никто. Некоторые верят на слово, следуют за своим вождем, но в глубине их глаз все равно читается непонимание. Почему сейчас? Почему так спешим?

10 (23) октября на собрании ЦК партии Ильич ощутил это «равнодушие к вопросу о восстании».² А нервы и у Ленина не железные, они сдают. И тогда на бумагу, словно невидимые чернила, выплескиваются его тревога и беспокойство, граничащие с отчаянием.

«Письмо членам ЦК РСДРП(б)».

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно. Изю всех сил убеждаю товарищей, что *теперь все висит на волоске*, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами

¹ Ленин В. И. Сочинения. М.: ГИПЛА, 1949. Т. 26. С. 1–2.

² Там же. С. 160.

(хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... Нельзя ждать!! Можно потерять все!! История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все. *Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.* Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе, и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой... Правительство колеблется. Надо добить его, во что бы то ни стало! *Промедление в выступлении смерти подобно».*¹

Если раньше лукавил Ильич, выдумывая разные небылицы, то теперь он просто открытым текстом говорит — не говорит, кричит: надо брать власть! Всё висит на волоске! Можно потерять все! И далее призывает своих товарищей не задавать ненужных вопросов, не терзаться сомнениями, не терять драгоценного времени на собрания и совещания. Ленин пишет уже совсем откровенно: «политическая цель» взятия власти «выяснится после взятия». Сначала придем к власти, а там и цель наша станет понятна. Вам, товарищ Зиновьев, цель наша пока не ясна? Так это ничего, батенька. Давайте сначала власть возьмем, а там я вам и расскажу, зачем мы это сделали.

Оставим Владимира Ильича наедине с его сомнениями и тревогами и зададим себе всего лишь один вопрос. Ответ на него весьма и весьма интересен. Ответ на него страшен, потому что приоткрывает нам ту тайную завесу, откуда и набросилась на нашу страну революционная напасть. *Куда же так спешит Владимир Ильич?*

Давайте задумаемся. Если какая-то политическая сила начинает отчаянно спешить с выполнением своих политических планов, это означает, что другая сила может их выполнению помешать. Ленин торопится взять власть, следовательно, должна существовать угроза срыва ленинского плана. Кто же может ему помешать встать во главе России в октябре семнадцатого года? Перечислим всех гипотетических противников:

¹ Ленин В. И. Сочинения. М.: ГИПЛА, 1949. Т. 26. С. 204.

- ◆ «буржуазное» Временное правительство;
- ◆ военный переворот;
- ◆ монархический заговор;
- ◆ наступление немцев и оккупация ими России;
- ◆ вмешательство «союзников».

Разберем по порядку реальность всех этих угроз.

1. *Власть в лице Временного правительства* быстро деградировала, она просто разваливалась прямо на глазах. Во главе России стоял Керенский, из всех сил помогавший большевикам. В правительстве появлялось все больше социалистов и экстремистов всех мастей. Ленин это прекрасно знал и видел. Можно было просто подождать, пока власть, удерживаемая столь неумело, сама, как спелый плод, упала бы к ногам большевиков. Ведь правительство либо бездействует, либо помогает и подыгрывает своим уничтожителям до самой последней минуты.

2. Практически единственная реальная угроза Ленину — *военный переворот* — уже не страшна благодаря стараниям все того же Керенского. Генерал Корнилов, с помощью главы Временного правительства, опозорен и арестован. Ближайшие сподвижники Корнилова или арестованы, или застрелились. В армии проведена чистка. Все ненадежные генералы уволены или отправлены куда подальше в буквальном смысле слова. Возможность военного переворота полностью исключена. Нет руководителей, нет организации. Да и желания нет.

(Забавно, но после Октября Керенского вместе с Лавром Георгиевичем Корниловым большевики вообще свалят в одну кучу. Так и напишут в своих воззваниях: «Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому!» Это все звучит не менее забавно, чем «троцкист Сталин»! Но кто там будет разбирать?!)

3. *Монархических заговоров* в 1917 году не было и в помине. Ни один самый дотошный историк не нашел ни малейшего намека на такую возможность. Отметим ее и мы.

4. *Немцы* также не могут быть угрозой для захвата власти большевиками. Ведь именно они и привезли сюда Ленина, а все его действия ослабляют Россию. Значит, они немцам только на

руку. И германские офицеры, приехавшие в «пломбированном» поезде, помогали организовывать переворот. «Предстоящая отдача Питера» германцам, о которой пишет сам Ильич в своих письмах товарищам, нас смущать не должна. Таких планов не было ни у Керенского, ни у Корнилова, вообще ни у кого. Сдача города была просто притянута за уши, она существовала только в воображении Ленина и служила оправданием его непонятной спешке. Да и немцы совсем не собирались захватывать русскую столицу. Ленин это прекрасно знал — просто он выдумал хороший повод поторопить незадачливых соратников, а после него пошло это гулять из книги в книгу. Раньше пугал пролетариат и революционную демократию Корниловым, теперь начал стращать германским штыком. Это тем более удобно, что уж кто-кто, а Ленин с немецкими планами знаком. Июльское выступление большевиков удивительно совпадало по срокам с нашим наступлением на фронте и последующим контрударом германцев. Большевики своими действиями ослабляли страну и армию, и мешать им со стороны немцев было бы очень странно.

5. Наши доблестные «союзники» мешать Ленину также не собирались — по той же причине, что и немцы. Им его деятельность была также на руку. Да и не было для этого ни свободных дивизий, ни планов. Эта угроза в реальности вообще не существовала. Хотя бы потому, что сам Ленин о ней ни разу не упоминает.

Интересная картина получается: реальных противников внутри страны у ленинцев нет — власть разложена и разлагается далее. С внешним миром все обстоит великолепно: с немцами у них полная любовь, «союзники» ни во что не вмешиваются. Нет никакой угрозы, с каждой неделей большевики все сильнее. Медленно, но верно большевики к власти продвигаются, и чем дальше, тем меньше препятствий перед ними на этом пути остается. Вроде бы набраться терпения и подождать, а гениальный Ленин все спешит да спешит, все торопит и торопит: «промедление в восстании смерти подобно»! Но почему?

Ответ надо искать у самого вождя мирового пролетариата.

«Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего тру-

*да получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма».*¹

Это чуть позже напишет сам Владимир Ильич. Все получилось как в сказке: «специально сложившиеся условия» помогли Ленину взять власть. Международный «союзный» империализм на все это спокойно взирал, «сложив» эти «специальные условия» так удачно для большевиков. Но кое-что он попросил взамен...

Просто так в этом мире ничего не случается. Чтобы получить возможность захватить власть, чтобы получить деньги и лояльность Временного правительства, Ленину пришлось взять на себя определенные обязательства. Вот о них стоит упомянуть.

С «немецкими» обязательствами ясность полная: Ленин пообещал им вывести Россию из войны. О «долгах» большевиков немцам говорят все современные издания, совершенно забывая об обязательствах перед «союзниками». В том, что они были, перестаешь сомневаться, анализируя поведение Парижа, Лондона и Вашингтона в разгоравшемся русском междоусобье. Надо снова окунуться в зловещий план развала России, состряпанный нашими «союзниками» по Антанте. Часть их сценария, как мы видели, блестяще претворил в жизнь господин Керенский. Начинался финальный этап. Для воплощения этой части и готовили Владимира Ильича. Хотели использовать его, а он в свою очередь готовился воспользоваться уникальным моментом и совершить революцию, абсолютно невозможную в любой другой ситуации.

Перед «союзниками» Ленин взял только одно обязательство: ПРЕРВАТЬ ЛЕГИТИМНОСТЬ РУССКОЙ ВЛАСТИ!

Это очень интересный и совершенно не изученный вопрос. Это ключ к пониманию ленинской спешки. Это ответ на многие вопросы, которые никак не могут найти историки. На октябрь 1917 года единственной легитимной властью в России было

¹ *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М.: ОГИЗ, 1939. С. 37.

Временное правительство. Единственной его задачей был созыв Учредительного собрания, которое после отречения Николая, а затем Михаила должно было решить дальнейшее устройство страны. Временное правительство было всего лишь руководящей силой, призванной довести страну до выборов. Вместо этого оно довело страну до ручки, но речь сейчас не об этом.

Чтобы окончательно уничтожить Россию, «союзники» готовили для нее маленький юридический казус — отсутствие легитимной власти вообще! Ведь какое бы ни было Временное правительство плохое, а открыто против него выступал только Ленин! Корнилов потому и проиграл, что свергать «временщиков» не собирался, а только хотел очистить власть от шпионов и предателей. Все остальные революционеры и сепаратисты разных мастей в огромной Российской республике-империи заикались пока лишь об автономии да о национальных военных формированиях. Потому что открыто призывать к свержению легитимной власти сложно и морально, и юридически. Сделав это, ты автоматически становишься мятежником и преступником. Совсем другое дело, если власти нет. Нет, она, конечно, есть, но она незаконная, а потому подчиняться ей не обязательно!

Вот такую ситуацию и готовили для нашей страны. После свержения правительства Керенского большевиками единственным легитимным органом власти оставалось Учредительное собрание. Большевики должны были просидеть «на троне» до его созыва и благополучно народных избранников разогнать. После ликвидации ими Учредительного собрания наступал полный правовой вакуум — законной власти в стране не оставалось. Вы только себе представьте: бескрайняя, огромная Россия — и нет никакой власти! Царь отрекся, брат его отрекся, Керенский отрекся. Временное правительство разогнано и сидит в тюрьме, депутаты «учредиловки» тоже распущены. От Владивостока до Хельсинки, от Мурманска до Средней Азии нет уважаемой признанной властной структуры. Но без власти, без государства жить нельзя, вакуума в общественной жизни быть не может. Поэтому на всех этих огромных просторах начнется процесс формирования новых властных структур. Стихийно и везде

одновременно. Что это означает? Неизбежное столкновение этих новых структур, противоборство и борьбу. Это означает хаос, анархию, гражданскую войну. Это — смерть, голод и лишения. Все вместе — это конец страны. Вот оно, логическое завершение плана «союзников» — гибель России.

Чтобы нарушить легитимность власти, переворот было необходимо произвести не «когда получится», а четко привязав его по времени. *Ленин спешил взять власть к моменту голосования в Учредительное собрание. С другой стороны, ему было просто необходимо успеть к открытию II Всероссийского съезда Советов.*

Ленин должен был взять власть до опускания бюллетеней в урны и еще по одной причине: у него не оставалось никакого другого предлога для ее захвата! Вся страна ждала созыва Учредительного собрания. Единственное, что массы могли понять в тот момент, — власть необходима для проведения выборов и обеспечения будущего созыва этого главного государственного органа. Именно «за», а не «против»! Ленинская гениальность как политика в том и заключалась, что для разгона Учредительного собрания он взял власть под лозунгом его поддержки! Именно поэтому в своих письмах к коллегам Ленин и призывает взять власть, якобы чтобы обеспечить этот созыв. Фактически Ильич призывает большевиков встать на место Временного правительства, призванного осуществить выборный процесс. Только на самом деле Ленину не выборы были нужны, а революция.

Чтобы окончательно рассеять свои сомнения, сверим даты:

- ◆ голосование в Учредительное собрание — 12 (25) ноября.
- ◆ Великая Октябрьская социалистическая революция — 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Тут Ленин успел опередить выборы, имея почти две недели свободного времени. А вот со вторым сроком, к открытию II съезда Советов, чуть было не опоздал. Помните I съезд Советов в июне, на котором полюбовно, друг за дружкой выступали Ульянов и Керенский? Перед закрытием он установил день 25 октября (7 ноября) как дату открытия следующего съезда.

«Удивительное» совпадение — именно в этот день и произошла большевистская революция! Однако просто так «чудес» в истории не бывает! Не исключение и история наших революций. Ленину надо было взять власть не вообще, а к вполне конкретному сроку. Быстро, четко, не теряя времени на объяснения и уговоры. Иначе весь смысл его действий для «союзного» плана терялся. Поэтому и «промедление смерти подобно». Возьми власть неделей позже, и «союзные» друзья скажут, что ты не выполнил своих обязательств. Если успеешь к означенному сроку, дальше все пойдет как по маслу. Во-первых, и немцы и «союзники» будут тебе помогать или, по крайней мере, не мешать. Во-вторых, внутри страны сопротивления также (хотя бы первое время) почти никто не окажет. Иными словами, будет время осмотреться и укрепиться. «Специально сложившиеся условия» надо использовать на все сто. Ленину эта революция нужна не для того, чтобы, хапнув золота, убежать за границу, не для того, чтобы просто развалить Российскую империю, а для того, чтобы осуществить свою несбыточную мечту — построить новое, социалистическое государство.

После выборов брать власть нельзя. Лучше раньше, загоя. Государственный переворот — штука сложная, как бы не опоздать. Сначала, в июле, были еще не готовы. Потом, в конце августа, помешало корниловское выступление. Наконец, в октябре подготовились более основательно, но надо было быть в успехе уверенными наверняка. Слишком велика ставка. Если выступление сорвется, то и «союзники» и немцы от большевиков могут отвернуться. Будут искать других исполнителей своих планов. Тогда могут закончиться и чудеса, пропадет «гениальное» ленинское предвидение...

Нет, рисковать нельзя. Устроили репетицию — в Ташкенте. Так там чуть все не сорвалось из-за сопротивления одного казачьего полка. Он так энергично противился, что товарищи Владимира Ильича опять запаниковали. Тогда он опять говорил им, что все будет хорошо, они победят. И снова оказался прав: к казакам пришла телеграмма Керенского с требованием заключить мир. Во время войны с Германией недопустимо проливать братскую кровь, ну и так далее. Послушавшись Керенского, казаки остави-

ли Ташкент и ушли в крепость, а большевики за ночь окружили ее тяжелой артиллерией, а с утра начали обстрел. Делать было нечего — казаки вышли без лошадей, сдались. Их ловили и зверски убивали, офицерам выкалывали глаза...

А большевики сделали для себя выводы на будущее. В Петрограде с казаками договорятся, и они будут хранить нейтралитет, поэтому захват власти пройдет практически без эксцессов.

Однако для подготовки, основательной подготовки, требовалось время. А его у Ленина было мало. Оно утекало, как одна за другой уходят песчинки в песочных часах. Ленин спешил, но не успевал, и тут ему снова помог... Керенский. Сейчас об этом упоминают редко, но первоначально голосование в Учредительное собрание было назначено на *17 (30) сентября 1917 года*. Эта дата была объявлена только в середине июня. Однако уже в августе сроки были сдвинуты. «Учитывая обострение обстановки в стране», Временное правительство перенесло сроки выборов Учредительного собрания на *12 (25) ноября*. Изменились, соответственно, и даты его созыва: с *30 сентября (13 октября) на 28 ноября (11 декабря) 1917 года*.¹ Потом дату созыва перенесут еще раз: на *5 (18) января 1918 года*. Это и был тот выигрыш во времени, получив который Ленин успел сделать революцию...

Показательным примером истинных причин ленинской спешки с вооруженным восстанием является известная история с «предательством» Каменева и Зиновьева, «выдачей» ими планов партии ее противникам. Все у Ильича было готово для взятия власти. Все... кроме самой партии большевиков. Точнее — ее думавшей части. Червь сомнения разъедал всех, кто мог мыслить самостоятельно. Зачем устраивать восстание накануне выборов?

А то, что восстание будет, знает любой уличный мальчишка. Собственно говоря, никто из большевиков из этого тайну не делал. Даже сам Владимир Ильич. В конце сентября Ленин пи-

¹ Миллюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. С. 290–291.

шет работу «Удержат ли большевики государственную власть?». ¹ Даже из названия видно, что взятие власти — вопрос уже решенный, а речь идет об успехе или провале этого мероприятия. Окончательное решение принято 10 (23) октября на заседании Центрального комитета партии. «За» проголосовали все, кроме Каменева и Зиновьева. После этого решения и был сформирован Военно-революционный комитет, через две недели спокойно взявший власть и посадивший министров Временного правительства в Петропавловскую крепость.

Об уровне тайны, хранимой большевиками, лучше всех сказал Троцкий, выступая на втором юбилее Октябрьской революции в 1919 году: «Тщетно память пытается найти в истории другое восстание, которое было заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный срок осуществлено — и притом победоносно». ² Вообще в мемуарах Льва Давыдовича «Моя жизнь» упоминание о «страшной тайне» можно найти многократно: «О восстании говорили повсюду и везде: на улицах, в столовой, при встрече на лестницах Смольного». ³

Итак, вооруженного выступления большевиков все ждут, все об этом знают. В это самое время 18 (31) октября в газете «Новая жизнь» было опубликовано интервью с Каменевым, в котором тот рассказывал о своем (вместе с Зиновьевым) несогласии с решением ЦК партии о вооруженном восстании. Идея несогласных с ленинским курсом проста — зачем рисковать, когда власть можно взять путем победы на выборах?

¹ В этой работе можно найти любопытную цитату, полностью опровергающую другую знаменитую цитату из Ильича о том, что кухарка будет управлять государством: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством» (Ленин В. И. Сочинения. М.: ГИПЛА, 1949. Т. 26. С. 89).

² Троцкий Л. Д. Воспоминания об Октябрьском перевороте; http://www.i-u.ru/biblio/archive/trotsky_i/02.aspx

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь; http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/My_Life/My_Life-00-02-06.html

«Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание превосходны, — писал Каменев. — Разговоры о том, что влияние большевизма начинает падать и тому подобное, мы считаем решительно ни на чем не основанными. В устах наших политических противников эти утверждения просто прием политической игры, рассчитанный именно на то, чтобы вызвать выступление большевиков в условиях, благоприятных для наших врагов. Влияние большевизма растет. Целые пласты трудящегося населения только еще начинают захватываться им. При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном собрании».¹

В тот же день, выступая в Петроградском Совете, Троцкий сказал: «Нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны...»²

Реакция Ленина на разговоры о восстании своих ближайших соратников удивительна и необъяснима. *Он не замечает прямых высказываний Троцкого с трибуны Петросовета, зато с яростью обрушивается на Каменева и Зиновьева!* 20 октября (2 ноября) Ленин пишет письмо в ЦК по поводу «предательского поведения» своих соратников. Центральный комитет осуждает Каменева и Зиновьева и впредь запрещает им делать заявления против принятых партией решений. А сам Владимир Ильич отвечает Зиновьеву и Каменеву таким же печатным словом. «Письмо к товарищам», объемный труд на 20 страницах, выходит в течение трех (!) дней в трех номерах газеты «Рабочий путь»: «Я говорю прямо, — пишет пролетарский вожь, — что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами буду бороться за исключение обоих из партии».³

Много нелестных эпитетов: «Неслыханные колебания, способные оказать губительное воздействие на партию... Эта парочка

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): август 1917 — февраль 1918. С. 92.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты; <http://stepanov01.narod.ru/library/denikin02/chapt12.htm>

³ Ленин В. И. Сочинения. М.: ГИПЛ, 1949. Т. 26. С. 168–184.

товарищей, растерявших свои принципы». ¹ Так у Ленина бывает часто: в пылу полемики он слова не особенно подбирает и ругается страшно на тех, кто выдал планы большевиков. А потом дает опровержение? Нет.

*Ленин, отведя душу в печатной брани, сам дает открытое и полное обоснование необходимости немедленного вооруженного восстания, «тайну» которого «выдали» его соратники!*²

А после Октября (то есть всего через неделю!) один из тех, кто «растерял принципы», — Каменев — возглавит ВЦИК (Все-союзный исполнительный комитет), призванный контролировать деятельность советского правительства — Совета Народных Комиссаров, который возглавляет сам Ленин. Пройдет еще немного времени, и Каменев будет председателем Московского совета депутатов. В то же время Зиновьев станет председателем Петроградского Совета и председателем Исполкома Коминтерна.

Прошла всего одна неделя, и следа нет от «страшных» противоречий и от «кошмарного предательства». Главари большевиков снова вместе. Отчего фанатично упрямый Ленин так непоследователен в борьбе с предателями и ренегатами? Почему он так быстро простил «изменников», «штрейкбрехеров», «подлых», «жуликов», «лжецов», «наглецов», «преступников», «выдавших Родзянке и Керенскому решение своей партии о вооруженном восстании»? Почему спустя пять лет, 24 декабря 1922 года, Ленин в «Письме к съезду», фактически в своем политическом завещании, напишет: «Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкого»?

Потому что Ленин прекрасно знает, что вредное для восстания поведение Каменева и Зиновьева вызвано не их подлостью и изменой, а стремлением сделать революцию наилучшим образом. Каменеву и Зиновьеву надо прийти к власти самым простым

¹ Ленин В. И. Сочинения. М.: ГИПЛА, 1949. Т. 26. С. 168–184.

² Огромная статья Ленина заканчивается издевательской фразой, обращенной к непонятливым товарищам: «Спойте нам песенку *против* военного заговора!» (курсив ленинский).

и бескровным путем. А Ленину надо не просто взять власть, а обязательно прервать ее легитимность!

У него четкие сроки и конкретные обязательства перед «союзниками». Как ему объяснить своим излишне принципиальным товарищам, что «специально сложившиеся условия» для революции действуют только сейчас? Что Керенский будет вести себя так странно и играть в «поддавки», только пока у него есть такое указание? Переменится позиция его хозяев — и большевиков могут прихлопнуть в один момент. Объяснить это невозможно. Поэтому не понимает глубинных причин ленинского поведения Зиновьев, вместе с Ильичем отсидевший в шалаше в Разливе, не понимает Каменев. И не осознавая истинных мотивов действий своего вождя, искренне считают, что совершает Ленин ошибку.

Оттого и пытаются Каменев и Зиновьев предостеречь Ленина от рокового заблуждения, пишут в газете, что «при данном соотношении сил и за несколько дней до съезда Советов захватывать власть было бы гибельным для пролетариата». Не понимают, что как раз именно такой вариант взятия власти является единственно возможным. Но от этого их преданность делу партии меньше не становится.

Не было никакого предательства, оттого и ставит обоих «предателей» Ленин на самые ответственные посты уже через неделю после их «предательства». А переживает он так сильно оттого, что не может позволить себе показать перед внешними силами свою слабость и слабость партии, им возглавляемой. Как же вы, господин Ленин, будете делать революцию и выполнять взятые на себя обязательства, если не можете разобраться внутри ЦК собственной партии? Вот вопрос, который зададут Ленину «союзные» эмиссары, те же слава повторяют прибывшие в «пломбированном» вагоне для помощи в организации переворота немецкие офицеры. Вот оттого и обрушился на Зиновьева и Каменева Владимир Ильич.

И еще оттого, что нервы Ленина были напряжены до предела. Ведь наступают заключительные, самые важные для Ленина дни. Не получится переворот в октябре — может не получиться уже никогда. Надо понять то страшное напряжение ЕГО октябрьских

дней. Убеждать колеблющихся соратников, готовить переворот, создать Военно-революционный комитет. И когда уже, казалось, все сделано — начинается дискуссия в печати, открытая неугомонными Каменевым и Зиновьевым!

Да еще и дата выступления менялась несколько раз. Переворот назначался сначала на 20 октября, а Петроград наполнился слухами и домыслами. Многие горожане в этот день уехали из города. Оставшиеся не решаются выходить из дома, улицы полупустынны. Но выступления большевиков не было, что-то до конца не срослось, а из песочных часов истории грозила высыпаться последняя струйка.

Потом на улицах говорили, что переворот назначен на 21-е. Но тут военный министр Верховский неожиданно делает доклад на заседании Временного правительства, в котором прямо говорит, что армия больше воевать не может, надо спасать государство, для чего необходим сепаратный мир с Германией.¹ Для Ленина это катастрофа: заключи правительство мир или хотя бы объяви о желании начать переговоры — из рук Ильича будет вырван его главный козырь. Этого допустить нельзя. Поэтому Керенский опять играет «в поддавки»: Верховский под его давлением уходит в отставку. Никаких переговоров не будет. Однако даже простое циркулирование слухов об этом крайне нежелательно. Когда газета «Общее дело», узнав о предложении военного министра, заклеимила его изменником и предателем, она была, к удивлению издателей, *...закрыта Временным правительством в тот же день!*²

А по Петрограду продолжают ползти упорные слухи — большевистский переворот будет в воскресенье, 22 октября (4 ноября). Но 22-е — день Казанской Божьей Матери, и казачьи полки назначили на этот день моление о спасении Родины и массовый крестный ход по городу. Сталкиваться с казаками нельзя, придется снова переносить дату восстания. Так ото дня ко дню она отодвигалась, пока 25 октября (7 ноября) не произошел Великий Октябрь.

¹ Верховский А. И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. С. 394.

² Там же.

Только железная воля Ильича и смогла собрать воедино большевистскую партию и заставить ее пройти путь победоносного восстания до конца. В самый последний момент Ленин успел совершить то, что ждали от него «союзники». И вошел триумфатором в зал заседаний II съезда Советов. Когда он открылся вечером 25 октября, большевики уже несколькими часами раньше свергли Временное правительство. Таким образом, съезд Советов был поставлен перед совершившимся фактом. И принял ряд решений. Чрезвычайно нужных Владимиру Ильичу для удержания власти и для маскировки его истинных намерений.

«Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства. 26 октября 1917 года.

Всероссийский Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет: образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров... Председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин)...»¹

Постановление принято. Власть поменялась, но она всячески демонстрировала свою «временность», как и предыдущая. Народ терпеливо ждал Учредительного собрания, голосования и просто не хотел влезать ни в какие политические нюансы сменяющих друг друга правительств.

Другой пламенный борец за народное счастье, товарищ Троцкий, получил в ленинском «Временном правительстве» пост министра иностранных дел. Теперь он мог вполне официально общаться со своими «союзными» кураторами. А они могли быть довольны — процесс развала России приобретал новую невиданную скорость.

«Постановление II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. 26 октября 1917 года.

Всем губернским и уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть отныне принадлежит

¹ Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1.

*Советам. Комиссары Временного правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с революционным правительством. Постановлением Всероссийского съезда Советов все арестованные члены земельных комитетов освобождаются. Арестовавшие их комиссары подлежат аресту».*¹

«Постановление II Всероссийского Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. 26 октября 1917 года.

*Всероссийский съезд Советов постановил: Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется. На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты, офицеры-революционеры, находящиеся под арестом по так называемым “политическим преступлениям”, освобождаются немедленно».*²

Какова же была сила русского солдата, который продолжал защищать Россию, несмотря ни на Приказ № 1, ни на «Декларацию прав солдата», что снова надо было возвращаться к этому вопросу! То немногое, что успел сделать Корнилов, разрушалось окончательно. Керенский приостановил действие смертной казни, теперь Ленин ее упразднил вовсе. Опять на фронте вместо защиты родины — «полная свобода агитации»!

Правильная тактика, выбранная Ильичом, привела к тому, что переворот прошел практически бескровно. Чем большевики лучше, чем они хуже «временщиков» — пока было непонятно. Зато они на каждом углу кричали о том, что «обеспечить созыв Учредительного собрания и было целью Октябрьской революции; до сих пор его созыву мешали именно кадеты». Одно революционное правительство сменилось другим, цели не поменялись — Учредительное собрание будет создано. Зачем и во имя чего бороться с большевиками?

Красноречивым свидетельством настроений, царивших в среде военных, является сообщение газеты «Рабочий и солдат» от 26 октября (8 ноября):

¹ Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1.

² Там же.

«Вчера на собрании полковых комитетов 1, 4 и 14-го казачьих Донских полков было сделано сообщение о создавшемся положении в связи с падением власти Временного Правительства, и о необходимости в интересах государства спокойно ожидать создания новой государственной власти. В ответ на это председатель от имени собравшихся заявил, что: 1) распоряжения правительства исполнять не будут, 2) ни в коем случае не выступать против Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета и 3) готовы нести охрану государственных имуществ и личной безопасности, как и при прежней власти».¹

Ждать и ничего не делать. Это те самые казачки решили, на которых так надеялся Краснов, подходя со своей «армией» в 700 человек к Петрограду. В тот самый важный, переломный момент русской истории. Вот здесь должны все враги и недоброжелатели России встать и громко аплодировать Керенскому. Его это рук дело. Это он помог большевикам договориться о нейтралитете казачества своим предательством в Ташкенте, да и всей своей бурной деятельностью. Казаки в самом Петрограде хранили нейтралитет. За недолгое время своего правления Керенский так надоел гражданам своей страны, что на его защиту не поднялся никто. Напрасно Временное правительство слало в день переворота отчаянные телеграммы с просьбой о помощи. Народ и армия ответили полным равнодушием.

Страшная апатия и безразличие, поразившие все население страны, плюс ловко придуманная Ильичом тактика помогли большевикам продержаться самые сложные первые дни и недели. В успех большевиков никто не верил — в этом им крупно повезло. Один из большевистских вождей Анатолий Луначарский через два дня после переворота, 27 октября (9 ноября), писал своей жене:

«Дорогая Анюта. Ты, конечно, из газет знаешь все подробности переворота. *Для меня он был неожиданным.* Я, конечно, знал, что борьба за власть Советов будет иметь место, *но что*

¹ *Стариков Н.* Хроника революции; http://lib.irismedia.org/sait/lib_ru/lib.ru/newproza/starilow/revolution.txt.htm

власть будет взята накануне съезда — этого, я думаю, никто не знал. Может быть, даже Военно-революционный комитет решил перейти в наступление внезапно, из страха, что, занимая чисто оборонительную позицию, можно погибнуть и погубить все дело. Переворот был сюрпризом и со стороны легкости, с которой он был произведен. Даже враги говорят: “Лихо!..”¹

У того же Бунина в «Окаянных днях» читаем: «Луначарский после переворота недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели произвести и вдруг такой неожиданный успех!»²

Никто не собирался большевикам мешать, все ждали, когда они рухнут сами. Откройте мемуары той поры — все единодушно давали большевистской власти максимум две недели жизни. После чего она должна была рухнуть сама собой. Нам, знающим, что коммунизм простоял в России почти семьдесят пять лет, такие идеи кажутся наивными и смешными. Один из лидеров белого движения Антон Иванович Деникин с такой оценкой вполне согласен: «Эти “две недели” — плод интеллигентского романтизма...»³ Но его «Очерки русской смуты» написаны в эмиграции в Бельгии и Венгрии в 1922 году, то есть много позже. В октябре 1917-го «две недели» существования нового режима казались вполне реальным сроком. Так думали многие, большинство. Для них эти «две недели» были отличной альтернативой борьбе с узурпаторами власти, хорошим наркотиком для собственной совести. Надо всего лишь подождать, и большевики сами рассыплются в прах. Мы-то с вами знаем, что не рассыпались, и в этом — самая главная заслуга Ленина как руководителя и политика.

Что лучше газет передает ощущение каждого конкретного момента истории? Почитаем периодику тех дней. «Известия СРСД» сразу после переворота писали: «Безумная авантюра; это не есть переход власти к Советам, а захват ее большевиками; они не будут в состоянии организовать государственную власть».

¹ Из писем Луначарского жене; <http://his95.narod.ru/doc02/541.htm>

² Бунин И. Окаянные дни; http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2262.shtml

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 322.

«Новая жизнь» в своих оценках не менее категорична: «Большевицкое правительство управлять Россией не может, печет “декреты” как блины, но все они остаются на бумаге, их декреты скорее газетные передовицы; большевицкие вожди обнаружили поразительное невежество в государственном управлении». Ей вторит «Рабочая газета»: «Заставить большевиков капитулировать мирным путем, изолировать их и тем одержать бескровную победу над ними».¹ Такая же точка зрения мелькает между строк издания «Дело народа»: «У победителей, после хмельной октябрьской ночи, начинается бегство с большевицкого государственного корабля. Какое же поголовное бегство начнется через две недели? ...Диктатуру Ленина и Троцкого надо победить не оружием, а бойкотом их, отвернувшись от них».²

Лейтмотив один и тот же — надо подождать, потерпеть, и все обойдется. Вроде безобидная позиция, но именно она помогала ситуации развиваться по самому катастрофическому сценарию. Общее настроение страны — будем ждать новой власти, то есть созыва Учредительного собрания. Вот оно соберется и сразу все решит. Об этом странном ожидании напишет в своих мемуарах Карл Маннергейм: «...Пробыв неделю в Хельсинки, я вернулся в Петроград. Там не было и намека на сопротивление. Наоборот, я заметил, что советская власть все более укрепляется...»³

Кто-то ждал пассивно, кто-то ничего не делал, «решительно протестуя». А большевики быстро выстреливали в народ своими свежее испеченными декретами: о мире, о земле, о рабочем контроле. Отрабатывали свои обязательства: мир — для Германии, для «союзников», жаждавших распада России, — срочно опубликованная «Декларация прав народов России» с зафиксированной возможностью для всех на свободное самоопределение вплоть до отделения. Потом еще посыпались декреты об упразднении всех судов, законов и адвокатуры; национализации банков; введении всеобщей трудовой повинности. За отказ подтвердить телеграфно свое подчинение новой власти новый глава МИДа

¹ Солженицын А. И. Красное колесо; http://koleso.by.ru/4/4_VIII.htm

² Там же.

³ Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 81.

Троцкий распорядился уволить всех русских послов в главных странах, без пенсии и без права продолжать государственную службу. Чиновников других ведомств, отказывавшихся выходить на работу, Дзержинский арестовывал без ордера и проволочек (мы не бюрократы!). Лавина всех этих доселе невиданных нововведений просто захлестнула страну. Главное было — выиграть время и укрепляться, укрепляться, укрепляться. Готовиться к Учредительному собранию. Точнее — к его разгону. Который прервет легитимность российской власти и даст возможность Ленину начать невиданный социалистический эксперимент. Этот шаг большевиков послужит детонатором к разжиганию в России братоубийственной бойни, этому заключительному аккорду уничтожения Российской империи...

Времена то были еще патриархальные. Русские люди еще не научились проливать русскую же кровь. Поэтому сразу после захвата власти большевистский Военно-революционный комитет постановил: «Немедленно освободить 130 женщин женского ударного батальона, арестованных в помещении Гренадерского полка».¹ Юнкеров, захваченных в Зимнем, также большей частью просто отпустили. Но мирный большевистский переворот англо-французов никак не устраивал. Западу была нужна разрушительная война в России, такая, что не оставила бы камня на камне от нашего государства. По их плану для окончательного распада страны к власти должны были прийти авантюристы и проходимцы, то есть большевики. Чем более безумными будут идеи новой власти, тем лучше: распад страны пойдет еще быстрее. Предлог для отделения от России замечательный — к власти в столице пришли безумцы, и, спасая родной Азербайджан (Украину, Крым и т. д.), мы создаем свое государство. Это с одной стороны, а с другой — сама же новая власть декларировала во всеуслышание возможность окраин отделиться от России.

Таким образом, рвалась столетняя связь между Москвой и Петербургом и окраинами империи. Результат этого был

¹ *Стариков Н.* Хроника революции; http://lib.irismedia.org/sait/lib_ru/lib.ru/newproza/starilow/revolution.txt.htm

ужасен. В первые же недели большевистской власти объявили о своем суверенитете Финляндия и Украина, об автономии заявили Эстония, Крым, Бессарабия, Закавказье. Даже исконно русские казачьи области и Сибирь сформировали не только свои правительства, но, по сути, свои мини-государства. Буквально за считанные дни тысячелетняя Россия перестала существовать.

Ленина же это ничуть не волновало. Главное для него было — укрепляться, выигрывая время. Все, что будет потеряно сейчас, потом можно будет вернуть. Но для того, чтобы выжить, надо выполнять взятые на себя обязательства перед «союзниками» и немцами. Весь первый период становления советской власти представляет собой гениальнейший процесс маневрирования Ленина между этими двумя силами.

Готовясь к разгону Учредительного собрания, большевики, «как и обещали», возглавили процесс подготовки выборов. При Временном правительстве процесс контролировался специальной комиссией. Большевики, не долго думая, поставили во главе ее будущего главу питерского ЧК Соломона Урицкого. Когда же члены комиссии выразили протест и отказались работать, их всех просто арестовали и заменили Комиссариатом по Учредительному собранию.

Потом Соломон Урицкий был назначен комендантом Таврического дворца и сумел четко и быстро организовать разгон собравшегося парламента. Ведь тем, кто знал Ленина, кто хотя бы раз читал его труды, было понятно, что будущее у русского парламентаризма весьма печальное. Например, работу «Государство и революция»: «Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках».¹

Сказал как отрезал. Не любил Ильич парламенты, но выборы все же пришлось проводить. Не сделать этого было невозможно, потому что этого ждал весь народ. Кроме того, период голосования, которое проходило не в один день, и подсчет голосов давали

¹ Ленин В. И. Сочинения. М.: ГИПЛА, 1949. Т. 25. С. 134.

большевикам выигрыш времени, увеличивая срок, в течение которого их никто не трогал. Настоящая борьба должна была начаться после разгона Учредительного собрания.

Заметим мимоходом, что опыт разгона депутатов у большевиков уже был. Малоизвестен тот факт, что накануне Октября они разогнали Предпарламент, название которого говорит само за себя. Депутаты разных партий тренировались на этом форуме в красноречии, ничего фактически не решая, пока 25 октября (7 ноября) Мариинский дворец в Петрограде не окружили солдаты. После чего незадачливые парламентарии поспешили разойтись по домам.

И вот, наконец, наступил день, которого давно ждали: 5 (18) января 1918 года большевик Я. М. Свердлов открыл заседание Учредительного собрания. Далее начались выборы председателя. Большинство в 244 голоса было отдано за... эсера Виктора Михайловича Чернова. Того самого министра Временного правительства, при котором коллеги старались не обсуждать никаких военных вопросов. Потому что были абсолютно уверены в его сотрудничестве с германской разведкой. Вот этого достойного человека, главу эсеров, большинство депутатов захотели увидеть во главе Учредительного собрания. Более достойных фигур в закромах русской демократии не нашлось...

Разгон парламента выглядел в глазах русской общественности дикостью. Поэтому хоть мало-мальски внятное объяснение надо было дать. Ильич попытался это сделать в своих «Тезисах об Учредительном собрании». Получилось, прямо скажем, неубедительно: «...выборы в УС произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения октябрьской... революции».¹ В «Проекте декрета о роспуске Учредительного собрания» его демагогия углубляется и расширяется: «Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выбор между правыми эсерами, сторонниками буржуазии, и левыми, сторонниками социализма».²

¹ Ленин В. И. Сочинения. М.: ГИПЛА, 1949. Т. 25. С. 341.

² Там же. С. 394.

Что и говорить — причина веская. Будто от дележки эсеров по направлению движения у самих большевиков голосов добавится! Для рабочих и революционных матросов Ленин представит дело так: запутались избиратели во фракциях и партиях, в различных видах эсеров и социал-демократов — надо и весь парламент разогнать. Такую же чушь писали в советских учебниках истории.

«На деле партии правых эсеров и меньшевиков ведут... отчаянную борьбу против Советской власти»,¹ — пишет далее Ленин. Но лукавит Владимир Ильич — причины разгона единственного легитимного органа русской власти совсем другие.

Судьба Учредительного собрания была решена задолго до его созыва и начала процесса выборов в него. Решение о его роспуске, а вернее сказать, разгоне было принято нашими «союзниками» одновременно с решением о созыве этого органа власти и входило составной частью в план сокрушения России. Выполнять эту нелицеприятную работу выпало Ленину. Накануне открытия, утром 5 (18) января 1918 года, большевики расстреляли мирную демонстрацию, выступившую под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». Потом ликвидировали и сам очаг парламентаризма — тихо, без выстрелов выведя депутатов на улицу. Если верить учебникам истории и мемуарам, то получается, что один германский шпион Ленин почему-то разогнал сборище людей, считавших наиболее достойным депутатом другого германского шпиона — Чернова. Странные, однако, кадры в немецких спецслужбах. Левая рука не знает, что творит еще более левая...

Зато очевидцы в своих мемуарах прекрасно описали состояние пролетарского вождя. Бонч-Бруевич указывает нам, что в момент открытия Учредительного собрания Ленин «волновался и был мертвенно бледен, как никогда... и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными, глазами всю залу».² Потом Владимир Ильич взял себя в руки, немного успокоился и «просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь».³

¹ Ленин В. И. Сочинения. М.: ГИПЛА, 1949. Т. 25. С. 395.

² Чернов В. М. Перед бурей. Минск: Харвест. С. 360.

³ Там же.

Наступал момент выполнения последней части соглашения Ленина с англосаксами — разгона последней легитимной русской власти. Знает Владимир Ильич: выполнишь взятые на себя обязательства — западные разведчики и кураторы с тобой и далее будут иметь дело. Не сделаешь, того, что должен, — моментально сложат «специально сложившиеся обстоятельства» так, что не останется и мокрого места от большевиков и от их революции. Переживает Ильич, его нервы на пределе. Поэтому ночью, когда разгоняли депутатов «Учредилки», а совсем не в ночь октябрьского переворота у него случается нервный приступ. Почему? Потому что именно сейчас, в ночь разгона Учредительного собрания решается судьба революции! Только понимает важность момента один Ленин. Для всех остальных все происходящее просто ликвидация сбирища кучки болтунов.

Александр Федорович Керенский, оказавший неоценимые услуги своему земляку Ульянову, о причинах ленинской спешки высказался своеобразно:

«Крайне важно было вырвать власть из рук Временного правительства до того, как распадется австро-германо-турецко-болгарская коалиция, другими словами, до того, как Временное правительство получит возможность заключить совместно с союзниками почетный мир».¹

Правду Керенский говорить не может, а писать мемуары хочется, вот он и дает оговорки по Фрейду вперемешку с явными глупостями. Прочитайте его высказывание еще раз. Что говорит Александр Федорович? Власть германскому шпиону Ленину надо захватить до того, как Германия, Турция, Австрия и Болгария войну проигрывают. Это понятно и очевидно: после поражения в войне немцам захват власти в России их агентурой — как мертвому припарка. Это ясно любому здравомыслящему человеку. А вот ко второй части изречения Керенского стоит приглядеться повнимательнее: *«Крайне важно было вырвать власть из рук Временного правительства... до того, как Временное правительство получит возможность заключить совместно с союзниками почетный мир»*.

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте; <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt24.htm>

Незаметно для себя Александр Федорович проговаривается и говорит чистую правду. Только о цели не Ленина, а... самого Керенского! И «союзников»!

Не выиграть Первую мировую войну до тех пор, пока у власти в России легитимное Временное правительство. Это задача «союзных» генералов и политиков того периода. К сожалению, она была решена. Россия, воевавшая на стороне победителей в Первой мировой войне (Антанты), числится по ее результатам в числе побежденных. Вместе со своими противниками немцами, австрийцами и турками...

Дать возможность экстремисту Ленину «вырвать» власть у Временного правительства до окончания мировой войны! Это задача Керенского и его помощников. Отсюда и любовь Александра Федоровича к игре «в поддавки».

У Владимира Ильича Ленина своя задача:

- ♦ сначала успеть «свергнуть» Керенского до выборов и съезда Советов;
- ♦ потом продержаться до созыва Учредительного собрания;
- ♦ затем его благополучно разогнать.

Только после этого, после выполнения всех взятых на себя обязательств, Ленин мог начать новую игру...

В Учредительное собрание было избрано 715 депутатов. Среди них было около 370 эсеров, 175 большевиков, 40 левых эсеров, 16 меньшевиков, 17 кадетов, 86 представителей национальных партий и организаций. Эти цифры известны, но надо понимать, что Ленин разогнал бы «учредиловку» при любом исходе голосования, даже имея подавляющее большинство депутатов-большевиков. Задача у него была такая, и только по ее выполнению Ленин и компания могли спокойно исчезать с арены мировой истории. Так было запланировано нашими «союзниками». Ленин прерывает легитимность власти. В ответ на это от России отпадают не только окраины, но и исконно русские области. Начинается гражданская война — борьба всех против всех. Конечно, в результате какое-нибудь правительство власть в свои руки возьмет, но страна уже будет совсем другая — безмерно ослабленная и урезанная.

Большевики же должны были исчезнуть туда, откуда они появились, — обратно в Европу и Америку, под крыло «союзных» спецслужб. И они собирались это сделать. Существует много свидетельств того, что чуть ли не у каждого большевистского вождя в кармане лежал какой-нибудь «аргентинский» паспорт на подложную фамилию. В квартире сестры Свердлова, помимо того, хранилось большое количество золота, валюты и драгоценностей. На дорожку, так сказать. Потому никто из «союзников» большевиков и не трогал — они сами должны были исчезнуть очень быстро. Сразу, после разгона. Но тут произошло событие, без сомнения, изменившее ход мировой истории.

Ленин понял, что, обладая информацией о таких страшных тайнах, как «немецкие деньги» и «предательство союзников», он и его товарищи долго не проживут. Их либо выдадут новому правительству России, которое просто вздернет борцов за народное счастье на первом попавшемся суку, либо (что более вероятно) они быстро погибнут в результате несчастных случаев и разного рода других «случайностей», которыми так богата нелегальная жизнь революционеров. «Союзники» просто уберут их, заматаив следы своего чудовищного предательства. Вывод напрашивался сам собой — надо остаться в России. Такое решение диктовалось и элементарной заботой о самосохранении, и острым желанием Ленина воплотить в жизнь дело своей жизни — революцию. Довести дело до конца теперь было вопросом жизни и смерти: для руководства большевиков после разгона Учредительного собрания к возможному смертному приговору за предательство родины добавлялся еще и другой — за попытку государственного переворота. Две расстрельные статьи — многовато для любого здравомыслящего человека...

Большевикам нужно было остаться и строить новое государство. Восстанавливать разрушенную армию, налаживать хозяйство, бороться с врагами, созданными их политикой. Начинался решающий этап в жизни большевистской партии. С этого момента они начинают борьбу за сохранение своей власти, своей жизни и своей революции. В историю нашей страны этот период вошел под названием Гражданской войны. Разрушив «до основания» здание старой России, большевики восстановят его снова. Они

удержаться у власти путем отчаянного маневрирования между Антантой и Германией в самые сложные первые полгода своего нахождения у власти.

Но достаточно просто приглядеться к шагам молодого большевистского правительства, как станет ясно, интересы какой державы были у них приоритетом.

...Вскоре после своего назначения министром иностранных дел Лев Давыдович Троцкий создал специальное информационное бюро, во главе которого стоял Карл Радек. Один из отделов бюро занимался международной революционной пропагандой в других странах. В каких державах должны были бы расшатывать государственные устои большевики, будь они германскими шпионами, в особенности после такого триумфального сокрушения России? Разумеется — в стане противника, в других странах Антанты. Особенно в Англии и Франции.

На деле первейшим и самым важным проектом бюро становится пропагандистская газета на немецком языке «Ди Факел» («Die Fackel»).

Были и более мелкие газетки для Богемии, Венгрии и Хорватии.¹ То есть идет массовый выпуск подрывной литературы для Германии и Австро-Венгрии. Под руководством Радека и Троцкого работают в бюро два американских писателя²: Райс Уильямс и очень известный у нас Джон Рид. Любопытно, что свет новой идеи они несут совсем не своим соотечественникам. На английском и французском языках никакого «факела» не выпускается...

Почему же большевики раздувают мировую революцию только в странах — соперниках Антанты и не трогают Англию, Францию и США? Ведь если революция ожидается мировая, то и готовить ее надо везде. Ответ прост: зарубежные «друзья» привезли Ленина в Россию для развала России, и искрами разгоревшегося пожара они собираются поджигать вовсе не свою собственную страну. Перефразируя известную шутку, можно сказать: кто революционера ужинает, тот его и танцует...

¹ Уорт Р. Антанта и русская революция 1917–1918. М.: Центрполиграф, 2006. С. 226.

² Или два не совсем писателя, возможно, даже два совсем не писателя.

Тираж «Ди Факел» доставляли к демаркационной линии, разделяющей русские и германские войска. Газета быстро расходилась по солдатским комитетам вдоль всей линии фронта, а оттуда тайком передавалась немецким солдатам и забрасывалась на территорию дислокации германских войск. Все это происходило во время мирных переговоров в Бресте. И все это делали «германские шпионы» большевики.

Зададим традиционный для революционных газет вопрос: где ее печатают и на какие средства она оплачивается? К примеру, в момент возвращения Ленина тираж «Правды» не превышал 40 тысяч экземпляров в день, а меньшевистской газеты «Луч» — 15–16 тысяч. В самое славное время тираж социал-демократической прессы все равно не дотягивал до 100 тысяч.

Тираж газеты «Ди Факел» очень быстро достигает полумиллиона экземпляров в день.¹

Кто же платит за печать такого бестселлера? «Эдгар Сиссон, находившийся в России... внес свою долю средств на печатные станки, которыми пользовалось бюро Радека, и... выделил значительную сумму для использования советским правительством в пропагандистской работе».²

Для справки: Эдгар Сиссон приехал в Петроград как представитель пропагандистского ведомства США — Комитета общественной информации. Он же был неофициальным представителем американского президента Вильсона в России. Иными словами, разведчик под прикрытием журналистского удостоверения. Обратим внимание на время прибытия Сиссона в Петроград — ноябрь 1917-го. Сразу после того, как большевики взяли власть. А ранее американцам было совсем неинтересно, что творится в России?

Математика — точная наука. Дважды два всегда будет четыре. Верно и обратное: поделите четыре на два — и в остатке получите двойку. В феврале семнадцатого кто-то выделил деньги на печать газеты «Известия», опубликовавшую Приказ № 1 и разложившую

¹ Уорт Р. Антанта и русская революция 1917–1918. М.: Центрполиграф, 2006. С. 227.

² Там же. С. 227.

русскую армию. Мы не знаем, кто это. Проходит менее года, и разведчики стран Антанты выделяют средства на выпуск газеты «Ди Факел», разлагающей армию германскую. Почерк один и тот же, деньги из одного источника...

Странно себя ведут «германские шпионы» большевики. Почему-то они явно играют только против своих «хозяев» немцев. И дело не в беспринципности Ленина или Троцкого — у немцев они денег на газету на английском языке не берут! И все делают, чтобы разложить именно германскую армию и тем самым положить победу к ногам Антанты...

А как же Брестский мир? Разве это не прямое доказательство сотрудничества большевиков и немцев?¹

Увы, всего в одной книге не расскажешь. Разговор о том, каким образом большевикам в 1918 году удалось удержаться у власти, неумолимо выводит нас на новые вопросы и загадки.

- ◆ Убийство царской семьи...
- ◆ Затопление русского флота...
- ◆ Ужасная Гражданская война...
- ◆ Причины поражения Деникина, Юденича, Врангеля, Колчака.²

Обо всем этом мы поговорим в другой книге.

А пока автор будет признателен за ваш отклик:

www.nstarikov.runstarikov.livejournal.com

nstarikov@bk.ru

nstarikovru@gmail.com

¹ Тем, кто задает такой вопрос, я всегда задаю встречный. Знаете ли вы, каким было первое требование большевиков на мирных переговорах с немцами? «НЕ ПЕРЕБРАСЫВАТЬ ВОЙСКА НА ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ». Зачем Ленину и Троцкому надо, чтобы немецкие войска стояли рядом с революционным Петроградом вместо того, чтобы уехать во Францию, историки объяснять не любят. Иначе станет ясно, что на переговорах в Брест-Литовске большевики выполняли задание своих английских и французских «друзей»... Подробности Брестских переговоров см.: *Стариков Н.* Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне. СПб.: Питер, 2010.

² См. там же.

Приложение 1

Кто организовал Первую мировую?

Несчастье заключалось в том, что Германия была убеждена, что она могла рассчитывать на нейтралитет Англии.

С. Д. Сазонов, министр иностранных дел России

Так-то и удалось старому пиратскому государству Англии
опять вызвать резню в Европе...

Альфред фон Тирпиц, германский гросс-адмирал

Главу, посвященную механизму развязывания Первой мировой войны, мы не случайно поместили не в начале, а в конце книги, даже за ее рамками, — так виновник и организатор этой трагедии будет очевиден. Именно в таком порядке, уже зная все, что случится с Россией в 1917 году, легче осознать и увидеть тех, кто организовал для нашей страны страшные потрясения, в попытке вычеркнуть Российскую империю из списка мировых политических игроков...

Сначала два слова о предыстории конфликта.

28 июня (15 июня по старому стилю) 1914 года в столице Боснии городе Сараево был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд.¹ Это был обычный, ничем не при-

¹ Несмотря на титул наследника, Франц-Фердинанд был 56 лет от роду. Такой почтенный возраст объяснялся тем, что австрийскому императору Францу Иосифу было 84 года. Он умрет в конце 1916 года.

мечательный визит будущего руководителя империи в один из своих центральных городов. И для нас он был бы совсем не интересен, если бы в результате целой цепи подозрительных случайностей и странных совпадений, приведших к гибели наследника австрийского престола, не началась Первая мировая война.

События покушения, следствием которого стало развязывание Первой мировой войны, действительно кажутся очень подозрительными. Смерть эрцгерцога была очень нужна.

- ◆ Агенты охраны, приехавшие вместе с будущим преемником 84-летнего императора Франца Иосифа I, **почему-то** остались на вокзале.
- ◆ Несмотря на то что один из террористов — 18-летний Неделько Габринович — бросил в кортеж бомбу (ранившую двадцать человек в толпе и двух офицеров из свиты наследника), *не было внесено никаких изменений* в подготовленную программу визита.
- ◆ Не было принято никаких дополнительных мер безопасности, кортеж автомобилей поехал обратно тем же самым путем.
- ◆ Водитель переднего автомобиля сбился с пути и **случайно** повернул не на ту улицу, где машина, въехав на тротуар, остановилась. Следом за ней встал и весь кортеж, а затем на малой скорости задним ходом попытался выбраться из получившейся пробки.
- ◆ Двигаясь таким образом, автомобиль эрцгерцога остановился напротив гастрономического магазина «Мориц Шиллер деликатессен». Именно там **случайно** находился второй 19-летний террорист, которому будет суждено войти в историю. Звали его Гаврила Принцип.
- ◆ Застравший автомобиль австрийского наследника не просто остановился рядом с убийцей, он **случайно** стоял к террористу именно своей правой стороной, на подножке которой не было охранника.

Принцип выхватил револьвер и два раза выстрелил в неподвижный автомобиль. Первая пуля поразила графиню Софию, пробив кузов машины и ее плотный корсет. Вторая — попала в наследника австрийского престола. Оба были убиты, а поку-

шавшегося схватили на месте преступления. Его били руками и ногами, даже нанесли несколько сабельных ударов, так, что уже в заключении Принципу пришлось ампутировать руку.

Но на этом странности не закончились.

Неделько Габринович и Гаврила Принцип, видя, что с места преступления им не скрыться, приняли яд. Но он «случайно» не подействовал ни на одного террориста! У обоих были ампулы с ядом, которые оказались абсолютно безвредными.

Что это значит? Это значит, что организаторы убийства очень хотели, чтобы террористы попали в руки следствия живыми.

Если бы на сараевской мостовой лежали два трупа молодых людей без документов, вероятнее всего, мировой конфликт бы не начался. По крайней мере — в тот раз.

Именно на показаниях пойманных террористов базировалось и все следствие, и все его выводы, а значит, и дальнейшие страшные последствия смерти эрцгерцога. Следствие прошло на редкость оперативно. Арестованный Гаврила Принцип показал, что он стрелял в эрцгерцога потому, что последний был в его глазах «злейшим врагом и притеснителем сербской нации».¹ Франца Фердинанда убили сербы, студенты Белградского университета, члены организации «Млада Босна» («Молодая Босния») с этой целью специально переброшенные из Сербии. За этой террористической организацией вырисовывались контуры тайной организации сербских националистов «Черная рука», возглавляемой полковником Драгутином Димитриевичем (Дмитриевичем) по кличке Апис.² Следовательно, организаторам убийства нужна была не сама смерть наследника австрийского престола, а правильные выводы следователей. Нужно было, чтобы Австро-Венгрия выдвинула претензии к Сербии и даже объявила ей войну.

Предусмотрительность тех, кто организовывал преступление, поражает: не снабди они террористов «безопасным ядом», те могли бы успеть застрелиться. Толпа и близость охраны эрцгерцога второго шанса убийцам на самоликвидацию не дают,

¹ Троцкий Л. Босняк-волонтер. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 9. С. 320.

² Макдоно Д. Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004. С. 540.

и они попадают в руки австрийского правосудия живыми. Кто же дал убийцам Франца Фердинанда безопасный яд? Тот, кто заинтересован в том, чтобы австрийцы быстро нашли виновных и обрушили свой гнев на Сербию. Самим сербам оставить живых террористов в руках полиции не нужно — это лишь повредит репутации сербской державы и навлечет на нее гнев австрийцев. Значит, за покушением, там, в глубине паутины, находились люди, пекущиеся отнюдь не о сербских интересах.

Правду об убийстве наследника австрийского престола знали единицы. В каждой хорошей пьесе любому актеру отведена определенная роль: есть время выходить на сцену, произносить слова и совершать действия. Затем наступает пора отправляться за кулисы. Вот так в небытие уходили и основные свидетели и действующие лица убийства Франца Фердинанда. Первыми в тюрьме тихо скончались его убийцы Неделько Габринович и Гаврила Принцип. Свою роль молодые сербские террористы выполнили дважды: убив эрцгерцога и дав австрийцам «правильный» след. Отыграли уготованный им сценарий военные и политические организаторы покушения. Глава тайной организации сербских националистов «Черная рука» полковник Драгутин Димитриевич (Димитриевич) (кличка Апис), вооруживший и отправивший убийц, честно провоевал на фронте мировой войны четыре года. И был неожиданно арестован по приказу собственного правительства. Важный организатор закулисных дел теперь уже ненужный свидетель: военнополовой суд без проволочек приговаривает начальника разведки сербского генштаба к расстрелу.¹

При загадочных обстоятельствах ушел из жизни и «политический» организатор сараевского покушения — Владимир Гачинович.² Он был одновременно членом всех трех организаций, подозреваемых в злодеянии: «Молодой Боснии» («Млада Босна»), «Народной Обраны» и «Черной руки». К тому же в «Млада Босна», которая осуществила террористический акт, он был наиболее влиятельным членом и главным идеологом. Именно через него осуществлялись контакты этих организаций со всем внешним окружением: с дру-

¹ <http://liberea.gerodot.ru/neoglot/princip.htm>

² Там же.

гими революционерами и спецслужбами. В его друзьях и знакомых ходили лидер эсеров Натансон, социал-демократы Мартов, Луначарский, Радек, Троцкий. Последний даже почтил его память некрологом. Потому что в августе 1917 года здоровый и цветущий 27-летний Владимир Гачинович **внезапно** занемог. Так непонятна и загадочна была эта болезнь, что оперировавшие его дважды (!) швейцарские врачи ничего не обнаружили. И в том же месяце Гачинович скончался...

Ведь претензии Австро-Венгрии к Сербии быстро переросли в войну. Не между этими двумя странами, нет. Главной целью было сравить между собой Германию и Россию, двух основных геополитических соперников Великобритании. И эта цель была достигнута, несмотря на крайнюю сложность задачи. У России и Германии в начале XX века нет никаких противоречий, что могут послужить причиной для конфликта. Обеими странами управляют двоюродные братья Николай и Вильгельм, имеющие друг с другом совсем неплохие отношения. С чего бы вдруг начать воевать? Это для нас, родившихся в конце XX века, Германия — наглый агрессор, дважды за столетие поставивший Россию на грань гибели. Совсем не так обстояло дело с исторической памятью у русских перед Первой мировой войной. Германия для них — страна с традиционно дружественным режимом, последнее столкновение с которой было в период наполеоновских войн, то есть ровно сто лет назад. Нужен был весомый повод, такое стечение обстоятельств, которое позволило бы обеим странам забыть о многолетней дружбе. Поэтому провоцирование русско-германского конфликта становилось основным направлением политики Англии. К тому же результату стремились и во Франции, уже давно не имевшей своей собственной внешней политики. Вернуть потерянные в результате военного поражения Эльзас и Лотарингию можно было только в результате войны, а в одиночку разгромить Германию Франция не могла. Требовалось русское пушечное мясо...

Позже политиков разных стран спрашивали, как же так внезапно разразилась самая кровопролитная война в истории человечества. Большинство разводило руками, некоторые обвиняли в происшедшей катастрофе противников своей страны. Но был

один человек на политическом олимпе Европы, который скромно молчал. Не вступал в дискуссии и писал воспоминания. Имя этого человека виконт Фалладон, лорд Эдуард Грей. В 1905–1916 годах этот уважаемый джентльмен был министром иностранных дел Великобритании. Не он придумал Первую мировую войну, но именно благодаря его стараниям чудовищные замыслы воплотились в реальность...

Но вернемся в душный июль 1914 года. Начавшееся следствие сразу давало австро-венгерскому руководству однозначный ответ на извечный вопрос «кто виноват». Убийцы эрцгерцога не только получили оружие и инструкции в Сербии, но и непосредственно перед покушением были переправлены на боснийскую территорию. Это был тот самый долгожданный повод, которого не хватало австрийцам для нанесения удара по ненавистному Белграду.¹ Сербские экстремисты совсем распоясались и убили наследника престола. Их действия явно угрожали самим основам многонациональной империи Габсбургов.

Именно так выглядели события из окна венского кабинета. Совсем недавно, в мае 1903 года в Сербии произошел государственный переворот. В результате него сербский король Александр Обренович и королева Драга были убиты. Говорили, что офицеры-заговорщики, ворвавшиеся во дворец, выбросили собственного монарха в окно, однако в последний момент он успел ухватиться за край. Тогда один из убийц отрубил ему пальцы, и король рухнул на мостовую, разбившись насмерть.² Прошло еще несколько лет, и на счету сербов жизнь очередной венценосной особы — на этот раз Франца-Фердинанда. Теперь,

¹ Причиной антагонизма между Сербией и Австро-Венгрией стало желание сербов создать великую Сербию за счет присоединения славянских земель, входящих в состав двуединой монархии. С другой стороны, австрийцы и сами поглощали постепенно все больше славянских земель. Последней каплей, резко обострившей отношения между странами, стала аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 году.

² *Макдоно Д.* Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004. С. 547.

когда австрийское правительство намеревалось предъявить Сербии требование самого полного удовлетворения, германский император Вильгельм II разделял эти намерения. «В ответ на личное обращение австрийского императора кайзер Вильгельм, движимый рыцарскими чувствами, обещал ему поддержку против сербских убийц. Согласно заявлению, сделанному кайзером моему заместителю утром 6 июля в парке потсдамского Нового дворца, он считал вмешательство России в пользу Сербии маловероятным, так как царь, по его мнению, не стал бы поддерживать цареубийц».¹

Сценарий разжигания мировой войны был невероятно сложным по организации, но очень простым по своей сути. Австро-Венгрия, получая поддержку от Германии, предъявляет претензии Сербии. В Белграде проявляют неговорчивость, заручившись гарантиями России. При этом австрийцы и немцы, рассматривая в качестве оптимального решения сербской проблемы именно силовой вариант, должны быть убеждены, что Петербург за сербов не вступится и ограничится дипломатическим осуждением. Только в таком варианте запаливался бикфордов шнур войны. Если бы в Австрии и Германии, знали, что их акция против Белграда приведет к схватке с Россией, они бы на нее не пошли, потому что в условиях франко-русского договора это означало войну с Францией, а в перспективе и с Англией.

Ясность такого развития событий и была главной гарантией от разжигания вооруженного конфликта. Первую мировую войну было очень просто предотвратить. Великобритания всего лишь должна была заявить Германии, что она ни в коем случае не останется нейтральной в случае европейской войны и выступит на стороне своих соратников по блоку Антанта. Именно так Великобритания и поступила несколькими годами ранее, предотвратив франко-германскую войну во время Марокканского кризиса. Но в 1914 году англичане поступили совсем по-другому...

Именно от позиции британского правительства зависела судьба всего человечества жарким летом 1914 года. Эту позицию

¹ *Тирпиц А.* Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. С. 261.

до всего человечества и доводил достопочтимый лорд сэр Грей. После убийства Франца Фердинанда, 29 (16) июня 1914 года, глава британской дипломатии публично в парламенте выразил Вене глубокие соболезнования и... затих почти на неделю.¹ 6 июля (23.06) 1914 года после общения германского кайзера с австрийцами немецкий посол в Лондоне князь Лихновский отправился к Грею прощупать позицию Великобритании в возникшей ситуации. Все последнее время англичане, словно напоказ, демонстрировали немцам свое миролюбие. Были, кроме дипломатических экивоков, и материальные символы английского расположения к немцам. Главный корень германо-британского соперничества — это флот, большая судостроительная программа, запущенная рейхом. В Лондоне относятся к немецкому флоту с нескрываемой враждебностью. И вдруг — позиция меняется. Адмирал Тирпиц напишет об этом так: «Во время Кильской² недели 1914 года наш посол в Лондоне князь Лихновский сообщил, что Англия примирилась со строительством нашего флота; о войне из-за этого флота или нашей торговли не может больше быть и речи; отношения с Англией — удовлетворительны, сближение с ней прогрессирует... В течение той же Кильской недели улучшение наших отношений с Англией нашло себе выражение в том, что впервые за последние девятнадцать лет к нам в гости явилась эскадра британских линкоров... Отношения двух стран выглядели так хорошо, что впервые за многие годы английская эскадра прибыла в Германию на празднование Кильской недели. Она ушла после убийства в Сараево».³

Вот с разговоров об этом немецкий посол и начнет беседу с сэром Греем. Лихновский сообщил о глубоком удовлетворении, которое испытывает император Вильгельм по поводу визита английской эскадры в Германию, а потом мягко принялся прощупывать британскую позицию в надвигающихся международных

¹ *Шацкило В.* Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 21.

² Франц-Фердинанд был убит во время регаты, которая проходила в германском городе Киле и называлась Кильской неделей.

³ *Тирпиц А.* Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. С. 257.

осложнениях. Для этого он сообщил, что австрийцы собираются предпринять выступление против Сербии. После чего открыто изложил немецкую позицию: отказать своему основному союзнику в помощи Берлин не может, но если это будет сделано, возможны осложнения с Петербургом.

Немцы прекрасно знают, что кроме этнических симпатий две монархии связывают и родственные связи: мать сербского наследника — родная сестра великого князя Николая Николаевича Романова, будущего главнокомандующего русской армией в грядущей войне. Сам русский монарх приходится сербскому королевичу Александру дядей. Всего несколько месяцев назад Николай II лично дал обещание оказать Сербии «всемерную военную помощь» и даже любую «поддержку, которая ей понадобится».¹

Вот германский посол и запускает «пробный шар», задает главный вопрос, за ответом на который, он, собственно говоря, и пришел. Немцам известно, что между Англией и Россией ведутся какие-то переговоры о морской конвенции и что этот факт может поощрить Россию на сопротивление Австрии. После жесткого заявления лондонского дипломата немцы сразу должны будут дать задний ход. Конфликт с Россией, в котором ее поддержат англичане, для германцев неприемлем. Отличный случай показать германскому послу хваленую британскую твердость, но вместо этого сэр Грей говорит, что Англия «не может допустить уничтожения Франции».² Дипломаты всегда говорят на особом языке, не всегда понятном другим смертным. Но один дипломат прекрасно понимает другого, и во многом их работа и состоит в расшифровке чужих намеков и недомолвок и умении говорить, не говоря ничего. В переводе на «человеческий» язык фраза о том, что Англия «не может допустить уничтожения Франции», означает следующее:

- ♦ *Петербург ведет или вел с Лондоном некоторые переговоры.*
- ♦ *Британия никаких гарантий безопасности России не давала.*

¹ <http://horthy.narod.ru/wwwI.html>

² *Шаццлло В.* Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 22.

- ◆ *В случае военного столкновения Германии и России англичане останутся вне конфликта.*
- ◆ *Единственное, что беспокоит британцев и против чего они выступят решительно, — военный разгром Франции.*

Вот как много информации можно заложить в маленькую фразу. Таким образом, не отвечая, по сути, на немецкий зондаж, сэр Грей намекает немцам, что уничтожение России Великобританию не беспокоит.

Сила тех, кто желал разжигания войны, в том, что они играли сразу по обе стороны баррикад, сразу в обеих командах. Это британское изобретение: перед войной они друзья немцев и «союзники» русских. Когда в России будет назреть революция, те же джентльмены будут обнимать Николая II и одновременно выделять деньги на его свержение. Потом они будут слать приветственные телеграммы Керенскому и обещать поддержку генералу Корнилову. Затем к власти придут большевики, а «союзники» будут продолжать консультации и с ними, и с их противниками. В разразившейся Гражданской войне британцы будут помогать белым и одновременно зорко следить, чтобы те в итоге не победили. Это не какое-то особое английское коварство и лживость, это простое следование своим интересам и своему плану. Играя на одной доске одновременно и за белых и за черных, всегда можно поставить шах и мат тем, в ком больше не нуждаешься.

Все это еще только будет, но чтобы британский план разжигания войны случился, сэр Грей после встречи с немецким послом радушно принимает у себя русского посланника Бенкендорфа. И говорит уже совсем другие вещи. 8 июля (25.06) глава английского МИДа обрисовал перед Россией всю серьезность положения. Он не сомневался в нападении Австрии и даже выразил мнение, что Россия должна выступить на защиту Сербии. Кроме того, лорд всячески подчеркивал враждебность Германии к России. Он намекал, что, по его сведениям, в случае конфликта центр тяжести военных операций Германии должен довольно быстро переместиться с запада на восток.

Великий актер пропал в Эдуарде Грее: перед германским послом он оптимист, перед русским — пессимист, каких мало. Посеяв зерно сомнения в русском правительстве, 9 июля (26.06) министр

иностранных дел Великобритании сэр Грей снова встречается с германским послом Лихновским. Совсем недавно, три дня назад, Грей уже намекал ему, что Англия не будет вмешиваться в события на материке, если они не будут грозить «уничтожением Франции». Для уверенности, что они верно поняли позицию английского правительства, немцам необходимо еще раз убедиться в правильности «расшифровки» намеков британского министра. Позиция Англии по-прежнему может остановить сползание европейского континента в бездну. Что же говорит многоуважаемый глава британской дипломатии? Наверное, что-то о важности сохранения мира и необходимости решать конфликты мирным путем?

Ничего подобного. Сначала Грей долго говорил о миролюбивом настроении России. Осторожный немецкий посол в соответствии со своими инструкциями поинтересовался, согласится ли Англия в случае австро-сербского конфликта оказать умиротворяющее воздействие на Петербург. Лорд заверил Лихновского, что сделает «всё возможное, чтобы предотвратить войну между великими державами».

«Я сказал, — сообщает Грей в мемуарах, — что если австрийские меры в отношении Сербии будут проведены в определенных рамках, то будет, конечно, сравнительно легко склонить Петербург к терпимости».¹ И при этом, как писал посол в Берлин, «сэр Грей излучал оптимизм».² Вот так, сияя и лучась, и сказал Грей то самое главное, что хотели узнать немцы. Предоставим слово германскому послу. Вот что он пишет в своей телеграмме в Берлин от 09.07 (26.06) 1914 года:

«Он (сэр Грей) заявил, что он ничего не имеет добавить к тому, что он говорил 6-го, и может лишь повторить, что между Великобританией, с одной стороны, и Францией и Россией — с другой, не заключено никаких секретных соглашений, которые связывали бы Великобританию в случае европейской войны».³

¹ Виртуальная книга «История дипломатии», XV в. до н. э. — 1940 г. н. э.; www.diphis.ru

² Там же.

³ *Шаццлло В.* Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 51.

Далее, Грей заявил, «что Англия хочет сохранить для себя полную свободу рук».¹

В переводе с дипломатического языка на общечеловеческий это означает нейтралитет Англии в возможной войне!

Вот тебе и Антанта! Вот тебе и «союзники», вот вам и «сердечное согласие».² Это разрешение и на войну с Петербургом, а то и на разгром Парижа! Но как может сэр Грей говорить о том, что никакие соглашения не связывают Англию в случае войны? Ведь Россия, Англия и Франция вместе образовали блок Антанта?!

Самое интересное, что сэр Грей говорил чистую правду. Историки об этом нигде не пишут, стараясь не поднимать этот странный вопрос. Дело в том, что ***до самого начала мировой войны Антанта не была оформлена специальным договором.***

В действительности было три совершенно отдельных документа. Первый — англо-французский, с которого и ведет отсчет времени блок Антанта.³ Про военные обязательства в случае войны в нем ни слова. Второй — это конвенция 1907 года между Россией и Англией. Почитаем договор, подписав который Россия считается вступившей в блок Антанта:

- ◆ «Правительства России и Великобритании, взаимно обязавшись уважать целость и независимость Персии и желая искренне сохранения порядка на всем протяжении этой страны...»
- ◆ «Великобритания обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу британских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий...»

¹ Шацкилло В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 51.

² Блок Антанта получил свое название от французских слов «сердечное согласие» (Entente cordiale).

³ Соглашение от 8.04.1904 года заключено в Лондоне в форме конвенции о Ньюфаундленде, Западной Африке и Сиаме с Египтом. С этой даты идет отсчет основания Антанты.

- ◆ «Россия со своей стороны обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу российских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий...»
- ◆ «Условлено, что доходы всех персидских таможен... В случае неисправностей в погашении или уплате процентов по персидским займам...»¹

Погодите, погодите: нам всегда говорят, что, подписав этот документ, царская Россия вступила в блок Антанта, соединив свою судьбу с Англией и Францией. А мы все читаем про какие-то таможи и концессии. Наверное, самое главное дальше, надо просто прочитать весь текст. Но далее начинается что-то еще более далекое от четко очерченных рамок договора между двумя державами:

- ◆ «Правительство его британского величества объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Афганистана...»²

Чудесно, но при чем здесь блок Антанта? Далее следует еще пять статей об этой забытой богом стране. Потом — о Тибете:

- ◆ «Правительства России и Великобритании, признавая сюзеренные права Китая над Тибетом... обязуются уважать территориальную целость Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление...»³

И — полстраницы об этом «наиважнейшем» месте политической карты мира. Читая сей интереснейший документ, терпение начинаешь терять очень быстро. Так же быстро растет и удивление. О чем же этот договор? Где тут слова о войне с «третьими державами» и о помощи друг другу?

Чтобы получить ответы на все вопросы, сразу надо просто посмотреть на название. Мы забыли, что документ этот называется «Конвенция между Россией и Англией по делам Персии,

¹ Шацкилло В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 36–37.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 39.

Афганистана и Тибета». Поэтому речь в нем идет о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете. И больше ни о чем — про военные обязательства ни слова!

Вот это новость! Интересно, а читали его вообще царские дипломаты, когда подписывали? С чего это вдруг все решили, что Англию и Россию связывают договорные союзнические обязательства? Лондон только и должен, что уважать «территориальную целостность Тибета» и «независимость Персии»...¹

Третий договор, на котором базируется Антанта, — франко-русский, подписанный еще Александром III. Он является единственным настоящим документом. По нему французы и русские должны немедленно объявить войну Германии, напавшей на Россию или Францию. Но такие обязательства имеют по отношению друг к другу... только Париж и Петербург.

Мы видим невероятный дипломатический казус: блок Антанты существовал лишь в воображении наших дипломатов. Блок Антанты есть, но его как бы нет. Это такое очень удобное образование — если русские должны умирать за Францию и Англию, то он есть. Если британцы должны поддержать Россию, то «Англия хочет сохранить для себя полную свободу рук». Куда смотрели царские дипломаты, да и сам царь — нам остается только догадываться. Потому что реальный союзный договор будет подписан странами Антанты уже после начала Первой мировой войны. Какая разница? Очень большая! Отсутствие нормального договора позволяло англичанам заявлениями

¹ Хорошая старая английская традиция — никогда не давать твердых гарантий и прямых обязательств, за которыми обязаны последовать конкретные действия. Даже сейчас так сильно озабоченные целостностью Грузии или судьбой демократических институтов Украины, США и Великобритании не дают гарантий безопасности этих стран. Это можно сделать простым договором, подписав его за месяц-два. Вместо этого им предлагают долгую (до 10 лет) процедуру вступления в НАТО. Штука в том, что все эти 10 лет Запад ни Грузии, ни Украине по сути ничего не будет ОБЯЗАН делать. То есть защитят, только если это будет выгодно самому Западу, а будет выгодно — продадут, как продали Гитлеру Чехословакию, Австрию и Польшу.

о своем нейтралитете провоцировать Германию на войну и одновременно обещать свою помощь России. Если Антанта была бы оформлена документально, то немцы вели бы себя совсем по-другому, а ведь неясность в позиции Лондона и есть тот крючок, на который попались немецкие дипломаты.

Французский посол в России Морис Палеолог так и говорит своему британскому коллеге сэру Джорджу Бьюкенену: «Я настаиваю на решающей роли, которую Англия может сыграть, чтобы унять воинственный пыл Германии, я ссылаюсь на мнение, которое четыре дня тому назад высказывал мне император Николай: Германия никогда не осмелится напасть на объединенные Россию, Францию и Англию иначе, как потеряв совершенно рассудок».¹

Конечно, на три сверхдержавы Германия не нападет. Именно поэтому англичане и доказывают Берлину, ***что немцам не противостоят три державы!***

И немцы поверили. Лед недоверия к традиционно враждебной политике Британии таял под лучистым обаянием сэра Грея. Адмирал Тирпиц указывает: «Еще 9 июля в министерстве иностранных дел держались трезвого взгляда, что если, вопреки ожиданиям, сохранить европейский мир не удастся, Англия тотчас же станет на сторону наших врагов, не дожидаясь результатов военных действий. Однако мирная позиция, занятая Foreign Office в последующие недели, все более и более обманывала близкие Бетману круги. По-видимому, и в генеральном штабе склонялись к мысли о мирных намерениях Англии».²

Желай Англия мира, можно было сказать просто два слова, и немцы поняли бы, на каком волоске висит судьба их страны. Но сэру Грею его хозяева дали задание, и он с мастерством его выполняет, готовя гроб миллионам людей, что пока беззаботно греются под июльским солнцем. Как и во всем мире, в Британии есть помимо дипломатии официальной еще и неофициальная. На этот раз ставки так высоки, что молчит и она. «На этот же

¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 41.

² Тирпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. С. 281.

раз Англия воздержалась даже от предупреждения с глазу на глаз»,¹ — сетует Альфред фон Тирпиц.

Вместо этого британские «независимые» газеты начали публикации статей, которые иначе как провокацией и не назовешь. «Standart» и «Daily Chronicle» прямо указывали виновников в смерти австрийского наследника: «Нет сомнения, что целый заговор был подготовлен в Сербии, и на Россию падает часть ответственности, если не вся»; «основой убийства является российская система устранения каждого невыгодного противника на Балканах».² Весьма интересно, что и русские революционеры подливали масла в огонь. Лев Давыдович Троцкий в своей книге «Европа в войне» указывает: «Убийство... было несомненно инспирировано сербским правительством. С другой стороны, и Россия косвенным путем участвовала в подготовке этого убийства».³

Успокоенный британским «миролюбием», германский кайзер отправился в свою ежегодную морскую поездку в норвежские фьорды. Австрийцы же, согласовав с ним свои будущие действия, стали готовить текст ультиматума Сербии. Благодаря стараниям лорда Грея перед Веной и Берлином вырисовывалась очень радужная картина: в случае нападения Австрии на Сербию Россия не обязательно вмешается в конфликт, а если это и случится, то Англия ее точно не поддержит. Вероятным было вмешательство Франции, но в таком варианте это было очень даже неплохо, потому что именно Париж с воодушевлением ждал возможности отобрать обратно Эльзас и Лотарингию, а следовательно, был настоящим противником Германии.

Прозрачные намеки сэра Грея сделали для разжигания войны куда больше выстрелов Гаврилы Принципа.

Наступал кульминационный момент. 20 (7) июля в Россию приехал президент Франции Пуанкаре по прозвищу «Война».⁴

¹ Тирпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. С. 271.

² <http://www.rusk.ru/st.php?idar=318924>

³ Троцкий Л. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 9. С. 326.

⁴ Шацкило В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 21.

Чтобы Николаю II было не страшно помогать славянским братьям, он заверил, что в случае войны с Германией Франция выполнит свои союзнические обязательства. Заодно были еще раз обсуждены и военные планы сторон. Россия в соответствии со своими обязательствами должна была обеспечить на 15-й день мобилизации полную готовность армии к наступлению на Германию. На Австро-Венгрию наступление планировалось на 19-й день мобилизации. Пока русский монарх и французский президент совещались, события словно замерли.¹ Зато после отъезда Пуанкаре они понеслись со скоростью бешеных лошадей. В России оставалась одна неделя мирной жизни.

23 (10) июля «союзный» президент отбыл восвояси, а накануне лорд Грей успешно торпедировал последнюю возможность мирного решения конфликта. По инициативе царя русский министр иностранных дел Сазонов предложил, чтобы Россия, Англия и Франция коллективно воздействовали на венское правительство и принудили его к политическому разрешению своих претензий к Сербии. Грей это предложение отклонил.² Оно могло испортить все дело, потому что он ждал австрийского ультиматума. Эта бумага была бикфордовым шнуром Первой мировой войны — от момента ее вручения до начала боевых действий оставались считанные дни.

И он дождался. 23 (10) июля ультиматум был вручен австрийцами послу Сербии. Не случайно венские дипломаты его вручили сербам сразу же, как только Пуанкаре отбыл восвояси, — теперь Парижу и Петербургу не проконсультироваться. Это удобно для немцев и австрийцев. Для наших «союзников» важно другое: уехав, французский президент не должен отвечать на конкретные вопросы Николая II и может вместо этого просто «слать телеграммы». Ведь не дай бог русский царь снова предложит сделать какое-нибудь совместное заявление: например, передать решение австро-сербского конфликта на решение какого-нибудь

¹ А в этот момент в Петербурге вдруг забушевали неизвестно по какой причине возникшие забастовки...

² Виртуальная книга «История дипломатии», XV в. до н. э. — 1940 г.; <http://www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=110#9>

международного комитета, и долгожданная война не начнется. Теперь вместо конкретного обсуждения сложившейся ситуации французы могут отделаться лишь общими фразами. А до конца ультиматума всего 48 часов. И время стремительно летит, так быстро, что войну уже не остановить. Основная задача Грея теперь — это сделать события необратимыми.

В день вручения ультиматума английский министр в первый раз встретился с австрийским послом. Содержание ноты англичане прекрасно знали — накануне его смысл очень точно передала газета «Таймс». Любому, кто немного понимает в политике, ясно — это повод для вооруженного конфликта. Когда русский министр Сазонов получил телеграмму с сообщением об ультиматизме, он моментально воскликнул: «Это европейская война!»¹ Лорд Грей этого «не понимает». Вместо того чтобы предостеречь австрийков на самом пороге войны, он только сожалеет, что предъявленная Сербии нота имеет ограниченный по времени срок ответа, и отказывается ее обсуждать, пока не увидит документ воочию.² Затем он говорит послу Австро-Венгрии об ущербе, который может нанести торговле война между *четырьмя великими державами*.³ Венский посол Менсдорф считать умеет хорошо. Четыре державы — это: Россия, Австрия, Франция и Германия. О пятой державе — Англии — Грей не обмолвился ни словом. Это уже даже не намек, а прямое свидетельство будущего нейтралитета Великобритании. Донесение о беседе австрийский посол закончил следующими словами: «Он был хладнокровен и объективен, как обычно, настроен дружелюбно и не без симпатии по отношению к нам».⁴ После беседы с Греем окончательно успокоенная Австро-Венгрия убеждается в том, что она может нанести удар по Сербии.

¹ Шацillo В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 31.

² Виртуальная книга «История дипломатии»; www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=110#9

³ Там же.

⁴ Хвостов В. М. История дипломатии. М., 1945; <http://infoart.iip.net/politic/yugoslav/history/war1/war1a012.htm>

Теперь снова обратимся к фактам. После получения австрийской ноты, состоящей из десяти пунктов, Белград за метался. В воздухе уже пахло порохом, и Сербия один на один стояла с разъяренной Австрией. «Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше величество оказать нам помощь возможно скорее»,¹ — писал в своей телеграмме сербский принц-регент Александр Николаю II. В ответ сербам предложили принять австрийские условия, не оказывать сопротивления, но заявить, что она уступает силе и вручает свою судьбу великим державам.

Срок ультиматума истекал через 48 часов. С этого момента, как в часовой бомбе, начинался обратный отсчет. Прошла половина отведенного австрийцами срока, когда австрийский посол в Лондоне привез Грею копию ультиматума. И тут великий актер лорд Эдуард Грей закатил глаза. Он заявил обескураженному Менсдорфу, что это «самый страшный документ из всех когда-либо порожденных дипломатией».²

Последние минуты мира неуклонно истекают, как песок в часах, а глава британской дипломатии вызывает уже германского посла Лихновского. Теперь, когда Европе осталось наслаждаться миром всего 24 часа, британцы скажут свое веское слово и спасут миллионы жизней? Как бы не так!

«В случае вступления Австрии на сербскую территорию, — заметил Грей, — опасность европейской войны надвинется вплотную... Всех последствий **подобной войны четырех держав** совершенно нельзя предвидеть».³

Английский дипломат снова говорит о возможном ущербе мировой торговле, потенциальном революционном взрыве и грозящем всеобщем обнищании, но это не имеет особого значения, это просто слова. Главное, что он снова подчеркивает, теперь уже

¹ Шаццлло В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 54.

² Виртуальная книга «История дипломатии»; www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=110#9

³ Хвостов В. М. История дипломатии. М., 1945; <http://infoart.iip.net/politic/yugoslav/history/war1/war1a015.htm>

перед немецким послом, что война возможна между ЧЕТЫРЬМЯ великими державами, снова указывая, что Англия останется нейтральной. Не зря Грей подчеркнул это еще раз — ведь ему нужно не просто предъявление австрийского ультиматума, а боевые действия по его истечении. Только окончательно убедившись в нейтралитете Англии, немцы и австрийцы могут решиться на войну с Россией и Францией.

25 (12) июля в назначенный срок сербский премьер Пашич привез ответ сербского правительства. Сербия соглашалась на все и только отказывалась допустить австрийских представителей к расследованию заговора против эрцгерцога. И хотя Белград принимает девять из десяти пунктов ультиматума, австрийский посол не удовлетворен и заявляет о разрыве дипломатических отношений. Благодаря британским намекам одна сторона к войне готова. Что на другой стороне?

Русские дипломаты пытаются спасти мир. В тот же день, когда Австрия разорвала отношения с Сербией, Сазонов обратился к сэру Грею с просьбой «ясно и твердо» осудить австрийскую политику.¹ Никакого осуждения, разумеется, не последовало, ведь это могло еще остановить австрийские войска, стягивавшиеся к сербской границе.

Задача у Эдуарда Грея непростая: он одновременно должен демонстрировать немцам свой нейтралитет, показывая русским, что эта «нейтральность» полностью на стороне России. Тогда же русский посол в Лондоне Бенкендорф сообщал в Петербург прямо противоположные впечатления об английском «нейтралитете»: «Хотя я не могу представить вам никакого формального заверения в военном сотрудничестве Англии, я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определенному впечатлению обратного порядка».²

¹ Телеграмма С. Д. Сазонова послу России в Лондоне А. К. Бенкендорфу, 12/25 июля 1914.

² <http://www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=110>

В Берлине встревоженный кайзер обсуждает с приближенными сложившуюся ситуацию. В этот день в Потсдам прибыл из Англии брат Вильгельма II, принц Генрих, с посланием от английского короля Георга V. В кампанию по дезинформации Германии вступали коронованные особы. Британский монарх заявил принцу Генриху следующее: «Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну, и останемся нейтральными».¹

«Когда я выразил в этом сомнение, кайзер возразил: “Я имею слово короля, и этого мне достаточно”»,² — пишет в своих мемуарах гросс-адмирал Тирпиц. Время спрессовалось в стремительном полете. 28 (15) июля австрийские пушки начали обстрел сербской территории. В Петербурге настойчиво требовали, чтобы Англия, наконец, определила свою позицию. В ответ из Лондона неслось что-то невнятное. Посол Франции в России Морис Палеолог только и мог написать в своих мемуарах, что его британский коллега «Бьюкенен обещает нам энергично поддерживать перед сэром Эдуардом Греем политику сопротивления германским притязаниям».³

Под давлением военных и министра Сазонова русский царь принимает решение об объявлении частичной мобилизации. Он колеблется, принимая это поистине роковое решение. В тот же день, получив телеграмму от кайзера Вильгельма с заверением выступить посредником между Россией и Австрией и просьбой не ускорять военных приготовлений, вечером Николай II решает отменить всеобщую и провести только частичную мобилизацию в четырех военных округах. Указ о частичной мобилизации в Варшавском, Киевском, Одесском, Московском округах (только против Австрии) был объявлен по телеграфу утром 29 (16) июля. В Германию делается немедленное сообщение о проведении мобилизационных мер, из которых «ни одна не была направлена против Германии».⁴

¹ <http://www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=110>

² Тирпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. С. 291.

³ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 42.

⁴ Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С. 208.

Однако Берлин, уверенный в нейтралитете Англии, действует жестко. 29 (16) июля германский посол Пурталес зачитывает Сазонову телеграмму немецкого канцлера Бетмана. Тот требовал, чтобы Россия прекратила всякие военные приготовления, иначе Германии тоже придется объявить мобилизацию, а это может легко привести к войне.

В этот момент в Лондоне все-таки слышали требования Петербурга прояснить свою позицию, и 29 (16) июля наши «союзники», приоткрыв карты, показали свою верность обязательствам на деле. Жалко, что Николай II этого так никогда и не узнал: 29 (16) июля британский министр иностранных дел дважды встретился с германским послом. Во время первой беседы Грей не сказал ничего существенного. Он ждал известий о начале русской мобилизации. Получив необходимую информацию, сэр Грей известил Лихновского, что хотел бы его повидать еще раз.

Казалось, ничто не предвещало сюрпризов, когда совершенно неожиданно сэр Грей заявил... Впрочем, дадим слово немецкому посланнику Лихновскому: «Грей заявил, что британское правительство желает поддерживать прежнюю дружбу с нами, и оно останется в стороне, поскольку конфликт ограничится Австрией и Россией. Если же мы втянем и Францию, то положение немедленно изменится и британское правительство, может быть, вынуждено будет принять немедленные решения».¹

«То есть как? — только и смог в ответ произнести немецкий посол, а кайзер начертил на его телеграмме свой совершенно правильный вывод: “То есть они на нас нападут”».² В Берлине не знали, что за два дня до этой беседы милый и дружелюбный Эдуард Грей на заседании кабинета министров яростно требовал участия Англии в войне, угрожая в противном случае выходом в отставку.

Сейчас, когда события приобретали необратимый характер, немцы вдруг поняли, что в случае конфликта с Парижем рейху придется воевать еще и с Англией. А это в корне меняло дело.

¹ Шацкилло В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 75.

² Там же.

Борьба с обладавшей обширными колониями и практически неисчерпаемыми людскими и сырьевыми ресурсами Британской империей, а в перспективе и с Соединенными Штатами означала столкновение со всем миром. Шансов на победу в такой борьбе у Германии не было.

Заявление Грея произвело в Берлине эффект разорвавшейся бомбы. Сам кайзер дал волю чувствам: «Англия открывает свои карты в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Низкая торгашеская сволочь старалась обманывать нас обедами и речами. Грубым обманом являются адресованные мне слова короля в разговоре с Генрихом: “Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне сколь возможно дольше”».¹

Прозрение приходит к германскому монарху поздно. Мир уже на краю пропасти. Однако оставим посла Лихновского в его недоумении, а Вильгельма II в его благородном гневе. Нам надо обратить внимание на другой факт. Сэр Грей дает немецким дипломатам совершенно новую вводную.

Фактически Великобритания предъявляет Германии ультиматум: если хотите избежать войны с Англией (то есть со всем миром), воюйте только с Россией!

Не трогайте Францию! Вот это и есть самое главное. Англичане пытались организовать не мировую войну, они попытались подстроить ситуацию так, чтобы битва разгорелась только между Австрией, Германией и Россией. Сами они хотят остаться в стороне, сохранить для себя «свободу действий», если пользоваться лексиконом сэра Грея. Все логично. Вспомним цели этой войны для Великобритании — уничтожение России и Германии. Вот пусть друг дружку и истребляют, а французы и англичане вступят в драку в последний момент. Можно даже и войну объявить, зафиксировать статус-кво, а воевать по-честному точно незачем. Так «союзники» сделают и в 1939-м, когда истекающая кровью Польша помощи от них не дождется.

¹ Кремлёв С. Россия и Германия: сравнить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ, 2003; <http://militera.lib.ru/research/kremlev/05.html>

В Берлине прошел шок, вызванный выступлением британского министра. Ситуация кардинально менялась. Надо было думать, как выходить из сложившегося положения. И решать, причем очень быстро. В то же время стало известно, что Италия, скорее всего, не будет воевать на стороне своих союзников — Германии и Австрии. Положение становилось совсем невеселым. Картина разом изменилась: теперь в Берлине были близки к панике. Предупреждения Грея были переданы в Вену, а австрийцев начали уговаривать удовольствоваться занятием Белграда как залогом и оставить дело на рассмотрение международных посредников.

В Петербурге же военные давят на царя, требуя объявления полной мобилизации. 29 (16) июля (между 6 и 7 часами вечера) Николай II дает согласие на объявление общей мобилизации¹. Но внезапно получена телеграмма кайзера, где он просил прекратить частичную мобилизацию и дать возможность Германии выступить в роли посредника.² То есть избежать войны!

Эффект от послания главы Германии был огромен. Николай II велел отменить всеобщую мобилизацию. Почему он так легко назначал и отменял такие серьезные мероприятия, как мобилизация? Оценивая это, не нужно забывать, что телеграмма была ПЕРВОЙ, которую получил глава России от главы Германии за время возникшего кризиса. Дело в том, что Вильгельм лишь 28 (15) июля прибыл в Берлин из своего обычного морского путешествия в норвежских фьордах. И Николай немедленно написал ему, прося предотвратить войну, воздействуя на австрийцев. Ответ пришел — Вильгельм согласен это сделать. Николай отменяет мобилизацию, которую объявил, видя мобилизацию австрийской армии и не имея ответа из Берлина.

Казалось бы, война теперь не разгорится, главы стран сумеют найти выход из тупика. Ведь Николай II тоже вовсе не хочет войны и ведет активную переписку с германским кайзером. Вдруг

¹ Сухомлинов В. А. Воспоминания. Минск: Харвест, 2005. С. 492.

² Шацillo В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 69.

они договорятся? Немцы, убедившись в английском коварстве, готовы пойти на попятную. Значит, в этот момент организаторам войны надо было снова подстегнуть именно русскую сторону, раз в Берлине готовы были избежать войны.

Чтобы началась война, надо, чтобы оба противника (Германия и Россия) мобилизовали свои армии. Если это случится, войну уже не предотвратить. Но пока в России объявлена лишь частичная мобилизация, в Германии мобилизации вообще еще нет. Но немцы будут вынуждены ее объявить, если в России объявят полную мобилизацию, просто потому, что нельзя этого не делать и спокойно смотреть на мобилизацию соседей.

Но как заставить Николая II сделать роковой шаг, если он противится этому? Только показав ему, что Германия уже мобилизуется, когда этого нет и в помине! То есть попросту обмануть и представить действия России как ответ на несуществующие действия Германии...

Историки не любят об этом писать. Не потому, что не знают, а потому, что не могут объяснить. Информацию об этом найти очень просто. А вот дать логичное объяснение в рамках концепции об агрессивной Германии, вдруг начавшей войну, невозможно.

Чтобы заставить Николая II объявить всеобщую мобилизацию, кто-то инициирует в Германии выход газеты с фальшивым объявлением о мобилизации германской!

Слово министру иностранных дел России Сазонову. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«Около полудня 30 июля в Берлине появился отдельный выпуск германского официоза “Lokal Anzeiger”, в котором сообщалось о мобилизации германских армий и флота. Телеграмма Свербеева с этим известием была отправлена незашифрованной в Петроград через несколько минут после появления означенного листка и получена мной часа два спустя. Вскоре после отправления своей телеграммы Свербеев был вызван к телефону и услышал от фон Яго опровержение известия о германской мобилизации. Это сообщение он передал мне также по телеграфу без всякого замедления. Тем не менее на этот раз его телеграмма попала в мои руки со значительным запозданием. *История*

появления известия о германской мобилизации до сих пор не вполне выяснена».¹

В столице Германии появился еще один («отдельный» пишет Сазонов) выпуск берлинской газеты с объявлением о мобилизации. ФАЛЬШИВЫЙ! Цель его была проста — спровоцировать Россию на объявление о мобилизации. Немцы отреагировали на эту фальшивку моментально — послу позвонили и опровергли дезинформацию. Но вторая телеграмма посла Свербеева в Петербург непонятным образом задержалась, а вернее говоря — была задержана сознательно. Именно из-за этого сообщения Николай II дал согласие на объявление всеобщей мобилизации!

«Никто, конечно, не удивится, что к этому известию в России отнеслись весьма серьезно и что декрету о мобилизации армии больше поверили, чем его опровержению... Это были не слухи, а определенное сообщение отдельного выпуска официозного органа», — пишет Сазонов.²

Вот так путем провокации удалось развязать Первую мировую войну. Потому что именно после фальшивой немецкой мобилизации события моментально приняли необратимый характер. До войны оставалось два дня...

«У этой истории есть еще и другая сторона, в одинаковой мере не раскрытая. Это — причина непонятного запоздания второй телеграммы Свербеева, которой он, со слов фон Яго, опровергал первую. Ближайшее объяснение этого странного факта, само собой напрашивающееся, — то, что замедление передачи этой второй телеграммы было умышленное. Доказательств этому, разумеется, нет и быть не может...»³

Кто же устроил эту провокацию? Германия, чтобы выставить Россию агрессором, заставив ее первой объявить мобилизацию? Нет, такая версия не проходит, ведь в таком случае немцы не должны были всего через сутки объявлять России войну.

¹ Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С. 220.

² Там же. С. 220–221.

³ Там же. С. 220–221.

Так кто же это сделал?¹

Под влиянием дезинформации 30 (17) июля Николай II подписывает указ о всеобщей мобилизации. Первым ее днем было назначено 31 июня (18.07) 1914 года. Начинается цепная реакция. Из Берлина дело выглядит так, что Россия, несмотря на мирные заверения своего царя, все же объявила уже не частичную (только против Австро-Венгрии), а всеобщую мобилизацию. То есть и против Германии. Не реагировать на это невозможно. Германия вводит положение «кригсгефар» (военной опасности). Удивление

¹ Первая телеграмма № 142 отправлена в 13:10, опровергающая ее в 13:15 (*Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 494*). Сазонов сам говорит, что получил ее через два часа — то есть в 15:15. Когда пришла вторая телеграмма, вообще непонятно. Зато известно, что военный министр Сухомлинов узнал о решении объявить всеобщую мобилизацию около 14:00 (Указ соч. С. 295). А сам Сазонов пишет, что Николай принял его в 15:10 и до 16:00 длился его доклад. Затем состоялась беседа, во время которой решение было принято (*Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 224*). Что же выходит? Согласно вышеуказанному источнику, министр Сазонов, делая доклад императору, еще не имел телеграмм из Берлина, но уже докладывал о немецкой мобилизации и необходимости срочных ответных мер. Откуда же Сазонов знал? На основании сообщения корреспондента Петербургского телеграфного агентства в Берлине Маркова (Указ соч. С. 495). Если это так, то налицо заговор. Заговор царского окружения с целью втянуть Россию в войну. Но не идиотом же был Сазонов, зачем ему тянуть свою страну в войну? Ответов может быть два: он или предатель, или используемый втемную дурачок. А если вспомнить, что именно он потом будет вести нудную переписку с «союзниками» о передаче России проливов после войны, то вопрос, кто его использовал, отпадает сам собой. Англичане и французы. Чем манили? Обещанием передать проливы, но для этого нужна война, которой не хочет царь. Поэтому маленький обман для великой цели и необходим. Но ведь само объявление печатал же не Сазонов? А тот, кто это сделал, с ним заранее согласовал даже время публикации! Ведь Николая обрабатывали, пока не было опровержения от русского посла. А когда оно пришло, назад дороги уже не было: дважды отменить мобилизацию за два дня, не потеряв лица, царь уже не мог! Телеграмма в военные округа об объявлении всеобщей мобилизации ушла в 18:00 30 (17) июля 1914 года.

поступком русского царя в Берлине очень велико. Ведь в день, когда Николай решил объявить всеобщую мобилизацию, немцы стали выполнять взятые на себя обязательства выступить посредниками. «Того же 30 июля у меня снова было свидание с германским послом, в течение которого он обратился ко мне с вопросом, не могли ли бы мы удовольствоваться обещанием Австро-Венгрии не посягать на территориальную неприкосновенность Сербии, и просил указать, на каких условиях мы согласились бы приостановить наши военные приготовления», — написал в мемуарах (то ли подлец, то ли глупец) Сазонов.¹

Стараниями лорда Грея для Берлина получалась серьезная ситуация: ее союзник Австрия уже вела боевые действия с Сербией. Россия мобилизуется, это приводит к готовности начать мобилизацию в Берлине, в ответ на немецкие приготовления начнет мобилизовываться и Франция. У немцев практически не остается выбора: первый вариант — выжидать, ничего не предпринимая, и тогда Россия может ударить по Австрии. Германия будет вынуждена поддержать своего союзника, а Франция обязана поддержать своего. Следом в войну вступит и Великобритания. Это путь тупиковый, практически не дающий шансов на победу. Второй вариант действий немцам напрямую предлагает сэр Грей: воевать только с Россией, самым проявив инициативу. Заодно и повод подкидывают: русская мобилизация — это непосредственная угроза безопасности рейха. Таким образом, англичане подталкивают к войне и Германию, и Россию. Костер поджигают с обеих сторон.

Правильно поняв английский намек, Берлин пытается в последний момент выйти из тупика, в который кайзер Вильгельм II сам себя и загнал. Последний шанс для этого — заставить, попросить Россию (конечно, не теряя собственного достоинства) не вмешиваться в австро-сербский конфликт. Для этого надо, чтобы русские остановили мобилизацию. «...Русская мобилизация сделала войну неизбежной. Предотвратить ее могло теперь лишь чудо», — пишет глава германского флота.²

¹ Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С. 218.

² Тирпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. С. 291–292.

И Германия пытается это чудо сотворить. 31 июня (18.07), в полночь, германский посол Пурталес предъявил России ультиматум, требуя отменить в ближайшие двенадцать часов мобилизацию и «дать нам четкие объяснения по этому поводу».¹ Если до 12 часов дня 1 августа (19 июля) Россия мобилизацию не отменит, Германия также объявит всеобщую мобилизацию.

Одновременно с действиями своих дипломатов германский кайзер шлет телеграммы лично Николаю II, отчаянно пытаюсь получить от него заверения в миролюбии России: в ситуации, когда англичане уже Вильгельма обманули и с русской мобилизацией происходит что-то очень странное, он хочет получить от русского царя не слова, а *заверения его мирных намерений делом*. Дилемма проста и трагична: либо «кузен Ники» одумается, и тогда войны можно избежать, либо, объявив ему войну, Германия получит конфликт только с Россией. Как и обещает немцам сэр Грей. Кайзер близок к отчаянию — он понимает ситуацию, русский царь куда как спокойнее, у него за спиной «союзники», то есть он не понимает складывающихся обстоятельств.

До полуночи 31 июля 1914 года британское правительство еще могло предотвратить мировую катастрофу, если бы ясно заявило о своем твердом намерении вступить в войну. Оно этого не сделало. Потому что англичанам была нужна эта война.

Пошли последние часы мира. Телеграммы летят в обе стороны.

Николай II — Вильгельму II, 1 августа (19.07) 1914 года:

«Получил твою телеграмму. Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе (в прошлой телеграмме Николай обещал, что «его войска не предпримут никаких вызывающих действий». — *Н. С.*), то есть что эти мероприятия не означают войны и что мы будем продолжать переговоры ради благополучия наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас. Наша долгая испытанная дружба должна с Божьей помощью

¹ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 116.

предотвратить кровопролитие. С нетерпением и надеждой жду твоего ответа. Ники».¹

Вильгельм II — Николаю II, 1 августа (19.07) 1914 года:

«Благодарю за твою телеграмму. Вчера я указал твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны (отмена мобилизации!). Несмотря на то, что я требовал ответа сегодня к полудню, я до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ твоего правительства. Ввиду этого я был вынужден мобилизовать свою армию. Немедленный утвердительный, ясный и недвусмысленный ответ твоего правительства — единственный путь, которым можно избежать неисчислимых бедствий. Пока я не получу этого ответа, я, увы, не могу обсуждать твою телеграмму по существу. Во всяком случае, я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам безусловно воздерживаться от малейшего нарушения наших границ. Вилли».²

Ужас ситуации в том, что им не договориться, как бы они к этому ни стремились, — события становятся необратимыми. В ситуации, когда Россия мобилизуется и отменять этот процесс не собирается, единственно разумное действие для Германии — сделать так, как хочет сэр Грей, то есть объявить России войну. Только сделать это формально, а потом попытаться уже неформально решить проблему за столом переговоров. В конце концов, можно ведь объявить войну и, не воюя, тут же сесть за стол мирных переговоров.

Утром 1 августа (19.07) Николай II принял германского посла. Он горячо убеждал его, что мобилизация не означает угрозы для Германии и тем более враждебных по отношению к ней намерений, что остановить ее сразу невозможно ввиду огромных размеров территории. Пурталес немедленно передал содержание разговора в Берлин. Немцы словам больше не верят,³ а в реальности в России мобилизация продолжается. Идет ее

¹ Шацкилло В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 81.

² Там же. С. 81–82.

³ Если бы и ранее немцы не верили англичанам на слово, они бы не оказались в подстроенной для них ловушке. Теперь германское руководство поумнело и на слово не верит никому. Но уже поздно.

второй день. По предвоенным планам, прекрасно известным в Берлине, на 15-й день русская армия должна быть готова к наступлению.¹

Вечером 1 августа кайзер, загнанный в угол, совершает роковой поступок. Германский посол в России граф Пурталес прибывает к русскому министру иностранных дел Сазонову. «Граф Пурталес с первых же слов спросил меня, готово ли русское правительство дать благоприятный ответ на предъявленный им накануне ультиматум. Я ответил отрицательно и заметил, что хотя общая мобилизация не могла быть отменена, Россия тем не менее была по-прежнему расположена продолжать переговоры для разрешения спора мирным путем.

Граф Пурталес был в большом волнении. Он повторил свой вопрос и подчеркнул те тяжелые последствия, которые повлечет за собою наш отказ считаться с германским требованием отмены мобилизации. Я повторил уже данный ему раньше ответ. Посол, вынув из кармана сложенный лист бумаги, дрожащим голосом повторил в третий раз тот же вопрос. Я сказал ему, что не могу дать ему другого ответа. Посол, с видимым усилием и глубоко взволнованный, сказал мне: “В таком случае мне поручено моим правительством передать вам следующую ноту”. Дрожащая рука Пурталеса вручила мне ноту, содержащую объявление нам войны. В ней заключалось два варианта, попавшие по недосмотру германского посольства в один текст».²

В книгах о Первой мировой весьма редко приводят слова ноты, врученной Пурталесом и говорящей об объявлении войны. Между тем строки этого документа свидетельствуют о том, какую

¹ Под нажимом французов русское военное руководство пообещало наступление на 15-й день мобилизации. Это было не что иное, как преступление. «Это легкомысленно данное представителями русского Генерального штаба обещание ставило войска наши, и особенно Северо-Западный фронт, в чрезвычайно тяжелое положение. Мобилизационная готовность последнего была на 28-й день...» (Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. С. 247).

² Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С. 237.

роковую роль сыграло опубликование фальшивого объявления о германской мобилизации.

«...Его Величество Император Германский в согласии с Англией прилагал старания к осуществлению роли посредника... когда Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил».¹

Итак, Германия объявила войну России. А далее вновь начались чудеса. Поздно вечером 1 августа царь, получив немецкую ноту с объявлением войны, отбил длинейшую телеграмму английскому королю. Усталый, он в два часа ночи зашел к императрице, попил чаю. Потом принял ванну и уже пошел в опочивальню, когда его нагнал камердинер. В его руке была... телеграмма от Вильгельма II.

Кайзер предпринял последнюю отчаянную попытку спасти их обоих. Происходили события, поистине невиданные в истории дипломатии.

Через семь часов после объявления войны ее зачинщик кайзер взывал к миролюбию, прося о прекращении военных действий, которые еще не начались, и начале мирных переговоров!²

Николай ничего ему не ответил — ведь в его душе kloкотало негодование против неожиданного объявления войны...

В этот момент глава британской дипломатии сэр Грей еще раз встречается с событиями, для того чтобы подстраховаться и гарантированно натравить немцев на Россию. Чтобы обеспечить начало локальной германо-русской войны, в которой Англия останется сторонним наблюдателем. По крайней мере, первое время, пока соперники не нанесут друг другу серию обескровливающих ударов. Тогда и настанет время появиться на сцене Великобритании и США. Они легко смогут продиктовать условия нового мирового устройства обессиленным немцам и русским.

¹ Оранжевая книга: Сборник дипломатических документов. СПб., 1914. С. 60.

² Пурталес вручил ноту войны в 19:10 1 августа, а в 2:00 2 августа пришла телеграмма от кайзера с предложением мира.

А как же союзная России Франция? Она тоже не должна была вступить в войну, предоставив немцам и русским вдоволь истреблять друг друга. Как «ковалось» алиби для Парижа, мы поговорим чуть ниже, а сейчас вновь вернемся во взбудораженный Берлин. Из Лондона в столицу германской империи с небольшим перерывом приходят две депеши. Первая сообщила о британских гарантиях Бельгии. Затем поступила вторая телеграмма от германского посла Лихновского. О ней стоит упомянуть особо. Германский посол сообщал: «В том случае, если мы не нападаем на Францию, Англия останется нейтральной и гарантирует нейтралитет Франции».¹

Эта депеша из Лондона вызвала радостное оживление в Берлине. Казалось, ужасной войны на два фронта можно было избежать, а возможно, и самой войны тоже, ведь в одиночку Россия стала бы куда сговорчивее. Но действительность быстро испортила настроение кайзера.

Оказывается, германский посол Лихновский просто неправильно понял министра иностранных дел Великобритании!

Это не шутка и не анекдот. Это топорная попытка замаскировать роль Англии в разжигании мировой войны. Ведь документы, телеграммы и вся дипломатическая переписка имеется, и в ней черным по белому написано, что сказал германскому послу глава британского МИДа. Именно это он далее пересылал в Берлин. И вот закончилась война, Германия разбита, уничтожена Российская империя, словом, все цели той войны достигнуты. Теперь надо переложить всю ответственность на немцев и замаскировать провокаторскую роль Англии и предательскую роль Франции. Для этого пишутся книги, которые дают объяснения, через пару десятилетий становящиеся официальной точкой зрения.

Штука в том, что даже в таких книгах правду не удастся до конца замазать. Типичным примером книги, написанной для сокрытия истины, является «Первый блицкриг. Август 1914» Барбары Такман. Читать, как она объясняет «необъяснимое»

¹ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 126.

и срезает острые углы, — одно удовольствие. Что ж, Пулицеровские премии дают не зря.

Так вот что пишет Такман о таком невероятном в истории дипломатии случае:

«В действительности же Грей имел в виду иное. Со своими обычными недомолвками он дал обещание поддерживать нейтралитет Франции лишь в том случае, если Германия даст заверения сохранить нейтралитет как по отношению к Франции, так и России, другими словами, не начинать военных действий против этих держав, пока не станут известны результаты усилий по урегулированию сербской проблемы... Грей достиг совершенства в манере речи, которая не содержала почти никакого смысла. Он избегал прямых и ясных высказываний, возведя это в принцип, как утверждал один из его коллег. Неудивительно, что, разговаривая с ним по телефону, Лихновский, находившийся в смятении перед лицом надвигавшейся трагедии, неверно понял смысл его слов».¹

Иными словами, глава министерства иностранных дел самой сильной державы мира того времени и посол еще одной сверхдержавы — просто два идиота. Один говорит бессмысленные речи, другой, ничего не понимая, не переспросит, не уточнит. Несмотря на то что война уже на пороге и одно неверное движение или неясно выраженная мысль могут стоить жизни миллионам людей...

Дальнейшие действия военного руководства немцев прекрасно проиллюстрировали, зачем сэр Грей так косноязычно выражался, зачем так настойчиво просил Германию воевать только с одной Россией. Все очень просто. Коротко и ясно суть вопроса сформулировал один из руководителей германской армии генерал Эрх Лютендорф: «Наступление на Россию и оборона на Западе при существующей обстановке заранее означали бы, как это показали многочисленные военные игры, затяжную

¹ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 126–127.

войну и были ввиду этого забракованы генералом графом фон Шлиффеном».¹

Поспешное объявление войны России вызвало огромное удивление в руководстве германских вооруженных сил. По всем тщательно разработанным планам воевать надо было сначала с Францией. Не понимал действий своего руководства и командующий немецким флотом гросс-адмирал Тирпиц: *«Таким образом, разгадка того, почему мы первые объявили войну, остается для меня неизвестной. По всей вероятности, мы сделали это из формально-юридической добросовестности. Русские начали войну без объявления ее, мы же считали невозможным обороняться, не объявив войну... По моему мнению, мы должны были так использовать в дипломатической области то преимущество, что в военном отношении наша позиция на русском фронте была оборонительной, чтобы объявление войны пришлось на долю России»*.²

Наступать на Россию на первом этапе войны немцы не могли, не хотели и не готовились. Чтобы это понять, надо просто ознакомиться с германским планом военных действий. Он носил название «План Шлиффена», по имени начальника немецкого Генштаба, который и «забраковал» идею наступления на русских. Сделал он это не от большой любви к нашей стране, а исходя из железной прусской логики, хладнокровно планируя возможную войну в условиях франко-русского союза. Наличие такого плана не говорит о чрезмерной агрессивности «германского империализма», военные планы есть у каждой страны и сейчас. Были они в 1914 году у всех вовлеченных в конфликт, именно в соответствии с ними и проводилась мобилизация.

План графа Альфреда фон Шлиффена, начальника германского Генерального штаба, гласил:

1. Война с Францией неизбежна.
2. В сложившихся политических условиях это может быть только война на два фронта.

¹ Шаццлло В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 141

² Тирпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. С. 292–293.

3. Единственная возможность победить — это разгромить противников по частям.
4. Быстрая победа над русской армией невозможна по причинам условий России и ее местности.
5. Следовательно, удар надо наносить на западе, а на востоке обороняться.
6. Французская армия должна быть разгромлена до полного развертывания русской армии. Это может быть осуществлено в рамках операции на окружение.
7. Французская линия крепостей не может быть быстро прорвана, следовательно, должна быть обойдена.
8. Такой обход возможен только по территории нейтральных Бельгии и Швейцарии. По условиям местности второй вариант неприемлем.¹

Вот так стройная немецкая военная логика приводила к необходимости наносить удар по Франции. И не просто, а именно нарушив нейтралитет Бельгии. Это правильно, ведь настоящим противником Германии является Франция, желающая забрать назад спорные Эльзас и Лотарингию, поэтому германский Генштаб планирует именно ее разгром в первую очередь. Россия немцев интересует во вторую очередь: если война с ней начнется на Восточном фронте, лучше уйти в оборону. Вот и получается, что если пустить дело на самотек, то немецкая армия начнет громить сначала французов, а не русских. Просто потому, что именно к этому она готовилась более двадцати лет и не может за один день все поменять.

Разведка существовала во все времена, поэтому выводы, которые сделал фон Шлиффен, секретом не являлись. То, что немцам придется нарушить нейтралитет Бельгии, было абсолютно ясно. Именно поэтому и приходят из Лондона еще до начала боевых действий гарантии нейтралитета Бельгии. Это еще одно напоминание о том, *как правильно* должна поступать Германия. Путь к разгрому Франции лежит через Бельгию, но тогда в войну всту-

¹ Шаццлло В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 131.

пит Англия. Если Берлин хочет британского нейтралитета, надо наносить удар на востоке, вопреки германским планам, вопреки здравому смыслу, вопреки всему!

Только загнав Германию в угол, можно добиться, чтобы она реально начала воевать с Россией. Этого и пытается достичь сэр Грей. Ведь никто не может гарантировать, что русская армия, толком не подготовившись, сама начнет наступать на немцев. Надеяться на такой подарок со стороны Николая II нельзя (хотя в реальности так и будет). В Лондоне сидят не дураки, они прекрасно понимают, что самое умное, что может сделать царское правительство, — это, готовясь к войне, не воевать фактически, а тихо стоять на своей границе и наблюдать за схваткой немцев и французов. Формально готовиться к борьбе, реально ее не вести. То есть сделать то, что готовились сделать сами англичане.

Тогда ослабевать будут французы, которые при выжидательной позиции русских будут разбиты. Война пойдет совсем не тем путем, как нужно ее организаторам. Вместо взаимного уничтожения России и Германии получался разгром Франции. Далее Германия может с Россией и примириться, так как повода для дальнейшей войны с Петербургом у нее нет. Вместо уничтожения геополитических соперников получалось усиление одного из них. Англичане проводят очень тонкую игру, проигрыв в ней будет стоить очень дорого. На кону, без малого, власть над миром. И для Великобритании он лежит через гекатомбы трупов русских и немецких солдат, что, в свою очередь, могут (но не обязаны, тут надо отдельно постараться!) привести к внутреннему взрыву империй-соперников. Но для осуществления всего этого надо обязательно заставить разгореться военный конфликт между Берлином и Петербургом.

Среди высшего руководства германских вооруженных сил царит полное недоумение. Кайзер не объясняет своим военным, какую грязную игру ведут англичане, как они буквально за уши тащат Германию на восток. Поэтому поведение правительства вызывает у рационально мыслящих немецких генералов и адмиралов шок. Они прекрасно знают, что никакой особой надобности в столь поспешном объявлении войны России немецкий

план войны не вызывал. Он требовал лишь скорейшего открытия военных действий против Франции. Всякая отсрочка боев на востоке могла принести немцам только выгоду. Зачем нужно объявлять войну и брать на себя позор стороны, совершающей нападение, если Германия не планирует вторжения в Россию? Зачем надо объявлять войну государству, от которого вы собираетесь только защищаться?

Самое забавное, что почти все историки, пишущие о Первой мировой войне, задают тот же самый вопрос. И никогда на него не отвечают. Потому что ответ на него они ищут в Берлине, а он находится в коридорах британского министерства иностранных дел!

А тем временем вслед за военными недоумевать начинают немецкие дипломаты. Объявление войны Берлином сразу приводит к тому, что в этот сложный момент Италия¹ решает за благо для себя своих союзников Германию и Австрию не поддержать и остаться нейтральной. В дальнейшем итальянцы и вовсе выступят на стороне Антанты. Дело в том, что, по условиям соглашений с немцами и австрийцами, Италия была обязана выступить на стороне своих союзников *лишь в случае оборонительной войны*. Поскольку войну объявили германцы, любители пиццы и макарон имели законный повод им не помогать. Вот и недоумевают германские дипломаты: зачем так спешить объявить войну России, теряя при этом итальянского союзника? Пусть бы сами русские запятнали себя — тогда Италия была бы обязана объявить им войну.

Не зная причин загадочного поведения собственного правительства, германские военные накануне надвигающегося конфликта действуют по своим давно разработанным планам. Когда Вильгельм, желая избежать войны с англичанами и надеясь на французский нейтралитет, распорядился всеми войсками двинуться на восток, начальник Генерального штаба Мольтке резко

¹ Накануне Первой мировой войны Германия, Австро-Венгрия и Италия были связаны союзным договором. Кстати, обязательство защищать Германию от Франции имела и Румыния, которая также была избавлена от него объявлением войны немцами.

воспротивился и отказался выполнять этот приказ. «Ваше величество, — сказал Мольтке кайзеру, — это невозможно сделать. Нельзя импровизировать, передислоцируя миллионы солдат. Ваше величество настаивает на отправке всей армии на восток, однако войска не будут готовы к бою. Это будет неорганизованная вооруженная толпа, не имеющая системы снабжения. Чтобы создать эту систему, потребовался год упорнейшего труда».¹

Приказ направить войска на восток, а не на запад противоречит *всем* планам, а изменить их в короткий срок не представляется возможным. У немцев даже не было готового плана железнодорожных перевозок и сосредоточения войск на русско-германской границе, не говоря о планах боевых действий.

Ситуация становилась патовой. В военной истории всегда было так: сначала мобилизация, потом объявление войны, затем уже боевые действия. У немцев в 1914 году все наоборот: сначала разрыв дипломатический, потом, 1 августа, одновременно с объявлением войны России они начинают мобилизацию!² Боевых действий нет совсем. Наоборот, после мобилизации германцы занимают оборону. Нонсенс! Зачем тогда войну объявляли, обороняться-то можно и без ее объявления?!

Это вообще невиданный случай: до того дня объявление войны всегда было прерогативой нападающей стороны. Именно агрессор ее объявлял, чтобы «с чистой совестью» обрушиться на свою жертву. В 1914-м у немцев все неправильно: Германии по планам надо разбить Францию, а она объявила войну России. Поэтому надо направить войска на восток, но их направить можно только на запад. Поведение немцев выглядит полным идиотизмом. С одной оговоркой: если на время забыть о «намеках» сэра Грея. И наоборот, помня о них, приходится согласиться с тем, что по-другому немцы поступить не могли.

Однако пока кайзер ругался со своими генералами, старый довоенный план немецкой мобилизации выполнялся, и армия продолжала концентрироваться на западных, а не на восточных

¹ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 129.

² В 17:00, 1 августа 1914 года.

границах. Начальник генерального штаба Мольтке пытался объяснить своему монарху очевидную истину. В случае переброски немецкой армии на восток Германия останется абсолютно беззащитной, если Франция все же решит напасть.

Аргумент весомый после стольких выкрутасов англичан и странного поведения русских, на слово верить нельзя никому. Тут Мольтке выкладывает и свой последний козырь. В соответствии с «Планом Шлиффена» 16-я германская дивизия *уже выдвигается* в сторону Люксембурга и вот-вот перейдет границу. Кайзер и его канцлер в панике требуют остановить войска, ведь за нарушение нейтралитета Люксембурга британцы могут вступить в войну. Дивизию успевают остановить буквально в километре от границы, по телефону передав стоп-приказ.¹

Но тут из Лондона приходит очередная телеграмма. На этот раз от английского короля Георга. Это ответ на послание кайзера.² Британский монарх заявляет, что он знать ничего не знает ни о каких английских гарантиях французского нейтралитета.³

Отчаяние охватило Вильгельма II. Вынужденный послушаться сэра Грея и объявить войну России, он, разумеется, надеялся, что конфликт этим ограничится, а теперь Лондон снова лавирует и не хочет брать на себя обязательств, что Франция не ударит в спину

¹ Макдоно Д. Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004. С. 556.

² Пытаясь выкрутиться из создавшегося положения, кайзер делал попытки договориться о невмешательстве Франции в разворачивающийся конфликт. Вот текст его телеграммы английскому королю: «По техническим причинам моя мобилизация, объявленная уже сегодня днем, должна продолжаться на два фронта — Восточный и Западный, согласно плану. Это невозможно отменить, поэтому я сожалею, что твоя телеграмма пришла поздно. Но если Франция предлагает мне нейтралитет, который должен быть гарантирован флотом и армией Великобритании, я, конечно, воздержусь от нападения на Францию и употреблю мои войска в другом месте. Я надеюсь, что Франция не будет нервничать. Войска на моей границе будут удержаны по телеграфу и телефону от вступления во Францию».

³ Макдоно Д. Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004. С. 557.

германской армии. Во Франции полным ходом идет мобилизация, в полную готовность приведены морские и сухопутные силы. У кайзера остается только один выход — обратиться к самим французам.

Запрос, сохраняют ли в Париже нейтралитет, немцы направили еще 31 (18) июля. Совсем недавно, в апреле, на выборах в парламент во Франции *случайно* победили пацифисты. Новый премьер Вивиани тоже сторонник мира, он желает избежать войны. Не беда, что тем самым он предает своих русских союзников. Наплевать, что президент Пуанкаре-«Война» обещал в Петербурге совсем другое. Неважно, что сам Вивиани был вместе с ним в гостях у русского монарха.¹ Во Франции демократия, а потому мнение премьера совсем необязательно совпадает с точкой зрения президента. Это очень удобно, когда левая рука не отвечает за правую. Одним словом, играют уважаемые французские лидеры в «добраго и злого следователя». Но одними разговорами не ограничиваются: не давая ответа на вопрос немцев о своем поведении в складывающейся ситуации, Франция 31 (18) июля отводит свои войска на десять километров от границы «в доказательство миролюбия Франции и во избежание случайных инцидентов и провокаций».²

Немцам намекают: не бойтесь и смело объявляйте войну русским.

Глядя, как французы отводят войска, германское руководство и вправду думает, что Англия и Франция не будут вмешиваться в конфликт, и неожиданно для всех объявляет войну России. На следующий день, *уже после объявления немцами войны России*, Франция продолжает свою подлую игру. Задача теперь у французов похожа на английскую: поддерживать у немцев уверенность в своем невмешательстве, не давая документальных подтверждений этого, которые могли бы стать известны русским, и сорвать

¹ Шаццлло В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 21.

² Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 136.

всю игру.¹ Поэтому на германский запрос ответ дается весьма уклончивый: «Франция поступит так, как требуют ее интересы». Понимай как хочешь. Важно отметить, что такой странный, двусмысленный ответ давался немцам ДО объявления ими войны России и служил все той же цели — создать у кайзера иллюзию, что воевать ему придется с одной только Россией. Не говоря ни да ни нет, косвенные свидетельства «миролюбия» Франции давались немцам в избытке.

Французы подписали приказ о мобилизации 31 (18) июля, обозначив ее первым днем 1 августа. «Одновременно было подтверждено решение о десятикилометровом отводе войск... По приказу президента Республики ни одна часть, ни один патруль, ни одно подразделение, ни один солдат не должны заходить восточнее указанной линии. Любой нарушивший этот приказ подлежит военно-полевому суду».²

Задайте себе вопрос: зачем Франция совершала такие поступки? По русско-французскому договору Франция была обязана делать прямо противоположное: «если Россия подвергнется нападению со стороны Германии или Австрии при поддержке Германии, Франция использует все имеющиеся у нее силы для выступления против Германии». Как только Германия или Австрия объявят мобилизацию, «Франция и Россия, считая, что предварительного заключения соглашения по этому вопросу не требуется,

¹ В истории имеется масса примеров, когда вчерашние враги становились друзьями и вместе боролись против своих бывших союзников. Наиболее наглядный пример — наполеоновские войны, там соратники менялись несколько раз. В это же время произошел и наглядный случай «с документами». Во время «Ста дней» Наполеон захватил в Париже бумаги, говорившие о явном предательстве русских интересов Австрией и Англией. Он тотчас направил их русскому царю. В тот раз Александр I свою политику не изменил. А теперь вспомним 1914 год. Представьте, что французский МИД официально ответил бы немцам, что Франция нарушит русско-французский договор и не выступит против Германии. Назавтра этот документ лежал бы на столе Николая II. И тогда никакой германо-русской войны не получилось бы.

² *Такман Б.* Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 141.

немедленно и одновременно мобилизуют все свои вооруженные силы и перебрасывают их как можно ближе к границам... Эти силы должны со всей возможной скоростью развернуть полные боевые действия с тем, чтобы Германии пришлось сражаться сразу на западе и на востоке».¹

Каким же образом Париж мог не выполнить статьи франко-русского союза, ОДНОЗНАЧНО требовавшие в случае нападения Германии на Россию объявить ей войну? Как Франция могла сохранить честь, не соблюдая договор?

Это весьма тонкий момент. Дело в том, что франко-русский договор был секретным. Его впервые опубликуют большевики сразу после своего прихода к власти, наряду с другими секретными дипломатическими документами. На начало августа 1914 года франко-русский договор не был нигде опубликован, но был подписан и ратифицирован правительствами России и Франции. Согласно закону Французской республики, для объявления войны требовалось согласие парламента, который о статьях этого документа якобы ничего не знал. Если парламент согласия не даст — войну Германии никак не объявить. Об этом можно прочесть у Барбары Такман в книге «Первый блицкриг. Август 1914»:

«Условия казались совершенно определенными. Но, обеспокоенно спрашивал Извольский², признает ли их французский парламент? В России власть была абсолютной, поэтому Франция “могла быть уверена в нас”, однако “во Франции правительство бессильно без парламента, который незнаком с текстом договора 1892 года... Какие есть гарантии, что парламент поддержит инициативу правительства?”»³

Вот так благодаря парламенту Франции можно было красиво выйти из ситуации и оставить войну только для России и Германии. О том, что германскому руководству делались весьма прозрачные намеки на возможность такого поведения Парижа, мы можем совершенно открыто прочесть у той же Барбары Такман.

¹ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. 1999. С. 140.

² Посол России во Франции.

³ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. 1999. С. 140.

Напомню, что автор получила престижную премию. Возможно, потому, что всю дорогу упрекает немцев в агрессивности и полнотью возлагает на них вину за развязывание Первой мировой войны. То есть в склонности к «теории заговора» или антипатии к Франции или Великобритании ее заподозрить весьма сложно. Тем ценнее ее свидетельство, которое, кстати, никто и никогда не опровергал.

«К Бетману¹ пришел один из его коллег и стал упрашивать сделать все возможное, чтобы Германия избежала войны на два фронта. Достичь этого он предложил следующим образом. В течение многих лет обсуждалась идея предоставления автономии Эльзасу как федеральному государству в рамках Германской империи. Если бы такое предложение было принято эльзасцами, Франция не имела бы оснований начать военные действия для возвращения утерянной провинции. Совсем недавно — 16 июля — Французский социалистический конгресс высказался в пользу подобного решения вопроса об Эльзасе. Однако германская военщина продолжала настаивать на сохранении гарнизонов в этой провинции, ее политические права ограничивались “военной необходимостью”. Немцы предоставили ей конституцию лишь в 1911 году, а вопрос об автономии так и остался нерешенным. Коллега Бетмана настаивал на срочном, публичном и официальном предложении проведения конференции по Эльзасу. Конференцию удалось бы затянуть, однако даже ее безрезультатность лишила бы Францию моральных предпосылок для начала военных действий, по крайней мере на период рассмотрения такого предложения. Германия, выиграв время, бросила бы все силы против России. На Западе сохранилось бы стабильное положение, и Англия не вступила бы в борьбу».²

Все предельно откровенно и цинично. Германии предложили ФОРМУ, при которой Франция, не теряя лица, останется в стороне от войны. А вместе с ней нейтралитет сохранит и Великобритания. Германия будет воевать только с Россией.

¹ Канцлер Германии в момент начала Первой мировой войны.

² *Такман Б.* Первый блицкриг. Август 1914. 1999. С. 124–125.

Кто же был этот таинственный «коллега», который сделал такое предложение немцам? «Автор этих предложений остался неизвестен, — может быть, он не существовал вообще», — пишет лауреат Пулитцеровской премии. Снова туман, снова — понимайте как хотите. Но те, кто узнал все последующие «чудеса» русской революции, легко догадается, разведка какой страны направила некоего человечка к германскому канцлеру...

Самое удивительное, что отказавшихся от такого предложения германцев автор упрекает в... агрессивности.¹ Словно война с Россией — это и не война вовсе, а так. Это можно, а вот воевать с англосаксами и французами — это уже настоящее преступление...

Французы потом будут требовать у Николая Романова наступать, даже когда русская армия будет не готова. Они всю войну будут именно требовать, а не просить — русских солдат, поддержки, уступок и т. п. И царь будет соглашаться. Почему? Потому что он будет уверен в том, что Франция выполнила свой союзный долг. А теперь Россия должна выполнить свой.

Трагическая слепота? Нет, он не знал всего того, что известно сегодня. У него не было тех документов, которыми располагают сегодняшние исследователи. Николая II нельзя за это винить. Ведь до сих пор почти в каждой книге о Первой мировой войне вы прочитаете о наших французских союзниках, поддерживавших Россию в трудную минуту. И это пишут историки, читавшие те же самые документы и мемуары, что и ваш покорный слуга. И ничего не понявшие, имея на руках всю информацию...

Однако вернемся к нашим «верным союзникам». Вместо того чтобы прямо объявить войну Берлину 2 августа (18.07), как того требует союзнический долг (и договор!), французы ломают настоящую комедию. Мотивация наших соратников по Антанте похожа на детский лепет. Русский посол в Париже Извольский доносил 1 августа (19.07): «По политическим соображениям...

¹ «Удобный случай представился, канцлер мог бы им воспользоваться... Вместо того чтобы побудить Францию придерживаться нейтралитета, Германия направила ей одновременно с Россией ультиматум» (Там же. С. 125).

для Франции весьма важно, чтобы ее мобилизация не предшествовала германской, а явилась ответом на таковую», что «было бы лучше, если объявление войны последует со стороны не Франции, а Германии».¹ Французский маршал Жоффр уже 2 августа (20.07) писал своим командирам, что «по национальным соображениям морального порядка и по настоятельным соображениям дипломатического характера необходимо возложить на немцев полную ответственность за открытие враждебных действий».² На самом деле все куда как проще — наши верные «союзники» не оставляют надежды натравить Германию исключительно на Россию. Отсюда и вся эта дипломатическая шелуха.

Это — нарушение «союзного» договора, предательство в первый же день войны, в ожидании того, что немцы, вопреки своим собственным планам и здравому смыслу, начнут воевать с одной Россией.

Может быть, так бы и получилось и вошли бы в историю французы предателями, если бы лицо Парижа не спасли немцы. Они объявили войну Франции и тем самым сорвали план устроить локальную русско-германскую войну с взаимным ослаблением двух конкурентов Великобритании.

Почему Германия так поступила? А вы бы после всей гнусности поверили в нейтралитет Франции? Поверили бы, что она не нанесет вам потом удар в тыл, когда вы ослабнете в бессмысленной войне с русскими? Да и зачем вам воевать с Россией, когда ваша задача разгромить Францию и снять с повестки дня вопрос о ее реванше...

2 августа (20.07) 1914 года германское правительство предъявило ультиматум Бельгии с требованием пропустить германские войска через свою территорию к французской границе, как того требовал «План Шлиффена». 3 августа (21.07) Бельгия отвергла требование Германии и обратилась за помощью к Англии. В тот же день, понимая, что тянуть больше нечего, Германия объяви-

¹ Виртуальная книга «История дипломатии»; www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=110#9

² Там же.

ла войну Франции, представ перед всем миром как отпетый агрессор. Затем уже Англия предъявила ультиматум Германии с требованием не нарушать суверенитет Бельгии. Как мы уже понимаем, выполнить его немцы никак не могли. 4 августа (22.07) Великобритания вступила в войну в «белых» одеждах защитника бельгийской свободы...

Закулисная деятельность сэра Грея принесла долгожданные плоды. Буквально за считанные дни германо-русский и австро-сербский конфликты обрели необходимую мировую форму. Начиналась самая жестокая война, которую знало человечество к началу XX века. Она была виртуозно организована британским правительством. Признаки этой подготовки тщательно маскируются до сих пор. Но если внимательно читать посвященную Первой мировой войне литературу, то в огромных отвалах лжи обязательно проблеснет золотник правды. Английский Королевский флот встретил начало мировой бойни в полной боевой готовности, уже полностью отмобилизованный, читаем мы в книгах. И приказ о начале мобилизации британских моряков был отдан 10 июля (27.06) 1914 года, намного опередив подобные действия всех остальных участников конфликта.¹ *Случайное совпадение* — говорят нам историки. А Уинстон Черчилль, бывший в момент начала войны английским морским министром, позднее заявлял совсем другое: «Ни разу в течение трех последних лет мы не были так хорошо подготовлены».² Он прав: отличная, блестящая подготовка к войне случайной не бывает. Это плод многолетних планомерных усилий. Это результат титанической работы военного руководства, политической верхушки страны, ее дипломатов и разведчиков. Поэтому, проведя учения, для которых флот якобы и мобилизовывался, англичане никого по домам и не распустили.³ И полностью укомплектованный «миролюбивый» британский флот вступил в войну защищать бель-

¹ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. 1999. С. 147.

² Виртуальная книга «История дипломатии»; www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=110

³ Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С. 205.

гийцев от «агрессивной» Германии, которая свою мобилизацию еще только начинала...

Еще несколько фактов, которые очень трудно объяснить историкам, пишущим о том, что Первую мировую развязали немцы и австрийцы, собиравшиеся разгромить Россию и Францию. Австро-Венгрия вовсе не спешила объявлять войну России. Она сделала это лишь 6 августа (25.07), через шесть (!) дней после Германии.

Получилась интересная ситуация. Россия мобилизовывалась в условиях существования угрозы **возможного** австрийского нападения. Во всяком случае, такая версия звучит во всех официальных русских документах того времени. Но войну из-за нашей мобилизации нам сначала объявляет Берлин и только почти через неделю — Вена. Как и немцы, австрийцы наступательных действий на русском фронте также не ведут. Карл Маннергейм, чья часть находилась против австрийцев, пишет о тех первых днях войны: «Мы с нетерпением ожидали возможности атаковать австрийцев, но проходили дни, а Россия и Австро-Венгрия *все не начинали войну*».¹

Об этой странной задержке в боевых действиях и удивительно миролюбивых агрессорах историки нам рассказывать не любят. В калейдоскопе событий, последовавших за убийством Франца-Фердинанда, легко запутаться. В одних источниках приводятся даты по новому, в других — по старому стилю. Сделано это с одной лишь целью: запутать хронологию и не дать досконально разобраться в вопросе, кто же виноват в разжигании страшной войны. Ведь в голове мало-мальски изучавших историю твердо отложилась дата начала Первой мировой войны: 1 августа 1914 года. Поэтому если такой человек прочитает, что, к примеру, казачий генерал Краснов принял свой первый бой в той войне уже 4 августа, то он и не подозревает, что его вводят в заблуждение.² Вроде все в порядке: бои идут сразу за формальным объявлением войны. *На самом деле боевые действия на русско-австрийском фронте начинаются лишь 12 августа*

¹ Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 47.

² Смирнов А. Атаман Краснов. М.: АСТ, 2003. С. 47.

(30.07), а на русско-германском фронте еще позднее — 13 августа (31.07) 1914 года. Факт этот отрицать сложно, но можно его скрыть, манипулируя датами и намеренно путая старый и новый стиль. Ведь от начала конфликта прошло не три дня, а целых шестнадцать. Вроде и нет прямого обмана, но суть происходивших событий искажается очень сильно. А исказить их надо обязательно, иначе сложно понять, почему наступление начала не «напавшая» Германия, а «защищавшаяся» Россия!

Своим объявлением войны германский кайзер в Петербурге всех невероятно удивил. В недоумении были не только его собственные, но и русские военные. В тяжелом положении оказались будущие историки, занимающиеся историей возникновения конфликта. Полное изумление охватило и русского императора. В своей телеграмме от 2 августа (20 июля) 1914 года английскому королю Георгу V, на следующий день после немецкого демарша, Николай II дал волю чувствам, оправдывая свою мобилизацию: «Что я имел основание так поступить, доказывается внезапным объявлением войны Германией, *совершенно для меня неожиданным...*»¹

Кто и когда в истории объявлял войну одновременно с мобилизацией? То есть начинал войну и главный этап подготовки к ней одновременно? Такой странный поступок совершила только Германия в 1914 году.²

Надеюсь, уважаемый читатель, ты теперь понимаешь почему.

И уже можешь ОДНОЗНАЧНО ответить на вопрос:

Так кто же главный виновник и организатор Первой мировой войны?

Победители всегда невиновны...

¹ Шацлло В. Первая мировая война 1914–1918. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 89.

² Агрессор всегда готов к войне, он ведь ее начинает.

Приложение 2

Хронология разжигания Первой мировой войны

(даты по новому стилю)

28 июня 1914 года — в Сараево был застрелен эрцгерцог Фердинанд, славянофил и противник войны с Россией.

06 июля — глава английского МИДа сэр Грей дал понять немецкому послу Лихновскому, что Британия не давала России никаких гарантий безопасности на случай войны последней с Германией и что Англия не будет вмешиваться, если развитие событий не будет грозить «уничтожением Франции».

08 июля — сэр Грей сказал посланнику России Бекендорфу, что не сомневается в нападении Австро-Венгрии на Сербию и что Россия должна помочь своему союзнику Сербии.

09 июля — сэр Грей подтвердил германскому послу, что «между Великобританией, с одной стороны, и Францией и Россией — с другой, не заключено никаких секретных соглашений, которые связывали бы Великобританию в случае европейской войны» и «что Англия хочет сохранить для себя полную свободу рук».

10 июля — под видом проведения учений отдан приказ о начале мобилизации британского флота.

10 июля — германское руководство на фоне дружественных жестов англичан верит, что Великобритания сохранит нейтралитет в возможном конфликте.

20 июля — в Россию приехал президент Франции Пуанкаре, произошло согласование русских и французских военных планов.

22 июля — Грей отклонил инициативу русского царя совместно с Россией и Францией коллективно воздействовать на Австро-Венгрию и принудить ее к политическому разрешению своих претензий к Сербии.

23 июля — президент Франции Пуанкаре отбыл на родину.

23 июля — Австрия предъявляет Сербии ультиматум, срок которого истекал через 48 часов.

23 июля — (после вручения ультиматума) сэр Грей сказал послу Австро-Венгрии Менсдорфу, что война между ЧЕТЫРЬМА великими державами может нанести ущерб мировой торговле...

23 июля — руководство Австро-Венгрии после миролюбивых заявлений главы английского МИДа убеждается, что Великобритания сохранит нейтралитет. Принятие окончательного решения об объявлении войны Сербии.

24 июля — сэр Грей, якобы впервые увидев текст австрийского ультиматума, заявил обескураженному послу Менсдорфу, что это «самый страшный документ из всех когда-либо порожденных дипломатией».

24 июля — сэр Грей подчеркивает германскому послу Лихновскому, что «в случае вступления Австрии на сербскую территорию» весьма вероятно война четырех европейских держав.

25 июля — сербы дали ответ на ультиматум, отвергнув только одно из многочисленных требований Австро-Венгрии.

25 июля — Австро-Венгрия не удовлетворена ответом Сербии и разрывает с ней отношения.

25 июля — сэр Грей оставил без ответа просьбу министра иностранных дел России Сазонова «ясно и твердо» осудить политику Австро-Венгрии, стягивающей войска к границе с Сербией.

25 июля — русский посол в Англии докладывает, что, несмотря на отсутствие официальных гарантий, он не сомневается, что Великобритания не останется нейтральной.

26 июля — британский монарх Георг V говорит в частной беседе с германским принцем, что Англия в войну не вступит.

26 июля — сэр Грей предложил, чтобы Англия и Германия при участии Франции и Италии выступили в качестве посредников, чтобы примирить Сербию и Австрию. Германия этот вариант

отклонит, получив многочисленные сообщения о вероятности британского нейтралитета. Но еще до отклонения немцами сэр Грей отзывает свое предложение о посредничестве. (Готовится будущее алиби Великобритании, готовятся одежды миротворцев.)

26 июля — британский флот «без всякой связи» с нарастающим кризисом проводит пробную мобилизацию и маневры. Англичане не распускают резервистов, призванных для учений, и флот остается отмобилизованным.

28 июля — Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Общая мобилизация австро-венгерской армии.

28 июля — Петербург настойчиво требует от Англии, чтобы она, наконец, определила свою позицию.

28 июля — германский император Вильгельм вернулся из своего обычного морского путешествия в норвежских фьордах в Берлин.

28 июля — Совет министров под председательством Николая II ввиду австрийской мобилизации постановил приступить к немедленной мобилизации четырех военных округов — в общей сложности 13 армейских корпусов, предназначенных действовать против Австро-Венгрии. Это частичная мобилизация.

28 июля (вечер) — Россия сообщает Германии о проведении мобилизационных мер, из которых «ни одна не была направлена против Германии».

29 июля (утро) — обнародован указ о частичной мобилизации в России.

29 июля (утро) — сведений о переходе австрийцами сербской границы в Петербурге еще нет, зато поступают сведения о мобилизационных мероприятиях на русско-австрийской границе.

29 июля (утро) — сэр Грей встречается с германским послом Лихновским и ничего существенного ему не говорит.

29 июля — Германия требует от России прекратить военные приготовления, иначе Германии тоже придется объявить мобилизацию, а это может легко привести к войне.

29 июля (между 6 и 7 часами вечера) — Николай II дает согласие на объявление общей мобилизации.

29 июля — после получения известия о начале всеобщей мобилизации в России сэр Грей заявил немецкому послу, что британское правительство «останется в стороне, если конфликт ограничится Австрией и Россией». Если же немцы втянут в конфликт и Францию, то Англия вступит в войну.

29 июля (вечер) — в Берлине шок. Для Германии маячит перспектива страшной войны. Или — войны только с одной Россией. ***Фактически Великобритания предъявляет Германии ультиматум: если хотите избежать войны с Англией (то есть со всем миром), воюйте только с Россией.***

29 июля (вечер) — Германия, пытаясь выйти из неожиданно возникшего тупика, уговаривает австрийцев удовольствоваться занятием Белграда как залогом и оставить дело на рассмотрение международных посредников.

29 июля (9 часов 40 минут) — Николай II получает телеграмму от кайзера Вильгельма с просьбой прекратить частичную мобилизацию русской армии и дать таким образом Германии выступить посредником. В результате царь меняет свое решение: за несколько минут до отправки телеграммы поступает приказ отменить объявление всеобщей мобилизации в России. Частичная мобилизация, объявленная ранее, продолжается.

Ночь с 29 на 30 июля — Николай II вызывает по телефону военного министра Сухомлинова и спрашивает: «Нельзя ли приостановить?» (имея в виду частичную мобилизацию).

30 июля (около 12:00) — в Берлине неизвестно откуда появляется ФАЛЬШИВЫЙ отдельный выпуск германского официоза — газеты «Lokal Anzeiger», в котором сообщается о мобилизации германских армий и флота!!! Германское руководство опровергает эту информацию, информируя русского посла.

30 июля (13.10) — посол России в германии Свербеев отправляет две телеграммы с разницей в пять минут. В первой он сообщает о германской мобилизации, во второй опровергает эту информацию.

30 июля (15.10) — в Петербурге получают телеграмму посла Свербеева о том, что в Германии якобы объявлена мобилизация. Вторая телеграмма, отправленная всего через пять минут(!), с опровержением этой информации, странным образом запаздывает.

30 июля (15:10–16:00) — доклад министра иностранных дел Сазонова царю. Главный вопрос — необходимость всеобщей мобилизации из-за якобы происходящей мобилизации в Германии.

30 июля (после доклада Сазонова) — Николай II подписывает указ о всеобщей мобилизации в качестве ответной меры на фальшивую немецкую мобилизацию.

31 июля (около 14:00) — узнав о русской мобилизации, Германия вводит положение «кригсгефар» (военной опасности).

31 июля — Германия направляет запрос Франции, останется ли Франция нейтральной в случае русско-германской войны.

31 июля — ответ на немецкий запрос не дается, но французские войска отводятся на 10 километров от границы с Германией.

31 июля (полночь) — немецким послом вручается ультиматум, в котором Германия требует от России в 12-часовой срок демобилизоваться, в противном случае угрожая начать свою мобилизацию.

31 июля — 1 августа — кайзер Вильгельм и Николай обмениваются телеграммами. Глава Германии указывает «единственный путь, которым можно избежать войны (отмена мобилизации!)». Царь вместо этого дает гарантии, что мобилизация не означает войны.

31 июля (вечер) — французские военные безуспешно пытаются добиться решения объявить во Франции мобилизацию.

1 августа (8:00) — глава французской армии маршал Жоффри на заседании правительства в ультимативной форме требует мобилизации, угрожая своей отставкой.

1 августа (утро) — Николай принял германского посла и убеждал его, что русская мобилизация не означает угрозы для Германии.

1 августа — Великобритания дает гарантии безопасности Бельгии.

1 августа (11:00) — Париж отвечает на немецкий вопрос о своем нейтралитете: Франция «будет действовать исходя из своих интересов».

1 августа (около 12:00) — сразу после уклончивого ответа немцам принимается решение объявить во Франции мобилиза-

цию со 2 августа. Но публикация документа намеренно задерживается на несколько часов.

1 августа — германский посол Лихновский сообщает из Лондона в Берлин: «В том случае, если мы не нападаем на Францию, Англия останется нейтральной и гарантирует нейтралитет Франции».

1 августа (17:00) — Германия объявляет войну России. С одновременным объявлением мобилизации.

1 августа (вечер) — военное совещание у кайзера, невероятное удивление в стане руководителей германской армии причинами скоропалительного объявления войны России, совмещенного с мобилизацией. Попытки Вильгельма убедить военных вопреки всем планам перебросить армию на восток, а не на запад. Категорический отказ генерала Мольтке. Остановка 16 дивизии по телефону на границе с Люксембургом.

1 августа (вечер) — телеграмма кайзера английскому королю о том, что немецкая армия не атакует Францию, а будет применена в другом месте.

1 августа (вечер) — ответ британского монарха кайзеру о том, что он знать ничего не знает ни о каких английских гарантиях французского нейтралитета.

1 августа (2 часа ночи 2 августа) — телеграмма кайзера русскому царю с призывом начать мирные переговоры.

2 августа — обязанная объявить Германии войну по франко-русскому договору, Франция этого не делает под разными благовидными предложениями.

2 августа (вероятнее всего) — к германскому канцлеру Бетману явился некий человек и предложил провести германо-французскую конференцию по статусу Эльзаса, что предотвратило бы вступление Франции в войну. Отказ немцев дать согласие на эту авантюру.

2 августа — решение кайзера действовать в соответствии с «Планом Шлиффена» и наносить удар по Франции через Бельгию и Люксембург. Крушение английского плана разжигания только германо-русской войны, а следовательно, обретение войной мирового масштаба.

2 августа — Германия оккупирует Люксембург.

2 августа — Германия предъявляет ультиматум Бельгии с требованием пропустить войска к французской границе.

3 августа — Бельгия отвергает немецкий ультиматум.

3 августа — Великобритания требует от Германии соблюдать нейтралитет Бельгии.

3 августа — Германия объявляет войну Франции и Бельгии.

4 августа (утро) — немецкие войска вступают на территорию Бельгии.

4 августа — Англия под предлогом защиты Бельгии объявляет войну Германии.

6 августа — Австро-Венгрия объявляет войну России.

12 августа — начало боевых действия на русско-австрийском фронте.

13 августа 1914 года — начало боевых действий на русско-германском фронте. В наступление идет не объявившая войну Германия, а Россия. (Это как если бы 22 июня 1941 года Гитлер войну нам объявил, а напасть не напал, и вперед через две недели пошла бы Красная армия).

Кровавая карусель завертелась.

Библиография

Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография: В 2 т. М.: Вече, 2002.

Богданов К. А. Колчак. СПб.: Судостроение, 1993.

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.

Боханов А. Н. Романовы. Сердечные тайны. М.: АСТ, 2003.

Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. М.: Центрполиграф, 2006.

Бунин И. Окаянные дни. Л.: Азъ, 1991.

Буше Ж. Бронетанковое оружие в войне. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.

Бьеркегрэн Х. Скандинавский транзит. М.: Омега, 2004.

Бьюкенен Д. Моя миссия в России. М.: Центрполиграф, 2006.

Верховский А. И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959.

Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. М.: Соцэкгиз, 1960.

Воейков В. Н. С царем и без царя. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002.

Врангель П. Н. Записки: В 2 т. М.: Космос Менеджер, 1991.

Всемирная история. М.: Аст; Минск: Харвест, 2001.

Вырубова А. А. Фрейлина ее Величества. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

Государственное совещание 12–15 августа 1917 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1930.

Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. М.: БСТ Пресс, 2002.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1985.

Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск: Харвест, 2003.

Допрос Колчака. Л.: Гиз, 1925.

- Елисеев Ф. И.* С корниловским конным. М.: АСТ, 2003.
- Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938.
- Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Правда, 1989.
- Игнатъев П. А.* Моя миссия в Париже. М.: Гея итэрум, 1999.
- Извольский А. П.* Воспоминания. Минск: Харвест, 2003.
- Ирошников М. П.* Николай II — последний российский император. СПб.: Духовное Просвещение, 1992.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков). М.: ОГИЗ, 1946.
- История Гражданской войны в СССР. М.: ОГИЗ, 1936.
- История дипломатии, XV в. до н. э. — 1940 г. н. э.; Виртуальная книга; www.diphis.ru
- История Первой мировой войны. 1914–1918: В 2 т. М.: Наука, 1975.
- Карцев В.* Кржижановский. М.: Молодая Гвардия, 1985.
- Керенский А. Ф.* Гатчина. Париж: Издалека, 1922.
- Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. М.: Терра, 1996.
- Керсновский А. А.* История Русской армии: В 4 т. М.: Голос, 1992.
- Кожин В. В.* Черносотенцы и революция. М., 2004.
- Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Белое движение. М.: Вагриус, 2006.
- Кремлев С.* Россия и Германия: сравнить! М.: АСТ, Астрель, 2003.
- Курлов П. Г.* Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992.
- Ленин В. И.* Сочинения. М.: ГИПЛ, 1949.
- Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Минск: Харвест, 2005.
- Макдоно Д.* Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004.
- Маннергейм К. Г.* Мемуары. М.: Вагриус, 1999.
- Мельник-Боткина Т.* Воспоминания о царской семье. М.: Захаров, 2004.
- Миллюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). М.: Современник, 1990.

Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002.

Мультатули П. В. «Господь да благословит решение мое...» М.: Форум, 2007.

Назаров М. Тайна России. М.: Русская идея, 1999.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991.

Платтен Ф. Ленин из эмиграции в Россию. М., 1924.

Платонов О. Покушение на русское царство. М.: Алгоритм, 2004.

Платонов О. Жизнь за царя. СПб.: Воскресение, 1996.

Платонов О. А. Пролог цареубийства. М., 2001.

Подляшук П. Товарищ Инесса. М.: Издательство политической литературы, 1987.

Политические партии России. Прошлое и настоящее. СПб.: Изд-во СПб университета, 2005.

Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. Мюнхен, 1962.

Оранжевая книга. Сборник дипломатических документов. СПб., 1914.

Родзянко М. В. Государственная дума и февральская 1917 года революция. Берлин, 1922.

Романов А. М. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Русско-японская война: Взгляд побежденных. М.: АСТ, 2005.

Сазонов С. Д. Воспоминания. М.: Междунар. отношения, 1991.

Саттон Э. Уолл-стрит и Большевицкая революция. М.: Русская идея, 1998.

Смирнов А. Атаман Краснов. М.: АСТ, 2003.

Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1998.

Соколов Н. А. Крестный путь царской семьи. Журнал Московской Патриархии. 1996. № 6, 7.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: АСТ, 2003.

Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004.

Сталин И. Вопросы ленинизма. М.: ОГИЗ, 1939.

Строков А. А. История военного искусства. СПб.: Омега — Военный полигон, 1994.

Стронгин В. Л. Керенский. М.: АСТ — Пресс книга, 2004.

Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. М., 1991.

Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ, 2002.

Танеева (Вырубова) А. Страницы из моей жизни // Печать и революция, 1924.

Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957.

Тишков А. В. Дзержинский. М.: Молодая гвардия, 1985.

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991.

Троцкий Л. Д. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986.

Троцкий Л. Д. История русской революции: В 2 т. М.: Терра, Республика, 1997.

Троцкий Л. Д. Уроки Октября. М., 1924.

Уорт Р. Антанта и русская революция 1917–1918. М.: Центрполиграф, 2006.

Чернов В. М. Великая русская революция. М.: Центрполиграф, 2007.

Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004.

Черчилль В. Мировой кризис. М.: Государственное военное издательство, 1932.

Шацкило В. Первая мировая война 1914–1918. Факты и документы. М.: Олма-Пресс, 2003.

Шишкин О. Распутин. История преступления. М.: Эксмо-Яуза, 2004.

Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М.: Современник, 1989.

Юсупов Ф. Конец Распутина. М.: Отечество, 1990.